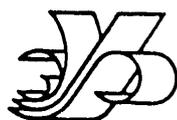

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Периодический научный журнал

№ 5 (113)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Главный редактор

д-р экон. наук, проф. *И.А. Максимцев*

Заместители главного редактора:

д-р экон. наук, проф. *Е.А. Горбашко*, д-р экон. наук, проф. *В.А. Плотников*

Члены редакционной коллегии:

д-р филол. наук, проф. *О.В. Александрова*, д-р экон. наук, проф. *И.И. Антонова*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Бабкин*, д-р экон. наук, проф. *Г.Л. Багиев*, д-р экон. наук, проф. *В.Я. Белобрагин*,
д-р экон. наук, проф. *О.С. Белокрылова*, д-р экон. наук, проф. *Ю.В. Вертакова*,
д-р философ. наук, проф. *З.Т. Голенкова*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *И.И. Елисеева*,
д-р социол. наук, проф. *Н.Л. Захаров*, д-р экон. наук, проф. *А.Е. Карлик*,
д-р экон. наук, проф. *Е.А. Мальшев*, д-р экон. наук, проф. *Д.Ю. Миропольский*,
д-р экон. наук, проф. *Л.А. Миэринь*, д-р филол. наук, проф. *Г.Г. Молчанова*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.В. Окрепилов*, д-р экон. наук, проф. *А.Н. Петров*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Полянин*, д-р социол. наук, проф. *Н.А. Пруель*,
д-р геогр. наук, проф. *В.А. Разумовский*, д-р филол. наук, проф. *И.Б. Руберт*,
д-р экон. наук, проф. *Т.А. Салимова*, д-р социол. наук, проф. *В.И. Сигов*,
д-р филол. наук, проф. *Т.П. Третьякова*, академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.И. Трухачев*,
д-р филол. наук, проф. *В.Е. Чернявская*, д-р филол. наук, проф. *В.А. Ямианова*

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

До 2013 года научный журнал «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» издавался под названием «Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов».

С 2014 года название журнала изменено в связи с реорганизацией университета-учредителя.

Преемственность выпуска и редакционной политики сохранены. Изменения коснулись лишь наименования журнала.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). РИНЦ – база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

Ответственность за достоверность приводимых статистических данных, фактов, ссылок на источники несут авторы статей. При перепечатке материалов ссылка на «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» обязательна.

Все публикуемые в журнале материалы проходят обязательное рецензирование. В публикации автору может быть отказано в случае отрицательной рецензии либо несоответствия материала профилю издания, что определяется отсутствием экспертов в предметной области статьи в составе рецензентов. В переписку с авторами отклоненных рукописей редакция не вступает, присланные материалы не возвращаются.

Подписные индексы по каталогу агентства «Роспечать» – **15395** и **37154**.

Условия подписки приведены на последней странице журнала.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-57287.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Афанасенко И.Д., Борисова В.В. Цифровая экономика и социально-этические ценности	7
Назаров Д.М. Цифровая экономика как результат информационных революций	12
Пшеничников В.В. О различиях и противоречиях в трактовках форм и видов денег в современной денежной теории	25

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дятлов С.А., Доброхотов М.А. Влияние фактора глобализации на государственное регулирование воспроизводства человеческого потенциала	31
Чан Тхи Хай Иен, Терещенко С.В. Возможности и перспективы устойчивого развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама	36
Тумарова Т.Г., Воротилин Н.О. Развитие российско-китайских торгово-экономических связей в области поставок природного газа в современных условиях	43
Бабич С.В. Роль природного газа в формировании новой конфигурации современных энергетических рынков Европы	47

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Янова С.Ю., Попова Е.М. Денежно-кредитная политика: результат или импульс развития экономики	54
Седова М.Л. Сбалансированность бюджета пенсионного фонда России и проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы	64
Никитина Т.В., Гальпер М.А., Лучко А.Д. Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (на примере практики Сбербанка)	71
Канкулова М.И., Алфименко С.С. Внутренний контроль в государственном секторе: рекомендации ИНТОСАИ и российская практика	76

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Соловейчик К.А., Плотников В.А., Аркин П.А. Развитие системы кафедр университетов, созданных на базе промышленных предприятий, как инструмент интеграции производства, науки и образования	85
Черненко В.А., Скороход А.Ю. Государственно-частное партнерство: формы общественных интересов	92
Смирнов А.А., Фирова И.П., Рукинов М.В. Организационно-экономические аспекты предупреждения и противодействия коррупции в России	100

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

Агарков С.А., Козьменко С.Ю., Матвишин Д.А. Экономическое освоение арктических месторождений угля: особенности морской транспортировки	105
Щеголькова А.А., Ульченко М.В. Воспроизводство запасов природного газа в российской Арктике: экономический аспект	113
Кудрявцев Н.С., Трабская Ю.Г., Хорева Л.В. Туристские зоны как новый элемент развития и продвижения дестинации на национальный и мировой рынки услуг	122

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Алексеев А.А., Хлебников К.В. Факторы экономической эффективности инновационного предпринимательства в обрабатывающей промышленности	128
Сигов В.И., Третьяков О.В. Анализ корпоративных социальных инвестиций в контексте организационно-управленческих затрат предприятия	137

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Гузева В.И., Гузева О.В., Гузева В.В., Касумов В.Р. Результаты исследования влияния качества жизни студентов Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета на успеваемость	143
Колесниченко Е.А., Беспалов М.В., Радюкова Я.Ю. Совершенствование мотивационного механизма на российских предприятиях	149

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Дрига С.С. Песенный дискурс комсомольской эпохи	155
--	-----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Блажко А.А. Оценка трудового потенциала	160
Иванова А.Ю. Современные концепции финансового рынка: обзор литературы	163
Кузьмина Л.В., Хоанг В.Х. История возникновения и развитие мирового рынка гражданской авиации	167
Осина Д.О. Влияние налогообложения на инвестиционную активность предприятий нефтегазовой отрасли	171
Сапожникас И.Д. Механизмы и инструменты государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге	175
Смирнова О.С. Оценка инвестиционной привлекательности электроэнергетического рынка Вьетнама	183
Фокин М.А. Институциональные основы функционирования и развития хозяйственной системы	188
Хаит Д.Д. Разработка комплекса мероприятий по регулированию риска в грузоперевозках	192

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF ECONOMY

Afanasenko I.D., Borisova V.V. Digital economy and socio-ethical values	7
Nazarov D.M. Digital economy as a result of information revolutions	12
Pshenichnikov V.V. The differences and contradictions in the interpretation of the forms and types of money in modern monetary theory	25

GLOBALIZATION PROCESSES

Dyatlov S.A., Dobrokhotov M.A. Influence of globalization on state regulation of human resources.....	31
Tran Thi Hai Yen, Tereshchenko S.V. Opportunities and prospects of sustainable development of wood processing industry in Vietnam	36
Tumarova T.G., Vorotilin N.O. Development of Sino-Russian trade and economic relations in terms of Russian natural gas export to China.....	43
Babich S.V. The role of natural gas in the formation of a new configuration of modern energy markets in Europe	47

FINANCIAL SECTOR OF ECONOMY

Yanova S.Yu., Popova E.M. Monetary policy: result or momentum economic development.....	54
Sedova M.L. Balancing of the Russian pension fund's budget and the problems of the pension system's sustainability	64
Nikitina T.V., Galper M.A., Luchko A.D. Digitalization in retail banking business on the example of Sberbank practice.....	71
Kankulova M.I., Alfimenko S.S. Internal control in public administration sector: INTOSAI recommendations and Russian Federation practice	76

STATE REGULATION OF ECONOMY

Soloveichik K.A., Plotnikov V.A., Arkin P.A. Development of chairs of universities created on the basis of industrial enterprises, as a tool of integration of production, science and education	85
Chernenko V.A., Skorokhod A.Yu. Public-private partnership: forms of public interest	92
Smirnov A.A., Firova I.P., Rukinov M.V. Organizational and economic aspects of preventing and combating corruption in Russia	100

ECONOMY OF ENTERPRISES, REGIONS AND BRANCHES

Agarkov S.A., Kozmenko S.Yu., Matviishin D.A. Economic development of arctic coal deposits: features of maritime transportation	105
---	-----

Shchegol'kova A.A., Ul'chenko M.V. Reproduction of natural gas reserves in the Russian Arctic: economic aspect	113
Kudryavtsev N.S., Trabskaya J.G., Khoreva L.V. Tourist bubble as a new element for development and promotion of destination to the national and world service markets	121

MANAGEMENT

Alekseev A.A., Khlebnikov K.V. Factors of economic efficiency of innovative entrepreneurship in the manufacturing industry	128
Sigov V.I., Tretyakov O.V. Analysis of corporate social investments in the context of organizational and managerial costs of the enterprise.....	137

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MANAGEMENT AND ECONOMY

Guzeva V.I., Guzeva O.V., Guzeva V.V., Kasumov V.R. Results of research of the influence of the quality of life of St. Petersburg state pediatric medical university students on accessibility.....	143
Kolesnichenko E.A., Bespalov M.V., Radyukova Y.Yu. Perfection of the motivational mechanism in the Russian trade networks	149

PROBLEMS OF LINGUISTICS AND COMMUNICATIONS THEORY

Driga S.S. Song discourse of Komsomol Epoch	155
--	-----

YOUNG RESEARCHERS' WORKS

Blazhko A.A. Assessment of labour potential	160
Ivanova A.Y. The modern concept of financial market: review of the literature	163
Kuzmina L.V., Hoang V.Kh. History of initiatives and development of the world market of civil aviation.....	167
Osina D.O. Affect taxation on investment climate in oil-and-gas sphere	171
Sapozhnikas I.D. Mechanisms and tools of state support of small and medium business in St.-Petersburg	175
Smirnova O.S. Assessment of the investment potential of Vietnamese electricity market.....	183
Fokin M.A. The institutional framework for the functioning and development of economic system.....	188
Chait D.D. Development of the complex of actions for regulation of risk in the cargo transportation.....	192

Афанасенко И.Д., Борисова В.В.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

***Аннотация.** Цифровые преобразования открывают дополнительные возможности влияния на социально-этические стереотипы поведения человека. Виртуальная реальность предстала в чувственно-воспринимаемом виде. В статье рассмотрено как цифровые технологии трансформируют отношения между людьми и их трудовой деятельностью.*

***Ключевые слова.** Цифровая экономика, нравственные ценности, гуманитарное знание, цифровой формат жизни.*

Afanasenko I.D., Borisova V.V.

DIGITAL ECONOMY AND SOCIO-ETHICAL VALUES

***Abstract.** Digital conversions provide additional opportunities to influence on socio-ethical human attitudes. Virtual reality appeared in sensual-understands the form. The article describes how digital technologies are transforming the relationship between people and their work.*

***Keywords.** Digital economy, moral values, humanitarian knowledge, digital life.*

По замыслу правительства РФ, внедрение цифровой экономики преследует революционные изменения буквально во всех сферах жизни: создание качественно новых моделей бизнеса, торговли, логистики, производства; изменение формата образования, здравоохранения, государственного управления, коммуникаций между людьми; эта новая концепция должна задать новую парадигму развития государства, экономики и всего общества. Об этом заявил Президент РФ В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме 2 июня 2017 года.

Исследователи отмечают, что столь грандиозный замысел пока не имеет достаточного научного обоснования [1]. Трактовка цифровой экономики как экономики «больших данных» может быть и достаточна для математических и эконометрических моделей, но такие модели к экономике могут не иметь никакого отношения. Они лишь увеличат (и это уже происходит) затраты на сбор ненужной информации. По мнению авторов, любые информационные технологии, в том числе цифровые, – всего лишь технический инструмент реализации конкретных задач. Цифровая (электронная) экономика – не набор технологий, а совокупность новых общественных отношений, которые возникают при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг.

ГРНТИ 06.03.07

© Афанасенко И.Д., Борисова В.В., 2018

Иван Дмитриевич Афанасенко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Вера Викторовна Борисова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры логистики и управления цепями поставок Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Борисова В.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: verabrv@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 04.03.2018.

Намечена цифровая трансформация не только экономики, она предполагает существенные преобразования всего российского общества: изменение модели управления (переход от программно-целевой к программно-прогностической); смену экономического уклада; преобразование традиционных рынков и социальных отношений. Предстоит переход от механизма лидирующего развития к институтам, основанным на цифровых моделях. Столь существенные изменения жизни российского общества осуществляются в ситуации, когда социокультурный кризис перешёл в системный кризис. Этот системный кризис вызван глубинными изменениями в организованности общества.

Российский социум создал общественное устройство, в котором рынок является элементом общей социально-экономической системы. Под видом реформы России навязывают американскую модель, в которой общество сведено до положения элемента в рыночной системе. В российской модели на переднем плане традиционно находится человек, и систему подстраивают под человека. В американской же модели на переднем плане система; человек должен подстроиться под систему. Люди, которые не смогли адаптироваться к рыночной модели, обречены на вымирание. В американской модели рынка главное – получение прибыли. Ещё на начальной стадии зарождения буржуа, под прикрытием пуританской этики был снят нравственный запрет на обогащение любыми способами. Американцы «усовершенствовали» эту модель: нравственные ценности – честь, достоинство, совесть, порядочность получили денежную оценку.

В Русском мире нравственный запрет на обогащение незаконными способами сохранился. Здесь сложился тип рационального хозяйствования без ставки на стяжательство и наживу. Цифровая модернизация накладывается на разное по своей сущности нравственное пространство и не может иметь однозначное воплощение. Процесс цифровой трансформации крайне противоречив. Противоречива сама постановка проблемы. Акцент сделан на положительное. Действительно, цифровые инновации – важный инструмент экономического развития страны. Однако последствия смены формата жизни несут не только положительный заряд. И это отмечено в программе Правительства РФ «Цифровая экономика России» от 28 июля 2017 года.

Так, инвестиции в цифровые технологии способствуют массовому сокращению рабочих мест, отмиранию многих традиционных профессий, росту безработицы, замораживанию заработной платы и усилению неравенства в доходах. Нарушение принципа справедливости ещё более обострит социальную обстановку в стране. В Русском культурно-историческом мире всё меряется справедливостью. Спокойствие страны, без чего невозможна консолидация в обществе, также в справедливости. В народном сознании мерой эффективности власти является наличие социальной справедливости. Проблема консолидации общества осложняется и тем, что в области общественной связи и массовых коммуникаций цифровые технологии формируют социальные микроструктуры, которые, как правило, не учитывают общепринятые социальные ценности.

Большую тревогу вызывает идея тотального сбора персональных данных, в том числе биометрических. Информация о каждом человеке, включая частную жизнь, будет общедоступна. Причём, реальный человек станет интересовать новый мировой порядок всё меньше. А значение его двойника – «цифрового аватара» резко повысится. В программе Правительства РФ предусмотрено создание среды цифровой платформы государственного управления по минимизации человеческого фактора. Что скрывается за этой формулировкой?

Термин «цифровая платформа» имеет несколько смысловых значений: модель деятельности заинтересованных лиц на общей платформе; площадка, поддерживающая комплекс автоматизированных процессов; информационная система лидирующих решений. Вероятно, разработчики программы имели в виду первое смысловое значение термина «цифровая платформа». Но деятельность заинтересованных лиц возможна лишь при наличии общих интересов. Очевидно, что в аналитическом инструментарии, используемом при переходе к новому обществу, должны быть учтены социально-этические аспекты цифровой экономики.

Вытеснению рабочих профессий станет способствовать массовая роботизация. Роботам доверят уход за больными, сбор урожая зерновых и некоторых других культур. Они помогут автоматизировать бизнес-процессы, станут незаменимыми в сфере обслуживания. Но роботы не могут заменить человека-творца, генератора новых идей. Наибольшую опасность таит попытка «усовершенствовать» человека, подвести его под цифровой формат, преодолеть биологические ограничения человеческого

потенциала, получить контроль над его эмоциями, в том числе «через воздействия на эмоциональные зоны мозга, что приводит к развитию поведенческих изменений и к запуску целого ряда эндокринных перестроек» [2].

Ощущения и эмоции вызывают и вещества, которые синтезируются в организме человека под воздействием внешних раздражителей – грубого или, наоборот, ласкового слова, успеха или неудачи, приятной музыки или раздражающего шума. Они не чужды организму. Научно установлено, что за хорошее настроение отвечают белковые молекулы нейропептиды. Выброс в кровь гормонов счастья происходит и под воздействием стресса. Эмоции как средство влияния на поведение человека с давних времён используются в различных религиях.

Цифровые преобразования открывают дополнительные возможности влияния на социально-этические стереотипы поведения человека. Носимые электронные устройства, подключённые к Интернету, уже способны передавать контекстно-зависимую информацию, соотносящуюся с эмоциями человека. Сенсоры и компьютеры, встроенные в контактные линзы, и постоянные имплантанты делают доступным ночное видение, улучшают слух, позволяют погрузиться в дополнительные реальности (дополнительные реальности – сведения об окружении и улучшенное восприятие информации, получаемые в результате использования сенсорных данных, например, очки для трёхмерного восприятия). Ноотропные препараты расширяют умственно-познавательные способности человека.

Изменится традиционный способ получения информации, который предусматривает последовательность: сбор информации, загрузка её в электронные устройства и анализ обработанных данных. По новой схеме данные из источника, минуя человека, сразу поступают в электронное устройство; компьютер самостоятельно анализирует их и в виде готовых выводов передаёт человеку. Таким образом, от человека к машине переходит не только сбор информации, но и её анализ и выводы. Последствия такого разворота непредсказуемы. Технология работает сама по себе. Образуется независимое от человека информационное поле электронных устройств. Электронные устройства, используя силу Интернета, самообучаются, становятся совершеннее и умнее. Под их воздействием развивается и сам Интернет.

И ещё одно важное наблюдение: Интернет из инструмента коммуникации превращается в полноценный элемент рыночной системы. В цепочке зависимых связей первостепенную роль начинает играть программа, выработанная электронными устройствами. А вот человеческий мозг, связанный с компьютером, по выводам науки о мозге, напротив, слабеет.

Итак, цифровые технологии трансформируют отношения между людьми и их трудовой деятельностью. Остаётся уяснить главное. Происходит нечто невероятное. Виртуальная реальность предстала в чувственно-воспринимаемом виде:

- 1) виртуальный мир, созданный техническими средствами и разумом человека, воспринимается через ощущения, привычные для восприятия материального мира, – зрение, слух, обоняние и др.;
- 2) объекты виртуальной реальности ведут себя аналогично объектам материальной реальности;
- 3) пользователь имеет возможность воздействовать на объекты виртуальной реальности в режиме реального времени.

Открытыми остаются вопросы социальной адаптации населения страны к вызовам цифровой экономики, а они касаются не только отношений человека и его работы, но и способа получения информации. Новые вызовы затрагивают систему воспроизводства и экологию.

Так, аддитивные технологии плохо контролируются, они несут риски использования проектных файлов труднопредсказуемыми способами. Внедрение синтетических технологий в сельское хозяйство активизирует инвазивные синтетические организмы, которые способны разрушить природные экосистемы. Инвазивными могут стать животные, растения, микроорганизмы. Они способны изменить экосистемы на огромных территориях. Например, проникновение гребневика в Азовское и Чёрное моря (занесён морскими судами вместе с балластными водами) наносит экономический ущерб, исчисляемый сотнями миллионов долларов. Он пожирает зоопланктон и икру местных рыб. Легко переносит перепады солёности и температуры воды. Другой пример – захват борщевиком огромных территорий в разных регионах страны. При эпидемиях свиного и птичьего гриппа уничтожают миллионы голов скота и птицы.

Негативные результаты возникают здесь из-за несоответствия природных процессов и ускоренного развития инородных сред под воздействием человеческой деятельности. В таких условиях инвазивные

организмы способны вызывать экологические катастрофы. Попытки изменить сущность человека через генную инженерию или чипизацию таят большую опасность. Человек не рождается личностью. Личность – это идеал совершенства, к которому человек стремится. Нельзя допустить, чтобы из понятия «личность» было убрано всё человеческое. Такая опасность сегодня, по мнению авторов, существует.

Культурные традиции – наиболее устойчивые, повторяющиеся взаимоотношения между людьми, порождаемые социальной необходимостью. Согласно культурным принципам организуются все социальные и экономические процессы. Исторически сложившиеся нормативные формы – самые устойчивые. Они закреплены и в формах мышления, и в социальной практике данного народа. Новое поколение получает от предшественников знания и опыт, прошедшие проверку общественной практикой. Нынешней молодёжи навязывают образцы культуры, ценность которых определяется не тем, сколько таланта вложено в их создание, а тем, насколько хорошо они продаются на рынке.

Культура – это созданная человеком символическая реальность. Она исходит от человека естественного и не приспособлена к человеку с изменёнными генетическими свойствами. Изменение природы человека повлечёт за собой комплекс других изменений. В опасности окажется не только человек, но и созданная им культура. Нельзя забывать, что генетический базис человека – основа культуры. Если его изменить, изменится и культура. При этом гены социальных институтов способны передаваться будущему.

Когда происходит смена материальных и духовных эпох (а мы живём в такое время), требуются новые идеи. Смысл ценностей осознаёт философия. Она их отбирает как базисные и вырабатывает идеи для будущего. По мнению самих вдохновителей цифровых преобразований, роль философии резко возрастает не только в системе образования. Так, миллиардер Марк Кьюбан считает, что роботы в будущем отберут рабочие места у многих людей. «Алгоритмы лучше человека будут обрабатывать и анализировать данные. Рынок труда и природа живого труда меняются уже сейчас. Особо сильному подрыву подвержена сфера финансов. А вот философы и филологи, напротив, имеют все шансы добиться успехов. Спрос на специалистов по гуманитарным наукам будет больше, чем спрос на программистов или даже инженеров. В будущем понадобятся люди с особым взглядом на вещи, которые смогут дать критическую оценку данных, собранных алгоритмами. Этими навыками обладают филологи и философы» [3].

Президент Ирландии Майкл Хиггинс также полагает, что в мире цифровых технологий именно гуманитарная наука позволит формулировать идеи и выносить взвешенные суждения, то есть выполнять задачи, которые не даются алгоритмам. В Ирландии философию преподают школьникам старших классов и собираются ввести курс для школьников младших классов. Ставку на гуманитарное знание делает и Макс Шваб – президент Всемирного экономического форума.

Цифровая эпоха не прошла философского осмысления. Это одно из обстоятельств, которые препятствуют выработке общего понимания сущности цифровой экономики. Эволюция черпает силы в знаниях. Сначала знания, потом поступки. В данном случае практика оцифровывания опережает процесс выработки научных знаний об этом явлении.

Каким базисным нравственно-этическим ценностям грозит сплошная цифровизация? Следует учитывать, что каждый культурно-исторический мир, то есть суперэтническая целостность, принявшая форму цивилизации, имеет свою систему нравственных ценностей, которые сообщество охраняет наряду с общечеловеческими ценностями [4]. Наблюдается новый социально-этический процесс. Происходит смещение центра противоречий в сторону нравственности. Это наглядно проявляется, например, в политике США: «русские мыслят иначе, у них свои ценности, своё понимание мирового порядка. Россия нам враг».

Цифровизация вклинивается в правовое пространство общества. Но сама она нравственного осознания ещё не имеет. Число может выразить многое, но оно не способно отличить хорошее от плохого. Как увязать цифровой формат жизни с нравственными ценностями? В этом суть проблемы. Правовое пространство образуют два правовых поля – нравственное поле и юридическое поле. Нравственные нормы и законы, вопреки мнению западных идеологов, не сводятся к личности. Они являются законами человеческого общежития, охраняют и личность и этническое сообщество в процессе их взаимосвязи и взаимообусловленного развития. Интересы личности не должны противостоять интересам общества, тем более разрушать общественное единство.

Способность человека к самоконтролю и моральной оценке собственных действий на основе понимания ответственности за совершаемые поступки выражается в форме осознания нравственного значения своих действий. В нравственном поле правового пространства общества образуется нравственное право, которое через традиции и обычаи соблюдается всеми членами сообщества. Юридическое право лишено преемственности и такой гласности.

Выделим главное, имеющее принципиальное значение. На нравственном поле действуют нравственные нормы и законы. Юридические законы полновластны только на юридическом поле. Более того, юридический закон становится действующим, когда он основывается на нравственной почве. На практике нравственные нормы стараются не замечать. Их пытаются заменить юридическими законами. Этим можно объяснить бездействие многих юридических актов.

Поскольку каждый культурно-исторический мир имеет свою систему нравственных ценностей, то и сущность цифрового формата жизни понимается по-разному. Каждая страна по-своему корректирует задачи цифровой экономики. Цифровая стратегия России нацелена на создание необходимых условий институционального и инфраструктурного характера, способствующих взаимодействию бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан. В новой экосистеме данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н.* Стратегия цифровой экономики // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63.
2. *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. СПб. Изд-во «Нотабене», 1999.
3. Через 10 лет спрос на гуманитариев резко возрастёт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hightech.fm/2017/02/20/liberal_arts (дата обращения 11.02.2018).
4. *Афанасенко И.Д.* Россия в потоке времени. История предпринимательства. СПб.: Изд-во «Третье тысячелетие», 2003.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. В статье приведен авторский взгляд на процесс возникновения цифровой экономики в контексте преобладающих экономических теорий, на основе анализа процессов информационных революций. Информационные революции рассматриваются как точки бифуркации с использованием понятий кумулятивной и трансформационной стадий развития общества. Автор попытался построить генезис развития экономических знаний на основе работ нобелевских лауреатов в области экономики, которые способствовали появлению цифровой экономики.

Ключевые слова. Информационная экономика, цифровая экономика, коллаборативная экономика, юнит-экономика, информация, знание, нобелевские лауреаты, имплицитные факторы, имплицитность.

Nazarov D.M.

DIGITAL ECONOMY AS A RESULT OF INFORMATION REVOLUTIONS

Abstract. The article presents the author's view on the emergence of the digital economy in the context of the prevailing economic theories, based on an analysis of the processes of information revolution. Information revolutions are considered as points of bifurcation using the concepts of cumulative and transformational stages of development of society. The author tried to build the genesis of the development of economic knowledge based on the work of the Nobel laureates in the field of economics, which contributed to the emergence of the digital economy.

Keywords. Information economy, digital economy, collaborative economy, unit economy, information, knowledge, Nobel laureates, implicit factors, implicitness.

Введение

Рассматривая генезис мировой цивилизации поэтапно, можно утверждать, что начало XXI века является своеобразной границей между завершающимся жизненным циклом индустриальной эпохи развития общества и начинающимся циклом ее постиндустриальной эпохи. Ключевой концепцией нового этапа развития цивилизации является «экономика знаний», базирующаяся на таких трендах, как научно-технический прогресс, глобализация потоков инвестиций и информации, инновации, интеллектуальный капитал, развитие сетевых структур и коммуникаций.

Впервые об «экономике знаний», основанной на интеллектуальной деятельности, инструментальным стержнем которой являются данные, информация и информационные технологии, как о новом хозяйственном укладе, породившем тектонические сдвиги в мировой и национальных экономиках, заговорили в 60-е годы прошлого века. Современная эпоха – это логическое продолжение развития концепции «экономики знаний», которая обретает форму нового экономического феномена – «цифровой экономики», основой которого является цифровая трансформация общества, достигаемая за счет

ГРНТИ 06.03.07

© Назаров Д.М., 2018

Дмитрий Михайлович Назаров – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бизнес-информатики Уральского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62 (Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 62). E-mail: slup2005@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 15.09.2018.

внедрения во все сферы хозяйственной деятельности цифровых технологий. В условиях цифровой экономики ключевой характеристикой хозяйственного уклада становится информация, как ресурс практически любой экономической деятельности, наряду с энергетическими, финансовыми и др., включающим в себя полную совокупность сведений, формируемых в бизнес-процессах субъектов хозяйствования и жизнедеятельности в целом.

Рассматривая специфику этого ресурса, необходимо отметить, что, во-первых, информация является практически единственным видом «вечного», в смысле не истощаемого ресурса, во-вторых, она – суть продукт интеллектуальной деятельности наиболее квалифицированной и творчески активной части субъектов хозяйствования, в-третьих, обладая уникальным свойством накопления, она способствует наиболее рациональному и эффективному использованию всех остальных ресурсов, в-четвертых, переработка этого ресурса не только его не уменьшает, но и порождает новые формы его использования и представления.

Таким образом, информация становится интегральным экономическим ресурсом, воздействующим комплексно на общество в целом и на деятельность любого экономического агента, в частности. При этом теоретическое обоснование вклада информации, как особого вида ресурса, в экономическую науку, которая постоянно порождает новые теоретические подходы и смену хозяйственных укладов, требует дополнительного исследования.

Генезис развития экономической мысли в контексте открытий нобелевских лауреатов

В этой статье предлагается применить для такого исследования теорию катастроф, ключевым понятием которой в развитии системной методологии стали точки бифуркации. Применяя именно эту теорию попытаемся синхронизировать процессы развития экономической мысли и информационных революций, чтобы глубже изучить влияние феномена информации, как ресурса, на экономическую теорию и практику с позиции системного и процессного подходов [19].

С позиции теории катастроф точки бифуркации – это точки, в которых исследуемая система становится неустойчивой и трансформируется в результате малейшей флуктуации, приобретая новую структуру, или уничтожается вообще, а бифуркационный период – это время прохождения системой точек бифуркации. Бифуркационный период подразделяют на две взаимосвязанные стадии: кумулятивную (накопление системой «истории») и трансформационную (непосредственное преобразование системы). С учетом этого, представим развитие мировой цивилизации с точки зрения информационных революций (табл. 1).

Даже поверхностный анализ таблицы 1 приводит нас к заключению о том, что последовательность информационных революций обладает свойством временной неравномерности, а ключевой характеристикой бифуркационных периодов является интенсивность информационного обмена. Связь между временными характеристиками развития цивилизации и скоростью информационного обмена фактически каузальная. Действительно, легко видеть, что при низкой скорости информационного обмена последовательная смена бифуркационных периодов информационных революций занимает несколько тысячелетий (первая и вторая информационная революция), переход к третьей информационной революции занимает столетия, а к четвертой – десятилетия.

Это означает только одно: изменение скорости обмена информацией позволяло на порядок изменить время развития общества, то есть увеличить скорость развития человеческой цивилизации в 10 раз в каждом бифуркационном периоде. Обратим внимание на то, что с момента начала эры «бумажной информатики», технологические инновации в области обработки и тиражирования информации позволили сделать информационный продукт доступным широким массам потребителей, поскольку на него резко упали цены. Возможность многократного тиражирования информации привела к тому, что процесс информационного обмена стал более эффективным, резко повысилась его интенсивность, увеличились темпы социально-экономического развития, что привело к трансформации социально-экономического развития – качественно изменились все институты общества, включая не только экономику, но и системы науки и образования.

Появление ЭВМ привело к зарождению эры «безбумажной информатики», которая является принципиально новой как по своему содержанию, так и по тем последствиям, которые она вызывает практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Информационное, или постиндустриальное общество – это и есть продукт четвертой информационной революции и предмет изучения в рамках

трансформационной стадии бифуркационного периода пятой информационной революции, который с точки зрения философии обозначает наиболее высокую ступень развития общества, главной и определяющей ценностью которого является не только материальное благо, но и информационные и электронные ресурсы.

Начало XXI века стало переломным моментом, который явился катализатором появления цифровых технологий, а вместе с ними и цифрового общества, под которым мы понимаем общество, информационный обмен в котором имеет гипервысокую интенсивность и происходит в различных цифровых форматах, а также подавляющее количество услуг оказывается в электронной (цифровой) форме, при этом обеспечивается достаточный уровень информационной безопасности социума.

Таблица 1

Информационные революции в развитии мировой цивилизации

Информационная революция	Бифуркационный период	
	Кумулятивная стадия	Трансформационная стадия
Первая информационная революция (изобретение письменности) – 5-6 тыс. лет до н.э.	Устная фаза информационного обмена, очень низкая степень, накопления, обмена, интенсивности преобразования информации	Письменная стадия информационного обмена, очень низкая степень распространения информации, поиск оптимальных форм и методов хранения информации
Вторая информационная революция (1300 г. до н.э.)	Изобретение рукописной книги в Китае, низкая степень накопления, обмена, интенсивности преобразования и распространения информации	Более совершенная письменная стадия информационного обмена (зарождение процесса тиражирования информации), появление новых форм и методов хранения информации, зарождение формализованной технологии распространения информации (артели писцов), появляется понятие ценности информации, цена единицы информации очень высокая
Третья информационная революция (печатный пресс, И. Гуттенберг, середина XV века)	Изобретение Гуттенбергом печатного прессы и наборного шрифта между 1450 и 1455 годами, качественно и количественно увеличивается интенсивность информационного обмена, высокая скорость распространения информации	«Книжная» стадия информационного обмена, эра «бумажной информатики», новые технологии тиражирования информации, повышение доступности информации для широких масс, качественное развитие системы распространения информации и знаний (система журналов, периодических изданий, почта, телефон, телеграф)
Четвертая информационная революция (середина XX века)	Изобретение ЭВМ, появление информационных технологий, очень высокая скорость распространения и обмена информацией	Компьютерная стадия информационного обмена, эра «безбумажной информатики», резкое изменение технологий тиражирования, хранения и обмена информацией, появление компьютерных технологий и электронных ресурсов
Пятая информационная революция (начало XXI века)	Изобретение компьютерных сетей, появление интернета и глобальных вычислительных сетей, гипервысокая скорость распространения и обмена информацией	Электронная стадия информационного обмена, эра сетевой «безбумажной информатики», резкое изменение технологий тиражирования, хранения и обмена информацией, появление компьютерных технологий обработки больших данных, мобильного интернета, программ интеллектуальной обработки данных и принципиальное увеличение количества видов электронных ресурсов. Появление цифровых ресурсов и технологий

Предметом истории экономической мысли является процесс изучения возникновения, развития и смены экономических воззрений в широком охвате взглядов, доктрин, концепций, с фиксацией хронологически появляющихся источников и их авторов в ходе эволюции человеческого общества. В экономической науке накоплен достаточный потенциал для проведения качественного анализа кон-

цептуальных положений экономической теории с различных точек зрения [27]. Поэтому в нашем исследовании мы кратко остановимся на этапах развития экономики, бифуркационными периодами которых также можно считать соответствующие периоды информационных революций.

Типичные представители этого направления А. Смит [23], Д. Рикардо [22], Дж. Милль, Л. Вальрас, предложили модель экономического поведения исходя из предположений, что хозяйствующему субъекту доподлинно известно, какими производственными факторами он располагает (полная информированность экономического субъекта в собственных делах [27]), его поведение является результатом рационального выбора из множества известных ему ресурсов.

В реальной ситуации предложенная модель может быть адаптирована только для очень ограниченного числа случаев, поскольку в любой экономической системе, помимо трех основных факторов производства – труда, земли и капитала, присутствуют и другие неосязаемые и нематериальные. Впервые это было подмечено неоклассиками, которые абсолютно верно сформулировали постулат монополии – обладание новой информацией становится одним из главных условий поддержания монополии, поскольку порождает неравномерность распределения информации и служит барьером для «легкого» вхождения на рынок.

В частности, А. Маршал пишет: «... иногда представляется целесообразным выделить «организацию» в особый фактор производства» [18]. Ассоциация «организации» у него идет с понятием «информации и знания».

Более поздний последователь неоклассики Ф. Хайек пишет: «Если мы обладаем всей относящейся к делу информацией, если мы можем исходить из заданной системы предпочтений и если мы располагаем полными знаниями об имеющихся средствах, то проблема (определения рационального «экономического порядка», т.е. объемов производства, удовлетворяющих многообразие потребностей наилучшим способом) сводится к логической задаче». То есть он явно указывает на информацию не как на условие процесса, а как такой же экономический ресурс, как труд, земля и капитал [6].

Развитие взглядов в рамках экономической теории, появление новых концепций, направлений научной мысли привели к тому, что предложенная классиками модель сначала подверглась значительным изменениям, а затем полностью была разрушена. Этому способствовали работы К. Шеннона, который на основе вероятностно-статистических методов разработал количественный подход к определению информации, и работы его последователей, предложившие качественный подход к определению этой категории. В качестве основных характеристик здесь выступали: смысл, ценность, полезность, и т.д., что позволило развить аксиологический, семантический и алгоритмический подходы.

Если говорить в целом, то дальнейшие взгляды ученых-экономистов были направлены на выявление сущности информации в рамках различных условий, которые приводили к асимметричности механизмов рыночного равновесия в силу разных причин.

Первые шаги в этом направлении были сделаны исследователями рыночного феномена «информационная функция цены», которые показали, что идеальная модель рынка, основанная на предположении информационной полноты экономической системы, мгновенного, беззатратного и симметричного распространения информации, нежизнеспособна, поскольку не учитывает асимметрию распределения информации о товаре.

Исследования нобелевских лауреатов убедительно показали, что концепции классической и неоклассической экономической теории во многом претерпевают изменения с течением времени, изменения скорости информационного обмена и влияния информационных ресурсов на экономические процессы.

Первая нобелевская премия по экономике в 1969 году была вручена Я. Тинбергену и Р. Фришу за исследование причин экономических флуктуаций на различных рынках, связанных с инвестиционным кризисом, с помощью эконометрического анализа данных. В 40-х годах прошлого века впервые, используя статистический аппарат множественной регрессии для анализа накопленных экономических данных, были выявлены факторы, влияющие на флуктуации рынков и получены первые эконометрические модели, позволившие преобразовать эти данные в полезную информацию и знания.

В середине 50-х годов XX века серьезно подверглась трансформации теория общего равновесия. К. Эрроу с позиции обобщенной топологии доказал существование конкурентного равновесия в абстрактной мультирыночной модели экономики, а также показал, что такое равновесие может быть Парето-эффективным в условиях использования рыночных механизмов. Модель позволила получить

важнейшую информацию для реализации рационального поведения в национальных экономиках: государство не должно вмешиваться в функционирование рыночного механизма напрямую через контроль рыночных цен, они могут делать это, если необходимо, опосредованно, используя налоговую систему и трансферты.

В 1993 год Д. Норт и Р. Фогель получают нобелевскую премию за два взаимосвязанных открытия: первый за переосмысления понятия институтов в экономической истории (выделил формальные и неформальные институты, 1968-1970 годы), второй за радикальное обновление методов обработки данных историко-экономических исследований, основанных на новейших методах анализа данных. Норт критикует неоклассическую теорию за неспособность интерпретировать различия в экономическом росте различных национальных экономик, поскольку неоклассики не учитывают особенности использования рыночных механизмов в различные периоды времени, а также развитие технологий, в том числе и информационных, и институциональное развитие общества (правила игры между экономическими агентами). В своей теории Дуглас Норт сохраняет исходное положение неоклассической теории об ограниченности ресурсов, конкуренции, аналитические инструменты микроэкономической теории, но кардинально меняет предпосылку рационализма, связывая ее с фактором времени.

Главной заслугой Р. Фогеля [3], которого считают одним из основателей «клиометрии», является принципиальное обновление методов исследования и оценки фактов экономической истории на базе методов математической экономики и экономического анализа. В результате анализа он впервые обратил внимание на то, что небольшие нововведения в промышленности в большей степени способствуют её эволюции, чем крупные технологические открытия. Таким образом, было установлено, что ретроспективный анализ экономических данных может позволить получить новую полезную информацию, способную улучшить, с точки зрения рациональности, поведение различных агентов рынка и государства, а также экономические и институциональные изменения на различных уровнях.

Анализируя поведение рыночных агентов в экономике, Джон Нэш (лауреат нобелевской премии 1994 года) отметил, что в условиях жесткой конкуренции результаты хозяйственной деятельности приводят к одному и тому же итогу: всегда есть победитель и проигравший. Одним из важнейших принципов реализации такого поведения смело можно назвать правило А. Смита о «невидимой руке рынка», отвечающей за координацию экономических механизмов. Смысл этого правила заключается в том, что если каждый агент будет стремиться к своей корысти (прибыли), то «невидимая рука» приведет к всеобщему благосостоянию – достаточно устойчивому и рациональному поведению на разных рынках.

Это правило рационального поведения экономических агентов вплоть до середины XX века рассматривалось как своеобразная аксиома экономики и практически ни разу не подвергалось сомнению. Дж. Нэш разработал теоретико-игровые методы анализа и показал, что классический подход А. Смита к экономическому развитию в условиях конкурентной борьбы, при которой «каждый сам за себя», неоптимален. Более эффективными рыночными стратегиями являются ситуации, в которых агенты рынка, стремясь к оптимальному поведению, учитывают рациональное поведение своих конкурентов (они также стремятся к оптимальности действий).

То есть Дж. Нэш сумел определить, какую стратегию должен применять разумный агент рынка в конфликте с разумным конкурентом (или конкурентами), чтобы обеспечить себе в среднем максимально возможный выигрыш, смоделировав ситуацию, в которой обе стороны используют идеальные стратегии конкурентной борьбы, что и приводит к созданию устойчивого равновесия. Такое равновесие было названо равновесием Нэша (NE): игрокам (агентам) выгодно сохранять это равновесие, так как любое изменение только ухудшит их положение на рынке.

Джон Нэш, по сути, совершил переворот в представлении об отношениях участников экономической деятельности и предложил стратегии решения конфликтных ситуаций на конкурентном рынке путём сотрудничества. Рынок получил новую информацию и знания для решения конфликтов и поиска других компромиссных решений, которая позволила в лице конкурентов искать потенциальных партнеров, увеличивая благосостояние каждого из участников партнёрского соглашения.

В 2001 года премия была вручена за исследования, которые можно условно назвать «информационная экономика» (Джордж Акерлоф, Майкл Спенс, Джозеф Юджин Стиглиц). Дж. Акерлоф обратил

внимание на то, что рыночная информация может быть «частной» или «спрятанной», что может породить ее неравномерное распространение среди двух типов экономических агентов: продавцов и покупателей, в конечном счете, это спровоцирует на рынке ситуацию «обратного отбора» – когда качественный товар остается в руках продавца, а на рынке присутствует в значительной степени только некачественный товар.

К. Эрроу относит неравномерность распределения информации о качестве товара среди экономических агентов-продавцов товара к моральному аспекту: один продавец может, пользуясь невежеством покупателя, снизить качество товаров, то есть сократить свои издержки, а другой, предлагая качественный товар, тратясь на информирование покупателей об этом, увеличивает свои издержки и, собственно, цену, тем самым становясь неконкурентоспособным. К. Эрроу, в частности, пишет: «Чем лучше информированы производитель или потребитель, тем выше его благосостояние (при условии, что сигналы влияют на распределение экономических переменных). Но на практике этот тезис справедлив только тогда, когда экономический агент согласен платить за информационные услуги» [28].

Главной характеристикой, определяющей асимметрию, здесь выступало качество товара на рынке и наличие информации о нем у потенциального потребителя, а также различие в процессах распределения и перераспределения информации среди рыночных агентов (продавцов и покупателей). Дж. Акерлоф [15], К. Эрроу [28], Дарби и Карни [2] показали, что асимметричность информации может приводить к обратному отбору (*adverse selection*), моральным проблемам (*moral hazard*) и к доказательству лояльности продавца к потребителю в целом.

Й. Шумпетер – один из основателей теории инноваций – указывает на то, что нововведение – это один из факторов, нарушающих рыночное равновесие, которое способствует экономическому росту и последующему переходу к новому устойчивому состоянию системы под действием механизмов конкуренции. По сути, оно порождает асимметрию рынка [26]. Экономический агент, первым использовавший нововведение, получает избыточную прибыль, величина которой уменьшается по мере распространения информации и применения данного нововведения другими агентами.

Хайек утверждает, что без рационального информационного обмена между производителями и потребителями невозможно предотвращение перепроизводства [6]. А. Харт обращает внимание на то, что производственный цикл невозможен без постоянного притока новой информации [5]. Ф. Найт на основе анализа неопределенности и риска в разработке стратегии поведения фирмы, как экономического агента, предложил интерпретацию асимметрии информации, как колебания состояния рынка в целом, вызванного задержкой между принятием решения и его выполнением [8].

Осознание факта, что на рынке присутствует асимметричность информации, поставило под сомнение возможность достижения глобального равновесия на основании предположений о том, что в экономической системе существует информационная полнота, все информационные ресурсы выявлены априори и распределены эффективно, а сам информационный обмен происходит автоматически, быстро и беззатратно.

Таким образом, принцип неравномерного распределения информации способствовал возникновению идеи ограниченной рациональности в поведении участников рынка.

В 2002 году нобелевская премия была вручена Дэниэлю Канеману и Вернону Ломакс Смиту за исследования в области принятия решений и механизмов альтернативных рынков. Предлагаемые ими модели принятия решений в условиях неопределенности описывали поведение людей при выборе альтернатив на основе критерия «ценность», которую человек определяет субъективным образом, используя определенные эвристики.

Таким образом, экономическая теория обогатилась новым знанием: с целью оптимизации поведения агента рынка необходимо учитывать его «человекообразность», то есть решения, принимаемые в реальной жизни и практике управления оптимальны не с точки зрения известных вероятностей известных выигрышей и потерь (модельная оценка альтернатив), а с точки зрения субъективных оценок ценности принятия решения (выбора альтернативы) конкретным человеком; этот факт необходимо учитывать при описании поведения агентов рынка.

Израэль Роберт Джон Ауманн, Томас Кромби Шеллинг в 2005 году получили нобелевскую премию за углубление нашего понимания сути конфликта и сотрудничества путём анализа теории игр. Ими была дана расширенная интерпретация проблемы конфликта и кооперации в рамках теории игр и

проанализированы варианты стратегий «игр на координацию». Это обусловило введение в научный оборот понятия «фокальные точки». Фокальные точки описывают равновесное игровое (конфликтное) состояние благодаря тому, что игроки из множества вариантов действий выбирают один и тот же вариант, руководствуясь одинаковыми нормами и правилами игры.

Т. Шеллинг пишет: «Лучший выбор для любого игрока зависит от его предположений относительно действий другого, притом он знает, что этот другой руководствуется тем же самым, так что оба они понимают, что каждый пытается угадать мысли другого о предположениях первого относительно догадок второго – и далее по уже знакомой спирали взаимных ожиданий» [29].

Эффект фокальной точки обогатил экономическую теорию новой информацией о том, что состояния наиболее вероятного равновесия в конфликтной ситуации не всегда совпадают с результатами расчетов в рамках классической теории игр, и чем эффективнее действуют институты, принятые в обществе, тем эффект фокальных точек работает надежнее, а значит устойчивые равновесия можно практически достоверно спрогнозировать.

Следующие нобелевские премии можно объединить под одним названием: «дизайн экономических механизмов» (Леонид Гурвич, Эрик Маскин, Роджер Брюс Майерсон, Пол Кругман, Элинон Остром, Оливер Уильямсон, Питер Даймонд, Дэйл Мортенсен, Кристофер Писсаридес). Эти работы нобелевских лауреатов значительно дополняют классическую и неоклассическую экономическую теорию, наполняя уже существующие и проверенные положения новым содержанием, в частности, описывая с разных позиций вопросы обеспечения оптимального поведения экономических агентов. Модели, реализованные в рамках теоретико-методологических исследований различных по своей природе экономических механизмов («дизайн механизмов»), подтвердили более ранние исследования и позволили более качественно объяснить возникающие в практической деятельности проблемы и парадоксы, они по сути представляют собой комплекс правил, позволяющих задавать траектории поведения агентов рынка.

Синхронизация развития экономической теории, основанная на анализе информации об открытиях нобелевских лауреатов и информационных революций представлена в таблице 2. В результате проведенного анализа наиболее значимых работ ведущих экономистов 20 века можно с уверенностью утверждать, что предпосылками появления цифровой экономики явился такой этап развития социума, как информационная экономика.

Таблица 2

Синхронизация развития экономической теории и информационных революций

Период	1776-1870	1871-1935	1936-1970	1971-2000	2000-2017	2017-н.вр.
Название преобладающей экономической теории	Классическая экономическая теория (А. Смит, Дж.С. Миль, К. Маркс)	Маржинализм и неоклассическая теория (У. Джевонс, Л. Вальрас, К. Менгер)	Кейнсианство, ранняя теория игр, программирование (Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн, Л. Канторович)	Теория ожидаемой полезности и программно-игровой подход, (Дж. Нэш, Р. Зельтен, Р. Лукас, Т. Сарджент)	Информационная и коммуникативная экономика (Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж.Ю. Стиглиц, И.Р. Дж. Ауманн, Т.К. Шеллинг)	Цифровая экономика (Л. Гурвич, Э. Маскин, Р.Б. Майерсон, П. Кругман, Э. Остром, О. Уильямсон, П. Даймонд, Д. Мортенсен, К. Писсаридес)
Математический аппарат	Элементарная математика	Математический анализ	Теория вероятностей и математическая статистика, математическое программирование	Теория игр в экономике, теория нечетких множеств, теория информации	Теория игр в экономике, теория нечетких множеств, теория информации, технологии Data Mining	Теория игр, Big Data Analysis, интеллектуальный анализ данных

Окончание табл. 2

Период	1776-1870	1871-1935	1936-1970	1971-2000	2000-2017	2017-н.вр.
Информационные революции	Третья информационная революция (200 лет): изобретение Гуттенбергом печатного прессы и наборного шрифта между 1450 и 1455 годами; кумулятивная стадия: возможность многократного тиражирования информации (бумажная информатика); трансформационная стадия: системные изменения в обществе		Четвертая информационная революция (60 лет): изобретение компьютера; кумулятивная стадия: развитие компьютерных технологий, технологические инновации (безбумажная информатика); трансформационная стадия: системные изменения в обществе и концептуальные изменения в парадигмах экономики, информатика – материальное благо		Пятая информационная революция (17 лет): облачные технологии; кумулятивная стадия: развитие компьютерных технологий и их использования во всех сферах деятельности, высокотехнологические инновации (безбумажная информатика); трансформационная стадия: качественно новый уровень экономических отношений, цифровая трансформация, интеллектуальный анализ данных	

В широком смысле информационная экономика рассматривается в контексте эволюции общественных и экономических отношений, как новый их уровень, обеспечивающий рост качества жизни общества и интенсивность развития бизнес-процессов, с преобладающей ролью интеллектуального и творческого труда и информационных продуктов.

В узком смысле, информационная экономика – это особая отрасль экономической теории, основанная на парадигмах информационного общества, занимающаяся изучением роли и воздействия информации, как одного из производственных факторов, а также информационно-коммуникационных технологий и продуктов на выработку и принятие экономических и управленческих решений в новых экономических условиях.

В становлении информационной экономики значительную роль сыграли такие ключевые понятия, как информация и знания. Существует множество научных подходов, детализирующих два очень ёмких понятия «информация» и «знания», которые в современных условиях почти не употребляются раздельно. Рассмотрим их далее более подробно.

Понятие триады: информация-знания-имплицитность в цифровой экономике

Р. Акофф [16] предложил цепочку DIKW – Data-Information-Knowledge-Wisdom, которая связывает такие понятия, как данные, информация, знания и мудрость на основе следующего правила: информация – это данные, имеющие смысл, а знания – информация, которую можно превратить в действия. Нанак и Такеучи предложили декомпозицию знаний на два класса: формализованные и неформализованные, причем основанием для декомпозиции послужил тот факт, что формализованные знания могут превращаться в информацию и передаваться от субъекта к субъекту, а неформализованные – нет [10].

Наиболее удачными попытками разграничить понятия «знания» и «информация» можно считать исследования Д. Белла, М. Шелера и Ф. Махлупа. Они предложили понимать информацию, как категорию потока, а знание, как категорию запаса; то есть применили вполне стандартную технику экономической теории. Действительно, чтобы что-то знать, предварительно нужно получить информацию, а затем новое знание позволит получить доход или снизить расходы. Аналогичной смысловой конструкцией с несколько другой терминологией пользовались Эрроу и Ланглуа [9]. Из анализа литературы по этой проблеме ясно можно вычленить и третий аспект: знание – это материальный и нематериальный актив, поскольку с определенной вероятностью может приносить доход.

С нашей точки зрения, между информацией и знаниями существует как прямая, так и обратная связь. Первая прослеживается в следующем: информация – это массив данных, выделяемых из внешней среды, наделенных приемником информации определенным содержанием и смыслом, который изменяет знание об этой среде; вторая основана на следующем факте: чтобы воспринять данные в качестве информации, необходимо обладать определенными знаниями. В этом смысле необходимо понимать, что для того, чтобы такой процесс функционировал, нужно, чтобы имелись начальные усло-

вия, то есть первоначальный запас знаний, источник и система или механизм распространения информации, и знаний.

Б. Гейтс говорит следующее: «Управление знаниями – заумный термин для очень простой вещи. Вы управляете данными, документами и усилиями сотрудников. Ваша цель состоит в том, чтобы обогатить возможности совместной работы людей... Необходимо добиться, чтобы весь коллектив сотрудников действовал столь же слаженно, как один целеустремленный работник» [17]. То есть, интерпретируя слова одного из самых успешных менеджеров современности, можно с уверенностью сказать, что управление знаниями на уровне производственных предприятий – это процесс управления информационными ресурсами с целью создания активов и обеспечения с их помощью производства и сбыта продуктов.

Любое предприятие, производящее товары или услуги, может существовать в рыночной системе координат при условии рационального управления своими ресурсами или активами, однако при этом сейчас акцентируется внимание, на увеличение потребительной стоимости информации, произошедшее в тот момент, когда информация стала применяться не только для разработки техники, производственных технологий и организации труда, но и для управления. И тут Б. Гейтс выразился исключительно точно: «Орудия труда индустриального человека служили умножителем мускульной силы человека. Орудия труда века информации приумножают возможности разума» [17].

Воздействие информации на экономический процесс в целом носит двоякий характер. С одной стороны, знание и информация выступают в качестве обязательного первоначального элемента научно-технологических изысканий, а с другой – информационный ресурс используется в экономической системе точно так же, как труд или капитал. Поэтому можно говорить о прямой зависимости между экономическими результатами и количеством информации, введенной в экономическую деятельность.

Вместе с тем, информационный ресурс имеет ряд особенностей, отличающих его от традиционных ресурсов: информация воздействует на эффективность производства без физического увеличения традиционных ресурсов; информация действует на субъективный фактор производства – человека, его характер и способности; информация ускоряет процесс воспроизводства за счет уменьшения периодов производства и обращения.

Современная эпоха отождествляется с компьютерной фазой информационного обмена, которая благодаря технологической составляющей стала еще более интенсивно влиять на развитие экономических отношений и перевела их на качественно новый уровень, обеспечив условия для новой трансформации – перехода к пятой информационной революции. В рамках пятой информационной революции возникает новый феномен, обусловленный невиданным темпом развития цифровых технологий – цифровая экономика.

С нашей точки зрения, основные подходы к пониманию категории «информация» в рамках цифровой экономики можно свести к следующей декомпозиции:

- новые сведения, полученные в результате взаимодействия агентов рыночной системы, которые меняют все или некоторые (в зависимости от качества и количества) параметры результата взаимодействия;
- содержание и семантика, которые возникают и перераспределяются внутри в процессе коммуникации между агентами рыночной системы и меняют их представление о будущем развитии событий;
- «запас» знаний, который необходимо вычленив из самой рыночной системы, коммуникаций внутри нее, оценить и применить для ее совершенствования извне.

Связь двух понятий – «информации» и «знания» – практически очевидна, поскольку характеризует бесконечный процесс, с одной стороны, генерации новых знаний на основе интеллектуальной обработки массивов информации (с помощью технологии обработки больших данных), с другой – переход «устаревших» знаний в разряд общедоступной информации, используемой рынком.

Рассмотрим модель факторов создания стоимости в историко-экономической динамике (от классических взглядов до современных в рамках цифровой экономики) (рис. 1). Обозначим рассматриваемые факторы как $A(t)$ – земля, $B(t)$ – труд, $C(t)$ – капитал, где t – это параметр времени, характеризующий динамику поэтапного эволюционного процесса.

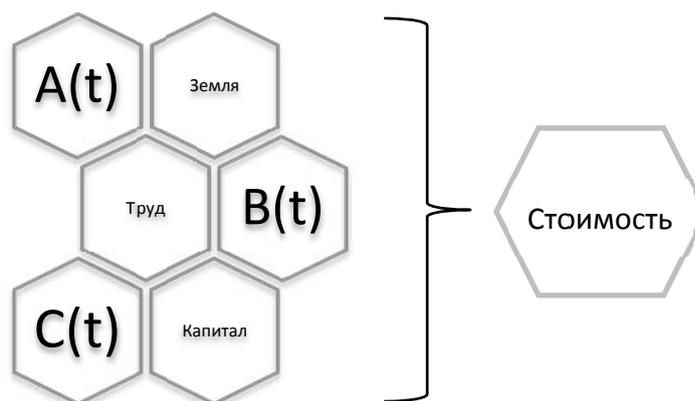

Рис. 1. Классическая модель трех основных факторов производства с учетом временного фактора

Выделим следующие этапы: $t=t_0$ – классические взгляды, $t=t_1$ – неоклассика, $t=t_2$ – информационная экономика, $t=t_3$ – цифровая экономика.

Действительно, в случае, если $A(t_0)=B(t_0)=C(t_0)=1/3$, получаем модель Ж.-Б. Сэя; при $A(t_0)=1$, $B(t_0)=0$, $C(t_0)=0$ имеем модель физиократов. При переходе от момента времени $t=t_0$ к моменту времени $t=t_1$ можно утверждать, что равновесность факторов будет изменяться в зависимости от той или иной преобладающей экономической идеи.

В частности, с позиции неоклассики $B(t_1) \gg A(t_1)$ и $B(t_1) \gg C(t_1)$, поскольку в неоклассических моделях создания стоимости к категории труда относится, в том числе и предпринимательская способность. При этом ряд экономических школ выделяют предпринимательскую способность, как отдельный четвертый фактор создания стоимости.

Активное развитие коммуникационных (информационных) технологий, в том числе в управлении, а также переход к информационной экономике ($t=t_2$) позволили выделить и пятый ресурс – информацию и данные, являющуюся в настоящее время важнейшим фактором в создании стоимости. По нашему мнению, при переходе к моменту времени ($t=t_3$) количество рассматриваемых факторов этим не ограничится: развитие производственных, управленческих и информационных технологий приведет к тому, что будут возникать новые факторы, например, цифровые ресурсы, которые будут существенно влиять на создание стоимости.

Какова же природа этих факторов? В большинстве своем это плохо формализуемые факторы, не имеющие однозначных методик измерения, содержащие неопределенность в семантике и интерпретациях. Такие факторы создания стоимости в экономической теории получили название неосвязаемые, нематериальные активы. Исследование проблемы неосвязаемости с позиции глобальных изменений в мировой экономике, возникновение четвертого (предпринимательские способности), пятого ресурса (информации), шестого ресурса (цифровые активы), усиливающейся динамики изменения границ между формальными и неформальными рыночными институтами, а также с учетом трансформации традиционной экономики в информационную и цифровую, отождествляемую с «экономикой знаний» и «smart-экономикой», приводит нас к выводу о существовании неосвязаемых факторов и влияний, фактически в любом рассматриваемом экономическом процессе и о принципиально другом понимании их природы.

Какова же природа этих факторов? По сути, природа этих факторов характеризуется одним словом, принятым в отечественной и зарубежной экономической литературе – имплицитность. Зададимся вопросом, а существовали ли эти факторы создания стоимости раньше? Ответ однозначный – конечно, да. Однако, поскольку они не были известны науке и какое-то время не оказывали существенного влияния на хозяйственную деятельность агентов рынка, они были невидимы, не обнаруживаемы. То есть феномен имплицитности в процессе экономического развития преодолел три этапа, которые мы назовем скрытый, переходный и явный.

На скрытом этапе имплицитные факторы уже включены в процесс производства, но это включение носит не обнаруживаемый характер, их влияние на изменение формальных и неформальных ин-

ституты не столь заметно, поскольку не оказывает значимого влияния на результаты экономической деятельности; на переходном этапе, несмотря на то, что имплицитные факторы приобрели уже многие современные черты, алгоритм их выявления, толкования и использования до конца не сформирован, а они еще не считаются факторами, оказывающими серьезное влияние на бизнес-процессы и на изменение границ формальных и неформальных институтов, в рамках увеличения транзакционных издержек; явный этап характеризуется возникновением информационной сферы экономики, где имплицитные факторы, основой которых является интеллектуальный капитал, выступают важнейшим фактором бизнес-процессов, их своевременный учет резко снижает транзакционные издержки участников рынка, формирует эффективные институциональные правила.

В связи с этим, в дальнейшем мы предлагаем пересмотреть классическую схему создания стоимости, добавив к ней имплицитные факторы (рис. 2).

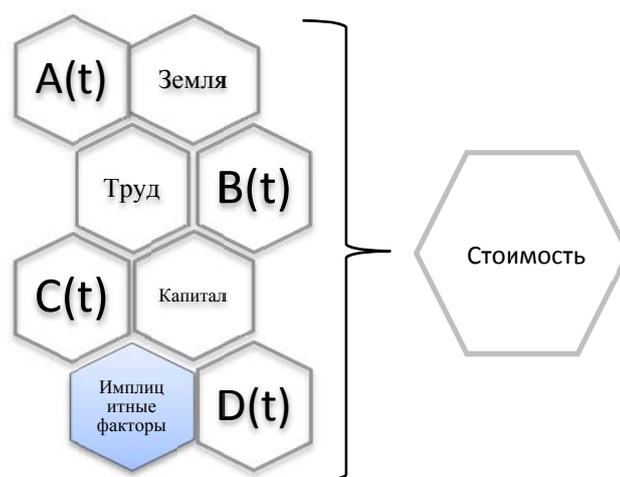

Рис. 2. Модель трех основных факторов производства с учетом имплицитных факторов в цифровой экономике

Отметим, что в приведенной модели $D(t)$ – имплицитные факторы в момент времени $t=t_2$ и $t=t_3$ оказывают заметное влияние на процесс и результат создания стоимости; пренебрежение ими в процессе управления порождает все больше рисков недостижения планируемых результатов.

Имплицитность в цифровой экономике – это скрытая (неявная) информация, возникающая в хозяйственной деятельности, направленная на глубинное понимание протекающих в ней бизнес-процессов с целью постижения их экономического смысла и интерпретации результата. Имплицитность в цифровой экономике представляется нами в виде двух взаимосвязанных конструктов: имплицитные влияния и имплицитные факторы.

Имплицитный фактор в цифровой экономике – это неявный и нетривиальный фактор, не учитываемый ранее в процессе хозяйственной деятельности, оказывающий значимое влияние (непосредственно или опосредованно) на деятельность организации, выявляемый в результате интеллектуального анализа данных.

Имплицитный фактор в цифровой экономике способен породить новую, практически полезную информацию для совершенствования деятельности организации, способствующую принятию экономически обоснованных решений и, возможно, знания, которые могут быть использованы в рамках перехода от неформальных к формальным институтам деятельности организации в цифровой экономике.

Цифровая экономика – система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [23]. Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных све-

дений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [там же].

Производными от цифровой экономики можно по праву считать: коллаборативная (долевая, совместная) экономика, юнит-экономика, возникшая на фоне развития облачных сервисов и услуг, а также когортный анализ данных.

Коллаборативная экономика представляет собой совокупность бизнес-моделей, в которых агенты рынка (люди, организации, сообщества) получают возможность коллективно использовать какие-либо товары и услуги за счет бартера, аренды, кредитования, дарения, обмена перепродажи и замены [1]. То есть в основе этих моделей лежит парадигма временного (совместного), а не постоянного (единоличного) владения вещью в широком смысле этого слова.

Юнит-экономика (unit economics) – метод экономического моделирования, используемый для определения прибыльности бизнес-модели путем оценки прибыльности единицы товара или одного клиента. Как правило, применяется для оценки прибыльности бизнес-идеи стартапа. Бизнес может быть успешным, только если отдельная единица товара или услуги будет прибыльной [20]. В рамках юнит-экономики используется в качестве базового инструмента когортный анализ данных.

Когортный анализ – это выделение определенной группы пользователей (когорты) и анализ ее поведения во времени. Пользователей в когорте объединяет совершение действия на определенном промежутке времени.

В основе всех представленных выше разновидностей цифровой экономики лежит возможность практически мгновенной обработки информации, появление технологии глобальных сетей, проектирование и повсеместное использование баз данных и знаний, способствующих быстрому принятию оптимальных решений в ходе любой хозяйственной деятельности.

Сущность цифровой экономики состоит в реализации нового типа экономических отношений в рамках современного информационного общества, в котором триада «данные-информация-знания» выступает основным связующим звеном между производством и потреблением, между стадиями материального и нематериального производства. Цифровая экономика при этом является динамической системой нового типа, которая должна продуктивно распределять цифровые ресурсы – данные, средства, ценности, запасы, возможности, источники средств обработки, хранения, распределения и потребления информации в целях создания нового знания.

Выводы

Можно достаточно обоснованно говорить о том, что наступает качественно новый этап развития цивилизации, характеризующийся новым типом экономики – цифровой экономикой, сущность которого состоит в освоении и широкомасштабном использовании данных, информации, цифровых ресурсов и ее высшей формы – научных знаний практически во всех сферах социальной активности общества. Заметим, что основными инструментами механизма катализации имплицитности в цифровой экономике являются цифровые ресурсы, объединяющие в себе данные, информацию, знания и интеллектуальные технологии, которые порождают новые имплицитные факторы, не имеющие реальной рыночной стоимости, если их не учитывать соответствующим образом в основных параметрах деятельности предприятия, не обеспечивать им юридическую и экономическую безопасность.

Воздействие таких факторов на экономическую деятельность хозяйствующего субъекта может спровоцировать на траектории его развития появление бифуркационных точек, прохождение через которые может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому один из трендов развития цифровой экономики – это проектирование и внедрение в практику деятельности хозяйствующих субъектов инструментов перевода имплицитных ресурсов или факторов в конкретные активы предприятия.

Концептуальные инновации в развитии современного общества обусловлены невиданными масштабами модернизации традиционной и даже информационной экономики, направленной на становление информационного общества и изменение фокуса всех бизнес-процессов на интеллектуальный уровень на фоне процессов глобализации. Это позволяет сформулировать гипотезу об изменении «мировой экономической архитектуры», где основой становится не материальный ресурс в традиционном его понимании, а цифровые ресурсы и факторы, которые включают в себя информацию, знания и имплицитность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Collaborativ eesonomy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/growth/single-market/services/collaborative-economy_en (дата обращения 30.08.2018).
2. *Darby M.R., Karni E.* Free Competition and the Optimal Amount of Fraud // *Journal of Law and Economics*. 1973. Vol. 16. P. 67-88.
3. *Fogel R.W.* Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
4. *Stigler G.J.* Textual Exegesis as a Scientific Problem // *Economica*, New Series. 1965. Vol. 32. № 128. P. 447-450.
5. *Hart A.* Risk, Uncertainty and the Unprofitability of Compound Probabilities / In: *Studies in Mathematical Economics and Econometrics*. Chicago: University of Chicago Press, 1942.
6. *Hayek F.A.* The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. 1945. V. 35. № 4. P. 519-530.
7. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: an Analysis of Decisions under Risk // *Econometrica*. 1979. № 47. P. 263-291.
8. *Knight F.* Risk Uncertainty and Profit Preface to the Leisure. London: London School Economics and Political Science, 1933.
9. *Langlois R.N.* Knowledge, Consumption, and Endogenous Growth. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ideas.repec.org/e/pla2.html> (дата обращения 30.08.2018).
10. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company. Oxford: Oxford University Press, 1995.
11. *North D.C.* Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97-112.
12. *Rothschild M., Stiglitz J.E.* Increasing risk II: Its economic consequences // *Journal of Economic Theory*. 1970. № 3. P. 66-84.
13. *Spence M.* Signalung // *Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87. P. 355-374.
14. *Winter S.* Economic natural selection and theory of firm // *Yale Economic Essays*, 1964. P. 224-272.
15. *Акерлоф Д.А.* «Рынок лимонов» неопределенность качества и рыночный механизм // *Thesis*. 1994. № 5.
16. *Акофф Р.* Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985.
17. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
18. *Дайвард У.* Наступление информационного века // *Новая технологическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986.
19. *Маршалл А.* Принципы экономической науки: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Прогресс-Универс, 1993. 414 с.
20. *Минин А.* Юнит экономика. Часть 1: история появления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://marketing-course.ru/unit-esonomiss> (дата обращения 30.08.2018).
21. *Назаров Д.М.* Методология нечетко-множественной оценки имплицитных факторов в деятельности организации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. 193 с.
22. *Нейман Дж. фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 708 с.
23. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации».
24. *Риккардо Д.* Сочинения. Том 1. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Наука, 1995. 360 с.
25. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: в 3-х кн. Петрозаводск: Петроком, 1993. 319 с.
26. *Стоуньер Т.* Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // *Новая технократическая волна на западе*. М.: Прогресс, 1986.
27. *Тайлакова С.В.* Развитие представлений об информации как экономическом ресурсе общества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ipur.tsu.ru/Public/art99/aO12699.html> (дата обращения 30.08.2018).
28. *Хейне П.* Экономический образ мышления. М.: Дело, 1997. 701 с.
29. *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
30. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.
31. Экономическая теория на пороге XXI века / под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М.: Юристъ, 1998. 768 с.
32. *Эрроу К.* Информация и экономическое поведение // *Вопросы экономики*. 1995. № 5.

Пшеничников В.В.

О РАЗЛИЧИЯХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ТРАКТОВКАХ ФОРМ И ВИДОВ ДЕНЕГ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕНЕЖНОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье представлен обзор основных подходов к трактовке форм и видов денег, которые встречаются в учебниках, рекомендованных к использованию в учебном процессе в высших учебных заведениях нашей страны. Выявлены основные различия и противоречия в трактовках форм и видов денег в современной денежной теории. Предложен авторский подход к разграничению форм и видов денег на основе сложившихся в философии и эпистемологии трактовок понятий формы и вида, их взаимосвязи и субординации.

Ключевые слова. Вид денег, форма денег, безналичные деньги, наличные деньги, электронные деньги, товарные деньги, металлические деньги, бумажные деньги.

Pshenichnikov V.V.

THE DIFFERENCES AND CONTRADICTIONS IN THE INTERPRETATION OF THE FORMS AND TYPES OF MONEY IN MODERN MONETARY THEORY

Abstract. The article presents an overview of the main approaches to the interpretation of forms and types of money that are found in textbooks recommended for use in the educational process in higher education institutions of our country. The main differences and contradictions in the interpretations of forms and types of money in the modern monetary theory are revealed. The author's approach to the differentiation of forms and types of money based on existing in philosophy and epistemology interpretations of the concepts of form and form, their relationship and subordination.

Keywords. Type of money, form of money, non-cash money, cash, electronic money, commodity money, metal money, paper money.

Проведенное нами исследование сложившихся подходов к трактовке форм и видов денег представителями ведущих экономических школ России выявило наличие определенных различий и противоречий. Представим их путем краткого экскурса по ряду признанных и авторитетных учебников, рекомендованных к использованию в учебном процессе в высших учебных заведениях нашей страны.

В учебнике «Деньги, кредит, банки» под ред. Г.Н. Белоглазовой выделяются только формы денег. «Для каждого этапа развития общества характерна своя господствующая функциональная форма денег. В современной теории денег выделяют пять таких форм: товарные деньги; монеты; банкноты; бумажные деньги; электронные деньги» [2, с. 18].

Аналогичной позиции придерживается А.С. Селищев, предлагая несколько расширенный перечень форм (типов) денег. В частности, автор пишет: «Если связывать форму денег с натуральными свойствами денежного товара, то можно выделить шесть типов (основных форм) денег: товарно-счетную, товарно-весовую, слитковую, монетную, бумажную и кредитную» [8, с. 35]. При этом товарно-счетные, товарно-весовые и слитковые деньги автор относит к примитивным деньгам, а монет-

ГРНТИ 06.73.45

© Пшеничников В.В., 2018

Владислав Владимирович Пшеничников – кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovayastr., 21). Тел.: +7-906-680-74-76. E-mail: wladwp@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 31.08.2018.

ные, бумажные и кредитные деньги – к современным деньгам. Кроме того, состав современных денег по А.С. Селищеву совпадает с составом неполноценных (нетоварных) денег. Состав полноценных (товарных) денег включает все три формы примитивных денег, а также монетные деньги. Таким образом, монетные деньги, с одной стороны, представленные полноценной монетой, относятся к полноценным (товарным) деньгам, с другой стороны, представленные разменной монетой, относятся к неполноценным (нетоварным) деньгам. Но, в отличие от предыдущей позиции, к кредитной форме денег А.С. Селищев относит векселя, банкноты, чеки и чековые депозиты в банках, электронные деньги и пластиковые карты.

Сопоставив эти два подхода, можно сделать следующие выводы. Их объединяет то, что предлагается различать только формы денег, исходя из натуральных свойств носителя всеобщего эквивалента на том или ином этапе развития общества. Различия между этими подходами обнаруживаются в том, что, если в первом случае выделяются пять форм денег, в числе которых одна товарная форма, то во втором случае выделяются шесть форм денег, в числе которых обнаруживаются две формы товарных денег: товарно-счетная и товарно-весовая. Другое различие проявляется в том, что в первом случае банкноты и электронные деньги рассматриваются как две разные формы денег, тогда как во втором случае они служат представителями одной кредитной формы денег. Последнее противоречит исходному посылу «связывать форму денег с натуральными свойствами денежного товара». Кроме того, попытка объединить в рамках одной формы денег несколько отличных друг от друга представителей всеобщего эквивалента порождает необходимость различать еще и виды денег.

«Видом денег называется подразделение денег с учетом их социально-экономической природы. В рамках каждого вида различаются подвиды, объединяющие многообразные формы денег. С одной стороны, характеристика видов денег предполагает обращение к готовым результатам их эволюции, с другой, – полное определение сущности видов может быть отражено лишь в развитии, т.е. как последовательный переход от одного вида к другому. В связи с этим, могут возникать различные переходные виды и формы денег» [4, с. 42]. К видам денег авторы процитированного издания относят: полноценные деньги (товарные и металлические); неполноценные деньги (обеспеченные и необеспеченные; хартальные и денежные суррогаты); наличные и безналичные деньги.

«Если в основе выделения видов денег лежит развитие их природы, то в основе выделения различных форм денег лежат различия в наборе выполняемых идоминирующих функций. Формой денег называется внешнее выражение (воплощение) определенного вида денег, дифференцированного по выполняемым функциям» [там же, с. 44]. Например, формами выражения (воплощения) товарных денег служат анималистические, гилоистические и вегетабилистические деньги; металлических денег – переходные формы (орудия труда, украшения, золотой песок) и основные формы (стандартные слитки, монеты, в том числе полноценные и разменные).

Таким образом, авторы этого подхода предлагают свои критерии определения форм и видов денег. В качестве основы подразделения денег на виды они принимают социально-экономическую природу денег, а в качестве основы выделения форм денег – различия в наборе выполняемых и доминирующих функций. Если принять во внимание существующую взаимосвязь между социально-экономической природой денег и их натуральными свойствами, заложенными природой, то становится очевидным следующее противоречие. При достаточно явной схожести посыла разграничения денег по формам и видам, в одном случае речь идет о формах денег в зависимости от присущих им натуральных свойств, в другом случае речь идет о тех же представителях денег, которые по признаку социально-экономической природы обозначаются уже как виды денег.

Противоположной точки зрения по отношению к рассмотренному подходу придерживаются представители следующих двух подходов.

В главе 2 «Эволюция форм и видов денег» учебника «Деньги, кредит, банки» под ред. О.И. Лаврушина авторы пишут: «... первая форма денег: полноценные, или действительные деньги. Виды этих денег: серебряные и золотые слитки, а затем аналогичные монеты» [5, с. 26]. Второй формой денег авторы данного учебника называют неполноценные деньги. «Весьма распространена классификация неполноценных денег по двум видам: наличные и безналичные» [там же, с. 28]. Далее авторы выделяют следующие виды неполноценных денег: бумажные деньги и кредитные деньги. В свою очередь, кредитные деньги делят на: небанковские («торговые») деньги – векселя; и банковские деньги: чеки, банкноты, депозиты до востребования и электронные деньги [там же, с. 36].

Похожий подход к разграничению форм и видов денег наблюдается в учебнике «Деньги, кредит, банки» под ред. Е.Ф. Жукова. В параграфе 1.3 «Эволюция форм и видов денег» к формам денег относят полноценные и неполноценные деньги, добавив к ним третью форму – квазиденьги. К видам полноценных денег относят серебряные и золотые слитки и монеты; к видам неполноценных денег – бумажные деньги, кредитные деньги, средства на счетах до востребования и разменные монеты; к видам квазиденег – векселя, чеки, банковские карты, депозиты срочные, сберегательные, в иностранной валюте, депозитные сертификаты, краткосрочные государственные ценные бумаги [6, с. 22].

В параграфе 1.3 «Типы, формы и виды денег» в учебнике «Деньги, кредит, банки» под ред. Е.А. Звоновой предлагается еще один вариант разграничения типов, форм и видов денег. «К основным типам денег относятся полноценные и неполноценные деньги; к основным формам денег – наличные и безналичные; к основным видам – товарные, металлические, бумажные и виртуальные (электронные)» [3, с. 21]. Однако далее в процессе характеристики бумажных денег автор относит депозиты до востребования (безналичные депозитные деньги) к разновидности кредитных денег как одного из видов бумажных денег [там же, с. 22].

Противоположность и противоречивость взглядов относительно толкования форм и видов денег можно попытаться разрешить путем обращения к философским и эпистемологическим аспектам трактовки этих понятий. Понятие формы в философии определяется соотносительно к понятиям содержания и материи, понятие вида – соотносительно к разнообразию вещей или, иными словами, к многообразию форм существования материи.

Форма и содержание относятся к философским категориям, отражающим взаимосвязь двух сторон любого явления: упорядоченной определенным образом совокупности элементов и процессов, образующих предмет или явление, то есть содержание, и способа существования и выражения этого содержания, его различных модификаций, то есть формы. Кроме того, понятие формы используется в значении внутренней организации содержания, в этом смысле проблематика формы получает дальнейшее развитие в понятии структуры. Содержание представляет собой определенный, взятый в единстве с его структурой, материальный субстрат, специфический для конкретного рода явлений.

Структура или внутренняя упорядоченность выступает в качестве необходимого компонента содержания. Эта внутренняя упорядоченность выступает формообразующим фактором, который преобразует все входящие в состав объекта компоненты согласно своей собственной природе. С изменением структуры, организации существенно меняется содержание объекта, его физические, химические и другие свойства. Форма, фиксируя многообразные модификации содержания, способы его существования и проявления, также обладает собственной определенной структурой [9].

Форма, как актуальное и определяющее начало, соединяясь с потенциальным и неопределенным бытием материи, сообщает ей вид и производит действительное многообразие вещей. Вид – это понятие, обозначающее вещь, имеющую все признаки родового понятия, и свои специфические признаки, отличающие его от другого вида того же рода. «Вещи», говорил Фома Аквинский, различны через то, что имеют различные формы, от которых получают вид [1].

Опираясь на сложившиеся в философии и эпистемологии трактовки понятий формы и вида, их взаимосвязь и субординацию, по способу существования денег целесообразно различать деньги в безналичной форме, деньги в наличной форме и деньги в электронной форме (см. рис.).

Безналичная форма денег предполагает переход права собственности на определенное количество денег от плательщика к получателю в процессе осуществления расчетов и платежей, которые отражаются (записываются) на банковских счетах с использованием различных видов носителей информации о всеобщем эквиваленте.

Наличная форма денег предполагает использование различных видов вещественных носителей всеобщего эквивалента, которые передаются от плательщика к получателю в процессе осуществления расчетов и платежей. В свою очередь, наличные деньги по характеру вещественного носителя всеобщего эквивалента можно разделить, по нашему мнению, на следующие формы: товарную, металлическую и бумажную.

Товарные деньги – это форма денег, представляющая собой определенный набор товаров, выступающих в качестве регионального эквивалента, покупательная способность которых основывается на их качественных характеристиках. Выбор конкретного товара, используемого в качестве денег, обу-

словливался признанием за ним важных потребительских свойств. Кроме того, на форму общественного богатства, используемого в качестве денег, в значительной степени влияли технические возможности и предпочтения в области торговых отношений.

Металлические деньги представляют собой деньги, покупательная способность которых основана на ценности денежного металла, из которого они изготавливались – меди, золота, серебра. Несовершенство товарной формы денег заключалось в их слабой делимости и недостаточной транспортабельности. Когда люди стали добывать и обрабатывать металлы, было выявлено, что они обладают рядом свойств, делающих их более подходящим товаром для использования в качестве денег. Металлические деньги в большей степени узнаваемы, долговечны и более транспортабельны по сравнению с другими видами товарных форм денег. Металлическая форма денег представлена такими видами денег, как мерные слитки, полноценные и разменные монеты.

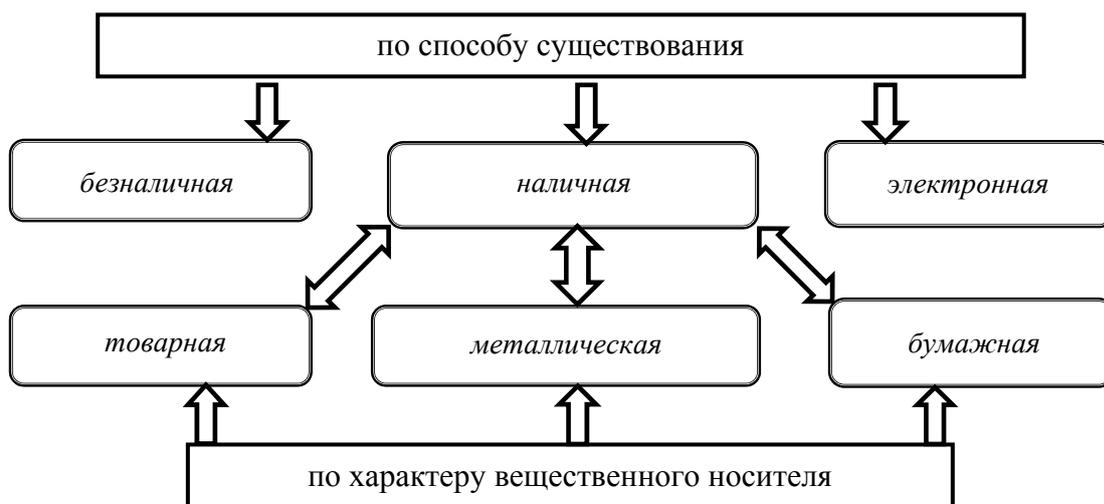

Рис. Формы денег

Видами бумажной формы денег являются казначейские и банковские билеты. Здесь необходимо отметить, что, причисляя банковские билеты к бумажной форме денег, мы не игнорируем их кредитную природу происхождения, а опираемся исключительно на материал, из которого они изготовлены. Бумажные деньги всегда связывались с нуждами государственного бюджета и преследовали фискальные цели. «Поначалу бумажные деньги, выпускаемые государством, разменивались на золото. Но государственные расходы росли значительно быстрее, чем золотые запасы, особенно во время войн, социальных потрясений и стихийных бедствий, и от обмена казначейских билетов на золото пришлось отказаться. Постепенно, особенно в мирное время, государства переходят на финансирование дефицита бюджета не с помощью эмиссии бумажных денег, а посредством выпуска государственных облигаций и казначейских векселей» [3, с. 21].

По характеру обеспечения банковские билеты эволюционировали следующим образом: банкноты с полным покрытием (классические) → банкноты с частичным покрытием → банкноты без покрытия. «Такая постепенная смена видов банкнот была вызвана их непрерывной эмиссией, что при ограниченности официальных золотых резервов приводило к невозможности размена всех выпущенных банкнот на этот драгоценный металл. В дальнейшем банкнотам придавался принудительный курс с обязательством их приема во все платежи, что плавно переводило их в разряд неразменных бумажных денег» [2, с. 23].

Под электронными деньгами в широком смысле мы понимаем отраженное на компьютерных носителях информационное воплощение всеобщего эквивалента. Основные сходства и различия электронных денег в сравнении с наличными и безналичными деньгами состоят в следующем. Процедура передачи электронных денег также скоротечна по времени, как и процедура передачи наличных денег, но при этом не требует непосредственного контакта плательщика с получателем, как это необходимо при передаче монет или купюр из рук в руки.

Расчеты, производимые безналичными деньгами, вне зависимости от степени удаленности контрагентов друг от друга, требуют обязательного наличия у плательщика и получателя банковских счетов для отражения списания и зачисления соответствующей суммы денежных средств, тогда как для передачи электронных денег иметь контрагентам банковские счета не обязательно. Таким образом, феномен электронных денег, основанный на новом технологическом укладе передачи всеобщего эквивалента плательщиком получателю, кардинально меняет наши прежние представления о формах существования денег адекватно эволюционирующим способам ведения хозяйственной деятельности [7].

В зависимости от типа компьютерного носителя информации и соответствующей технологии передачи информации можно выделить следующие виды электронных денег: на базе карт; на базе сетей; на базе распределенного реестра цифровых транзакций (криптовалюты).

Электронные деньги на базе карт основываются на применении карт с микропроцессором (их роль могут исполнять любые другие инструменты, например, сим-карта мобильного телефона, флэш-карта, наручные часы, брелок и т.п.), на которых отражается сумма электронных денежных средств, и направлены на замену наличных денег при расчетах и платежах в торгово-сервисных точках розничных продаж, в том числе на основе бесконтактной технологии оплаты. Этот вид электронных денег активно развивают международные платежные системы совместно с крупными банками-партнерами, создавшими соответствующую инфраструктуру.

Электронные деньги на базе сетей представляют собой полностью виртуальный продукт, представленный в виде программы или сетевого ресурса, и предназначены для расчетов и платежей в Интернет-магазинах и иных компаниях, ведущих свой бизнес в сети Интернет. Самыми известными платежными системами на основе данного вида электронных денег в России являются, например, Яндекс Деньги или WebMoney. Для использования электронных денег в подобных системах необходимо в них зарегистрироваться, а иногда и установить программное обеспечение. Инфраструктура таких платежных систем заимствована из банковской сферы. Для ввода денежных средств в систему или вывода их из нее могут быть использованы как банковские, так и небанковские переводы наличных или безналичных денег.

Электронные деньги на базе карт и на базе сетей обладают статусом законного средства платежа и создаются на основе традиционной национальной валюты, эмитируемой Центральным банком. Иными специфическими характеристиками обладает другой вид электронных денег – криптовалюты (виртуальные валюты), которые появились на основе технологии Blockchain – распределенного реестра цифровых транзакций. В большинстве стран не решаются пока признавать криптовалюты законным средством платежа на территории своих юрисдикций за исключением Японии, где стали рассматривать Blockchain в качестве альтернативы существующим технологиям и разработали поправки в национальное законодательство, разрешающие использование децентрализованных платежных систем.

Во многом это объясняется новизной технологии и слабой изученностью способов и последствий ее практического применения. Процесс эмиссии криптовалют, основанный на решении сложных математических задач при помощи алгоритмов шифрования и не связанный с деятельностью монетарных властей, несет в себе сегодня слишком большую неопределенность в свете дальнейшей жизнеспособности современных механизмов денежно-кредитного регулирования. Практика применения криптовалют в качестве средства платежа имеет место быть в рамках виртуальных сообществ и сетевых групп исключительно на основе взаимной договоренности сторон. Наибольшей популярностью пользуются такие криптовалюты, как Bitcoin, Ethereum, Reeples и Litecoin.

Перспективы распространения криптовалют нам видятся в возможном расширении практики применения технологии Blockchain для организации учета регистрации и перехода прав собственности на любые материальные и нематериальные ценности в национальном масштабе. В случае реализации данного сценария криптовалюты станут наиболее подходящими для выполнения таких денежных функций как счетная единица и средство обмена. В последнее время интерес к технологии Blockchain и криптовалютам растет со стороны банковских учреждений. Центральные банки целого ряда государств заинтересовались перспективами создания национальных криптовалют, крупнейшие банки США, Западной Европы и Азии заинтересовались возможностями применения технологии Blockchain для проведения межбанковских расчетов как на национальном, так и на межгосударственном уровнях.

По нашему мнению, в том случае, если созданные по инициативе банков криптовалюты займут свое место в системе межбанковских расчетов на региональном и международном уровнях, то в пер-

спективе они будут способны повторить судьбу европейской счетной единицы эю, преобразованной со временем в единую европейскую валюту евро. Идея использования криптовалют в международных расчетах привлекательна еще и тем, что снимает зависимость от национальных экономических и политических интересов тех стран, чьи валюты выполняют функцию мировых денег.

В заключение хотелось бы отметить, что выявленные различия и противоречия в трактовке форм и видов денег в современной денежной теории обусловлены различными причинами. Среди них можно выделить следующие: ориентация на различные философские подходы к раскрытию содержания категорий «форма» и «вид»; применение отличающихся друг от друга классификационных признаков, положенных в основу разграничения форм и видов денег; объединение в составе одного классификационного признака форм или видов денег с ярко выраженными признаками другого критерия классификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вид // Национальная философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://terme.ru/termin/vid.html> (дата обращения 21.08.2018).
2. Деньги, кредит, банки / под ред. Г.Н. Белоглазовой. М.: Юрайт, 2014. 620 с.
3. Деньги, кредит, банки / под ред. Е.А. Звоновой. М.: ИНФРА-М, 2015. 592 с.
4. Деньги, кредит, банки / под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова. М.: Проспект, 2008. 848 с.
5. Деньги, кредит, банки / под ред. О.И. Лаврушина. М.: КНОРУС, 2008. 576 с.
6. Деньги, кредит, банки / под ред. Е.Ф. Жукова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 783 с.
7. Пшеничников В.В. Методологические аспекты исследования эволюции видов и форм денег в условиях перехода к цифровой экономике // Экономика и менеджмент в условиях глобальной конкуренции: проблемы и перспективы: Труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В.Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 49-67.
8. Селищев А.С. Деньги, кредит, банки. СПб.: Питер, 2007. 432 с.
9. Содержание и форма // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://epistemology_of_science.academic.ru/744/%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B8_%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0 (дата обращения 21.08.2018).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дятлов С.А., Доброхотов М.А.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. Решение задач, образующихся в текущих хозяйственных системах национальной экономики, в полном объёме требуют учета глобализации и ее факторов. Действие глобализации на воспроизводство человеческого капитала принято считать относительно новым объектом изучения для российских экономистов. Для выработки ведущих направлений и основ государственного регулирования воспроизводства человеческого потенциала необходимо теоретически осмыслить данные процессы.

Ключевые слова. Глобализация, государственное регулирование, государственная политика, человеческий потенциал, воспроизводство человеческого потенциала.

Dyatlov S.A., Dobrokhотов M.A.

INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON STATE REGULATION OF HUMAN RESOURCES

Abstract. The solution of the problems arising in the current economic systems of the national economy in full requires the consideration of globalization and its factors. The effect of globalization on the reproduction of human capital in the state economy is usually considered a relatively new object of study for Russian economists. To develop the leading directions and foundations of state regulation of the reproduction of human potential, it is necessary to comprehend these processes theoretically.

Keywords. Globalization, state regulation, public policy, human potential, human resources management.

Сегодня идет активное формирование глобальной цифровой экономики. В условиях расширения глобализации, сопровождающейся информатизацией, цифрфикацией и сетизацией, важнейшим фактором устойчивого развития мировой и российской экономики является человеческий капитал. Переход к глобальной цифровой экономике сопровождается структурным кризисом, формированием новых инновационно-цифровых сегментов и сфер и отмиранием старых индустриальных отраслей экономики. Для преодоления трансформационного кризиса возникает необходимость поиска и взаимосвязанного использования государственных, рыночных и сетевых методов регулирования и развития с целью достижения устойчивого социально-экономического развития [1].

Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполненной при финансовой поддержке СПбГЭУ.

ГРНТИ 06.03.07

© Дятлов С.А., Доброхотов М.А., 2018

Сергей Алексеевич Дятлов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Михаил Алексеевич Доброхотов – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Дятлов С.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 911 225-95-95. E-mail: oetdsa@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.05.2018.

Концепция устойчивого развития активно разрабатывается политиками и учеными под эгидой ООН, в ней прослеживается повышенное внимание к экологическим проблемам взаимоотношений между человеком и природой, идее зеленой экономики и снижения техногенной нагрузки на окружающую среду [2]. Эта концепция сейчас приобретает социальную основу, делая акцент на бедности, голодании, бесправии женщин, высокой смертности среди детей [3].

Система устойчивого развития рассматривается через триединый подход, который включает в себя: социальный аспект, экологический аспект и экономический аспект (см. рис.). Рассматривая диаграмму, приведенную на рисунке, стоит отметить, что воспроизводство человеческого капитала напрямую взаимосвязано со всеми тремя аспектами данной концепции.

Рис. Диаграмма триединого подхода к устойчивому развитию

Экономический аспект подразумевает собой рациональное использование ограниченных ресурсов: социальный капитал, человеческий капитал, репутационный капитал и физический капитал. Только грамотная система государственного управления позволит использовать и повышать имеющийся человеческий капитал. Воспроизводство человеческого капитала напрямую зависит от внешней и внутренней политики государства, которая должна способствовать его росту. Социальный аспект данной концепции основывается на принципе сохранения социальных и культурных систем в обществе, что в дальнейшем положит основу развитию человеческого капитала. Экологическая составляющая триединого подхода также напрямую влияет на развитие человеческого капитала. Создание благоприятных условия для будущих поколений будет являться одним из самых важных факторов при миграции человеческих ресурсов.

Иной нюанс связан с макроэкономической задачей регулировки воспроизводства человеческих ресурсов, принимая во внимание модернизацию, заявленную как ключевой вектор для осуществления постоянного и долговременного развития экономики России. «Нужда в основном усовершенствовании социальной и экономической системы (сформулировалась впоследствии двадцатилетнего промежутка модификации отечественной экономики) не опровергается экономистами, вместе с тем фактом, что в это время общероссийская экономика являлась дателем ресурсов для технологически передовых стран. Вдобавок, в предварительном отчете об итогах экспертной работы по актуальным вопросам планирования социально-экономического развития России вплоть до 2020 года "Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика" общемировое изменение воспроизводства человеческих ресурсов изучено, можно сказать, лишь с точки зрения осуществления миграционной политики» [4].

Безусловно, внешняя политика государства в сфере миграции человеческого капитала является неотъемлемо важным составляющим элементом развития государства, но данная политика может оказаться контрпродуктивной. На современном этапе развития национальных экономических систем выстраивание административных барьеров в целях предотвращения миграции человеческого капитала также может сказаться губительным образом на развитии социальной и внутренней политики государства. Нельзя отрицать, что идея саморегулирования воспроизводства человеческого капитала была нужна как теоретико-методологическое основание разбора «скрытых» национальных порядков с устоявшимся рыночным механизмом и пониженным уровнем заинтересованности в

микрохозяйственных связях. В этих системах правительство выступает в роли «ночного сторожа», а «невидимая рука» обеспечивает стабильное воспроизводство и распределение данного ресурса в закрытой экономике страны. Данная система, конечно, невозможна в современном мире и может быть использована только как теоретическая абстракция для построения гипотез и решения определенных задач.

Опыт неудачного примирения советских социальных и экономических политик демонстрирует эффективность осуществления синергетических доступов и простоту способа линейной экстраполяции тенденций прошлых лет. В нынешнем обществе процесс глобализации ни в коем случае не уменьшает роль государства, а, наоборот, в некотором смысле её увеличивает. При развитии процесса глобализации на государство возлагается все более ответственная роль производителя всех необходимых ресурсов для устойчивого развития экономики страны.

Государственную политику воспроизводства человеческого капитала следует рассматривать с учетом государственных стратегий: социальных, экономических и экологических. К принципам, при исполнении которых становится возможным развитие государственной системы урегулирования воспроизводства людских ресурсов при учёте нынешнего потенциал-центрированного способа, относятся [6]:

- научно-концептуальные, которые описывают основные черты государственного регулирования воспроизводственных процессов (целостность, системность, комплексность);
- стратегические (стратегическое целеполагание, рациональность, выделение приоритетного звена, обеспечение конкурентоспособности экономики, преемственность, национальная безопасность);
- аксиологические (приоритет ценностных установок, социальная ответственность, равенство возможностей, добросовестность);
- ориентированные на результат (надситуационность, взаимная выгодность, эффективность, прозрачность механизмов и правил);
- процессные (сбалансированность, непротиворечивость, селективность, проактивность, гибкость, финансовая обеспеченность, согласованность, непрерывность).

Базируясь на исходных тезисах, государственная модель регулирования воспроизводства человеческого капитала должна включать в себя главные тенденции мировой экономики, макроэкономической, социальной и экологической политики государства. В современной мировой экономике, государственной политике воспроизводства человеческого капитала следует также считывать все фазы движения и закономерности воспроизводства этого ресурса: формирование, распределение, обмен и использование.

Следует отметить, что воспроизводство человеческого капитала в современном обществе уже не обременено рамками национального хозяйства. На данном этапе глобализации и развития мировой экономики воспроизводство данного ресурса происходит в глобальном экономическом пространстве. Глобальный рынок труда на данный момент является более развитым институтом, нежели отдельное государство. При распределении человеческого капитала охватываются все виды рабочей силы, как неквалифицированный человеческий капитал в странах третьего мира, так и высококвалифицированных работников, которые являются специалистами, например в сфере НИОКР.

Их единство состоит в том, что формирование бюджета для финансирования образовательных учреждений, которые служат рычагом для воспроизводства человеческого потенциала, формируется за счет государственного бюджета и за счет национальных хозяйств. Страны с неустоявшейся экономикой и растущими рынками получили от прошлого социального строя системы государственного финансирования профессионального образования. Человек, получивший профессиональное образование в стране, стремится жить и трудиться там, где его рабочее место будет соответствовать его желаниям и удовлетворять его потребности.

Стоит отметить, что немалую роль при выборе рабочего места также играет уровень социального капитала, который находится на сравнительно низком уровне по отношению к развитым странам. С одной стороны, государство тратит государственный бюджет для того, чтобы предоставить этому человеку бесплатное образование, но с другой стороны получается, что этот человек не станет частью экономики этой страны. Конечно, можно аргументировать это тем, что этот человек все равно остается налоговым резидентом данной страны, и в государственный бюджет все равно будут поступать налоговые отчисления, но это не решает главную проблему – обеспечение профессиональ-

ной рабочей силы, инвестирование средств бизнеса и обеспечение в стране стабильного роста экономики.

На данный момент высокой конкурентоспособностью обладают те страны, в которых наблюдаются высокий уровень жизни и развитая инфраструктура. Развивающиеся страны являются странами-донорами человеческого капитала, который мигрирует в страны с более высоким уровнем жизни. Россия входит в список стран-доноров, которых активно используют зарубежные институты и компании.

Преобразовательные процессы воздействуют на развитие биосоциального начала человеческих возможностей. В современном обществе многие производства, которые удовлетворяют спрос потребителя на различные товары, как правило, базируются не в границах развитых стран в силу нескольких факторов: высокий подоходный налог, дорогая рабочая сила, высокая конкуренция. В целях максимизации своей прибыли эти производства сосредоточены в странах с низким уровнем жизни, что, в свою очередь, означает большое предложение дешевой рабочей силы. Вынос некоторых отраслей производства за пределы развитых стран означает, что эти страны уже сами не способны удовлетворить спрос своего населения и вынуждены закупать продукцию в таких странах, как Камбоджа, Филиппины и др.

Интернационализация и мировое разделение труда привели к тому, что многие страны утратили возможности по воспроизводству человеческого капитала. Обеспечение необходимых ресурсов для развитых стран обеспечивается их военными и политическими союзами. Стоит заметить, что данная концепция не может быть применима для стран, которые этих связей не имеют, так как это приведет к нехватке ресурсов, недовольству населения и политической нестабильности.

При формировании государственной политики необходимо затрагивать все уровни и направления экономической и социальной политики государства. С целью предотвращения «утечки мозгов» за границу, необходимо создать систему механизмов компенсационных выплат, но при этом необходимо не нарушать права россиян на выезд из страны и не подвергать опасности систему бесплатного образования. Специалисты, работающие за границей, будут обязаны в течение ряда лет выплачивать компенсацию государству за полученное ими бесплатное образование. Можно будет ввести и коэффициент с пониженной ставкой для тех, кто отработал в России определенное количество лет.

Этот алгоритм нужно будет применить на обладателях профессиональных навыков, сформированных за счет бюджета государства. Необходимость создания экономических средств предотвращения отрицательного эффекта «утечки умов» в мировое экономическое пространство увеличивается благодаря относительному увеличению государственных инвестиций в образование. Таким образом, согласно данным, содержащимся в расширенной правительственной версии долгосрочного прогноза развития России до 2030 года, предполагается возрастание инвестиций в образование до 5,1-5,2% ВВП государства [8].

То есть, на каждом промежутке развития экономической системы создание и адаптация главных принципов и линий государственного управления воспроизводством человеческого потенциала становятся важной научно-практической задачей, от результативного выполнения которой зависит прогрессивная тенденция в поступательном движении экономики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях преодоления кризиса. Монография в 2 томах / под ред. С.А. Дятлова, Д.Ю. Миропольского, В.А. Плотникова. СПб., 2010. Том 2.
2. Инвестиционный портал Ленинградской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enoblinvest.ru/ru/investpolitika/promishlenniye-klasteri/klaster-avtomobilestroeniya> (дата обращения 11.04.2018).
3. Официальный сайт Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://econ.lenobl.ru/work/innovation> (дата обращения 11.04.2018).
4. Павлов К.В. Инвестиции, инновации и интенсификация нанопроизводств // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. Т. 2. № 53. С. 17-25.
5. Паращенко А.А. Значение инвестиций и инноваций в процессе модернизации экономики // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 3. № 41. С. 68-71.

5. Рейтинг регионов по развитию науки и новых технология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iarating.ru/infografika/20150324/610650336.html> (дата обращения 11.04.2018).
6. Россия, вперед! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/5413> (дата обращения 11.04.2018).
7. *Сачук С.Н.* Разработка стратегии соединения инноваций и инвестиций в инновационно-инвестиционный процесс // Актуальные вопросы развития современного общества: сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. Курск, 2016. С. 269-271.
8. *Таиров С.О.* Труд как важнейший фактор роста инвестиций в человеческий капитал // Потенциал современной науки. 2016. № 3 (20). С. 77-82.
9. *Узакбаева А.С.* Теоретические аспекты вопросов инвестиций в человеческий капитал // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 2. С. 149-151.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЬЕТНАМА

Аннотация. В статье проанализировано состояние и направления развития деревообрабатывающей промышленности во Вьетнаме. Полученные результаты являются базой для оценки ее устойчивости развития. Представлены возможности и перспективы развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама.

Ключевые слова. Устойчивое развитие предприятий, деревообрабатывающая промышленность Вьетнама, перспективы развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама, возможности устойчивого развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама.

Tran Thi Hai Yen, Tereshchenko S.V.

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF WOOD PROCESSING INDUSTRY IN VIETNAM

Abstract. The article analyzes the state and development trends of the wood processing industry in Vietnam. The results obtained can be used for assessing sustainable development of wood processing industry in Vietnam. The opportunities and perspectives of the development of wood processing enterprises in Vietnam are presented.

Keywords. Sustainable development of enterprises, wood processing industry in Vietnam, prospects for the development of wood processing industry, opportunities for the development of wood processing industry in Vietnam.

Анализ развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама

Продукция деревообрабатывающей промышленности стала пятой по величине экспортной статьей Вьетнама после нефти, текстиля, обуви и морепродуктов. Вьетнам стал ведущим экспортером мебели в Юго-Восточной Азии в период 2016-2017 гг. Качество продукции деревообрабатывающих предприятий Вьетнама постоянно улучшается и достойно конкурирует с продукцией других стран региона. В настоящее время во Вьетнаме насчитывается около 4500 деревообрабатывающих предприятий. Динамика роста количества предприятий в период с 2013 до 2017 гг. отражена на рисунке 1 [1].

Большинство деревообрабатывающих предприятий сосредоточено в южных провинциях (Хошимин Бинь Дуонг, Дак Лак, Бинь Дуонг, Гиа Лай, Дак Лак и т.д.). Мебельные предприятия, производящие мебель из бамбука, расположены, главным образом, в северных провинциях и в дельте реки Ред-Ривер, недалеко от таких городов, как Ханой, Бак-Нинь, Ха-Тей и Винь-Фук.

95% деревообрабатывающих предприятий являются частными и только 5% являются государственными. 16% частных предприятий созданы с привлечением иностранных инвестиций. Не-

ГРНТИ 08.00.05

© Чан Тхи Хай Иен, Терещенко С.В., 2018

Чан Тхи Хай Иен – аспирантка кафедры экономической теории и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета.

Светлана Викторовна Терещенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Терещенко С.В.): 191023, Санкт-Петербург, Новороссийская ул., 36 (Russia, St. Petersburg, Novorossiyskaya str., 36). Тел.: +7 921 910 73 26. E-mail: teresveta@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 06.07.2018.

смотря на то, что доля предприятий с прямыми иностранными инвестициями невелика, их доля в экспорте продукции из древесины составляет около 50%. В настоящее время в деревообрабатывающей промышленности Вьетнама заняты около 400 тыс. человек (см. рис. 2). Только 2% всех работников имеют высшее образование; 30% от общей численности работников имеют среднее специальное образование, остальные не имеют специального образования и занимаются неквалифицированным трудом (70-80%).

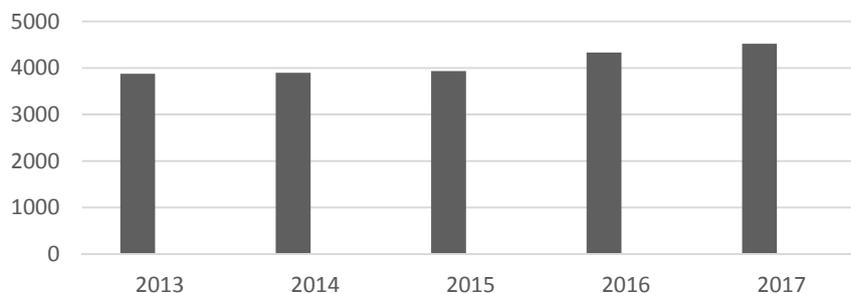

Рис. 1. Количество деревообрабатывающих предприятий Вьетнама в 2013-2017 гг.

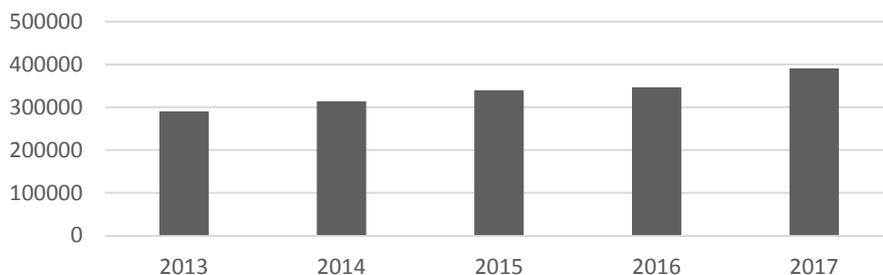

Рис. 2. Количество работающих в деревообрабатывающей промышленности в 2013-2017 гг., чел. [1]

Низкий уровень квалификации работников в деревообрабатывающей промышленности Вьетнама приводит к низкому уровню производительности труда, которая составляет лишь около 50% производительности труда в деревообрабатывающей промышленности Филиппин, 40% – в Китае и 20% – в Европейском Союзе [6]. Учитывая текущий уровень квалификации работников деревообрабатывающей промышленности Вьетнама, остро стоит вопрос подготовки и повышения их квалификации.

Основные виды продукции, выпускаемой деревообрабатывающей промышленностью Вьетнама, представлены в таблице 1. Основные виды продукции деревообрабатывающей промышленности Вьетнама в 2015 году – это щепа, фанера, пеллеты. За анализируемый период 2015-2017 гг., наибольший темп роста выпуска был у таких видов продукции как пеллеты, щепа и плиты.

Таблица 1

Выпуск основных видов продукции деревообрабатывающей промышленности, куб. м [1]

Основные виды выпускаемой продукции	2015	2016	2017	Темпы роста, %	
				2016 к 2015	2017 к 2016
Щепа, куб. м	8 062 563	7 221 613	8 201 298	89.6	113.6
Пиломатериалы, куб. м	565 803	615 683	520 556	108.8	84.5
Фанера, куб. м	2 420 668	3 668 207	4 024 753	151.5	109.7
Плиты, куб. м	53 537	56 103	61 996	104.8	110.5
Пеллеты (тонны)	974 711	1 350 606	1 834 000	138.6	135.8

Продукция деревообрабатывающей промышленности производится в основном на экспорт. Внутренний рынок потребляет только 20% производимой продукции. Основные виды продукции деревообрабатывающей промышленности, экспортируемые из Вьетнама, представлены в таблице 2. Основные виды экспортируемой продукции Вьетнама в 2015 году – это мебель, щепа древесная и пиломатериалы. В 2017 году по сравнению с 2015 годом структура экспорта изменилась. Увеличилась доля мебели на 4,09 процентных пункта, увеличилась доля фанеры на 2,28, при этом доля пиломатериалов в экспорте снизилась на 3,6.

Таблица 2

Основные виды продукции деревообрабатывающей промышленности, экспортируемые из Вьетнама, долл. США [2]

Основные экспортные товары	2015		2016		2017	
	Стоимость	доля (%)	стоимость	доля (%)	стоимость	доля (%)
Древесные гранулы	142 963 100	2,19	172 044 851	2,62	172 044 851	2.40
Щепа древесная	1 166 400 705	17,86	986 850 338	15,00	1 072 656 296	14.95
Пиломатериалы	372 332 300	5,70	229 312 128	3,49	150 358 242	2.10
Фанера	246 071 386	3,77	322 324 780	4,90	434 151 199	6.05
Мебель	4 514 135 126	69,10	4 789 357 921	72,80	5 252 086 266	73.19
Другие изделия	90 534 826	1,39	79 220 293	1,20	94 682 024	1.32
Итого	6 532 437 443	100	6 579 110 311	100	7 175 978 878	100

В настоящее время продукция деревообрабатывающей промышленности Вьетнама экспортируется в 120 стран мира. При этом экспорт продукции деревообрабатывающей промышленности в основном ориентируется на три ключевых рынка: США, ЕС и Японию. Большинство видов продукции деревообрабатывающей промышленности Вьетнама успешно конкурируют с предприятиями Китая, Таиланда, Индонезии, Малайзии, Восточной Европы и Латинской Америки. Это является показателем значительного успеха в развитии деревообрабатывающей промышленности, учитывая тот факт, что Вьетнам импортирует 30-50% сырья для деревообрабатывающей промышленности. Основные страны, в которые экспортируется продукция деревообрабатывающей промышленности Вьетнама, представлены на рис. 3.

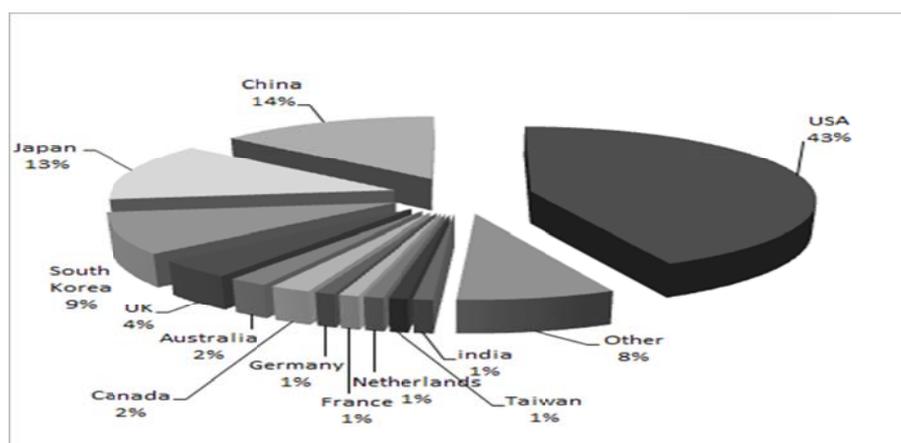

Рис. 3. Страны-импортеры древесины и изделий из древесины Вьетнама в 2017 году (%) [2]

В последние годы структура экспорта продукции деревообрабатывающей промышленности Вьетнама резко изменилась: от сосредоточения внимания на Тайване, Сингапуре, Корее и т.д., через которые осуществлялся реэкспорт в третью страну, до экспорта продукции непосредственно на конечные потребительские рынки.

Оценка устойчивости развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама

Устойчивость развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама в значительной степени зависит от решения проблем, которые сегодня стоят перед ней. Основными проблемами являются:

1. Обеспечение сырьем деревообрабатывающей промышленности.

Сырье для деревообрабатывающей промышленности во Вьетнаме получают в основном из двух основных источников: отечественного древесного сырья, выращиваемого на плантациях, и импорта древесины (см. рис. 4). С 2014 года правительство Вьетнама приняло решение закрыть естественные леса для лесозаготовок, поэтому источником сырья для деревообрабатывающей промышленности является древесина с плантаций. Площадь плантаций в настоящее время составляет около 3,2 млн гектаров, объем запаса древесины достигает около 60 млн куб. м. Тем не менее, на плантациях, в основном, выращивают акацию и эвкалипт, которые характеризуются малым диаметром. Такое сырье не всегда можно использовать в деревообрабатывающей промышленности.

В связи с этим, обеспечение сырьем деревообрабатывающей промышленности Вьетнама существенно зависит от импортируемой древесины. При этом возникают риски, связанные с принятием решений по антидемпингу (такие как были приняты США в отношении Китая), которые могут быть приняты правительствами стран-экспортеров. Это может привести к возникновению проблем с обеспечением сырьем деревообрабатывающей промышленности Вьетнама.

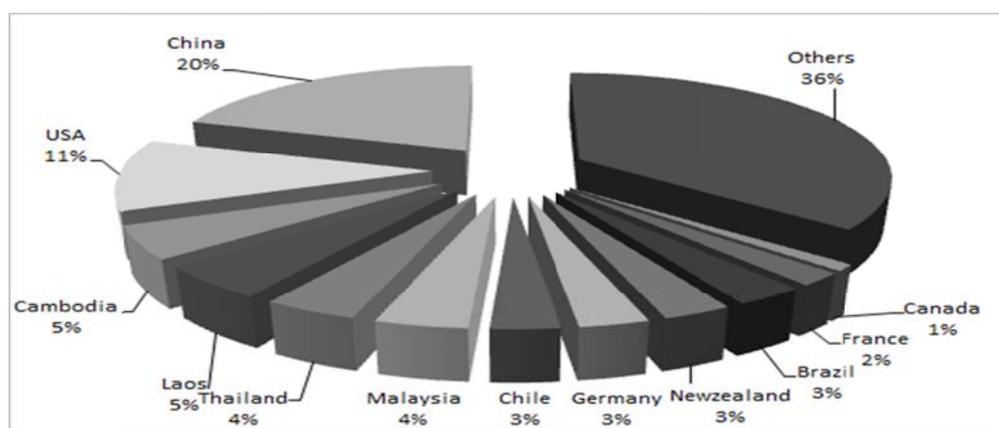

Рис. 4. Структура импорта древесины во Вьетнаме в 2017 году (%) [2]

В настоящее время импортная древесина обеспечивает до 30-50% общей потребности деревообрабатывающей промышленности Вьетнама [3]. Вьетнам импортирует сырье из более чем 100 стран. В настоящее время большая часть древесного сырья импортируется из Лаоса и Камбоджи, но импорт древесины из этих стран не может полностью покрыть потребность. С 2005 года Малайзия и Индонезия не разрешают вывозить пиловочник на экспорт, что также создает определенные трудности для обеспечения сырьем деревообрабатывающих предприятий Вьетнама. Импортированное сырье имеет хорошее качество, поэтому оно, в основном, используется для производства продукции на экспорт. Использование древесины, выращенной на плантациях во Вьетнаме, для экспорта невелико, поскольку сырье, производимое во Вьетнаме, не обладает соответствующим качеством.

2. Необходимость сертификации для подтверждения происхождения древесины.

Вьетнамские предприятия сталкиваются с трудностями при экспорте на два основных рынка: в Европу и США. Это связано с тем, что они должны использовать для производства продукции 70% сырья с сертификатом FSC-CoC (Forest Management – Chain of Custody), оставшиеся 30% сырья должны иметь подтверждение своего происхождения. Кроме того, с марта 2013 года экспортеры древесины в ЕС должны использовать законодательство FLEGT (Forest Law Enforcement, Governance and Trade): оно также требует, чтобы продукция, экспортируемая в ЕС, имела сертификаты о происхождении древесины.

Однако сертификаты FSC во Вьетнаме были выданы только на около 200 000 га, что составляет только 8% лесных площадей. В ближайшие годы обеспечение 100% сертификации FSC поставляемой древесины является самой большой проблемой для вьетнамских предприятий деревообрабатывающей промышленности [4]. Без наличия таких сертификатов вьетнамским предприятиям будет невозможно выходить на рынки сбыта, что может повлиять на доходы, получаемые предприятиями, и, соответственно, на устойчивость их развития.

3. Размер предприятий.

В основном в деревообрабатывающей промышленности Вьетнама работают малые и средние предприятия. Таким предприятиям очень сложно заключать крупные иностранные контракты. Они в основном передаются на внешний подряд и не имеют собственных фирменных наименований. Более того, малые и средние предприятия наиболее подвержены влиянию на устойчивость их развития внешних факторов. У них практически отсутствует возможность инвестирования финансовых ресурсов в развитие.

4. Низкий уровень квалификации работников деревообрабатывающей промышленности.

Низкий уровень квалификации работников деревообрабатывающей промышленности приводит к низкому уровню производительности труда и не всегда высокому уровню качества. Обучению персонала для деревообрабатывающей промышленности не уделяется должного внимания. Эта деятельность не обеспечивается надлежащими инвестициями, как на уровне компаний, так и на государственном уровне.

5. Использование устаревших технологий при производстве продукции деревообработки.

В настоящее время в деревообрабатывающей промышленности Вьетнама в основном используются устаревшие технологии обработки древесины. Более того, в основном применяется ручной труд.

Возможности и перспективы устойчивого развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама

Для обеспечения устойчивого развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама можно выделить следующие возможности и перспективы:

1. Расширение экспортного потенциала деревообрабатывающей промышленности Вьетнама.

Мировой рынок деревообработки имеет большой потенциал. Прежде всего, экспортный потенциал деревообрабатывающей промышленности Вьетнама может быть повышен за счет развития мебельной промышленности. В мире ежегодно тратят около 150 миллиардов долларов на покупку мебели. На рынке США тратят около 40 миллиардов долларов, в Японии – 13, а в Германии, которая является крупнейшим рынком в ЕС, – примерно 9.

Повышение роли Вьетнама на рынке мебели возможно за счет влияния следующих факторов: во-первых, за счет снижения роли Китая на мировом мебельном рынке вследствие принятых антидемпинговых санкций США в отношении Китая; во-вторых, рост экспортного потенциала деревообрабатывающей промышленности Вьетнама возможен за счет расширения экспорта в страны ЕС на основе соглашения о зоне свободной торговли Вьетнам – ЕС (EVFTA) и партнерского соглашения «Правоприменение, управление и торговля в лесном секторе» (VPA/FLEGT). Согласно достигнутым договоренностям, большая часть продукции деревообрабатывающей промышленности Вьетнама в ЕС будет пользоваться налогом по ставке 0%; в-третьих, продукция деревообрабатывающей промышленности становится все более разнообразной по типам и моделям, отвечающим требованиям, предъявляемым потребителями на внешних рынках, при этом в Вьетнамские компании осуществляют инвестиции в улучшение качества продукции.

2. Обеспечение устойчивого дохода предприятий деревообрабатывающей промышленности за счет реализации продукции на внутреннем рынке.

Население Вьетнама превышает 90 млн человек, быстро развивается сектор недвижимости, что обеспечивает дополнительные стимулы для развития деревообрабатывающих предприятий. Внутреннее потребление продукции деревообрабатывающей промышленности за последние пять лет (2013-2017) составляет в среднем около 40% от общей стоимости произведенной во Вьетнаме продукции и продолжает расти [5].

3. Использование модели сотрудничества между деревообрабатывающими предприятиями и крупными лесозаготовителями, имеющими сертификаты устойчивого лесопользования в провинциях Йен-Бай, Туйен-Куанг и Куанг-Три.

Использование древесины, имеющей подтверждение своего происхождения, стало обязательным в большинстве стран, в том числе и во Вьетнаме. Использование модели взаимодействия между деревообрабатывающими предприятиями и лесозаготовителями позволит решить две основные проблемы: во-первых, обеспечение сырьем деревообрабатывающей промышленности, во-вторых, возможность обеспечения взаимовыгодного взаимодействия лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий.

4. Обеспечение сырьем деревообрабатывающих предприятий.

Недостаточные объемы сырья для развития деревообрабатывающей промышленности во Вьетнаме является серьезной проблемой для ее устойчивого развития. Поскольку ожидается, что к 2020 году экспорт продукции деревообрабатывающей промышленности Вьетнама достигнет 10 млрд долларов, это потребует дополнительной поставки сырья в объеме 4-5 млн м³ в год. Для преодоления дефицита сырья, могут быть приняты следующие меры:

- разработка стратегии сырьевого устойчивого развития. Она должна предполагать создание плантаций в непосредственной близости от крупных предприятий, чтобы, во-первых, обеспечить достаточное количество сырья для деревообрабатывающей промышленности, во-вторых, за счет этого добиться оптимизации логистических затрат предприятий деревообрабатывающей промышленности;
- необходимо обеспечить выращивание на плантациях таких видов древесных пород, которые могли бы быть использованы для деревообрабатывающей промышленности Вьетнама. В то же время, необходимо использовать методы интенсивного лесоводства и осуществить переход от лесонасаждений с мелким и средним диаметром древесины к древесине с крупным диаметром с целью повышения производительности, качества деловой древесины и, как результат, увеличения поставок сырья для деревообрабатывающих предприятий;
- введение ограничений на экспорт древесины путем повышения экспортных пошлин на круглую древесину и пиломатериалы, осуществляя, таким образом, контроль за рынком деловой древесины.

5. Развитие деревообрабатывающей промышленности в сочетании с охраной окружающей среды.

В настоящее время все большее внимание уделяется вопросам охраны окружающей среды. Производственная деятельность деревообрабатывающей промышленности оказывает влияние на качество воздуха и воды. Деревообрабатывающая промышленность Вьетнама может осуществлять следующие мероприятия по охране окружающей среды: во-первых, использование дружественных к окружающей среде зеленых технологий, во-вторых, эффективное использование природных ресурсов, в-третьих, необходимо создание системы управления отходами производства.

6. Создание базы для обучения персонала деревообрабатывающих предприятий.

В деревообрабатывающей промышленности Вьетнама ощущается острая нехватка кадров. Количество учреждений, позволяющих получить профессиональное образование в области деревообработки, недостаточное. В основном специалистов обучают на краткосрочных учебных курсах. Для обеспечения развития человеческих ресурсов можно предложить следующие мероприятия:

- необходимо разработать прогноз потребности в трудовых ресурсах на определенный период времени (5 лет) на государственном уровне для подготовки рабочих к переквалификации в случае предполагаемого изменения структуры занятости;
- в дополнение к долгосрочному обучению (высшему, среднему специальному и профессиональному), необходимы учебные программы краткосрочного обучения или повышения квалификации. Такие программы могут быть созданы на основе взаимодействия государства, бизнеса и учреждений системы образования. Роль государства в этих программах заключается в поддержке промышленности на основе государственных заказов. Заинтересованность бизнеса может быть обеспечена предоставлением налоговых льгот для тех представителей бизнеса, которые инвестируют средства в образование своих сотрудников;
- необходимо сформулировать стандарты оценки качества профессиональной подготовки работников для деревообрабатывающих предприятий Вьетнама;

В настоящее время можно выделить следующие наиболее востребованные направления обучения сотрудников деревообрабатывающих предприятий: древесиноведение, технология деревообработки,

технология производства фанеры, технология сушки и защиты древесины, оборудование деревообрабатывающих производств. Для того, чтобы деревообрабатывающая промышленность развивалась устойчиво, предприятия должны сосредоточиться на развитии человеческих ресурсов. Кроме того, они должны создать эффективную систему мотивации персонала в организациях.

Все вышеперечисленные факторы влияют на возможности устойчивого развития деревообрабатывающей промышленности Вьетнама. Для реализации целей ее устойчивого развития необходимо сосредоточить внимание на технологических инновациях, использовании современной техники, инвестициях в человеческий капитал в целях развития трудовых ресурсов для удовлетворения потребностей промышленного производства нового времени.

Также необходимо обратить внимание на построение эффективной системы управления бизнесом, применение информационных технологий в процессе эксплуатации и управления бизнесом. Для обеспечения устойчивого развития с точки зрения экологии необходимо рационально использовать ресурсы, избегать чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, не разрушить экологический баланс. Во время производства следует уделять внимание защите окружающей среды, предотвращению загрязнения окружающей среды и защите здоровья работников и населения. Развитие производства должно быть тесно связано с рынком, полностью отвечать потребностям и вкусам потребителей.

Решение указанных проблем, стоящих перед деревообрабатывающей промышленностью Вьетнама, позволит, по мнению авторов статьи, обеспечить ее устойчивое развитие в настоящее время и в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Главное статистическое управление Вьетнама. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gso.gov.vn/Default.aspx?tabid=217> (дата обращения 10.03.2018).
2. Вьетнамская таможня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://customs.gov.vn/default.aspx> (дата обращения 11.02.2018).
3. Трудность материалов деревообрабатывающей промышленности сегодня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://godaingua.vn/tin-tuc/nhung-kho-khan-cua-nguyen-lieu-nganh-go-hien-nay-3055> (дата обращения 02.02.2018).
4. Деревообрабатывающая промышленность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doanhnhansaigon.vn/chuyen-lam-an/nganh-go-truoc-trien-vong-thue-suat-0-1075884.html> (дата обращения 01.03.2018).
5. Внутренний мебельный рынок: доминируют отечественные товары. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://noithatgosoi.com/blog/read/1-news/13-Thi-truong-noi-that-trong-nuoc_-Hang-noi-dang-chiem-uu-the (дата обращения 21.03.2018).
6. Обзор вьетнамской деревообрабатывающей промышленности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cuagocongnghiephdf.com/tong-quan-nghanh-go> (дата обращения 14.06.2018).

Тумарова Т.Г., Воротилин Н.О.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ПОСТАВОК ПРИРОДНОГО ГАЗА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Развитие российско-китайских торгово-экономических связей в области поставок природного газа зависит от многих факторов, одним из которых является экологическая обстановка в КНР и возможные пути решения проблем в данной области, которые будут использовать власти КНР. В статье предпринята попытка оценить влияние контрактов на поставку СПГ из США в КНР и политики, проводимой правительством КНР в области охраны окружающей среды, на развитие российско-китайских связей в области поставок природного газа.

Ключевые слова. Россия, Китай, торговые связи, природный газ, сотрудничество, спрос на природный газ, импорт природного газа в КНР, защита окружающей среды в КНР.

Tumarova T.G., Vorotilin N.O.

DEVELOPMENT OF SINO-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS IN TERMS OF RUSSIAN NATURAL GAS EXPORT TO CHINA

Abstract. Development of sino-russian trade-economic relations in terms of Russian natural gas export to China are influenced by different drivers, one of which is ecological conditions in PRC and possible solutions, that China government may apply to solve this problem. The article attempts to examine the influence of LNG deals between USA and PRC, environmental protection policies in China on further development of sino-russian trade-economic relations in terms of Russian natural gas export to China.

Keywords. Russia, China, trade relations, cooperation, natural gas, natural gas demand, supply of natural gas in China, environmental protection in China.

В конце 2017 – начале 2018 гг. произошло сразу несколько событий, которые стали знаковыми для рынка природного газа КНР и азиатского рынка природного газа. Во-первых, между США и КНР было заключено соглашение о строительстве завода по сжижению природного газа на Аляске, который финансируется китайскими компаниями и который будет использоваться для производства СПГ, поставляемого в дальнейшем в Китай. Проектная мощность завода составляет 20 млн тонн СПГ в год (более 27,5 млрд куб. м в год), что, безусловно, является значительной сделкой для всей отрасли; поставляемый по проекту природный газ составит значительную часть импорта природного газа КНР. Для сравнения: в 2017 году импорт природного газа КНР составил 94,6 млрд куб. м [5], то есть поставки из США увеличат импорт природного газа в КНР на четверть и напрямую повлияют на уровень конкуренции среди поставщиков природного в Китай.

ГРНТИ 06.51.51

© Тумарова Т.Г., Воротилин Н.О., 2018

Татьяна Гельцевна Тумарова – кандидат экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, директор института магистратуры Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Никита Олегович Воротилин – аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Воротилин Н.О.): 195197, Санкт-Петербург, пр. Маршала Блюхера, 8 (Russia, Saint-Petersburg, Marshala Blukhera av. 8). Тел.: 8 950 001-01-34. E-mail: vorotilin@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 30.05.2018.

Согласно построенному авторами прогнозу спроса на природный газ в КНР до 2030 г. (см. рис.), который строился исходя из трех возможных сценариев: базового, негативного и позитивного, по базовому сценарию к 2020 году спрос на природный газ в КНР приблизится к показателю в 250 млрд куб. м в год, а к 2030 г. будет составлять почти 400 млрд куб. м. При это поставки СПГ из Аляски практически полностью удовлетворят рост спроса на природный газ в КНР до 2020 года, который, согласно прогнозу, Китай будет удовлетворять за счет новых контрактов по поставке СПГ.

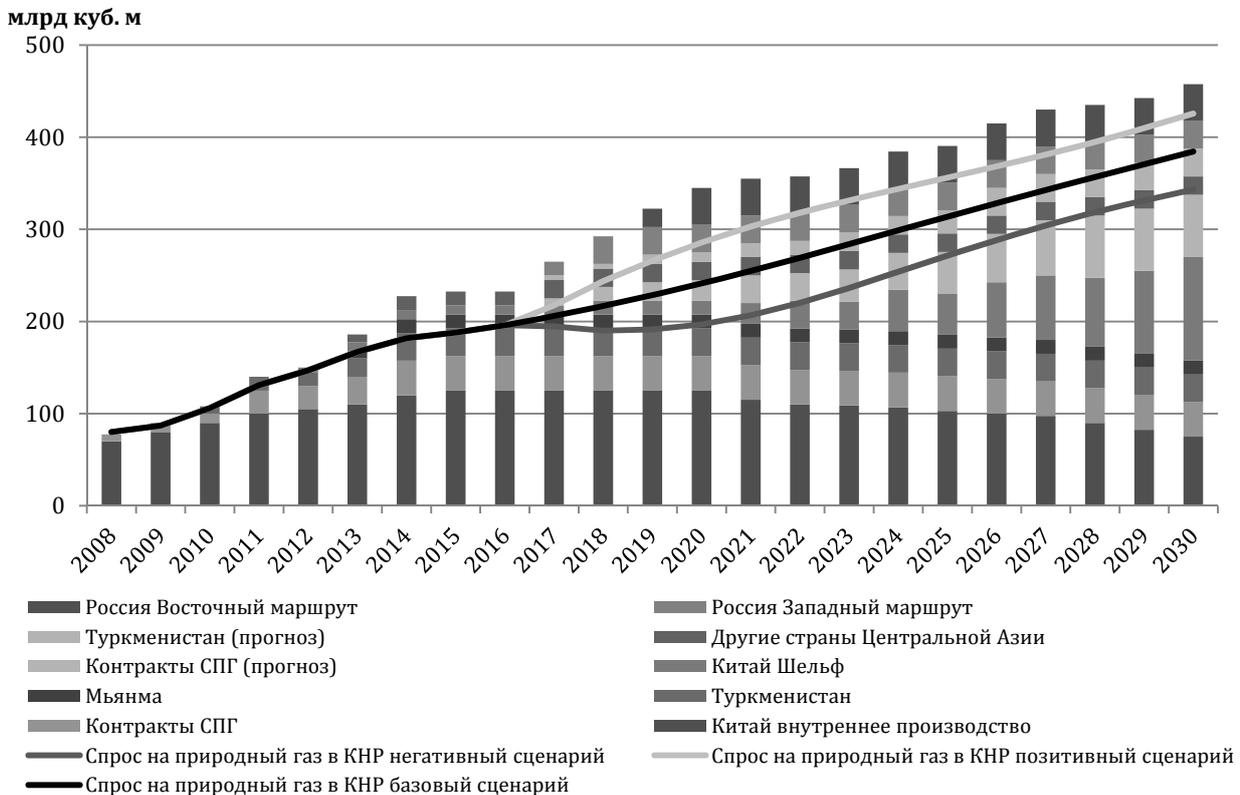

Рис. Прогноз спроса и предложения природного газа в КНР до 2030 г., млрд куб. м [1]

Одним из возможных последствий заключения данного контракта между КНР и США может стать увеличение доли СПГ в общей структуре импорта природного газа КНР. Однако, основной причиной заключения подобного контракта с США для КНР стала не низкая цена сжиженного природного газа, который будет поставляться по данному контракту из Аляски в Китай, а возможность совершить оплату государственным долгом США, который уже несколько лет выкупает правительство КНР. Из этого можно сделать вывод, что заключение данного контракта говорит о желании КНР получать природный газ из максимально большого количества источников, с целью дальнейшего наращивания использования природного газа, а не о желании КНР получать природный газ именно и только из США.

Другим важным событием стало изменение политики защиты окружающей среды КНР. В Плане энергетического развития в период тринадцатой пятилетки обозначен курс на снижение потребления наиболее грязного вида каменного угля, используемого преимущественно для отопления домохозяйствами и промышленными предприятиями, не менее чем на 40% [2]. Начиная с зимы 2017-2018 гг. вступили в силу ограничения на использование угля «санмей» для домашнего и промышленного отопления в северных провинциях КНР, что привело к целому ряду негативных последствий для экономики регионов.

Во-первых, столь резкий отказ от используемого долгое время каменного угля происходил в условиях необычно холодной зимы, что привело к непредсказуемому росту спроса на другие источники энергии в северных районах Китая. Основным источником замены каменного угля стал природный

газ, что вызвало его дефицит в регионе и, как следствие, рост цен на сжиженный природный газ почти на 10 долларов США на ЖКМ в декабре 2017 года [6].

Во-вторых, многие предприятия понесли убытки в связи с вынужденной остановкой производства. Отсутствие развитой инфраструктуры по использованию, хранению и транспортировке природного газа привело к тому, что многие предприятия временно прекратили производство, в котором необходимо использование природного газа. Это связано с тем, что объемы природного газа, предназначенные для использования этими предприятиями, были направлены на отопление домохозяйств, приоритет которых был обозначен правительством КНР в процессе реализации политики снижения использования каменного угля. Так, компания Юньнань Юньхяньхуа, занимающаяся производством химической продукции, оценивает свои убытки в связи с остановкой деятельности в декабре 2017 года в 25 млн юаней, а сама компания, управляющая производством, потеряла почти 20% стоимости по сравнению с осенью 2017 года. Другие предприятия химической промышленности также понесли убытки в связи с частичной или полной остановкой производственной деятельности зимой 2017-2018 гг. К таким компаниям относятся, например, Хубэй Ихуа Кемикал Индастри, которая оценивает убытки в 17 млн юаней. Сильный удар пришелся по производителям керамики в провинции Хэбэй, большая часть которых перешла к использованию природного газа в производстве, а в декабре 2017 г. была вынуждена приостановить производство в связи с ростом цен на природный газ.

Зимой 2017-2018 гг. меры правительства КНР ограничились тем, что правительство обязало Sinopet Group создать целевую группу для стимулирования внутреннего производства природного газа, а также увеличения импорта сжиженного природного газа через порт Циндао. Тем не менее, вполне очевидно, что данных мер недостаточно для преодоления нехватки природного газа следующей зимой в случае реализации плана дальнейшего снижения использования каменного угля в КНР. В связи с этим, уже сейчас можно говорить о возможном росте поставок трубопроводного природного газа из России в КНР. О возможности увеличения поставок российского природного газа не только по трубопроводу, но и в форме СПГ заявляли как в России, так и в Китае в начале 2018 года [3].

Именно природный газ, поставляемый по трубопроводу из РФ в КНР, может напрямую поставляться в северные провинции Китая, являясь наиболее дешевым способом преодолеть дефицит природного газа в регионе при наличии соответствующей инфраструктуры. Оценив существующие и строящиеся мощности по хранению и транспортировке сжиженного природного газа, представленные в таблице, составленной авторами на основе данных администрации энергетической информации США [4], можно увидеть, что к 2020 году общий объем возможного потребления СПГ в год в Китае будет составлять не более 113,4 млрд куб. м, в то время как прогнозируемый спрос на природный газ составит более 250 млрд куб. м.

Таблица

Мощность регазификационных терминалов СПГ в Китае, млн куб. м

Город / Провинция	Начальные мощности	Последующее расширение	Всего	Дата запуска	Дата расширения	Поставщик
Гуандун	9.1	3.1	12.2	2006	2011	Катар/Австралия
Фуцзянь	3.5	3.2	6.7	2009	2012	Индонезия
Шанхай	4.0	4.0	8.1	2009	2012	Малайзия
Далянь	4.0	4.0	8.1	2011	2015	Катар/Австралия
Жудун	4.7	8.7	13.3	2011	2014	Катар
Шеньчжень	4.0	4.0	8.1	2013	Н/И	Австралия
Чжецзянь	4.0	8.1	12.1	2012	Н/И	Н/И
Чжухай	4.7	11.4	16.0	2013	Н/И	Н/И
Циндао	4.0	4.0	8.1	2013	Н/И	Австралия
Хайнань	2.7	1.3	4.0	2014	2018	Н/И
Тханшань	4.7	4.0	8.7	2013	Н/И	Катар/Австралия
Бэйхай	4.0	0.0	4.0	Н/И	Н/И	Н/И
Цзянсу	4.0	0.0	4.0	Н/И	Н/И	Н/И
Итого	57.4	55.9	113.4			

Таким образом, правительство КНР встанет перед выбором между расширением инфраструктуры по использованию, хранению и транспортировке более дорогого СПГ и увеличением объемов поставок трубопроводного природного газа в северные провинции Китая из России. Если в 2020 г. разница между спросом на природный газ и возможностями по добыче природного газа в КНР и импорту СПГ будет составлять лишь около 20 млрд куб. м в год, то к 2030 г. разница может составить уже более 80 млрд куб. м в год.

В сложившихся условиях российские компании могут использовать в процессе подготовки аргументов для переговоров о ценах на новые поставки природного газа из России в Китай ситуацию с дефицитом природного газа в КНР, так как наращивание использования природного газа за счет трубопроводного природного газа из России, даже по более высоким ценам, чем те, на которые рассчитывали китайские компании ранее, обойдутся Китаю дешевле, чем очередная остановка производства в целом ряде отраслей промышленности северных регионов КНР, которая выражается не только чистыми потерями прибыли от произведенной продукции, но и потерями капитализации компаниями, которые вынуждены к таким остановкам прибегать.

Учитывая новые тенденции на китайском рынке природного газа, можно сделать вывод, что развитие российско-китайских торгово-экономических связей в области поставок российского природного газа в КНР не только имеют большие перспективы, но существует возможность их развития на более выгодных для российских компаний условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воротилин Н.О. Спрос на природный газ как фактор развития российско-китайских торгово-экономических связей. (диссертационная работа). СПб., 2017.
2. План энергетического развития КНР в период «тринадцатой пятилетки». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbtz/201701/t20170117_835278.html (дата обращения 12.05.2018).
3. Пресс-центр ПАО «Газпром», релиз от 21.12.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/december/article388441> (дата обращения 13.05.2018).
4. EIA China Country Ananysis Brief. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=CHN> (дата обращения 22.04.2018).
5. General Administration of Customs, PRC, Report 01/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302425/1416518/index.html> (дата обращения 13.05.2018).
6. S&P Global Platts JKM (Japan Korea Market) Gas Price Assessment. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.platts.ru/price-assessments/natural-gas/jkm-japan-korea-marker> (дата обращения 10.05.2018).

Бабич С.В.

РОЛЬ ПРИРОДНОГО ГАЗА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЫНКОВ ЕВРОПЫ

Аннотация. Современные тенденции формирования макрорегионального (наднационального) европейского энергетического рынка связаны с политикой экономических лидеров Европейского Союза, направленной на обеспечение энергетической безопасности и устойчивого развития. Рынок электроэнергии Германии является одним из наиболее показательных примеров конкурентоспособности альтернативных энергоресурсов, природного газа и других топливно-энергетических ресурсов на этом рынке. Природный газ является важнейшим энергетическим и «страхующим» ресурсом европейской энергетики. «Региональный» («страновой») подход в прогнозировании динамики топливно-энергетических балансов потребления и доли в нем природного газа важен потому, что позволяет прогнозировать рынок природного газа с учётом специфики влияния ценовых, балансовых, климатических, синоптических, социально-экономических, экологических факторов.

Ключевые слова. Макрорегиональный энергетический рынок, факторы прогнозирования газового рынка Европы.

Babich S.V.

THE ROLE OF NATURAL GAS IN THE FORMATION OF A NEW CONFIGURATION OF MODERN ENERGY MARKETS IN EUROPE

Abstract. Current trends of the formation of the macroregional (supranational) European energy market are associated with the policies of EU economic leaders aimed at ensuring energy security of sustainable development. The German electricity market is one of the most significant examples of the competitive advantages of alternative energy resources, natural gas and other energy resources in this market. Natural gas is the most important energy and "insuring" resource of European energy. «Regional» («country») approach in forecasting the dynamics of energy balances of consumption and the share of natural gas in it is also important because it makes it possible to predict the natural gas market taking into account the specifics of price, balance, climatic, synoptic, socio-economic, environmental factors.

Keywords. Macro-regional energy market, prediction factors of the European gas market.

Современные тенденции формирования макрорегионального (наднационального) европейского энергетического рынка связаны с политикой экономических лидеров Европейского Союза, направленной на обеспечение энергетической безопасности устойчивого развития. В первую очередь, устремления стран ЕС нацелены на снижение зависимости от нефти и, соответственно, нефтепродуктов. Доля нефтепродуктов в промышленности стран ЕС сократилась за последние 15 лет практически вдвое: с 10% до 5%, при общем 5% росте в энергопотреблении [6].

Указанный структурный сдвиг хорошо прослеживается при анализе динамики топливно-энергетических балансов ведущих европейских стран, как в целом, так и в отдельных секторах и отраслях,

ГРНТИ 06.61.33

© Бабич С. В., 2018

Станислав Витальевич Бабич – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8-921-314-12-64. E-mail: stanislavbabitch@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 25.09.2018.

наиболее потребляющих топливно-энергетические ресурсы: производство электроэнергии, металлургия, лесопромышленный сектор, сектор домовладельцев и централизованного субрегионального потребления. Основная тенденция – попытка заменить использование углеводородного сырья на альтернативные топливно-энергетические ресурсы – энергию ветра, солнца, биотоплива, энергию переработки промышленных и бытовых отходов. В ряде стран в энергоемких отраслях достигнуты значительные успехи. За 20 лет (1995-2015 гг.) доля биотоплива в целлюлозно-бумажной промышленности Финляндии, например, выросла с 33% до 55%.

В начале 2000-х годов Европейский Союз сделал попытку перейти на новый глобальный энергетический ресурс – природный газ, в сочетании с местными альтернативными ресурсами: солнечной, ветровой энергией, энергией переработанных промышленных и бытовых отходов, а также биотопливом. В то же время, доля природного газа в энергоемких отраслях промышленности большинства стран ЕС меняется незначительно и с хорошо прослеживаемыми трендами. В первое десятилетие 2000-х гг. значительное внимание в формировании энергетической безопасности ЕС отводилось внедрению СПГ и КПП в транспорте (автомобильном, морском, речном). Программа предполагала создание инфраструктуры заправочных станций СПГ через каждые 400 км и КПП через каждые 150 км [4].

Падение цен на нефть в 2014-2015 гг. и последовавшее падение цен на природный газ привело к снижению конкурентоспособности СПГ катарского, тринидадского и др. происхождения, что обусловило проблематичность осуществления проектов построения транспортно-логистической системы в ЕС, использующей СПГ и КПП.

Незначительные и плавные изменения в структуре потребления топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в вышеперечисленных секторах производства и транспорта позволяют моделировать среднесрочные и долгосрочные изменения в потреблении природного газа с учетом специфики отдельных стран, а в некоторых странах, например в Германии, и отдельных регионов. Учитывая роль электроэнергии в промышленном потреблении в энергоемких отраслях, общий рост энергоемкости европейского общества, политику расширения роли электротранспорта, наиболее заметно конкуренция отдельных видов топливно-энергетических ресурсов проявляется в электроэнергетике.

В значительной степени тенденции формирования современной конфигурации европейского энергетического рынка находятся в зависимости от Парижского соглашения, нацеливающего на сокращение доли углеводородного сырья (в первую очередь, угля) в энергетических балансах стран – участников соглашения и политики сокращения атомной генерации в ряде стран Европы. С переходом ряда европейских лидеров в металлургическом производстве на электрометаллургию сократилось использование угля в этой сфере деятельности, но это, в свою очередь, требует дополнительного роста производства электроэнергии. В то же время, уголь остается самым дешевым энергетическим ресурсом в электроэнергетике.

Несмотря на это, потребности в природном газе в Европе продолжают расти. В 2017 г. потребление газа в европейских странах дальнего зарубежья выросло почти на 5%, продемонстрировав самый высокий показатель за последнее пятилетие. При этом общие поставки газа на европейский рынок (в европейские страны дальнего зарубежья) по контрактам ООО «Газпром экспорт» и по прямым контрактам GAZPROM Schweiz AG в 2017 г. увеличились по сравнению с 2016 г. на 8,4% (15,1 млрд м³) до 194,4 млрд м³ [1]. Значение природного газа на европейском энергетическом рынке и рынке электроэнергии и в дальнейшем будет расти, с учетом его высокой теплотворности, экологичности, транспортабельности, сложившейся и развивающейся газотранспортной инфраструктуры.

Прогнозирование спроса на энергию и газ необходимо рассматривать исходя из ключевых сценарных предпосылок, которые позволяют провести анализ чувствительности топливно-энергетических балансов (ТЭБ) как к влиянию внутренних факторов, так и воздействию внешних условий.

Учитывая особую роль электроэнергии в ТЭБ любых региональных структур и особенно в Европе необходимо особую роль уделить рынку электроэнергии и его связи с потребительским рынком газа. В отличие от других отраслей, потребляющих газ, ТЭБ электроэнергетики европейских стран наиболее динамичен с учетом современной политики ЕС по внедрению конкурентов в виде альтернативных энергетических ресурсов (ветер, солнце, биотопливо, последнее время и энергия промышленных и бытовых отходов), что снижает потребности в газе. С другой стороны, активное развитие электротранспорта и общий рост энергоемкости хозяйства и образа жизни большинства европейских стран

повышает конкурентоспособность природного газа как экологичного, энергоемкого и транспортного энергетического ресурса.

Рынок электроэнергии Германии является одним из наиболее показательных примеров конкурентоспособности альтернативных энергоресурсов, природного газа и других ТЭР на этом рынке. Германия является одним из лидеров активного внедрения альтернативных ресурсов в электроэнергетике. За период 2006-2016 гг. только производство ветровой энергии в Германии выросло с 2.233 MW до 45.910 MW [2]. Германия придерживается политики закрытия атомных станций и сокращения угольной генерации. В Германии прослеживается ярко выраженная региональная дифференциация в использовании альтернативных ресурсов: ветровой энергетики в северной половине Германии (зона ветров «Западного переноса») и солнечной энергетики в южной половине Германии. При этом важно учитывать, что ветровая энергетика Германии интегрирована в общую ветроэнергетическую систему стран Северного и Балтийского морей, солнечная энергетика – в общую инфраструктуру стран Альпийского региона. В обоих случаях активно развиваются экспортно-импортные операции в соответствующих трансграничных регионах.

Несмотря на то, что Германия тратит около 14-15% природного газа в энергетике, именно в этом секторе наиболее наглядно проявляется его конкуренция с другими ТЭР. Учитывая то, что в других энергопотребляющих секторах хозяйства Германии динамика доли потребления ресурсов по разным, легко прогнозируемым причинам, не столь значительна (уголь, лигнит, атомная энергетика, гидроэнергия), динамика потребления газа в электроэнергетике представляет интерес для прогнозирования. Кроме того, технологические особенности ТЭС, работающих на газе, и доступность этого ресурса (с учетом разветвленной инфраструктуры трубопроводных поставок, наличия сети газохранилищ и возможных поставок СПГ) позволяют манипулировать мощностями ТЭС и, соответственно, управлять количеством электроэнергии, поставляемой на рынки Германии и на экспорт. Это позволяет конечным потребителям природного газа – энергетическим компаниям регулировать свою долю на рынке электроэнергии.

Анализируя производство электроэнергии в Германии на различных типах станций (различных ТЭР) становится очевидным, что именно количество производимой ветровой энергии на оффшорных ветровых комплексах Северного и Балтийского морей является регулятором потребления природного газа в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а, следовательно, может непосредственно влиять на ценовые показатели. При этом интересно отметить, что в данном случае не столь важны абсолютные показатели производства электроэнергии. Просматривается четкая закономерность снижения производства электроэнергии на ТЭС, работающих на природном газе, угле и лигните, и даже на атомных станциях в условиях, когда эти объемы могут быть заменены ветровой энергией.

При оценке факторов, оказывающих влияние на прогнозирование потребления природного газа, как и других топливно-энергетических ресурсов, в Европе одним из наиболее дискуссионных положений является оценка роли климатических и погодных условий в динамике потребления тех или иных ресурсов. Эта проблематика важна и при оценке перспектив конкуренции природного газа в мировом энергетическом балансе. Наиболее показательные процессы изменения конфигурации газового рынка (в рамках политики принципиального изменения топливно-энергетического баланса ряда стран ЕС) наблюдаются в странах – экономических лидерах Европы.

При этом целесообразно различать климатически и погодные факторы. Оценка климатических факторов, связанных с процессами общего изменения климата (дискуссия на эту тему открыта), по-видимому, важна при долгосрочных прогнозах потребления ресурсов. Причем, в большей степени это связано с изменениями в потреблении ТЭР в энергоемких отраслях промышленности (лесопромышленный комплекс, металлургия и т.п.). В то же время, погодные (синоптические) факторы могут оказывать краткосрочное воздействие и, поэтому, их следует учитывать при прогнозировании потребления ТЭР в электро- и теплоэнергетике. Конечно, необходимо учитывать, что эти же факторы, косвенно, будут оказывать влияние и на потребление ресурсов в других сферах хозяйства и непосредственно населением, в том числе и частными домовладельцами.

Чаще всего в исследованиях, связанных с прогнозированием и моделированием изменений в ТЭБ используют показатели абсолютных величин температуры воздуха (в лучшем случае средневзвешенных отклонений этих величин) в различных городах, прогнозируя «холодную» или «теплую» зиму, или соответственно – лето. Остальным факторам уделяется незначительное внимание или они прин-

ципально игнорируются, как несущественные. В то же время, анализ данных ветровой активности показывает её значительное влияние на конкуренцию различных топливно-энергетических ресурсов в электро- и теплоэнергетике. На рис. 1 показано совпадение минимальных и максимальных значений в производстве электроэнергии на электростанциях, использующих ветровую энергию и природный газ в Германии в начале этого года.

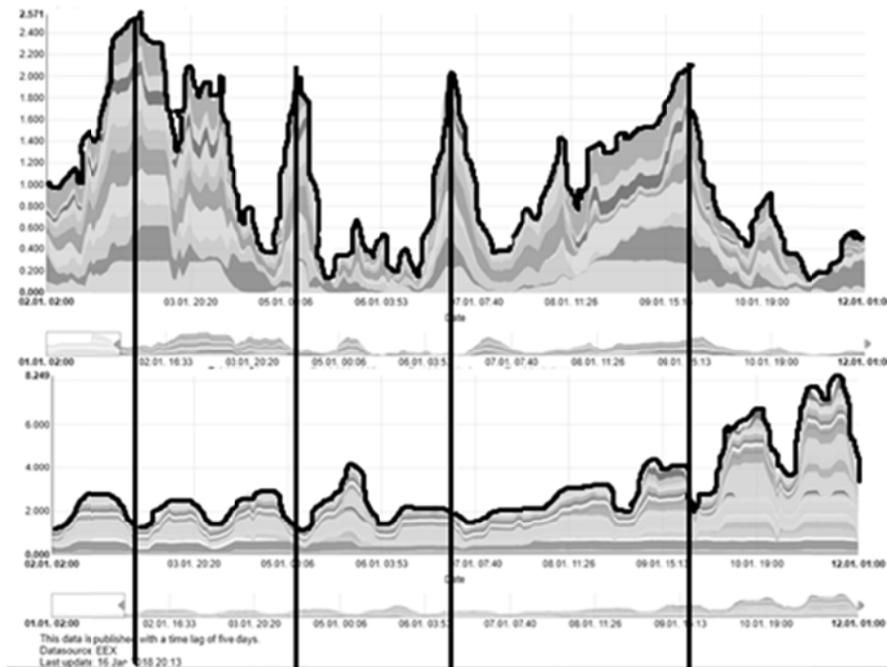

Рис. 1. Обратная связь ветровой и газовой генерации электроэнергии в Германии [3]

Очевидно, что компании, производящие и продающие электроэнергию, в данном случае, «конечные потребители», в том числе российского газа, и владеющие различными типами электрогенерирующих мощностей, снижают производство «газовой» энергии в момент резкого увеличения производства «ветровой» энергии (рис. 2). Заметно аналогичное снижение производства электроэнергии и на станциях, работающих на угле.

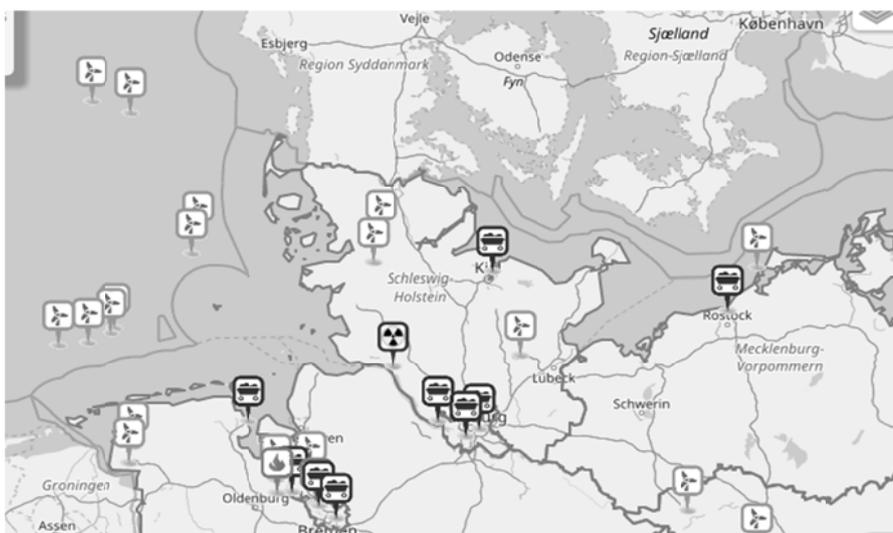

Рис. 2. Региональная конкуренция электростанций, использующих различные типы ТЭР в регионе Северного и Балтийского морей [3]

Увеличение производства «ветровой энергии» позволяет даже снижать мощности производства энергии на атомных станциях. При подобном прогнозировании необходимо моделировать ситуацию на «региональном» уровне – уровне торговых зон. На рис. 3 показано снижение мощности производства на АЭС Brokdorf Nuclear Power Plant. Кстати, планируемое закрытие этой станции следует учитывать при долгосрочном и среднесрочном прогнозировании.

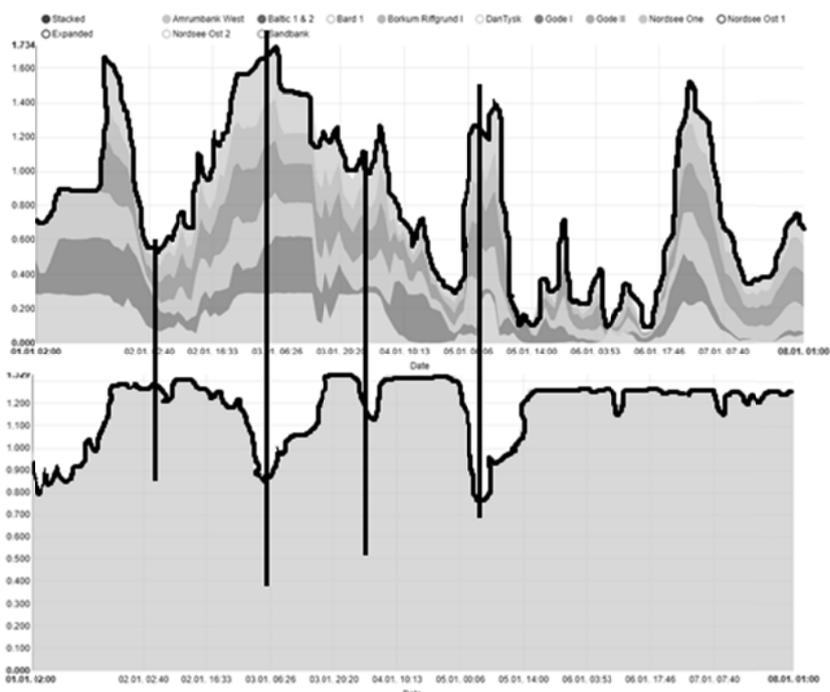

Рис. 3. Обратная связь ветровой и атомной генерации электроэнергии [3]

«Региональный» («страновой», как часть его – для учета экспортно-импортных операций) подход в прогнозировании динамики ТЭБ потребления и доли в нем природного газа важен и потому, что позволяет более детально для краткосрочных и среднесрочных прогнозов учитывать газотранспортную инфраструктуру (включая газохранилища, терминалы СПГ, торговые площадки) и приоритетность «альтернативной» энергетики, имеющей «выраженный» региональный подход. Таким образом, при краткосрочном моделировании потребительского спроса на природный газ необходимо учитывать факторы, которые формируют «региональные» рынки потребления.

Важную роль в прогнозировании энергопотребностей и доли природного газа в их обеспечении играют социально-экономические факторы, в т.ч. энергоемкость ВВП, возможности населения различных стран покупать более дорогую «альтернативную» энергию (рис. 4). Важную роль в прогнозировании процессов энергопотребления и газового рынка играют и современные миграционные процессы, причем как имеющие сезонный характер (рекреационно-туристические миграции), так постоянные миграции в Европу из стран Африки и Передней Азии.

В целом в качестве факторов для краткосрочного и среднесрочного прогнозирования макрорегионального энергетического рынка Европы и роли природного газа, в том числе российского, в обеспечении потребностей этого рынка, целесообразно выделить следующие факторы.

1. Ценовые факторы: цены на природный газ на европейских торговых площадках; цены на электроэнергию (с учетом тарифной и налоговой политики); цены на субституты (уголь, нефть, нефтепродукты, альтернативные ресурсы, там, где это возможно); динамику доли долгосрочных контрактов ПАО «Газпром» в общих поставках газа и цен в этих контрактах; соотношение курсов валют доллар-евро-рубли.

2. Социально-экономические факторы: динамика спроса на первичную энергию, электроэнергию, нефтепродукты и др., на основе роста ВВП, изменений в демографических показателях (миграции); сезонный характер электрической генерации с использованием ВИЭ и потребления с учетом регио-

нальных особенностей хозяйства; динамика доходов населения и доли затрат на энергию; инвестиции в инновационную деятельность.

3. Погодные и климатические факторы: динамика доли альтернативных ресурсов в региональных ТЭБ на основе годовой и сезонной динамики и прогноза скорости и направления ветра, прихода солнечной радиации, температуры воздуха.

4. Балансовые факторы: динамика экспортно-импортных операций в точках передачи газа; динамика работы ПХГ; динамика работы терминалов СПГ; динамика экспортно-импортных операций на рынке электроэнергии.

5. Экологические факторы: динамика выбросов в атмосферу (в первую очередь, окислов углерода).

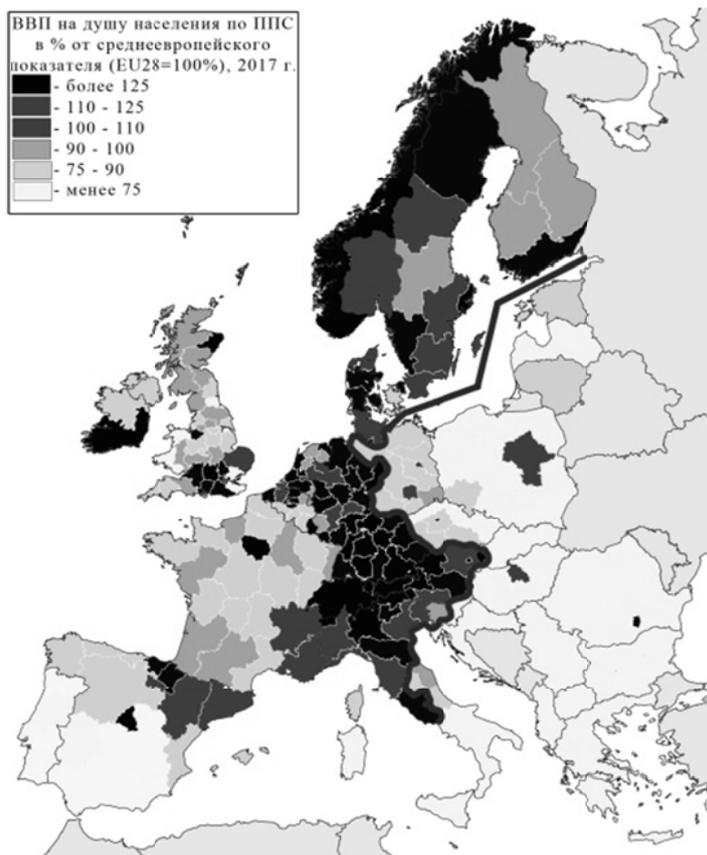

Рис. 4. ВВП на душу населения по ППС в отношении к среднеевропейскому показателю (EU28 = 1), 2017 г. [5]

В качестве внешних условий, которые могут оказать существенное воздействие на поставки газа «в следующем году», в качестве лимитирующих факторов, следует рассматривать: ввод в строй новых мощностей ветровых и др. энергетических комплексов; вывод из эксплуатации станций атомной и угольной генерации; внедрение новых энергоемких производственных и транспортных комплексов; ввод в строй объектов энергетической инфраструктуры и газовых интерконнекторов; изменения в долгосрочных контрактах.

Важно отметить, что показатели выбросов CO₂ могут быть косвенным фактором влияния налоговой и т.п. политики в энергетике, повышающей конкурентоспособность природного газа. Для Европы это особенно важно. Это, конечно, очень дискуссионно, но все прогнозы, которые автор анализировал, стараются использовать подобные показатели.

Прогнозирование европейского газового рынка предопределяет необходимость учета региональных особенностей формирования энергетических балансов, и как следствие, потребностей в природном газе, с учетом специфики энергетической политики, природно-ресурсного потенциала, отраслевой структуры энергоемких секторов хозяйства, уровня развития экономики, социально-экономи-

ческих особенностей социума, экономико-географического положения относительно энергетической, в том числе газовой, и транспортной европейской инфраструктур и т.п. Природный газ, в условиях политики «декарбонизации» энергетики и устойчивости экономического развития является важнейшим ресурсом, обуславливающим стабильность макрорегиональных энергетических рынков Европы в их новой конфигурации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт ПАО «Газпром». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gazprom.ru (дата обращения 06.09.2018).
2. 50 hertz – official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.50hertz.com/en (дата обращения 06.09.2018).
3. Electricity production in Germany in week 40 (2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.energy-charts.de/power.htm> (дата обращения 05.09.2018).
4. EU launches clean fuel strategy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-40_en.htm (дата обращения 05.09.2018).
5. GDP per capita in PPS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&rcode=tec00114&plugin=1> (дата обращения 07.09.2018).
6. IEA Sankey Diagram – World Balance. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iea.org/Sankey> (дата обращения 05.09.2018).

Янова С.Ю., Попова Е.М.

**ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА:
РЕЗУЛЬТАТ ИЛИ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация. В статье представлен критический взгляд на монетарный подход в сфере государственного регулирования экономических процессов и монетаристские принципы воздействия на поведение экономических субъектов. Выдвигается гипотеза о том, что влияние иных факторов оказывает большее воздействие на экономические коллизии, чем собственно монетарная политика. С этих позиций проводится анализ «Основных направлений денежно-кредитной политики на 2018 год и 2019-2020 годы» и выявляются её сильные и слабые стороны.

Ключевые слова. Фиатные деньги, денежная масса, таргетирование инфляции, финансовый актив, финансовый рынок, экономический рост, цикличность, стабильность, кризис, цифровые деньги, трансмиссионный механизм, процентные ставки, валютный курс, рыночная конкуренция.

Yanova S.Yu., Popova E.M.

MONETARY POLICY: RESULT OR MOMENTUM ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. The article presents a critical view of the monetary approach in the sphere of state regulation of economic processes and monetarist principles of influence on the behavior of economic entities. It is hypothesized that the influence of other factors has a greater impact on economic conflicts than monetary policy itself. From these positions, the analysis of the main directions of monetary policy for 2018 and 2019-2020 is carried out and its strengths and weaknesses are identified.

Keywords. Fiat money, money supply, inflation targeting, financial asset, financial market, economic growth, cyclicity, stability, crisis, digital money, transemission mechanism, interest rates, exchange rate, market competition.

Уже почти пятьдесят лет деньги официально не имеют реальной стоимости. С тех пор, как в 1971 г. США последними отказались от золотого содержания доллара, мировая экономика использует фиатные деньги. Деньги стали мерой договорных отношений между странами, экономическими субъектами и населением, регулируемых национальными и международными органами монетарной власти. С тех пор центральные банки, Мировой Банк и Международный Валютный Фонд возложили на себя функции по определению объема и структуры денежной массы, курсов и паритетов национальных валют и других денежно-кредитных параметров экономики.

ГРНТИ 06.73.07

© Янова С.Ю., Попова Е.М., 2018

Светлана Юрьевна Янова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Екатерина Михайловна Попова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Янова С.Ю.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 310-26-91. E-mail: s.yanova@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 12.09.2018.

Монетаристские взгляды на определяющую роль фиатных денег в развитии реального сектора экономики, рынков капитала, платежных и расчетных систем, уровня жизни населения и иных важнейших аспектов макро- и микроэкономики стали мейнстримом государственного регулирования. Кажется, что найдя верные индикаторы взаимозависимости между процентными ставками, ВВП и уровнем инфляции, можно решить все проблемы экономического роста. Увеличивая количество денег быстрее фактически достигнутого экономического роста, полагали, что можно стимулировать рост ВВП за счет денежных инвестиций и кредита, т.е. денег выпускали больше, чем производимой стоимости – товаров и услуг. Соответственно, новые деньги, не имеющие стоимости, должны были создать новую стоимость.

Экономисты были уверены, что решение стабильного экономического равновесия найдено, а монетаристские теории стали самой популярной научной инновацией [1; 2; 3]. Однако последовавший вскоре обширный кризис 1970-х гг. поставил новый вопрос: чему больше способствует наращивание денежной массы – росту ВВП или инфляции?

Параллельно с развитием монетаристских подходов к государственному регулированию социально-экономического развития посредством денежно-кредитных импульсов и имея возможность увеличения количества денег исходя из соотношения цены и спроса на них со стороны экономики и государства, экономические субъекты и государственные регуляторы стали рассматривать деньги как абсолютный финансовый актив. Передача денег любому финансовому посреднику должна была приносить их обладателю доход. Для такого актива уже не важно, сопровождается ли его вложение реальным ростом экономики и производством новой стоимости или остается в сфере финансового рынка и рынка производных финансовых инструментов или поступает на финансирование государственных расходов.

Необходимо отметить, что существование двух парадигм: (1) денег как учетных единиц и (2) денег как финансовых активов, – содержит в себе явное противоречие. Если исходить из примата экономики как системы производства и потребления реальных товаров и услуг, в т.ч. и финансовых, и государственных, то следует полагать, что деньги обслуживают стоимостные отношения и выступают средством учета стоимости и орудием обмена. Если же признавать за деньгами их активизирующую функцию и способность запускать механизм экономического роста, то речь уже никак не может идти о деньгах как «всеобщем эквиваленте», они становятся финансовым активом, обеспечивающим создание новой стоимости в экономике.

Допуская, что увеличение денежной массы или снижение цены денег как актива в виде процентных ставок способствует экономическому росту, мы нарушаем равновесие денег и стоимости. Допуская, что деньги должны служить адекватным стоимостному равновесию спроса и предложения посредством расчетов, не обеспеченный предложением выпуск денежных финансовых активов вызовет их обесценение – инфляцию. При наличии многочисленных теоретических моделей практическое решение денежной дилеммы так и не было найдено, даже в тех экономиках, которые больше других близки к рыночной структуре. Экономика все так же обладает цикличностью, ее поражают разнообразные кризисы, а оценка доходов населения и бизнеса или стоимость недвижимости, земли и других активов, выраженная в национальной валюте, при разнонаправленных кратковременных колебаниях сохраняет общий вектор роста.

Главный вопрос денежно-кредитного регулирования о том, приведет ли увеличение денег к росту ВВП или, наоборот, рост ВВП потребует увеличения денежной массы для своего обслуживания. Этот вопрос остается открытым. Следует отметить, что в последние годы появился и новый ответ на этот вопрос – цифровые деньги и активы. Тому в немалой степени способствовали и сами меры как жесткого, так и слабого денежно-кредитного регулирования, которые либо ограничивали предложение фиатных денег и возможности производительных инвестиций, либо настолько понижали процентные ставки, что это лишало смысла осуществлять сбережения в фиатных деньгах.

Если монетарным властям представлялось, что через колебания стоимости фиатных денег они смогут регулировать спрос и предложение в реальном секторе экономики, то оказалось, что в это время появились конкурентные цифровые средства и для расчетов, и для инвестиций. Не случайно, подавляющее большинство национальных монетарных органов власти, соглашаясь на использование цифровых технологий для совершенствования сложившихся финансовых и платежных систем, крайне негативно относятся к децентрализованным криптовалютам и иным цифровым финансовым активам.

Определяя основные направления денежно-кредитного регулирования, необходимо всегда иметь в виду, что деньги, в какой форме они бы не применялись, являются, в первую очередь, инструментом экономических отношений. Их роль и функции определяются целями более высокого порядка. Противодействие экономическим интересам основных производительных субъектов: экономически активного населения и бизнес-структур, конечно, возможно на коротких отрезках времени, но в длительной перспективе бесполезно. Умеренное регулирование приводит постепенно к поглощению влияния денег через инфляцию и номинальный рост доходов. Жесткое давление на процентные ставки и денежную массу, отягощенное зависимостью от крупных экономик, чаще сталкивается с нарушением запланированной динамики валютных курсов и структуры торгового-платежного баланса.

Проблемы денежно-кредитного регулирования могут заключаться в переоценке роли денег и кредита для реальной экономики:

- Могут ли деньги, не обеспеченные реальными активами, выступать полноценными инвестициями?
- Будет ли создана стоимость в форме товаров и услуг, которая проинвестирована за счет наращивания денежной массы?
- Обеспечивает ли снижение процентных ставок перетекание капитала в реальный сектор или оставляет большую часть денег в сфере финансового рынка?

Наблюдаемый дисбаланс между используемыми денежно-кредитными рычагами и конечной целью экономического роста в настоящее время принято регулировать с помощью таргетирования инфляции. ЦБ РФ в Основных направлениях (ОН) единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019-2020 годов [6] в очередной раз определяет таргетируемый параметр индекса потребительских цен в размере 4%. Принятый документ демонстрирует последовательную преемственность предыдущих программ денежно-кредитной политики (ДКП), что позволяет с уверенностью констатировать четкость и определенность выбранного Центральным Банком курса на продолжение применения монетаристских принципов влияния на поведение экономических субъектов, используя в качестве операционной цели ключевую процентную ставку, а в качестве инструментов – операции кредитного, банковского, валютного и, в меньшей степени, других секторов финансового рынка.

К числу позитивных характеристик программы следует отнести: обновленный многофакторный экономический анализ; намерение скоординировать ДКП с бюджетной, налоговой и социальной политикой; впервые представленное подробное изложение содержания и методологии трансмиссионного механизма ДКП; обоснование роли субъективных инфляционных ожиданий экономических субъектов и населения в реализации желаемой трансмиссии; обоснованный прогноз динамики процентных ставок и факторов, оказывающих на них влияние; мобильность применяемых мер и инструментов ДКП для адекватного маневра в условиях базового и альтернативного вариантов развития экономической ситуации.

Вместе с тем, хотелось бы проанализировать предлагаемые ОН с позиций не столько поддержания целевого уровня инфляции, сколько обеспечения дальнейшей трансмиссии в целевую функцию – экономический рост:

1. Насколько таргетирование низкой инфляции, снижение ключевой ставки в качестве операционной цели и использование монетарных инструментов согласуются с имеющимися экономическими трендами? Из данных таблицы 1, проиллюстрированных рисунком 1, следует, что при снижении индекса потребительских цен (ИПЦ), ключевой ставки и постепенном увеличении денежной массы (M2), которые характеризуют стимулирующий характер проводимой ДКП, основные макроэкономические параметры ВВП и реальных доходов населения слабо поддаются позитивному влиянию. И если экономический рост, хоть и в минимальной степени, но присутствует, то для личных доходов сохраняется отрицательный тренд.

Отсутствие снижения доходов в 1 квартале 2017 г. и увеличение на 3% в I квартале 2018 г. связано больше с методическим нюансом – эффектом базы 2017 г. (учета в 2017 г. и не учета в расчете в 2018 г. единовременной выплаты, произведенной пенсионерам в январе 2017 г.), чем с фактическим ростом. К сожалению, можно констатировать, что пока не получены убедительные доказательства того, что меры ДКП смогли запустить механизм трансмиссии для экономических отношений и конечных потребителей товаров и услуг. Об этом свидетельствует и не обоснованная никакими де-

нежными факторами волатильность доходов населения, наблюдаемая в мае (-9,3%) и июне (+10,1%) 2018 года [17].

Поскольку в течение последних трех лет наблюдается ситуация, при которой регулируемые параметры постепенного снижения ключевой ставки и повышения денежной массы сочетаются с переменным, разнонаправленным движением экономики в отдельные периоды, то имеет полное право на существование гипотеза о том, что влияние иных факторов оказывает большее влияние на экономические коллизии, чем собственно монетарная политика.

Таблица 1

Динамика изменений таргетируемой инфляции и макроэкономических параметров (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

	2016					2017					2018	
	I кв	II кв	III кв	IV кв	год	I кв	II кв	III кв	IV кв	год	I кв	II кв
1. ВВП	99.5	99.6	99.8	100.4	99.8	100.6	102.5	102.2	100.9	101.5	101.3	101.8
2. Реальные доходы населения	96.7	94.6	93.1	93.3	94.2	99.5	97.1	98.0	99.0	98.3	103.0	102.6
3. Индекс потребительских цен	108.35	107.35	106.83	105.75	105.39	104.63	104.19	103.37	102.57	102.51	102.24	102.37
4. Денежная масса (M2)	109.88	112.01	111.77	111.26	109.21	112.14	110.04	108.98	110.10	110.47	109.28	110.28

Составлено авторами на основе данных [11; 13; 14, с. 4; 18].

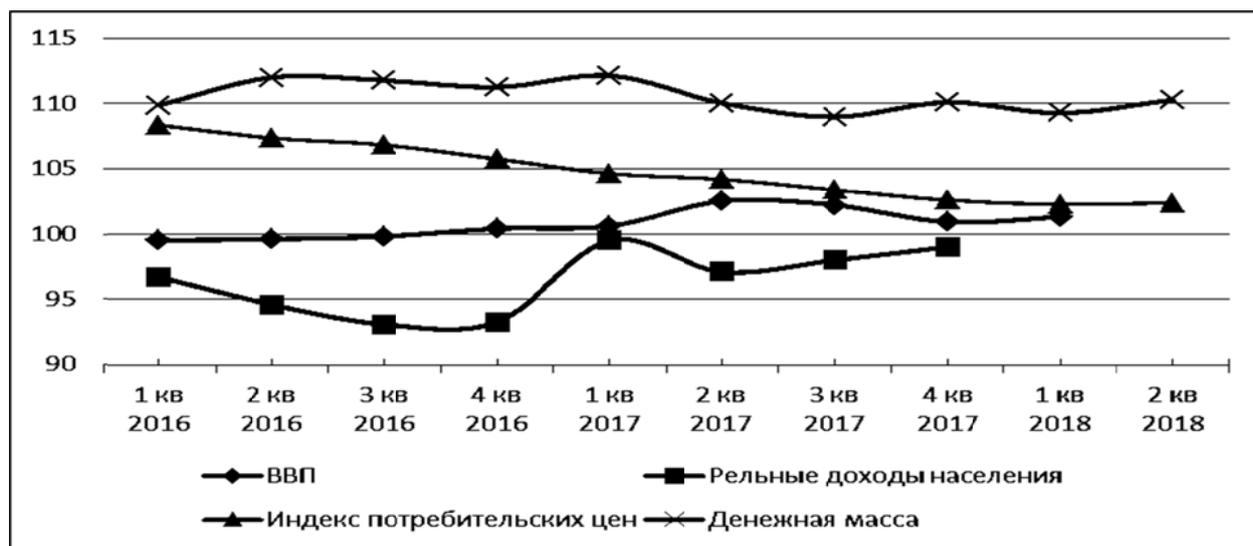

Рис. 1. Динамика изменений таргетируемой инфляции и макроэкономических параметров (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Принимая во внимание, что в этот период происходил рост мировых нефтяных цен, отток иностранного капитала, неуклонно снижался курс рубля, росло огосударствление экономики и т.д., резонно предположить, что их влияние на экономику было не менее существенно, а снижению инфляции во многом способствовали и такие факторы, как санкции, снижение доходов населения и падение платежеспособного спроса. Крайне низкой по сравнению с развитыми экономиками (ниже в 2,0-2,7 раза в расчете по ППС) в РФ остается и производительность труда [12], которая является важнейшим фактором роста экономики, но является крайней точкой цепи денежно-кредитной трансмиссии.

Не укладывается в логику проводимой ДКП и тот факт, что произошедшая в конце 2016 г. смена характера банковской ликвидности с дефицита на устойчивый профицит при условии доминирования банковского канала проведения ДКП не внесла серьезных инноваций в общий вектор монетарного

регулирования. Парадоксально, но сложилась ситуация, при которой инфляция остановлена, процентные ставки снижаются, ликвидные деньги есть, но для производительных инвестиций их использовать некому. Центробанк свою функцию выполнил, однако, полученный результат никак не влияет на интересы экономических субъектов как производителей товаров и услуг.

В связи с этим находится и объяснение слабого влияния ДКП на инфляционные ожидания экономических субъектов и их воздействие на рост инвестиционной и деловой активности. Если не наблюдается позитивного влияния инфляционных ожиданий ни на рост инвестиций, ни на изменение экономических интересов населения и предпринимателей, то стоит обратить внимание на формирование иных эффективных ожиданий, связанных с развитием финансового рынка, частного бизнес-сектора и реальных доходов населения.

2. В качестве следующего базового замечания следует указать, что не только предлагаемая, но и практически осуществляемая Банком России в последние годы политика нацелена в большей мере на поддержание финансовой стабильности существующей экономической системы, чем на стимулирование экономики или развитие конкурентной среды. В Основных направлениях регулятор неоднократно указывает на приоритетность достижения стабильных финансовых, ценовых и общеэкономических условий: «Меры взвешенной денежно-кредитной политики, имея стабилизационный характер, одновременно способствуют поддержанию финансовой и общей макроэкономической стабильности» [5].

До сих пор «стабильность» не включалась ни одной из научных школ в теорию рыночной экономики ни в качестве итогового результата, ни в качестве базы экономического развития. Можно добиваться рыночного равновесия, но такие явления, как кризисы, конкуренция, неравномерные темпы роста и т.п., наоборот, свидетельствуют о движении экономической системы, ее саморегулировании за счет достижения баланса интересов ее субъектов. В связи с этим возникают два последовательных вопроса: Насколько необходима стабильность экономическому развитию? И: Почему она должна быть целью государственной денежно-кредитной политики?

Ответ на эти вопросы неоднозначен и зависит от того, что именно понимают под стабильностью. Если это динамическое состояние (а это следует из другой цели регулирования – роста ВВП), то применение термина «стабильность» условно и означает постоянство достижения определенного баланса в смене драйверов устойчивого экономического роста. Если же государство будет добиваться устойчивости имеющихся в наличии экономических интересов и равновесного взаимодействия между ними, то такое «constant»-регулирование логичнее считать регрессивным по отношению к экономической системе.

В любом случае, добиваясь стабильности здесь и сейчас, мы исключаем возможность и необходимость быстрой качественной инновации экономики, которая не оставляет никаких надежд на сохранение позиций тем институтам, которые исчерпали свой позитивный ресурс. Смена экономических фаз и структур далеко не всегда происходит в позитивном русле, одни экономические субъекты теряют, другие приобретают, но в последующем выигрыш для всей экономики очевиден. Задача монетарного регулятора – сделать этот процесс «щадящим» с помощью эксклюзивного набора денежно-кредитных инструментов.

В течение 2017 года и первой половины 2018 года Банк России добился чрезвычайно низкого уровня инфляции – в некоторые кварталы в 2 раза ниже таргета – 2,2%, что свидетельствует о наличии достаточно длительного по меркам монетарных теорий периода ценовой стабильности. При этом экономика не получила ни значимого повышения спроса, ни роста корпоративного кредитования, ни адекватного роста производства. Стоит признать, что в периоды более высокой инфляции и спрос был выше, и реальные доходы населения росли, и экономический рост превышал прогнозируемые на ближайшие годы 1,7-2,0%. Современный профицит ликвидности банковского сектора не находит спроса на рынке инвестиций. Логичные и взвешенные меры ДКП не могут справиться с более глубокими противоречиями, сложившимися в современной экономике.

Для иллюстрации наличия крайне противоречивых связей и результатов, которые достигаются при постановке одинаковых конечных целей, значений и направленности таргетируемой цели, использовании процентных ставок в качестве операционных целей, рассмотрим динамику основных экономических и денежно-кредитных параметров на протяжении 2000-х годов в России и США (табл. 2-3, рис. 2-3).

И цифры, и графики наглядно показывают, что за этот период при общем росте показателей ВВП и инфляции процентные ставки регулировались и ЦБ РФ, и ФРС разнонаправлено, что вроде бы должно свидетельствовать о проведении целенаправленной политики либо сдерживания (при росте выше потенциального), либо стимулирования (при снижении ниже потенциального) роста экономики. Однако сравнение параметров изменения операционной (ставки) и таргетируемой (инфляции) целей показывает, что на экономический рост явно оказывают большее влияние иные факторы, которые перекрывают цели ДКП. Для РФ – валютные курсы и, соответственно, нефтегазовые цены, а для США – финансовые кризисы, связанные с созданием так называемых «финансовых пузырей» – необеспеченных долговых финансовых инструментов.

Таблица 2

Экономические и монетарные параметры в РФ, 2000-2017 гг.

Год	Ключевая ставка		ВВП		Уровень инфляции		Курс долл. США	
	На конец года	в % к 2000 году	Прирост за год	в % к 2000 году	Прирост за год	в % к 2000 году	На конец года	в % к 2000 году
2000	25.00	100.00	10.0	100.0	20.10	100	28.16	100
2001	25.00	100.00	5.1	105.1	18.80	118.80	30.14	107
2002	21.00	84.00	4.7	109.8	15.06	133.86	31.78	113
2003	16.00	64.00	7.3	117.1	11.99	145.85	29.45	105
2004	13.00	52.00	7.2	124.3	11.74	157.59	27.75	99
2005	12.00	48.00	6.4	130.7	10.91	168.50	28.78	102
2006	11.00	44.00	8.2	138.9	9.00	177.50	26.33	94
2007	10.00	40.00	8.5	147.4	11.87	189.37	24.55	87
2008	13.00	52.00	5.2	152.6	13.28	202.65	29.38	104
2009	8.75	35.00	-7.8	144.8	8.80	211.45	30.24	107
2010	7.75	31.00	4.5	149.3	8.78	220.23	30.48	108
2011	8.00	32.00	4.3	153.6	6.10	226.33	32.20	114
2012	8.25	33.00	3.7	157.3	6.58	232.91	30.37	108
2013	5.50	22.00	1.8	159.1	6.45	239.36	32.73	116
2014	17.00	68.00	0.7	159.8	11.36	250.72	56.26	200
2015	11.00	44.00	-2.5	157.3	12.91	263.63	72.88	259
2016	10.00	40.00	-0.2	157.1	5.38	269.01	60.66	215
2017	8.25	33.00	1.5	158.6	2.52	271.53	57.60	205

Составлено авторами на основе данных [7; 11].

Рис. 2. Динамика экономических и монетарных параметров в РФ, 2000-2017 гг.

Для примера РФ отчетливо видно, что положительный экономический рост более коррелирует с укреплением курса рубля, чем со снижением процентных ставок, и в то же время при высоких процентных ставках наблюдались и самые высокие темпы роста экономики. Обвал нефтяных цен и девальвация рубля 2014 г. настолько отрицательно повлияли на отечественную экономику, что уже в течение трех лет она не может перейти к устойчивому росту. Не вдаваясь в детали, стоит отметить, что США понадобилось 7 лет, чтобы преодолеть экономическую стагнацию после кризиса и провести через реальный сектор те суммы «предложения денег», которые пришлось выделять на поддержку несостоятельных игроков ипотечного рынка и других системно значимых («too big to fail») субъектов финансовой сферы.

Таблица 3

Экономические и монетарные параметры в США, 2000-2017 гг.

Год	Ставка по резерву		ВВП		Уровень инфляции	
	На конец года	в % к 2000 году	Прирост за год	в % к 2000 году	Прирост за год	в % к 2000 году
2000	6.50	100.00	3.7	100	3.39	100
2001	1.75	26.92	0.8	100.8	1.55	101.55
2002	1.25	19.23	1.9	102.7	2.38	103.93
2003	1.00	15.38	3.0	105.7	1.88	105.81
2004	2.25	34.62	4.0	109.7	3.26	109.07
2005	4.25	65.38	3.5	113.2	3.42	112.49
2006	5.25	80.77	2.7	115.9	2.54	115.03
2007	4.25	65.38	1.9	117.8	4.08	119.11
2008	0.25	3.85	-0.3	117.5	0.09	119.20
2009	0.25	3.85	-3.5	114.0	2.72	121.92
2010	0.25	3.85	2.4	116.4	1.50	123.42
2011	0.25	3.85	1.8	118.2	2.96	126.38
2012	0.25	3.85	2.3	120.5	1.74	128.12
2013	0.25	3.85	1.5	122.0	1.50	129.62
2014	0.25	3.85	2.4	124.4	0.76	130.38
2015	0.50	7.69	2.6	127.0	0.73	131.11
2016	0.75	11.54	1.6	128.6	2.07	133.18
2017	1,50	21.15	2.1	130.7	2.11	135.29

Составлено авторами на основе данных [8; 9; 10; 15; 16; 17; 19].

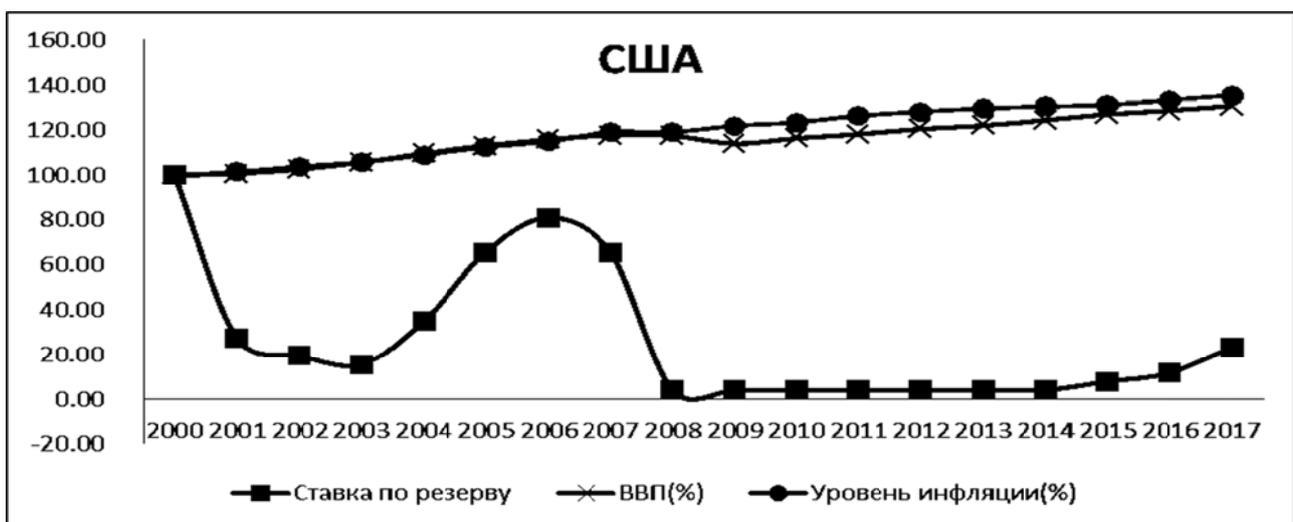

Рис. 3. Динамика экономических и монетарных параметров в США, 2000-2017 гг.

3. Несмотря на то, что предлагаемые меры денежно-кредитного регулирования опираются на фундаментальный макроэкономический анализ, они, в первую очередь, ориентированы на монетарные концепции моделирования ситуации «чистого рынка», в полной мере отвечающего на импульсы изменения в предложении денег или в процентных ставках. Российская же экономика, как указывается и самим Центральным Банком, имеет совершенно иную структуру. Многие статистические данные свидетельствуют, что:

1) отечественная экономическая система демонстрирует не только структурные диспропорции, но и явно выраженную тенденцию к огосударствлению, как прямому, так и косвенному – через инструменты, схожие с государственными концессиями;

2) произошло значительное сокращение реального частного сектора во всех отраслях экономики;

3) основным сторонним источником инвестирования для экономических субъектов был и остается государственный бюджет, кредиты в основной капитал в последние годы крайне низки, уровень облигационных механизмов заимствования еще ниже;

4) наметилась устойчивая тенденция к сокращению доходов от собственности или предпринимательства.

Не продолжая иллюстрирование существенного изменения модели российской экономики более частными примерами, следует констатировать, что проводимое монетарное регулирование, декларируя финансовую стабильность посредством таргетирования инфляции, скорее поддерживает «status quo» сложившейся экономической структуры, чем пытается ее изменить и обеспечить экономический рост. Развитие экономики в настоящее время более зависит от иных направлений государственной политики, чем монетарной.

В текущем контексте поддержание инфляции на низком стабильном уровне скорее способствует поддержанию баланса бюджета, чем стимулированию экономического роста и росту доходов всех экономических субъектов. Если основные экономические интересы субъектов реального сектора ориентированы на бюджетное финансирование (понимаемое здесь в широком смысле финансовых потоков, связанных с функционированием и госкорпораций, и ГЧП, и банков с господдержкой, и т.д.), то целесообразно включать в арсенал ДКП не только рыночные инструменты.

В ОН представлено обоснование цели по инфляции в 4%, обобщающее данные современных исследований оптимального уровня инфляции в экономике. Для стран с формирующимися рынками он составляет от 9 до 17%, для развитых стран – от 1 до 3% [5, с. 73]. Выбор таргета по инфляции в 4% для российской экономики свидетельствует о том, что, по оценке Банка России, российская экономика очень близко подошла к состоянию развитых стран. По прогнозируемым на ближайшую трехлетнюю перспективу темпам экономического роста в 1,5-2,0% [5, с. 50] российскую экономику также следует отнести к группе развитых стран, которые в настоящее время находятся в стадии относительной стагнации и не определили пути перехода к политике экономического роста.

Однако другие параметры экономического развития РФ и оценки самого регулятора свидетельствуют, что отечественная экономика пока еще соответствует только уровню развивающейся, и ей предстоит еще пройти немалый путь, чтобы достигнуть уровня и качества экономических систем развитого рынка. Другие развивающиеся экономики демонстрируют темпы экономического роста выше в 2-3 раза, правда, при более высокой инфляции. Данное противоречие целей отечественной экономики и ее субъектов (опережающий рост объемов товаров и доходов) и целей ДКП (стабильно низкий уровень роста инфляции и ВВП) представляется крайне нелогичным и вряд ли превратится в движущую силу позитивных качественных изменений в трансмиссионных механизмах. Стабильность цен ради стагнации – вряд ли такого результата ожидают от денежно-кредитного регулирования.

Альтернативным путем снижения инфляции в экономике является развитие конкуренции, т.е. снижение инфляции через рыночные механизмы в противовес монетарным методам. Конкуренция способствует снижению цен товаров и услуг через сокращение издержек за счет оптимизации производства, роста производительности труда, развития технологий и т.п. А для этого требуется доступность кредитов, развитие предпринимательства, рост частного сектора в экономике. Это как раз будет способствовать формированию устойчивой экономической основы для стабильного рубля и постепенного снижения инфляции до уровней инфляции в развитых экономиках. Без равноправных усло-

вий для ведения бизнеса, снижения различных видов надзорной нагрузки и укрепления других рыночных рычагов не будет создан импульс для изменения структуры экономики и повышения ее эффективности. Достигнув инфляции в 2% и экономического роста в 1,7%, как в развитых странах, мы не стали развитой экономикой.

4. Основным трансмиссионным каналом управления процентными ставками и увеличения денежной массы Банк России признает банковское кредитование. Предполагается, что кредитный спрос автоматически должен расти по мере снижения кредитных ставок. В сегменте корпоративного кредитования текущая ситуация демонстрирует обратное. С одной стороны, наблюдается усиление консервативного подхода банков к отбору заемщиков, поскольку и реально функционирующих предприятий становится меньше, и сами банки опасаются более короткой экономической жизни заемщика, чем роста инфляции в долгосрочном периоде.

С другой стороны, существенное снижение маржинальности кредитных операций, высокие требования ЦБ РФ к залоговому обеспечению и общее ужесточение надзора за соблюдением нормативных требований и стандартов управления кредитным риском привели к консервации кредитования юридических лиц и развитию иных банковских или сопутствующих услуг, не имеющих рискованного компонента и обладающих существенно более высокой маржой по сравнению с кредитной ставкой. Яркий пример тому – бурное развитие страхования жизни через каналы банко-страхования. В этом случае банк решает сразу несколько проблем – от получения монопольно высоких комиссионных вознаграждений до привлечения средств населения, минуя ФОР и АСВ. Усиливающаяся жесткость надзорных мер и иных требований в части управления банковскими рисками все более превращает регуляторные функции ЦБ в самый действенный элемент ДКП.

Драйвером развития кредитного рынка пока остается кредитование населения, как потребительское, так и ипотечное. Однако наблюдающийся второй год рост потребительского и ипотечного кредитования пока не смог запустить реальный рост производства и экономики в целом. Данная проблема еще должна быть исследована в целях поиска причин «холостого хода» розничного кредитного канала для реального сектора. Анализ структуры и объемов потребительского и ипотечного кредитования должен указывать долю кредитов на приобретение импортных товаров, техники, материалов и т.п. в цепочке использования полученных денежных ресурсов. Более того, в этом случае кредитный трансмиссионный канал не только слабо работает на рост отечественной экономики, но и оказывает влияние на валютный рынок.

5. Несмотря на достигнутую стабилизацию валютного рынка, следует отметить, что и общая тенденция постепенного удешевления рубля в среднесрочном периоде, и его высокая волатильность на коротких промежутках свидетельствуют о сильной зависимости национальной валюты не только от нефтегазовых цен и отставания в росте по сравнению с развитыми экономиками, определяющими условия на торговых площадках и финансовых рынках. «Валютные ожидания» экономических субъектов продолжают играть не менее существенную роль в трансмиссионном механизме ДКП, чем «инфляционные ожидания», поскольку пока в условиях малой сырьевой экономики они напрямую взаимосвязаны. Представляется преждевременным полагаться на абсолютную реальность свободного плавающего курса национальной валюты.

С точки зрения рыночной экономики можно предположить, что установление процентных ставок, таргетирование инфляции и другие денежно-кредитные рычаги стали вынужденными мерами по причине ускоренного перерождения «товарной» экономики в «финансовую». Произошла замена движения реальной стоимости движением различных финансовых потоков. С усложнением системы перераспределения ВВП, в которой и оперирует денежно-кредитное регулирование, управление процессами реальной экономики за счет финансовых рычагов все труднее поддается моделированию и прогнозированию, поскольку подвержено влиянию неограниченного множества как экономических, так и внеэкономических факторов.

В этой связи стабилизация инфляции и ставок, усиление риск-ориентированного (т.е. стабилизирующего финансовое положение) регулирования на кредитных и иных финансовых рынках могут стать не операционными рычагами роста, а серьезным ему препятствием. Хотелось бы надеяться, что в ближайшей перспективе главнейшей экономической тенденцией станет переход от концепции ценовой и макроэкономической стабильности к политике экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Д.Ю.* Влияние операций Центральных банков на международные финансовые рынки // Банковские услуги. 2017. № 7. С. 10-20.
2. *Мешкова Е.И.* Денежно-кредитная политика Банка России как значимый фактор процентной политики кредитных организаций // Банковские услуги. 2017. № 12. С. 7-14.
3. *Янова С.Ю.* К вопросу об экономической политике: экономика, финансы и государственное регулирование // Финансы и бизнес. 2016. № 2. С. 91-108.
4. Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2016 год и период 2017 и 2018 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cbr.ru (дата обращения 04.08.2018).
5. Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2018\(2019-2020\).pdf](https://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2018(2019-2020).pdf) (дата обращения 04.08.2018).
6. Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cbr.ru (дата обращения 04.08.2018).
7. Макроэкономическая финансовая статистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=masco_itm (дата обращения 04.08.2018).
8. Статистика. Экономика России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=russia> (дата обращения 08.08.2018).
9. Новости экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fortrader.org> (дата обращения 09.08.2018).
10. Динамика мирового внутреннего валового продукта (ВВП) и ВВП ведущих промышленно развитых стран по годам, % к предыдущему году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globfin.ru/stat.htm> (дата обращения 11.08.2018).
11. Официальная статистика. Финансы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 04.08.2018).
12. Рейтинг стран по ВВП на душу населения (ППС) 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-na-dushu-naseleniya-pps-2017> (дата обращения 09.08.2018).
13. Рост ВВП РФ во II квартале ускорился до 1,8%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/624832> (дата обращения 11.08.2018).
14. Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://isp.hse.ru/data/2018/05/28/1149493427/Мониторинг_ВШЭ_2018_1квартал.pdf (дата обращения 12.07.2018).
15. Уровень инфляции в Российской Федерации в 2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation> (дата обращения 06.08.2018).
16. Процентные ставки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.teletrade.ru/analytics/currency/stages> (дата обращения 08.08.2018).
17. ЦБ притормозит рост валютных депозитов у банков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru> (дата обращения 12.08.2018).
18. Реальные доходы россиян чуть выросли за июнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2018/07/18/1718279.html> (дата обращения 11.08.2018).
19. Finance and Economics Discussion Series. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov> (дата обращения 08.08.2018).

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ БЮДЖЕТА ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности сбалансированности бюджета ПФР. Определены факторы, влияющие на финансовую устойчивость российской пенсионной системы.*

***Ключевые слова.** Пенсионная система, бюджет Пенсионного фонда России, сбалансированность бюджета Пенсионного фонда России, финансовая устойчивость пенсионной системы.*

Sedova M.L.

BALANCING OF THE RUSSIAN PENSION FUND'S BUDGET AND THE PROBLEMS OF THE PENSION SYSTEM'S SUSTAINABILITY

***Abstract.** In the article the features of the Russian Pension Fund's balance are described. Factors of financial sustainability of the Russian pension system was done.*

***Keywords.** Pension system, budget of the Russian's Pension Fund, balance of the budget of the Russian's Pension Fund, sustainability of the pension system.*

В периодической печати постоянно обсуждаются проблемы дефицита бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР), хотя такой дефицит наблюдается только с 2014 г. (см. рис. 1). Но наличие или отсутствие дисбаланса в пенсионной системе, нарушение ее финансовой устойчивости не отражается показателем дефицита бюджета ПФР.

Несмотря на то, что с 2003 года бюджет ПФР, как и бюджеты других государственных внебюджетных фондов (ГВФ), переведен на общую бюджетную классификацию РФ, в составе источников финансирования дефицита бюджетов ГВФ, в т.ч. ПФР, нет заимствований в отличие от бюджетов публично-правовых образований. (Только в 1995 году использовались заимствования, позднее оформленные как задолженность федерального бюджета перед бюджетом ПФР.)

Основным источником финансирования дефицита бюджета ПФР являются входящие остатки средств на счете фонда (на балансовом счете 40401) на начало финансового года. До 2003 г. эти остатки отражались в составе доходов ПФР. Следовательно, риск нарушения сбалансированности доходов и расходов бюджета ПФР в отличие от бюджетов публично-правовых образований в средне- и долгосрочной перспективе не связан с необходимостью исполнения долгосрочных обязательств, вытекающих из заимствований на покрытие бюджетного дефицита.

Долгосрочные обязательства при формировании и исполнении бюджета ПФР образуются в результате формирования пенсионных прав застрахованных по обязательному пенсионному страхованию (ОПС) на основе начисленных страховых взносов на ОПС, т.е. разделенной по времени связи между страховыми взносами и пенсионными выплатами. Следовательно, финансовая устойчивость пенсионной системы определяется не текущей, а перспективной сбалансированности доходов и расходов по ОПС, которая современными зарубежными авторами определяется как эквивалентность дис-

ГРНТИ 06.73.15

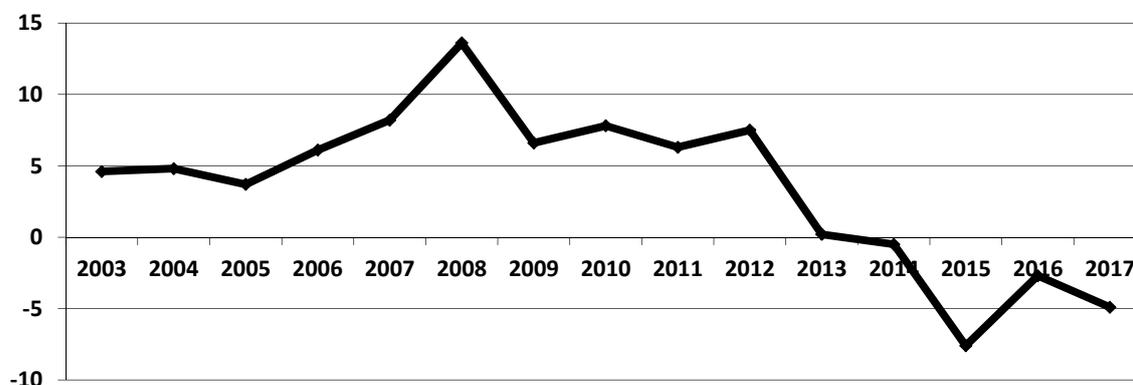
© Седова М.Л., 2018

Марина Леонидовна Седова – кандидат экономических наук, доцент, профессор департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Контактные данные для связи с автором: 101000, Москва, М. Златоустинский пер., д. 7, корп. 1 (Russia, Moscow, M. Zlatoustinskiy lane, 7/1). Тел.: +7 7 (495) 625-56-52. E-mail: MSedova@fa.ru.

Статья поступила в редакцию 07.07.2018.

контрируемых денежных потоков в период уплаты страховых взносов, с одной стороны, и выплаты пенсий, с другой, в разрезе отдельных возрастных групп (когорт) [8; 12]. Такой подход позволяет оценить устойчивость пенсионной системы не только в рамках распределительной, но и накопительной модели, но сложно применим для России, т.к. сложно корректно определить ставку дисконтирования на таком длительном временном отрезке, особенно для групп старшего поколения.

Составлено автором на основе отчетов об исполнении бюджета ПФР за 2003-2017 гг.

Рис. 1. Дефицит / профицит бюджета ПФР, в % к общей сумме доходов бюджета

Одним из способов текущей сбалансированности в системе социального страхования, к которому относится ОПС, является трансферт из бюджета центрального правительства. Что касается трансферта из федерального бюджета бюджету ПФР, который отражается в доходах бюджета ПФР, то его наличие связано не только с достижением сбалансированности страховой пенсионной системы, но и с выполнением обязательств Российской Федерации, выходящих за рамки системы, в т.ч. не связанных с пенсионными выплатами (материнский капитал, ежемесячные денежные выплаты федеральным льготникам и др.).

Собственно трансферт на ОПС (заметим, что трансферт на ОПС до 2013 г. в нормативных правовых актах определялся как «трансферт на покрытие дефицита бюджета ПФР», в 2013-2014 гг. – «трансферт на обеспечение сбалансированности бюджета») в бюджет ПФР для достижения сбалансированности страховой пенсионной системы составлял и составляет лишь долю в общей сумме трансферта федерального бюджета Пенсионному фонду [2; 14]. Эта доля в последние 8 лет снижается и составляет около 21% в 2018 году (см. рис. 2).

Хотя методика расчета трансфертов на ОПС не утверждена на данный момент, величина трансферта также связана с определенными обязательствами, в т.ч. принятыми в предыдущие годы, а именно: не обеспеченными дополнительными взносами досрочными пенсиями; страховыми пенсиями, по которым страхователем начислены, но не уплачены в ПФР страховые взносы в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации [4]; на повышение к фиксированной выплате; в случае отмены моратория по страховым взносам на накопительную пенсию – компенсация выпадающих доходов на выплату страховой пенсии [5].

Выплату страховой пенсии наряду с данным трансфертом и страховыми взносами обеспечивают также трансферты: на компенсацию пониженных тарифов взносов для отдельных категорий страхователей, включения в страховой стаж нестраховых периодов, а также трансферт на валоризацию пенсионных прав, приобретенных на начало 2002 года. Доля трансферта федерального бюджета на выплату страховых пенсий (сумма трансфертов на ОПС на компенсацию пониженных тарифов, за нестраховые периоды и на валоризацию) составляет около 57% в 2018 году от общей суммы трансферта федерального бюджета Пенсионному фонду, она колебалась от 52% в 2014 г. до 85,8% в 2015 г.

Российская пенсионная система после проведенных реформ повторяет советскую практику, при которой главным недостатком пенсионной системы назывались дотации союзного бюджета бюджету государственного социального страхования на выплату государственных пенсий. Вместе с тем,

трансферт бюджета центрального правительства для достижения сбалансированности публичного пенсионного фонда не является уникальной российской практикой.

Составлено автором на основе отчетов об исполнении бюджета ПФР за 2003-2017 гг. и Федерального закона о бюджете ПФР на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов

Рис. 2. Доля трансферта на ОПС и трансфертов, связанных с ОПС в общей сумме трансферта федерального бюджета ПФР в 2010-2018 гг. (2010-2017 гг. – на кассовой основе, 2018 г. – на основе бюджетных назначений)

Например, в Швейцарии, где средства пенсионного страхования как вида социального страхования управляются негосударственными институтами, трансферт из федерального бюджета в пенсионный фонд в 2016 году составлял 19,4% от доходов фонда пенсионного страхования. Кроме того, федерация в швейцарский публичный пенсионный фонд делает также взнос в виде отчислений от НДС и доходов от казино – 6% от доходов (2016) [7]. В Японии в соответствии с данными МАСО из центрального бюджета финансируется 50% пенсионных выплат и все расходы на администрирование национальной пенсионной программы [6]. При этом место Швейцарии в международных индексах пенсионных систем – Индекс В в Melbourne Mercer Global Pension Index (2017) [10] и 13 место в Pension Sustainability Index (2016) [11], место Японии в данных индексах, соответственно, Индекс D и 46 место. Россия в Pension Sustainability Index (2016) занимает 27 место.

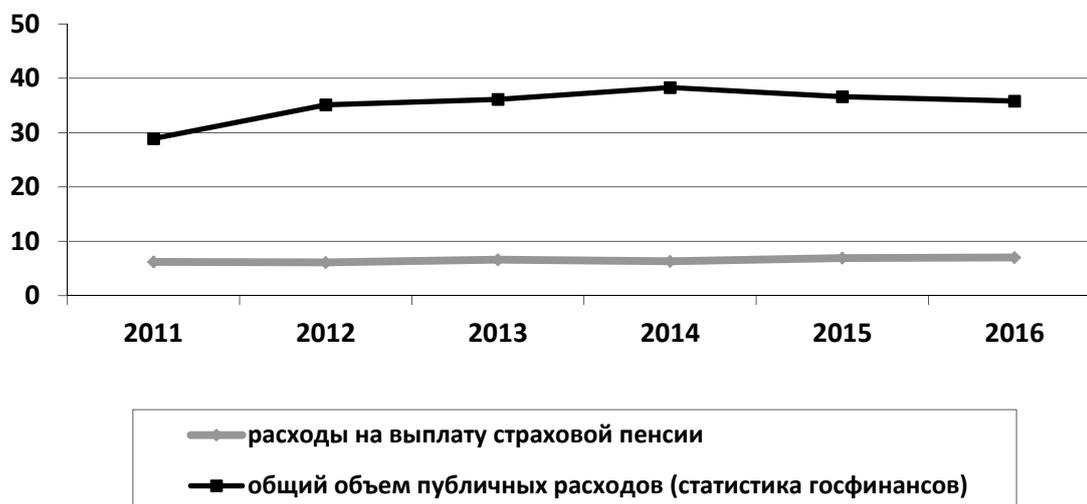
Таким образом, наличие бюджетного трансферта публичной пенсионной страховой системе не является главной характеристикой при оценке системы, в т.ч. ее устойчивости. Во многих странах в кризис 2008-2009 гг. за счет бюджетных средств были компенсированы убытки частных фондов в рамках обязательной пенсионной накопительной компоненты. Например, в Чили, которую признавали до этого времени страной с самой успешной пенсионной реформой, направленной на распределение рисков пенсионных обязательств между публичным и частным сектором.

Пристальное внимание объемам бюджетного субсидирования публичных пенсионных фондов и обязательств, исполняемых этими фондами, уделяется в рамках решения проблемы так называемой бюджетной консолидации, предполагающей ограничения расходов бюджета расширенного правительства и соответственно государственного долга для достижения макроэкономической стабильности. Исследования, проведенные экспертами МВФ, показали, что основными причинами двукратного роста государственных расходов и государственного долга в странах G7 в 1950-2010 гг. стало увеличение расходов и их доли в первичных расходах на пенсионное обеспечение и здравоохранение [13, с. 10].

Следовательно, проводимые в этих странах пенсионные реформы, в том числе увеличение пенсионного возраста, представляют собой попытки ограничить дальнейший рост публичных долгов, которые в развитых странах на 2007 г. составляли более 70% ВВП [13, с. 5]. В США обязательства государственной пенсионной системы напрямую связаны с государственным долгом, поскольку формируемый в составе федерального бюджета и передаваемый в трастовое управление пенсионный фонд (Old-Age and Survivors Insurance – OASI) инвестирует средства в финансовые активы, основным из которых являются федеральные облигации нерыночного займа [9].

В Российской Федерации, напротив, наблюдается один из самых низких уровней государственного долга. Доля расходов на пенсионное обеспечение в составе расходов бюджета расширенного пра-

вительства в России составляет 23,7% (8,6% ВВП) – в 2016 г. [9]. Но это ниже, чем в Австрии, Бельгии, Финляндии, Греции, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Японии, Польше, Португалии, где в 2013 г. эта доля варьировалась от 10,2% в Бельгии до 16,3% ВВП в Италии [9]. Кроме того, динамика государственных расходов в Российской Федерации не определяется расходами на выплату пенсий, это иллюстрирует рисунок 3. Современные показатели публичных расходов на пенсионные выплаты стран Западной Европы по прогнозным оценкам в Российской Федерации будут достигнуты только в 2050 г. [11].

Составлено автором на основе статистики государственных финансов (сайт Федерального казначейства) и отчетов об исполнении бюджетов ПФР.

Рис. 3. Расходы на выплату страховой пенсии в % к ВВП и общий объем публичных расходов в Российской Федерации в 2011-2016 гг.

Тем не менее, исследование финансовой устойчивости российской пенсионной системы, главное место в которой занимает распределительная составляющая (т.е. доходы и расходы на выплату страховой пенсии), остается актуальным, поскольку пенсионные обязательства перед застрахованными формируются за весь период их трудовой деятельности. Согласно общему подходу к исследованию устойчивости любой системы, финансовая устойчивость пенсионной системы подразумевает возможность исполнения принятых пенсионных обязательств в условиях воздействия внешних и внутренних факторов, т.е. основным предметом исследования выступает не текущая, а средне- и долгосрочная сбалансированность доходов и расходов бюджета ПФР, связанных с обязательствами в области ПФР.

Частично риск несбалансированности бюджета ПФР в среднесрочной перспективе в разрезе распределительной страховой пенсионной системы нивелируется действующей с 2015 года пенсионной формулой, заменившей условные рублевые накопления на баллы, стоимость которых ежегодно пересматривается. Но использовать этот инструмент только для достижения сбалансированности бюджета ПФР без необходимости поддержания уровня замещения пенсией зарплаты невозможно. Риски, связанные с обязательствами в области выплаты Пенсионным фондом России за счет пенсионных накоплений, минимизируются формированием выплатного резерва, резерва по ОПС, ежегодным увеличением ожидаемого периода выплат и прекращением права на наследование при осуществлении хотя бы одной выплаты застрахованному.

В Российской Федерации действуют, как и в других странах, негативные демографические и макроэкономические факторы, влияющие на пенсионную систему. Но при этом следует признать: более низкий уровень продолжительности жизни, чем в других странах; большую численность неработающих граждан трудоспособного возраста, не являющихся инвалидами, даже при низких показателях безработицы; общий низкий уровень доходов населения. Учет уровня доходов населения необходим для оценки возможности дополнения выплат пенсий, гарантированных государством, пенсиями в со-

ответствии с договорами о негосударственном пенсионном обеспечении или добровольном пенсионном страховании.

Таким образом, изменение параметров российской пенсионной системы, в т.ч. решение вопросов об изменении пенсионного возраста, невозможно осуществлять по общемировым правилам. Тем более, что опыт других стран, показывает: нет «универсальных рецептов». В силу экономических и политических изменений в наиболее близких к России странам, с точки зрения истории экономического развития, произошли корректировки ранее принятых изменений пенсионного законодательства. Так в Польше после предварительного повышения был снижен пенсионный возраст, в Чехии и Польше отказались от обязательной пенсионной компоненты, в Венгрии снизили тариф взносов на формирование обязательных пенсионных накоплений [9]. В Казахстане с июля 2018 г. вводится элемент пенсионной системы, аналогичный российским страховым пенсиям без учета фиксированной выплаты, основанный на условных накоплениях пенсионных прав, введены дополнительные взносы работодателя, при этом принято решение о дальнейшем повышении пенсионного возраста [3].

В любом случае, при решении вопроса о повышении пенсионного возраста в Российской Федерации необходим точный прогноз численности работающего населения (т.н. активных застрахованных), который в большинстве прогнозных моделей определяется или на основе числа лиц трудоспособного возраста [2] или через соотношение фонда оплаты труда и средней зарплаты [1], не учитывает данные персонифицированного учета в системе ОПС, а также ожидаемое высвобождение лиц или изменение структуры занятости по видам и формам в результате расширения использования IT-технологий.

В условиях низкого уровня пособий по безработице, не соизмеримых с размером пенсий, снижение расходных обязательств Российской Федерации в области пенсионного обеспечения может привести к падению совокупного спроса в экономике. Следует также иметь в виду, что повышение пенсионного возраста влечет за собой увеличение среднего размера пенсии, а это может привести также к дисбалансу пенсионной системы в долгосрочной перспективе. Поэтому очень важно законодательно закрепить требования актуарных оснований любых решений об изменении основных параметров пенсионной системы, в т.ч. повышения пенсионного возраста.

Также необходимо в пенсионном законодательстве закрепить устранение дисбаланса между необходимым страховым стажем для назначения страховой пенсии и ожидаемым периодом пенсионных выплат по ОПС, в настоящее время последний постоянно пересматривается только при расчете накопительной пенсии. Дисбаланс между периодами в 2018 году хотя и сократился, но составляет 11,5 лет (см. таблицу).

Среди внутренних факторов, снижающих устойчивость российской пенсионной системы, можно выделить спорные управленческие решения, принятые с 2002 г.:

- неэффективное управление резервом ПФР, созданным в 2002 году для прохождения «демографической ямы» 2010-х годов и полностью исчерпанным до 2007 г.;
- решение об учете пенсионных прав в распределительной системе исходя из начисленных, но не уплаченных взносов;
- нерешаемая до 2012 г. проблема финансового обеспечения пенсий «досрочникам»;
- непоследовательность тарифной политики в области ОПС;
- неоднократная смена администратора страховых взносов в ГВФ;
- отвлечение кассовых остатков средств ПФР на счет федерального бюджета.

Мерами по преодолению данных факторов могли бы стать возврат к оценке пенсионных прав, исходя из уплаченных в ПФР пенсионных взносов, а также введение правила начисления доходов от размещения временно свободных средств федерального бюджета пропорционально объему привлекаемых ежедневных остатков со счета 40401. Необходимо рассмотреть возможность объединения денежных и информационных потоков при формировании пенсионных прав, которые были разделены в результате передачи части прав по администрированию страховых взносов на ОПС от ПФР к ФНС в 2017 г.

Результатом такого разделения может стать искажение информации о численности застрахованных, как одного из важных показателей прогнозных оценок сбалансированности пенсионной системы,

поскольку объекты учета разделены между ПФР и ФНС. Персонифицированный учет Пенсионным фондом ведется в разрезе застрахованных, независимо от того, у скольких работодателей он занят или совмещает работу по трудовому и гражданско-правовому договору, а ФНС – в разрезе страхователей (работодателей и самозанятых).

Таблица

Страховой стаж и ожидаемый период пенсионных выплат в России, лет

Год	Требования к страховому (трудовому) стажу для назначения пенсии по старости в системе пенсионного страхования	Ожидаемый период выплат	Справочно: ожидаемая продолжительность жизни при рождении по данным Росстата		
			общая	муж.	жен.
До 2002 г.	20 лет у женщин, 25 лет у мужчин	Не устанавливался	65,23 (2001)	58,92 (2001)	72,17 (2001)
2002 г.	5 лет	Последовательно увеличивался с 12 лет в 2002 году до 19 лет в 2013 году для расчета трудовых пенсий	64,95 (2002)	58,68 (2002)	71,90 (2002)
2015 г.	6 лет	19 лет	71,39	65,92	76,71
2018 г.	9 лет	20,5 лет	Низкий вариант прогноза		
			72,45	67,48	77,43
			Средний вариант прогноза		
			72,90	67,88	77,73
			Высокий вариант прогноза		
			73,51	68,57	78,26

Составлено автором на основе Справочной информации КонсультантПлюс и данных Росстата.

Подводя итоги, можно утверждать, что факт дефицита или профицита бюджета ПФР не отражает однозначно проблему устойчивости пенсионной системы, как и общий размер трансферта федерального бюджета Пенсионному фонду. Актуальность исследования устойчивости пенсионной системы связана не с долгосрочными обязательствами, вытекающими из источников финансирования дефицита бюджета ПФР, а пенсионными обязательствами, формируемыми на основе всего периода начисления и уплаты страховых взносов. Повышение пенсионного возраста не является единственной и однозначной мерой укрепления финансовой устойчивости пенсионной системы, возможно принятие и иных мер, корректирующих действие внутренних факторов ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуарные расчеты ПФР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pensionreform.ru/924> (дата обращения 04.06.2018).
2. Горлин Ю.М. Дефекты действующей пенсионной формулы // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 98-115.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пенсионного обеспечения: Закон Республики Казахстан от 2 августа 2015 года № 342-V.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 9-П от 10 июля 2007 года по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А.В. Докукина, А.С. Муратова и Т.В. Шестаковой.
5. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».
6. Профиль страны (Япония) на сайте МАСР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.issa.int/ru/country-details?countryId=JP®ionId=ASI&filtered=false> (дата обращения 04.06.2018).

7. Сайт Федерального бюро статистики Швейцарии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bsv.admin.ch/bsv/en/home/social-insurance/ahv/statistik.html> (дата обращения 04.06.2018).
8. *Hiedler M., Müller Chr., Weddige O.* Measuring accrued-to-date liabilities of public pension schemes – method, data and limitations. Research Center for Generational Contracts Freiburg University, 2009.
9. Pensions at a Glance, 2017. OECD and G20 Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2017_pension_glance-2017-en#page1 (дата обращения 04.06.2018).
10. Melbourne Mercer Global Pension Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://australiancentre.com.au/wp-content/uploads/2016/10/MMGPI2016-Report.pdf> (дата обращения 04.06.2018).
11. Pension Sustainability Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fiapinternacional.org/wp-content/uploads/2016/10/Pension-Sustainability-Index-2016.pdf> (дата обращения 04.06.2018).
12. *Schröder C.* Profitability of pension contributions: Evidence from real-life employment biographies. DIW Discussion Papers, 2010. № 1057.
13. *Schaechter A., Cottarell, C.* Long-Term Trends in Public Finances in the G-7 Economies. IMF, 2010.
14. *Solov'ev A.K.* The Pension Age as a Factor Regulating the Deficit of the State Pension System // Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. № 1. P. 86-93.

Никитина Т.В., Гальпер М.А., Лучко А.Д.

ПРОВЕДЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОЗНИЧНОМ БАНКОВСКОМ БИЗНЕСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СБЕРБАНКА)

Аннотация. Актуальной задачей руководства банков в настоящий момент является проведение цифровизации с целью извлечения дополнительной прибыли и повышения эффективности работы. В статье сделан акцент на наиболее передовой в этом аспекте сегмент – розничный банковский бизнес. Авторы привели данные мировой статистики и рассмотрели практические примеры проведения цифровизации в розничном бизнесе Сбербанка. Помимо этого, в статье сформулированы основные предложения по проведению цифровизации в розничном сегменте банковской деятельности, выделены четыре основных направления внедрения цифровых технологий в процесс создания дополнительной стоимости банком.

Ключевые слова. Цифровизация, цифровая трансформация, розничный банковский бизнес, внедрение цифровых технологий в банках, прибыль от проведения цифровизации.

Nikitina T.V., Galper M.A., Luchko A.D.

DIGITALIZATION IN RETAIL BANKING BUSINESS ON THE EXAMPLE OF SBERBANK PRACTICE

Abstract. The actual challenge of the bank's management is digital transformation with the aim of getting additional profit and increasing the efficiency of the financial organization. The article focuses on the most advanced segment in this aspect – the retail banking business. We collected the data of world statistics and considered practical examples of digitalization in the retail business of Sberbank. In addition, the article outlines the main proposals for digitalization in the retail segment – we have identified four main directions of implementing digital technologies in the process of creating additional value by the bank.

Keywords. Digitalization, digital transformation, retail banking business, implementation of digital technologies in banks, profit from digitalization.

Введение

Доходы и прибыль банковского сектора в условиях глобальной неустойчивой среды перейдут к тем банкам, которые смогли приспособиться к новым условиям. Самые продвинутые банки мира занимаются доведением до совершенства своих мобильных приложений, а также создают так называемые «хакатоны», то есть форумы специалистов из разных областей (программисты, дизайнеры, менедже-

ГРНТИ 06.73.65

© Никитина Т.В., Гальпер М.А., Лучко А.Д., 2018

Татьяна Викторовна Никитина – доктор экономических наук, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, директор Международного центра исследований актуальных проблем финансовых рынков Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Мария Андреевна Гальпер – аспирант кафедры банков, финансовых рынков и страхования, научный сотрудник Международного центра исследований актуальных проблем финансовых рынков Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Анастасия Дмитриевна Лучко – аспирант кафедры банков, финансовых рынков и страхования Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Никитина Т.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (812) 570-29-42. E-mail: t_nikitina2004@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 25.09.2018.

ры), работающих совместно над созданием прорывных технологий и изобретений. Помимо этого, банки развивают активное сотрудничество с финтех-компаниями.

Именно розничный банковский бизнес наиболее подвержен последним технологическим тенденциям, согласно мировой статистике [8]. Лидеры этого рынка уже успешно используют цифровые технологии для автоматизации процессов, создания новых продуктов, улучшения соответствия нормативным требованиям, анализа потребностей своих клиентов и преобразования ключевых компонентов цепочки создания стоимости.

Статистические данные и опыт Сбербанка

В российском банковском секторе наиболее успешный опыт в сфере внедрения цифровых технологий также показывают розничные финансово-кредитные организации. Уже сейчас банки, использующие в качестве бизнес-модели розничное обслуживание с применением цифровых технологий, а также POS-кредитование, подразумевающее онлайн-выдачу кредита клиентам интернет-магазинов, показывают стремительный рост. И, по прогнозам аналитиков, эти темпы не будут ослабевать еще длительное время [6]. Помимо этого, услуги для малого и среднего бизнеса демонстрируют высокую привлекательность для развития их банками. Согласно данным Стратегии Сбербанка на 2014-2018 гг., 15% увеличения доли корпоративного кредитования достигается за счет роста этих сегментов на фоне снижения доли кредитования крупнейшего бизнеса.

Согласно исследованиям McKinsey [8], в ближайшие пять лет около 40% всех банковских доходов в розничном сегменте будут получены от предоставления цифровых услуг. Учреждения, которые противостоят цифровым инновациям, будут наказаны клиентами, финансовыми рынками, а иногда и регуляторами. Потенциальное сокращение чистой прибыли в размере 35% ожидает отстающих участников банковской системы, согласно исследованиям McKinsey. В то же время, прибыль от проведения цифровизации в финансовых институтах может увеличиться на 45% (см. рис. 1).

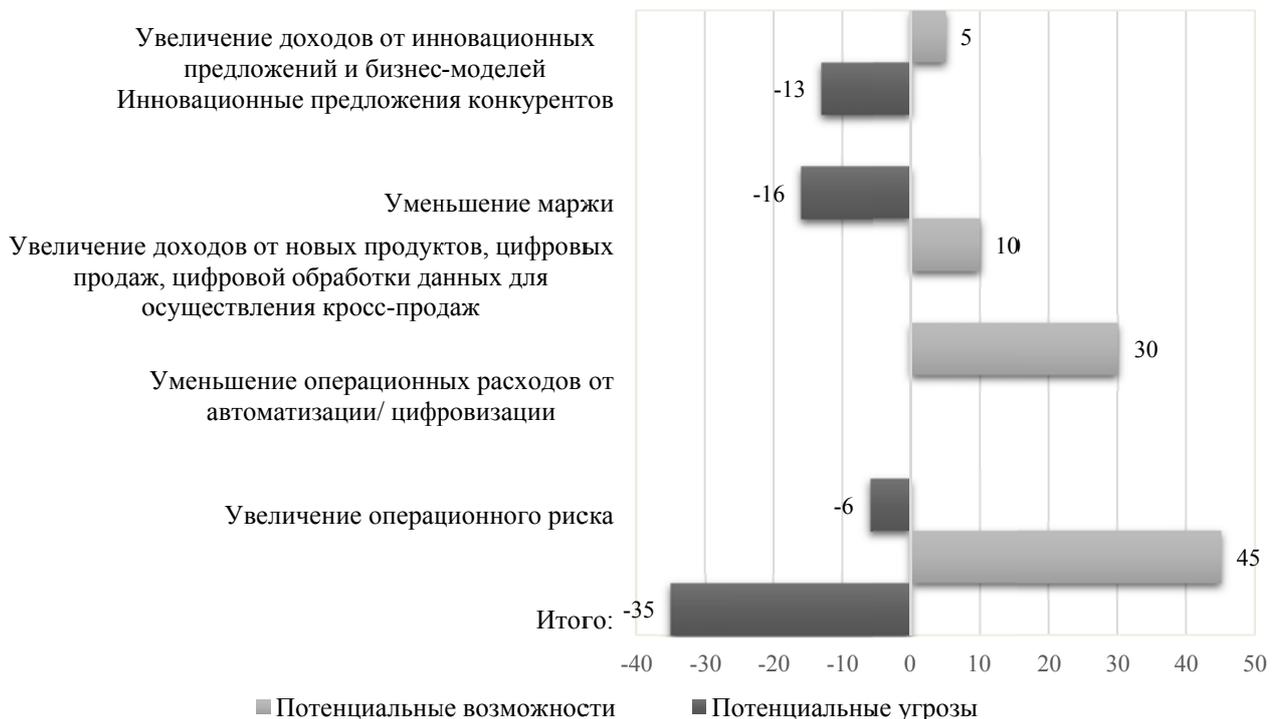

Рис. 1. Влияние цифровизации на чистую прибыль банка (розничный сегмент) [8, перевод авторов]

Данный результат складывается из увеличения доходов от инновационных предложений и бизнес-моделей банка, добавляющего к прибыли 5%, увеличения доходов от новых продуктов, цифровых продаж, цифровой обработки данных для осуществления кросс-продаж, прибавляющего еще 10%. Более того, уменьшение операционных расходов от автоматизации/цифровизации банка способно доба-

вить к прибыли банка еще 30%. В свою очередь, потенциальные угрозы возникают вследствие инновационных предложений конкурентов, что сокращает прибыль банка на 13%. Помимо этого, по результатам исследования, цифровизация способна сократить процентную маржу банка, что приведет к уменьшению прибыли на 16%, а возможное увеличение операционного риска отнимет еще 6%. Тем не менее, вес положительного эффекта превышает потенциальные угрозы для банка на 10%, что говорит о том, что, в целом, для банков цифровизация является актуальной задачей.

Проанализируем теперь финансовый результат за 2017 год лидера российского рынка банковских услуг – ПАО «Сбербанк России». Несмотря на то, что банк является универсальным, розничный бизнес является существенным сегментом его деятельности и, как мы видим по результатам отчетности, основным источником роста прибыли. Согласно данным отчета о прибылях и убытках Сбербанка за 2017 год, рост годовой чистой прибыли за 2017 год по отношению к показателю предыдущего года составил 35,3%. По итогам 2017 года она достигла отметки 748,70 млрд руб. [2].

В таблице 1, составленной авторами статьи на основе официальных данных Сбербанка [1], представлены основные компоненты финансового результата банка. Мы видим, что чистые процентные доходы возросли, как и чистые комиссионные доходы, составив 1452,1 млрд рублей и 394,2 млрд рублей, соответственно. Комиссионные доходы банк нарастил, в том числе, благодаря использованию цифровых технологий в части предложений клиентам онлайн-сервисов и приложений. Помимо этого, банк сокращает операционные расходы, также за счет автоматизации и цифровизации своих внутренних и внешних процессов. Таким образом, анализ практики Сбербанка подтверждает гипотезу о положительном эффекте цифровизации на прибыль банка.

Таблица 1

Основные составляющие финансового результата Сбербанка, млрд рублей		
	2016 год	2017 год
Чистые процентные доходы	1362,80	1452,10
Чистые комиссионные доходы	349,10	394,20
Операционные расходы	-677,60	-672,80
Чистая прибыль	541,90	748,70

По итогам 2017 года чистый процентный доход банка увеличился относительно предыдущего года на 7,7% и превысил 1,4 трлн рублей. Главными источниками данного результата были снижение процентных ставок по привлеченным средствам клиентов и рост розничного кредитного портфеля [7]. Чистый комиссионный доход увеличился на 12,5% до 394 млрд рублей. Основными драйверами роста были операции с банковскими картами (плюс 25,4%) и банковское страхование (плюс 22,7%). За 2017 год Сбербанк выдал клиентам в общей сложности 13,5 трлн рублей кредитов – на 27% больше, чем за 2016-й. Динамика кредитования продемонстрирована на рисунке 2.

Рис. 2. Динамика выданных кредитов корпоративным и частным клиентам, 2013–2017 гг., трлн руб. [3]

Начиная с 2015 года, объем выданных кредитов как корпоративным клиентам, так и частным лицам, растет и на конец 2017 года составляет 11,4 трлн рублей и 2,2 трлн рублей, соответственно. Причем за 2017 год корпоративные кредиты выросли на 25%, а объем кредитов, выданных частному сектору, увеличился на 37%.

В соответствии с мировыми тенденциями и подтверждая исследования McKinsey, на которые мы ссылались ранее, именно розничный бизнес приносит Сбербанку рост доходов, и цифровизация используется банком для обеспечения повышения конкурентоспособности и эффективности в данном сегменте. Если рассматривать структуру розничного бизнеса, то, согласно официальным данным [1], он состоит из жилищных кредитов, потребительского кредитования, кредитных карт и овердрафтов, а также автокредитования. Максимальный рост показывает сегмент жилищного кредитования (16%) (см. табл. 2).

Таблица 2

Год	2013	2014	2015	2016	2017
Розничный кредитный портфель:	3748	4847	4966	5032	5717
жилищные кредиты	1569	2270	2555	2751	3191
потребительские кредиты	1673	1868	1682	1574	1726
кредитные карты и овердрафты	349	539	587	587	679
автокредиты	157	170	142	120	121

Согласно отчету Сбербанка за 2017 год, жилищное кредитование показывает увеличение доли благодаря внедрению платформы «ДомКлик». В ноябре 2017 года, по результатам аналитического сервиса SimilarWeb, эта услуга заняла пятое место среди сайтов по работе с недвижимостью в России. Сервис объединяет клиентов, сотрудников и партнеров Сбербанка – застройщиков и агентств недвижимости, что существенно упрощает процедуру выдачи кредита (клиенты, получающие зарплату через Сбербанк и зарегистрированные в приложении Сбербанк-онлайн, освобождаются от необходимости заполнять анкету для получения кредита) и покупки недвижимостью через ипотеку.

Предложения по проведению цифровизации в банках

Итак, розничное кредитование, а также малый и средний бизнес являются целевыми сегментами для извлечения дополнительной прибыли банком, а цифровизация выступает в качестве инструмента их развития.

В глобальном мире аналитики указывают на ключевой тренд в развитии потребительского спроса на финансовые услуги – это развитие интернет-коммерции и вместе с этим экосистем вокруг онлайн-платформ, включающих и финансовые услуги. Поэтому банкам предлагается развивать четыре основных направления для использования цифровых технологий в процессе создания ценности.

1. Цифровые технологии используются для связи с клиентами, партнёрами, а также сотрудниками банка.

2. Цифровые технологии позволяют анализировать не только финансовое положение, но и психологический тип клиента, его предпочтения и образ жизни. На основании этой информации банк делает ему персонализированные предложения, начиная от специфического дизайна продукта, до его содержания (кредитование на различные цели – ипотека, путешествия, образование, и др.) и цены.

3. Автоматизация низкорискованных, повторяющихся однотипных процессов. Эти процессы могут быть переведены в мобильные приложения, что может увеличить продуктивность и облегчить комплаенс.

4. Цифровизация является средством содействия инновациям в банковских продуктах и бизнес-моделях. Примерами этого могут являться социальный маркетинг и краудсорсинг, а также «бизнес-модели с цифровой ориентацией» [7].

Выводы

1. Прибыль Сбербанка увеличивается в основном за счет роста процентной маржи.

2. Процентные доходы показывают рост доли розницы, причем максимальные результаты показывает жилищное кредитование, где за 2017 год был внедрен онлайн-сервис ДомКлик.

3. В сегменте корпоративного бизнеса наблюдается наиболее активный рост в кредитовании малого (за 2017 год общее число активных клиентов малого и микробизнеса увеличилось на 17%) и среднего бизнеса с использованием технологической платформы (цифровые технологии позволяют создавать экосистему вокруг развития малого и среднего бизнеса и получать дополнительные доходы).

4. Розница и малый и средний бизнес – те сферы, где внедрение цифровых технологий обосновано и показывает наибольшие результаты (сервис ДомКлик обеспечивает на март 2018 года уже 17% всей ипотеки Сбербанка, в Москве этот показатель достигает 33%. За 2017 год объем выданных жилищных кредитов через платформу «ДомКлик» вырос на 51% по сравнению с 2016 годом и составил 10,8 млрд руб. [5]). Данные сферы характеризуются большим влиянием маркетинга, наличием однотипных низкорискованных операций и представляют огромный потенциал в развитии онлайн-сервисов в связи с ростом спроса населения на цифровые услуги и развитием малого (включая микробизнес) и среднего бизнеса, интернет-коммерции. Таким образом, по мнению авторов, для банков всех типов проведение цифровизации целесообразно начинать именно с данных сегментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный годовой отчет Сбербанка за 2017 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/yrep/Sberbank_Annual_Report_2017_RUS.pdf (дата обращения 15.08.2018).
2. Официальный сайт Сбербанка. Финансовые результаты. Основные показатели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sberbank.com/ru/investor-relations/reports-and-publications/key-data> (дата обращения 15.08.2018).
3. Презентация Г. Грефа на ГОСА 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/ir/docs/G_Gref_Presentation_AGM_2018_rus.PDF (дата обращения 15.08.2018).
4. Сбербанк мечтает о роботах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2017/01/20/673767-sberbank-robotah> (дата обращения 15.08.2018).
5. Сервисом Сбербанка «ДомКлик» воспользовалось более миллиона человек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finansist-kras.ru/news/banks/servisom-sberbanka-domklik-vospolzovalos-bolee-milliona-chelovek> (дата обращения 15.08.2018).
6. Стратегия развития Сбербанка на 2014-2018 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/sberbankdevelopmentstrategyfor2014-2018.pdf> (дата обращения 15.08.2018).
7. Чистая прибыль Сбербанка за 2017 год достигла 674 млрд рублей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10216856> (дата обращения 15.08.2018).
8. Strategic choices for banks in the digital age. McKinsey research, 2015.

ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ: РЕКОМЕНДАЦИИ ИНТОСАИ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования развития нормативной базы и практики внутреннего финансового контроля в секторе государственного управления РФ, в том числе в контексте анализа учета в них рекомендаций ИНТОСАИ. Сформулированы выводы о негативном влиянии отсутствия единых и понятных требований к порядкам внутреннего финансового контроля на реализацию его законодательно регламентированного функционального назначения, о необходимости закрепления таких требований в федеральной правовой базе. Выявлена лучшая практика внутреннего контроля в органах исполнительной власти РФ. Сформулированы предложения, реализация которых будет способствовать наиболее полному достижению назначения внутреннего контроля как инструмента управления рисками в системе менеджмента, в том числе финансового, в органах исполнительной власти, нацеленного на эффективность использования бюджетных средств и результативность реализации государственных функций.*

***Ключевые слова.** Внутренний финансовый контроль, внутренний финансовый аудит, финансовый менеджмент в секторе государственного управления, риск-менеджмент, бюджетный процесс, казначейские риски.*

Kankulova M.I., Alfimenko S.S.

INTERNAL CONTROL IN PUBLIC ADMINISTRATION SECTOR: INTOSAI RECOMMENDATIONS AND RUSSIAN FEDERATION PRACTICE

***Abstract.** The article presents the results of a study of the development of the regulatory framework and the practice of internal financial control in the public administration sector of the Russian Federation, including in the context of analyzing the incorporation of INTOSAI recommendations in them. Conclusions are drawn about the negative impact of the lack of consistent and comprehensible requirements for the procedures of internal financial control for the implementation of its legally regulated functional purpose, the need to consolidate such requirements in the federal legal framework. The best practice of internal control in executive bodies of the Russian Federation has been identified. The proposals have been formulated the implementation of which will contribute to the most complete implementation of the designation of internal control as a risk management tool in the management system, including financial management, in the executive bodies aimed at the effectiveness of using budgetary funds and the effectiveness of implementation state functions.*

***Keywords.** Internal financial control, internal financial audit, financial management in the public administration sector, risk management, budget process, treasury risks.*

ГРНТИ 06.73.15

© Канкулова М.И., Алфименко С.С., 2018

Маржинат Ильясовна Канкулова – доктор экономических наук, профессор кафедры государственных и муниципальных финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Светлана Сергеевна Алфименко – аспирант кафедры государственных и муниципальных финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, начальник аналитического отдела Комитета финансов Санкт-Петербурга.

Контактные данные для связи с авторами (Канкулова М.И.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 310-96-71. Email: kankulova@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 11.09.2018.

Наличие действенной системы внутреннего контроля, как системы мер, осуществляемых в организации с целью наиболее эффективного выполнения должностных обязанностей работников при совершении хозяйственных операций, является неотъемлемой предпосылкой достижения эффективности и результативности. В государственном секторе внутренний контроль активно внедряется с 1992 года с момента предложения Рекомендаций по стандартам внутреннего контроля Международной организации высших органов финансового контроля ИНТОСАИ (далее – рекомендации ИНТОСАИ) [3, 4].

Принимая во внимание особенности организаций государственного сектора, ИНТОСАИ не претендовала на создание собственно стандартов, подлежащих внедрению в государственных органах. Была предложена общая структура, в рамках которой могли разрабатываться конкретные алгоритмы, средства и методы внутреннего контроля, исходя из непосредственных задач социальной или политической направленности, координации с бюджетным циклом, широкой сферы государственной подотчетности.

Необходимость реализации внутреннего контроля в одном из возможных его аспектов – финансовом – в секторе государственного управления Российской Федерации законодательно закреплена с появлением в Бюджетном кодексе РФ статьи 160.2-1 [1]. Именно в этом контексте, исходя из обозначенных выше рамочных рекомендаций ИНТОСАИ, разрабатывался и был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации № 193 от 17.03.2014 г. Порядок осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета (бюджета государственного внебюджетного фонда Российской Федерации), главными администраторами (администраторами) доходов федерального бюджета (бюджета государственного внебюджетного фонда Российской Федерации), главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита федерального бюджета (бюджета государственного внебюджетного фонда Российской Федерации) внутреннего финансового контроля (далее – постановление № 193) [11].

Следуя логике ИНТОСАИ, Правительство видело своей задачей закрепление некоторых общих принципов для поименованных в названии документа участников бюджетного процесса (которых мы далее будем обобщенно называть администраторами бюджетных средств), причем только федерального уровня. Предполагалось, что дорабатывать систему внутреннего финансового контроля каждый администратор будет самостоятельно, исходя из специфики своей деятельности, штатной численности и полномочий. С момента появления соответствующей нормативной правовой базы внутренний финансовый контроль (ВФК) и внутренний финансовый аудит (ВФА) не раз становились темой горячих дискуссий на различных конференциях, организуемых контрольными и финансовыми органами государственной власти России.

Нерешенными до конца являются ключевые вопросы в рассматриваемой сфере. Если ВФК является внутренним делом администратора средств бюджета, должен ли кто-то контролировать его осуществление? Если ВФА осуществляется на основе функциональной независимости, то как его реализовать, оставаясь в пределах имеющейся штатной численности органа власти? Почему ВФК направлен на выполнение только бюджетных процедур и не охватывает другие аспекты управления государственными органами и подведомственными им учреждениями? Почему ВФК распространяется непосредственно только на участников бюджетного процесса, а не на все организации и учреждения в пределах используемых ими бюджетных средств (автономные и бюджетные государственные учреждения, государственные унитарные предприятия, акционерные общества, получающие бюджетные инвестиции)?

На некоторые из приведенных выше вопросов ответили разработанные Минфином России методические рекомендации, утвержденные приказом Минфина России от 07.09.2016 г. № 356 (далее – методические рекомендации) [5], призванные обеспечить единообразный подход к осуществлению ВФК. В частности, в методических рекомендациях более подробно раскрывалось, что должно войти в порядок осуществления ВФК (но не ВФА), что подразумевается под результатом выполнения внутренних бюджетных процедур, какие бюджетные и коррупционные риски необходимо принимать во внимание, какие решения принимает руководитель администратора бюджетных средств по итогам рассмотрения результатов внутреннего финансового контроля. Кроме того, приведены примеры заполнения форм карт ВФК, журналов ВФК.

Но, к сожалению, методические рекомендации не всегда могут служить достаточным основанием для разработки и совершенствования правовой базы, поскольку при определении контрольных функ-

ций структурных подразделений органов власти юристы как правило опираются на полномочия, однозначно прописанные в законах и постановлениях. Поэтому постановление № 193 явилось если не основой, то главным ориентиром для разработки порядков осуществления ВФК и ВФА субъектов России.

Авторами проанализированы порядки осуществления внутреннего финансового контроля шести субъектов Российской Федерации: Санкт-Петербурга, Кировской, Волгоградской, Самарской, Орловской областей и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. За исключением Санкт-Петербурга, остальные регионы были отобраны случайным образом. Анализ показал существенную разницу между перечисленными регионами в подходах к организации как внутреннего финансового контроля, так и, в меньшей степени, внутреннего финансового аудита.

Например, Постановление Правительства ХМАО – Югры от 21.02.2014 г. № 59-п «О Порядке осуществления главными распорядителями (распорядителями) бюджетных средств, главными администраторами (администраторами) доходов бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» содержит право, но не обязанность главных администраторов средств бюджета автономного округа принимать правовые акты об осуществлении внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита, подразумевая, что они могут руководствоваться только общим порядком, который в той или иной степени повторяет постановление № 193 [15].

Порядок осуществления ВФК Кировской области предписывает «обеспечить внесение в правовые акты органа исполнительной власти Кировской области полномочий по осуществлению внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита, а также внесение в должностные регламенты должностных лиц положений о правах и обязанностях, связанных с осуществлением внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» [7].

В Санкт-Петербурге же каждый главный администратор бюджетных средств (ГАБС) обязан установить отдельный регламент осуществления внутреннего финансового контроля, не противоречащий постановлению Правительства Санкт-Петербурга [14].

В разных регионах различается перечень направлений, по которым ГАБС могут принимать решения по рассмотрению результатов ВФК: от 4 в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 10 в Санкт-Петербурге. Количество внутренних бюджетных процедур, в отношении которых администраторы бюджетных средств осуществляют внутренний финансовый контроль также может отличаться. Например, в Санкт-Петербурге их 13, это количество остается неизменным с тех пор, как постановление № 193 было принято в марте 2014 года. Кировская область ограничилась 17 бюджетными процедурами, не включая в перечень осуществление действий, направленных на обеспечение соблюдения получателями бюджетных инвестиций условий, целей и порядка их предоставления, а также осуществление действий, направленных на обеспечение адресности и целевого характера использования ассигнований, предназначенных для погашения источников финансирования дефицита бюджета.

В основном же субъекты РФ стараются оперативно транслировать в свои правовые акты все изменения в перечне бюджетных процедур, в отношении которых осуществляется внутренний финансовый контроль администраторами федерального бюджета. В частности, в постановлениях Волгоградской [9] и Орловской [10] областей об утверждении порядка осуществления ВФК перечислены все 19 бюджетных процедур, причем в первоначальный перечень Волгоградской области внесены изменения менее, чем через полгода после принятия нового перечня для распорядителей федерального бюджета – в сентябре 2015 года. В связи с этим можно сделать вывод о том, региональные порядки осуществления ВФК и ВФА меняются во многом с оглядкой на постановление № 193, поэтому перечень бюджетных процедур было бы более целесообразным, с точки зрения удобства для всех, формировать с использованием числовых, а не буквенных обозначений.

В то же время, как показывает сравнительный анализ, приведенный в таблице, у каждого субъекта Российской Федерации есть свои особенности порядков осуществления ВФК и ВФА, проистекающие из различного понимания их смысла и масштабов. Даже предмет регулирования определяется по-разному, либо вовсе не определен четко, что вполне объяснимо, учитывая, что долгое время Правительство РФ нормативно не закрепляло определение внутреннего финансового контроля.

Таблица

Сравнительный анализ некоторых аспектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающих порядок осуществления внутреннего финансового контроля

Субъект РФ	Что устанавливает правовой акт	Определение предмета ВФК	Что должно быть предусмотрено в локальном правовом акте	Количество бюджетных процедур	Количество направлений решений	Особенности
Санкт-Петербург	Требования к организации, подготовке, проведению и рассмотрению результатов ВФК	Внутренние бюджетные процедуры и составляющие их операции	Порядок взаимодействия должностных лиц администратора по ВФК, процедуры подготовки к осуществлению ВФК, формы систематизации и анализа информации о результатах ВФК, выявления и разработки предложений по минимизации бюджетных рисков, контроля выполнения решений, принятых по рассмотрению информации о результатах ВФК, порядок формирования, утверждения и актуализации карт ВФК	13	10	Включает мониторинг как один из методов проведения ВФК (наряду с самоконтролем, контролем по уровню подчиненности, подведомственности и смежным контролем)
Кировская область	Правила осуществления ГАБС ВФК и ВФА	Ссылка на статью 160.2-1 БК РФ	Полномочия по осуществлению ВФК и ВФА, а также права и обязанности должностных лиц, связанные с осуществлением ВФК и ВФА	17	9	ВФК направлен, в том числе, на соблюдение стандартов и процедур при осуществлении государственных закупок
Самарская область [8]	Единые подходы к осуществлению главными администраторами средств бюджета ВФК и ВФА	Соблюдение внутренних стандартов и процедур составления и исполнения областного бюджета по расходам, составления бюджетной отчетности и ведения бюджетного учета ГАБС, подведомственными администраторами и получателями средств бюджета	Порядок проведения проверок по ВФК и оформления их результатов	Не приведены	Не приведены	Включает только порядок осуществления ВФК и ВФА «контролирующими органами» (не перечисленными, определение отсутствует)

Окончание табл. 1

Субъект РФ	Что устанавливает правовой акт	Определение предмета ВФК	Что должно быть предусмотрено в локальном правовом акте	Количество бюджетных процедур	Количество направлений решений	Особенности
Волгоградская область	Систему и последовательность работы по осуществлению главными администраторами ВФК и ВФА	Соблюдение внутренних стандартов и процедур составления и исполнения областного бюджета, составления бюджетной отчетности и ведения бюджетного учета ГАБС, подведомственными администраторами и получателями бюджетных средств	Не определено	19	9	Предусмотрено, что ВФК и ВФА осуществляются только в пределах установленной предельной численности и фонда оплаты труда работников
Орловская область	Процедуру осуществления ГАБС ВФК и ВФА	Соблюдение внутренних стандартов и процедур составления и исполнения областного бюджета, составления бюджетной отчетности и ведения бюджетного учета ГАБС, подведомственными администраторами и получателями бюджетных средств	Порядок формирования и направления информации о результатах внутреннего финансового контроля устанавливается администратором средств бюджета	19	9	Распространяется на Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Орловской области
ХМАО-Югра	Правила осуществления главными администраторами средств бюджета ВФК и ВФА	Бюджетные процедуры и составляющие их операции	Порядок осуществления ВФК и ВФА, но это право администратора бюджетных средств, а не обязанность	13	4	Включает мониторинг качества исполнения бюджетных процедур как один из методов ВФК, и последующий контроль, как одна из форм ВФК

В условиях существования подобного разброса подходов к ВФК с точки зрения его предмета, методов и форм осуществления трудно полагаться на достоверность его результатов. При этом результаты осуществления ВФК претендуют на серьезную роль в системе управления государственным сектором, поскольку к ним относятся как к важной составляющей мониторинга качества финансового ме-

недждмента; основе для составления планов проверок на основе риск-ориентированного подхода; источнику информации для принятия управленческих и кадровых решений в органах власти.

Следовательно, установление единых требований к правовому акту, утверждающему порядок осуществления ВФК и ВФА, – необходимое условие формирования у Минфина России и у всех публично-правовых образований единого понимания границ применения его результатов. Вряд ли такая обязательность будет болезненно воспринята главными администраторами средств региональных и местных бюджетов, учитывая, что постановление № 193 давно служит для них определенным ориентиром, как было показано выше.

Очередные изменения в постановление № 193 внесены 24 марта 2018 года. Ожидая, что многие субъекты РФ постараются отразить изменения в своих порядках осуществления ВФК и ВФА, будет полезно проанализировать, насколько новая редакция отвечает принципам, провозглашенным в рекомендациях ИНТОСАИ.

Во-первых, постановление № 193 стало заметно объемнее. В первую очередь разработчики дали определение ВФА и уточнили понятие ВФК, закрепив, что ВФК – это непрерывный процесс. Это исключает понимание ВФК как некоего мероприятия, выполняемого с определенной периодичностью, чтобы его «провести и отчитаться». Рекомендации ИНТОСАИ на эту тему говорят: «Внутренний контроль – это не одно событие или обстоятельство, а последовательность действий, охватывающая всю деятельность организации. Такие действия предпринимаются во время работы организации на постоянной основе». Кроме того, и здесь разработчики новой редакции постановления № 193 идут даже дальше методических рекомендаций Минфина, предусматривается, что ВФК осуществляется не только должностными лицами администратора бюджетных средств, организующими и выполняющими бюджетные процедуры, но и должностными лицами, обеспечивающими соблюдение внутренних процедур. Это соотносится с рекомендацией ИНТОСАИ о том, что «руководство и сотрудники на всех уровнях» участвуют в организации внутреннего контроля.

Во-вторых, отдельного рассмотрения заслуживает новый пункт 12.1 приложения к постановлению № 193 – об оценке рисков, которая предшествует внесению операций в карты ВФК. Разработчики новой редакции сочли нужным перенести наиболее важные аспекты оценки риска из методических рекомендаций, включая оценку вероятности наступления риска и степени его влияния. Несколько неожиданным является перенос из методических рекомендаций в постановление № 193 понятия коррупционно опасных операций, информация о которых должна служить основанием для оценки рисков. Дается пояснение, что к коррупционно опасным операциям относятся операции:

- при выполнении которых может возникнуть конфликт интересов и в отношении которых внутренний финансовый контроль осуществляют должностные лица, замещающие должности, включенные в перечень должностей, замещение которых связано с коррупционными рисками;
- необходимые для выполнения внутренней бюджетной процедуры, направленной на организацию исполнения функции государственного органа, определенной в качестве коррупционно опасной;
- в отношении которых имеется информация о признаках, свидетельствующих о коррупционном поведении должностных лиц при их выполнении.

Вышесказанное предполагает, что у администратора бюджетных средств имеется перечень должностей, замещение которых связано с коррупционными рисками, а также определены коррупционно опасные функции. Это едва ли не единственный случай на памяти авторов, когда в документах уровня постановления Правительства РФ встречается увязка коррупционных рисков с деятельностью в рамках бюджетного процесса, пусть и с необходимыми оговорками: «может возникнуть», «имеются признаки» и т.п. Тем не менее, если смотреть на это с точки зрения рекомендаций ИНТОСАИ, для всестороннего выявления рисков «необходимо рассматривать все возможные риски, включая риск мошенничества и коррупции». Пока такие параметры не были утверждены на уровне постановления Правительства, ни для кого не секрет, что распорядители бюджетных средств ограничивались отражением в картах ВФК только риска несвоевременности выполнения бюджетных процедур и ошибок в отчетности об их выполнении.

Наконец, в-третьих, самым важным новшеством, появившимся в постановлении № 193, является закрепление обязанности администратора средств федерального бюджета утверждать перечень мер по повышению качества выполнения внутренних бюджетных процедур. Ранее требовалось только со-

ставлять карты ВФК и фиксировать отклонения от целевых показателей ВФК в регистрах (журналах) ВФК. Изменение не только вполне отвечает принципам ИНТОСАИ, рекомендуя разработывать действия в ответ на выявленные риски, но и делает процесс ВФК гораздо более осмысленным в глазах администраторов бюджетных средств, тем более что в текущей редакции фактически ставится знак равенства между качеством исполнения бюджетных полномочий и качеством финансового менеджмента.

Вышеописанные изменения постановления № 193, вкуче с постоянно обновляемыми методическими рекомендациями Минфина могут свидетельствовать о наличии у федеральных органов власти системного подхода в сфере внедрения внутреннего контроля и внутреннего аудита. Об этом же говорит и проект «Концепции развития систем внутреннего финансового контроля, внутреннего аудита и оценки качества финансового менеджмента в секторе государственного и муниципального управления» (далее – Концепция), размещенный на сайте Минфина еще 25.03.2016 г. [16]. Будучи принятой, данная Концепция должна была объявить курс на существенное повышение роли внутреннего финансового контроля и внутреннего аудита в осуществлении финансового менеджмента и постепенный переход от внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита к внутреннему контролю и внутреннему аудиту. В Концепции прямо сказано, что «внутренний финансовый контроль станет частью сформированной системы внутреннего контроля, охватывающего все аспекты деятельности органов государственной власти (органов местного самоуправления)».

Несмотря на отсутствие официального принятия, Концепция во многом реализуется в настоящий момент. В частности, в Федеральном казначействе 16.12.2016 г. приказом № 475 утвержден Стандарт внутреннего контроля [12], направленный на соблюдение законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых и правовых актов Министерства финансов Российской Федерации и Федерального казначейства, а также иных документов, регламентирующих деятельность органов Федерального казначейства, федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России», повышение эффективности (экономности и результативности) деятельности органов Федерального казначейства и «Центра по обеспечению деятельности Казначейства России», в разрезе финансового, административного и технологического направлений деятельности.

Данный документ не умаляет важности осуществления контроля в отношении внутренних бюджетных процедур, но существенно расширяет и дополняет рамки процессов и операций, которые должны проверяться на соответствие документам, регламентирующим деятельность Федерального казначейства. Наряду с финансовым контролем, понимаемым как оценка соблюдения финансовой дисциплины, рассматриваются также административный (управленческий) контроль, представляющий собой оценку количества и качества реализации организационных мероприятий, и технологический контроль, заключающийся в обеспечении своевременности и качества соблюдения казначейских технологий.

Внимание руководства Федерального казначейства к организации внутреннего контроля на высоком уровне обусловлено, прежде всего, особой ролью Казначейства в системе управления государственными финансами, имеющей платежный, учетный, контрольный и информационный аспекты. Специфика работы Федерального казначейства такова, что при осуществлении внутреннего контроля необходимо, чтобы каждый специалист, прежде чем закончить операцию и передать ее на следующий уровень компетенции, выполнял функции контролера, еще раз оценивая результат своей работы [2]. Территориальная распределенность органов Федерального казначейства не позволяет качественно осуществлять внутренний контроль только силами контрольно-аудиторских подразделений центрального аппарата, поэтому внутренний контроль осуществляется в каждом органе Федерального казначейства.

Нормативная база осуществления внутреннего контроля в Федеральном казначействе отличается широким терминологическим аппаратом. Методика проведения мероприятий в сфере внутреннего контроля и аудита унифицирована с помощью такого документа, как Классификатор внутренних (операционных) казначейских рисков, и опирается на Стандарт управления внутренними (операционными) казначейскими рисками в Федеральном казначействе [13] разработанный с учетом требований национальных стандартов менеджмента риска [6]. В основе методики лежат лучшие разработки ИНТОСАИ и COSO. В полном соответствии с рекомендациями ИНТОСАИ документы регулярно пе-

рассматриваются и совершенствуются, в том числе с учетом анализа результатов осуществления внутреннего контроля и аудита в предыдущем отчетном году.

Отчасти успехи Федерального казначейства в сфере осуществления внутреннего контроля и аудита объяснимы солидной историей формирования данной системы. С момента выделения в 2005 году из структуры Минфина России в самостоятельную федеральную службу, Федеральное казначейство утвердило Концепцию развития системы внутреннего контроля и аудита в 2006-2011 годах, которая подразумевала реализацию ряда мероприятий по совершенствованию внутреннего контроля и внутреннего аудита, в том числе правовое регулирование данных вопросов. Все заявленные указанной концепцией цели были достигнуты, на чем Федеральное казначейство не считает возможным останавливаться.

Как отметил руководитель Казначейства России Р.Е. Артюхин в интервью ТАСС на полях Петербургского международного экономического форума 2018 года, «реформа госуправления во многом основывается на концепции *new public management*, то есть нового государственного управления. В некотором смысле государственная власть, конечно, отличается от корпоративных механизмов. Но в целом государственный менеджмент – это тоже менеджмент, и подходы корпоративного управления, которые уже закрепились, удачно применяются. Все стандарты внутреннего контроля, внутреннего аудита возможно применять в государственном секторе. Это одно из направлений реформы госуправления – посмотреть, насколько уместно применять то, что уже успешно используется в корпоративном секторе» [17].

Таким образом, результаты исследования развития нормативной базы и практики внутреннего финансового контроля в секторе государственного управления РФ, в том числе в контексте анализа учета в них рекомендаций ИНТОСАИ, подводят к заключению о негативном влиянии отсутствия единых и понятных требований к порядкам внутреннего финансового контроля на реализацию его законодательно регламентированного функционального назначения и необходимости закрепления таких требований в федеральной правовой базе. Практика риск-ориентированного внутреннего контроля Федерального казначейства, признанная лучшей, подтверждает актуальность выводов авторов о целесообразности, для повышения результативности обсуждаемых процессов, принятия мер по:

- внедрению стандартов менеджмента рисков в органах власти и определению роли внутреннего финансового контроля как инструмента управления рисками в системе финансового менеджмента в секторе государственного управления;
- постепенному отказу от ограничения предмета внутреннего контроля только бюджетными процедурами и его распространению на все аспекты деятельности организаций государственного сектора;
- установлению единых требований к правовому акту, утверждающему порядок осуществления внутреннего контроля в организациях, являющихся получателями средств из бюджетов всех уровней, независимо от организационно-правовой формы.

Реализация сформулированных предложений будет способствовать наиболее полной реализации назначения внутреннего контроля как инструмента управления рисками в системе менеджмента, в том числе финансового, в органах исполнительной власти, нацеленного на эффективность использования бюджетных средств и результативность реализации государственных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ.
2. Демидов А.Ю. Система внутреннего контроля и внутреннего аудита в Федеральном казначействе: практика и перспективы // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2014. № 1/10. С. 61-70.
3. Международный стандарт для высших органов финансового контроля «ISSAI 9100 – Руководства к стандартам внутреннего контроля в государственном секторе».
4. Международный стандарт для высших органов финансового контроля «ISSAI 9130 – Руководства к стандартам внутреннего контроля в государственном секторе – дополнительная информация по управлению риском в организации».
5. Методические рекомендации по осуществлению внутреннего финансового контроля: Приказ Минфина России от 07.09.2016 г. № 356.

6. Национальный стандарт Российской Федерации «Менеджмент риска. Методы оценки риска» (ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010-2011): Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 декабря 2011 г. № 680-ст.
7. Об утверждении Порядка осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: Постановление Правительства Кировской области от 24.09.2014 г. № 1/5.
8. Об утверждении Порядка осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита главным распорядителем (распорядителем) средств областного бюджета, главным администратором (администратором) доходов областного бюджета, главным администратором (администратором) источников финансирования дефицита областного бюджета: Постановление Правительства Самарской области от 11.12.2013 г. № 749.
9. Об утверждении Порядка осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита на территории Волгоградской области: Постановление Правительства Волгоградской обл. от 26.05.2014 г. № 266-п.
10. Об утверждении Порядка осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств областного бюджета (бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования Орловской области), главными администраторами (администраторами) доходов областного бюджета (бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования Орловской области), главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита областного бюджета (бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования Орловской области) внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: Постановление Правительства Орловской области от 26.09.2017 г. № 406.
11. Об утверждении правил осуществления главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) доходов федерального бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита федерального бюджета внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита и о внесении изменения в пункт 1 правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, утвержденных постановлением правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89: Постановление Правительства РФ от 17 марта 2014 г. № 193.
12. Об утверждении Стандарта внутреннего контроля Федерального казначейства: Приказ Казначейства России от 16.12.2016 г. № 475.
13. Об утверждении Стандарта управления внутренними (операционными) казначейскими рисками в Федеральном казначействе: Приказ Казначейства России от 29.09.2017 г. № 259.
14. О порядке осуществления внутреннего финансового контроля главными распорядителями бюджетных средств Санкт-Петербурга, главными администраторами доходов бюджета Санкт-Петербурга, главными администраторами источников финансирования дефицита бюджета Санкт-Петербурга: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.05.2014 г. № 440.
15. О Порядке осуществления главными распорядителями (распорядителями) бюджетных средств, главными администраторами (администраторами) доходов бюджета, главными администраторами (администраторами) источников финансирования дефицита бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита: Постановление Правительства ХМАО – Югры от 21.02.2014 г. № 59-п.
16. Проект Концепции развития систем внутреннего финансового контроля, внутреннего аудита и оценки качества финансового менеджмента в секторе государственного и муниципального управления с проектом плана мероприятий по ее реализации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=111788&area_id=4&page_id=2104&popup=Y#ixzz5QtY3pqr9 (дата обращения 01.07.2018).
17. Роман Артюхин: Казначейство России должно стать более функциональной структурой. Интервью ТАСС от 06.06.2018 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/5268248> (дата обращения 05.07.2018).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Соловейчик К.А., Плотников В.А., Аркин П.А.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КАФЕДР УНИВЕРСИТЕТОВ, СОЗДАНЫХ НА БАЗЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** Один из современных факторов интенсификации социально-экономического развития – интеграция производства, науки и образования. В статье рассмотрена одна из форм такой интеграции – создание «базовых кафедр» университетов. Раскрыты перспективы развития этой формы межорганизационного взаимодействия. Выявлены проблемы в регулировании деятельности указанных кафедр. Обоснованы рекомендации по его совершенствованию.*

***Ключевые слова.** Инновационное развитие, экономический рост, интеграция производства, науки и образования, базовая кафедра университета.*

Soloveichik K.A., Plotnikov V.A., Arkin P.A.

DEVELOPMENT OF CHAIRS OF UNIVERSITIES CREATED ON THE BASIS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES, AS A TOOL OF INTEGRATION OF PRODUCTION, SCIENCE AND EDUCATION

***Abstract.** One of the modern factors of intensification of social and economic development is the integration of production, science and education. The article considers one of the forms of such integration. This is the creation of "basic chairs" of universities. The prospects of development of this form of interorganizational interaction are revealed. Problems in the regulation of the activities of these departments are described. The recommendations on its improvement are grounded.*

***Keywords.** Innovative development, economic growth, the integration of production, science and education, the basic department of the university.*

Введение

Развитие современной экономики происходит нелинейно, под воздействием множества разнородных факторов, в связи с чем, различные авторы выделяют различные их классификации, ранжируя и приоритезируя их по тем или иным критериям. В то же время, общепризнанным является то, что развитие

ГРНТИ 06.71.45

© Соловейчик К.А., Плотников В.А., Аркин П.А., 2018

Кирилл Александрович Соловейчик – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой процессов управления наукоемкими производствами Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; вице-президент Торгово-промышленной палаты Санкт-Петербурга; президент ОАО «ЛЕНПОЛИГРАФМАШ».

Владимир Александрович Плотников – доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Известия СПбГЭУ».

Павел Александрович Аркин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры процессов управления наукоемкими производствами Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; заместитель генерального директора по инновациям ООО «ХОЛДИНГ ЛЕНПОЛИГРАФМАШ».

Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: plotnikov.v@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 30.06.2018.

научного знания и его диффузия, в том числе в формате инноваций, является одним из ключевых условий не только экономического роста, но и социально-экономического развития в целом. Поэтому закономерно, что интеграции производства, науки и образования (ПНО) уделяется значительное внимание не только в теоретических исследованиях [4, 5, 7, 8, 18 и др.], но и в практике государственного управления и менеджмента организаций.

Так, например, в обращении Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2013 г. отмечено: «Было бы правильно, чтобы приоритетную поддержку получили те вузы, которые работают в регионах, сотрудничают с крупнейшими предприятиями регионов, вместе с ними продвигают научные исследования и разработки, чьи выпускники уже в период учебы связывают свое будущее с тем местом, где они живут и учатся». На эти же цели направлены инициативы по формированию в российских регионах сети опорных университетов, созданию, в рамках приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций», университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов и др.

ПНО-интеграция способствует гармонизации рынка труда за счет привлечения работодателей к процессам подготовки специалистов, ускоряет инновационное развитие за счет сокращения продолжительности инновационного цикла, способствует ускорению социально-экономического развития и повышению конкурентоспособности страны в целом, повышает связность национальной социально-экономической системы.

ПНО-интеграция может осуществляться в различных формах. Среди них можно выделить [9]: формирование единой информационной среды, ориентированной на активизацию взаимодействия между научными, образовательными и бизнес-организациями; создание эффективной системы непрерывного (пожизненного) образования; синхронизацию процессов подготовки кадров и жизненного цикла техники и технологий; кадровый заказ со стороны производственных и научных организаций и др. Интеграция обучения, науки и производства «предусматривает соединение процесса обучения с научной и/или производственной активностью и является важнейшей формой адаптации специалиста к условиям дальнейшей профессиональной деятельности» [там же].

«Базовые кафедры» как форма интеграции производства, науки и образования

Одной из форм ПНО-интеграции является создание в высших учебных заведениях базовых кафедр, которые «позволяют устранить существующий в настоящее время системный разрыв между уровнем подготовки студентов в вузах и степенью эффективности их последующей практической деятельности» [17, с. 91]. Важно подчеркнуть, что базовая кафедра преследует цель не только подготовки кадров с учетом профиля и содержания деятельности предприятия-партнера, но и для проведения научно-исследовательской работы, совместной инновационной деятельности. Такой подход «позволяет создавать вокруг кафедры учебную, научно-производственную и даже социокультурную зону формирования непрерывного инновационного цикла ... что дает возможность ... проводить оперативное внедрение и коммерциализацию результатов деятельности базовой кафедры» [там же].

С нашей точки зрения, базовые кафедры необходимо создавать в первую очередь на промышленных предприятиях, осуществляющих уникальное производство по критическим технологиям, обладающих высоким инновационным и научно-техническим потенциалом. (Более подробно связи критических технологий отраслей промышленности и высшего образования, а также вопросы мониторинга и развития кадрового потенциала рассмотрены в более ранних публикациях соавторов данной статьи: [1, 2, 6 и др.])

Проиллюстрируем рассмотренные теоретические положения на примере базовой кафедры «Процессы управления наукоемкими производствами» ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». Эта кафедра была создана на базе машиностроительного предприятия ХОЛДИНГ ЛЕНПОЛИГРАФМАШ, осуществляющего в качестве управляющей компании координацию выпуска уникальных машин и специального оборудования. На основании проведенного конкурсного отбора (выборов) возглавил кафедру доктор экономических наук, доцент Соловейчик Кирилл Александрович. Кафедра осуществляет выпуск по направлению подготовки 27.04.06 «Организация и управление наукоемкими производствами» по образовательной программе 27.04.06.02 «Процессы управления наукоемкими производствами» в рамках Института передовых производственных технологий.

Большая часть из 25 студентов кафедры – выпускники различных институтов ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», но также обучаются 4 выпускника ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», по 2 студента из ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» и ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», по одному студенту из семи других государственных (в основном – технических) университетов Санкт-Петербурга.

При обучении большое внимание уделяется математическому моделированию процессов управления наукоемкими производствами и практической реализации этих инновационных разработок. Так, на состоявшейся 20 июня 2018 года защите выпускных квалификационных работ магистров под руководством председателя государственной аттестационной комиссии – генерального директора РОО «Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга» Лобина М.А. были представлены в работах, оцененных на «отлично», четыре математических модели, прошедшие апробацию на конкретных наукоемких предприятиях, по результатам чего было опубликовано 7 статей в научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации статей для защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, ученой степени кандидата наук («Научно-технические ведомости СПбПУ», «Организатор производства», «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета», «Экономика и предпринимательство»).

Двое магистрантов, выпускные работы которых были оценены на «отлично», писали выпускные работы на базе машиностроительного предприятия (Фарбер Э.М.: «Организация, планирование и управление процессами технического перевооружения и оснащения инструментального производства» и Овчар Б.А.: «Управление системой оперативно-производственного планирования на машиностроительном предприятии»), по одному – на базе предприятий пищевой отрасли (Иванов М.Б.: «Организация и управление запуском автоматизированного производства по изготовлению субпродуктов рыбных сушеных») и нефтегазовой отрасли (Котляров К.И.: «Проектное управление наукоемким производством в нефтегазовой промышленности (на примере нетрадиционных трудноизвлекаемых запасов: НТРИЗ))), а один выпускник – на базе консультационного предприятия, разрабатывающего и внедряющего автоматизированные системы управления производством на наукоемких предприятиях (Иовлева А.Г.: «Организация консультационной деятельности в области проектирования систем менеджмента и информационно-аналитической поддержки процессов управления на наукоемких машиностроительных предприятиях»). Результатом работы стало разработанное автором Положение о постановке на учет нематериальных активов на наукоемких предприятиях – результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере [3]). Особо необходимо отметить, что при приеме в 12 человек выпуск составил 12 магистров, из которых пять получили оценку отлично, а семь оценку хорошо.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что рассмотренная базовая кафедра работает эффективно, выполняя важные образовательные, социальные, инновационные, научные, экономические и иные функции в рамках ПНО-интеграции.

Несовершенство правового статуса «базовых кафедр»

Проведенный анализ показывает, что правовой статус базовых кафедр требует уточнения. Это связано с имеющимися несогласованностями в его трактовке. Так Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [11] в статье 27 (части 2 и 3) регламентирует виды структурных подразделений, которые может иметь:

- образовательная организация (часть 2), в том числе кафедры;
- образовательная организация высшего образования (часть 3): «кафедры и иные структурные подразделения, обеспечивающие практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования».

Данную норму раскрывает Комментарий к указанному федеральному закону [16]. В комментарии к статье 27 указано: «В соответствии с ч. 3 комментируемой статьи профессиональными образова-

тельными организациями и образовательными организациями высшего образования могут создаваться кафедры и иные структурные подразделения, обеспечивающие практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы. Такие кафедры создаются в целях совершенствования качества образования путем использования в образовательной деятельности результатов научно-исследовательских работ, новых знаний и достижений науки и техники, расширения исследовательского принципа обучения и научной составляющей образовательной деятельности, в том числе привлечения обучающихся к проведению научных исследований под руководством научных работников, кадрового обеспечения научных исследований».

Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2013 г. № 466 устанавливает [12]:

«5. Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет следующие полномочия:

...

5.2. На основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации самостоятельно принимает следующие нормативные правовые акты:

...

5.2.14. Порядок создания профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы».

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 18.11.2013 г. № 1039 [10], в Положении о государственной аккредитации образовательной деятельности написано:

«8. К заявлению организация, осуществляющая образовательную деятельность, прилагает, если иное не предусмотрено настоящим Положением:

...

ж) копию договора о создании образовательной организацией, реализующей образовательные программы высшего образования, в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) деятельность, кафедр, осуществляющих образовательную деятельность (с предъявлением оригинала, если копия нотариально не заверена) (в случае заключения такого договора);

з) копию договора о создании профессиональной образовательной организацией или образовательной организацией высшего образования кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы (с предъявлением оригинала, если копия нотариально не заверена) (в случае заключения такого договора);

...

40. При проведении аккредитационной экспертизы в отношении образовательных программ, реализуемых с использованием лабораторий, созданных научными организациями и иными организациями, осуществляющими научную (научно-исследовательскую) и (или) научно-техническую деятельность, кафедр, созданных в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) деятельность, структурных подразделений, созданных на базе иных организаций и обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, организация, осуществляющая образовательную деятельность, представляет экспертной группе сведения, подтверждающие наличие условий, обеспечивающих соответствующую подготовку обучающихся с использованием указанных лабораторий, кафедр и структурных подразделений».

Таким образом, нормативные правовые акты России (в отличие от процитированного выше Комментария к Федеральному закону от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») делают четкое разграничение между кафедрами, создаваемыми на базе научных организаций и организаций, осуществляющих научную деятельность, в соответствии с частью 2 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», и кафедрами, обеспечивающими практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соот-

ветствующей образовательной программы в соответствии с частью 3 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Косвенные подтверждения сделанного нами вывода содержатся в таких нормативных правовых и нормативных актах, как:

- в части пункта 2 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» – Постановление Росстата от 20.12.2007 г. № 104 (пункт 12 Указаний по заполнению формы единовременного федерального статистического наблюдения № 2-наука (НТК) «Сведения об организации научно-технического комплекса») [14];
- в части пункта 3 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» – Приказ Минобрнауки России от 14.08.2013 г. № 958 [13].

При этом необходимо отметить, что понятие «базовая кафедра» отсутствует в нормативных правовых и нормативных актах России.

Так, к примеру, Устав СПбПУ [15] в полном соответствии с действующим законодательством России регламентирует название «кафедра», а именно:

«3.3. В состав Университета могут входить различные структурные подразделения ... кафедры ... и иные предусмотренные локальными нормативными актами Университета.

...

«4.21. К компетенции ученого совета Университета относится:

...

10) принятие решений ... о создании и ликвидации в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) и (или) научно-техническую деятельность, кафедр, осуществляющих образовательную деятельность; о создании и ликвидации на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы, кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся;

11) утверждение положений ... о кафедрах и других структурных подразделениях, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, создаваемых на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы, о кафедрах, осуществляющих образовательную деятельность, создаваемых в научных организациях и иных организациях, осуществляющих научную (научно-исследовательскую) и (или) научно-техническую деятельность».

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Интеграция науки, образования и производства – важная позитивная современная тенденция, поддержка которой способствует решению многих задач прогрессивного и эффективного социально-экономического развития. Эта тенденция заслуживает повышенного внимания, как со стороны государства, так и менеджмента организаций – субъектов ПНО-интеграции.

2. Возможны различные формы ПНО-интеграционного взаимодействия. Их выбор и конфигурация определяются конкретными обстоятельствами, а также достигнутыми участниками совместной деятельности, с учетом их интересов, договоренностями, закрепленными в соответствующих договорах (соглашениях).

3. Широкое распространение в российской практике ПНО-интеграции получило создание в вузах т.н. «базовых кафедр». Их наличие и количество, например, учитываются в составляемом ежегодно РА-Экспертом рейтинге российских университетов. В то же время, по аргументированному мнению авторов, сам термин «базовая кафедра» было бы правильно изъять из нормативных локальных актов университетов, приведя их в соответствие с действующим законодательством России. Вместо этого следует использовать принятый термин «кафедра, созданная на базе ...».

4. Имеет смысл разделить «базовые кафедры» университетов в соответствии со статьей 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» на соответствующие части 2 и части 3 соответственно:

- «базовые кафедры», соответствующие части 3 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не могут осуществлять образовательную деятельность, кроме как практическую подготовку обучающихся, то есть преподавательский состав данных кафедр не может получать ученых званий, так как не несет в рамках данных структурных подразделений нагрузку в виде лекций.

Из этого следует, что выборы заведующих данных кафедр возможны, но не несут смысловой нагрузки, тем более что весь профессорско-преподавательский состав работает на условиях совместительства;

- «базовые кафедры», соответствующие части 2 статьи 27 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» фактически являются обычными кафедрами, создание и функционирование которых возможно либо в научных организациях (определение которых однозначно), либо в иных организациях, осуществляющих научную деятельность (то есть в любых организациях, имеющих ОКВЭД 72 и либо сотрудников на должностях младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, ведущего научного сотрудника, главного научного сотрудника, либо сотрудников, имеющих ученые степени и/или ученые звания на должностях руководителей). Так как в рамках данных кафедр возможна педагогическая нагрузка любых видов, в том числе и лекционная, то выборы заведующего (как и конкурс на должности профессора и доцента) в них имеют смысл и соответствуют закону.

Учет изложенных нами рекомендаций и выводов будет способствовать дальнейшему эффективному развитию системы кафедр университетов, созданных на базе предприятий, а также углублению и более четкой регламентации процессов интеграции производства, науки и образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркин П.А. Заочное отделение: прогнозирование спроса на рынке образовательных услуг инженерных специальностей химического комплекса // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 2008. № 4 (30). С. 130-133.
2. Аркин П.А., Богданова Е.Л., Кириллов Г.Л., Филиппенко С.В. Экономика труда и мониторинг кадрового потенциала государственных ведомств и учреждений (на примере Федеральной таможенной службы России). СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2006.
3. Аркин П.А., Соловейчик К.А., Иовлева А.Г. Методические вопросы учета нематериальных активов при постановке на учет результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 58-65.
4. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования: прошлое, настоящее и будущее // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики: сб. материалов международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения». М.: Леманд, 2015. С. 18-37.
5. Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Трансформация роли университетов в обеспечении социально-экономического развития // Экономика и управление. 2017. № 6 (140). С. 55-62.
6. Еришова И.Г., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Моделирование спроса и предложения специалистов на рынке образовательных услуг. СПб.: Лема, 2013. 207 с.
7. Лисов С.В. Интеграция образования, науки, производства как фактор повышения инновационности экономики // Труд и социальные отношения. 2016. № 6. С. 61-68.
8. Неборский Е.В. Интеграция образования, науки и производства в зарубежных университетах: история, формы, перспективы // Педагогика. 2012. № 7. С. 119-126.
9. Нурутдинова А.Р. Основные направления интеграции науки, образования и производства // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 4. С. 24-27.
10. О государственной аккредитации образовательной деятельности (вместе с «Положением о государственной аккредитации образовательной деятельности»): Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 г. № 1039 (ред. от 18.01.2018) // Собрание законодательства РФ. 25.11.2013. № 47. Ст. 6118.
11. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета. № 303. 31.12.2012.
12. Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 03.06.2013 г. № 466 (ред. от 09.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 10.06.2013. № 23. Ст. 2923.
13. Об утверждении Порядка создания профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы: Приказ Минобрнауки России от 14.08.2013 г. № 958 // Российская газета. № 211. 20.09.2013.

14. Об утверждении статистического инструментария для организации Минобрнауки России статистического наблюдения за организациями научно-технического комплекса (вместе с «Указаниями по заполнению формы единовременного федерального статистического наблюдения № 2-наука (НТК) «Сведения об организации научно-технического комплекса»): Постановление Росстата от 20.12.2007 г. № 104 // Вопросы статистики. 2008. № 3.
15. Об утверждении устава федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»: Приказ Минобрнауки России от 03.05.2017 г. № 407. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spbstu.ru/upload/administration-catalogue/Ustav_030517.pdf (дата обращения 05.05.2018).
16. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» / под ред. А.Н. Козырина // СПС «КонсультантПлюс», 2015. Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 01.10.2015.
17. *Радионов А.А., Рулевский А.Д.* Условия эффективности деятельности базовых кафедр вузов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2016. Т. 8. № 1. С. 87-93.
18. *Юсупова Ф.З.* Теоретико-методологические аспекты интеграции образования, науки и производства // Научные исследования. 2016. № 5 (6). С. 44-45.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

***Аннотация.** Рассмотрены основные формы партнерства государства и частного бизнеса в различных странах, проблемы формирования и условия развития государственно-частного партнерства. Даны модели использования партнерства, механизмы взаимоотношения государства и предпринимательства в формате создания современной инфраструктуры.*

***Ключевые слова.** Государство, бизнес, инфраструктура, партнерство, концессия, аренда.*

Chernenko V.A., Skorokhod A.Yu.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: FORMS OF PUBLIC INTEREST

***Abstract.** The main forms of partnership between the state and private business in different countries, the problems of formation and conditions of development of public-private partnership are considered. Models of use of partnership, mechanisms of relationship of the state and business depending in a format of creation of modern infrastructure are given.*

***Keywords.** Government, business, infrastructure, partnership, concession, lease.*

Государственно-частное партнерство (ГЧП) – совокупность форм взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач с учетом взаимных интересов. ГЧП включает взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса. ГЧП выступает как важное связующее звено в экономике страны между субъектами в процессе производства необходимых благ и как средство осуществления государственной политики.

При рассмотрении партнерства государства и частного сектора в качестве единой организационной системы можно отметить основные признаки, описывающие данное сотрудничество: сторонами сотрудничества являются лишь государство и частный сектор; сотрудничество оформляется юридически: в виде договора, соглашения и т.п.; финансовые риски и расходы четко определяются и закрепляются в договоре за каждым из участников партнерства; государство заинтересовано в данном партнерстве. ГЧП можно одновременно рассматривать как инструмент реализации инвестиционного проекта и как механизм государственной политики. ГЧП имеет смешанный и явно мериторный характер в силу того, что инвестиции направляются в социальные сферы: наука, культура, образование. При изучении вопроса становления и развития государственно-частного партнерства с общенациональных позиций, его можно рассматривать как процесс, который позволяет формировать взаимотолерантные отношения между государством, общественными институтами и бизнесом. Причем данные отношения направлены на достижение национальной безопасности и социально-экономической стабильности.

Термин государственное партнерство с частным сектором впервые появился в США при реализации сотрудничества по финансированию программ образования. Позднее такое сотрудничество рас-

ГРНТИ 06.73.15

© Черненко В.А., Скороход А.Ю., 2018

Владимир Анатольевич Черненко – доктор экономических наук, профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Александринна Юрьевна Скороход – кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Скороход А.Ю.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 458-97-30. E-mail: dept.kkfob@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 15.09.2018.

ширилось до проектов по финансированию общественных объектов, строительства и перестройки городов. Первым официально зарегистрированным проектом государственно-частного партнерства является постройка канала королем Генрихом II во Франции. Другой знаменитый проект совместного сотрудничества – Эйфелева башня в Париже [3].

С тех пор такой вид сотрудничества используется все чаще и чаще, а также подключает все большее количество направлений деятельности. Новейшим этапом развития государственно-частного партнерства считается привлечение частных инвестиций в Великобритании для строительства государственных объектов. Интересной чертой такого строительства стало то, что частный бизнес осуществлял как его финансирование, так и его контроль в такой степени, что государство даже не принимало участия в отборе персонала.

Государственно-частное партнерство осуществляется в тех сферах, в которых ответственность несет государство: муниципальные объекты общественного пользования, медицина, транспортная инфраструктура, реновация и строительство муниципальных зданий и сооружений, здравоохранение и др. Целью такого сотрудничества является объединение ресурсов для оптимизации и минимизации затрат проекта партнерства. Результатом сотрудничества должно быть: повышение качества услуг, сокращение временных интервалов реализации проекта, и, как итог, ускорение получения общественных благ.

Обычно выделяются несколько форм государственно-частного партнерства. Это могут быть контракты, являющиеся официальным договором по выполнению конкретных работ, услуг, поставке товара, между частным сектором и органами государственной власти. Обычно выделяют следующие формы ГЧП:

1. Контракт, являющийся формальным договором между органом государственной власти (местного самоуправления) и частным сектором по исполнению работ, указываемых в контракте, оказанию общественных услуг, поставке товаров для общественных нужд. В таких договорах ответственность за исполнение условий договора несет государство, в то же время, перехода собственности из государственного владения в частные руки не происходит. Для частного бизнеса такая форма сотрудничества является наиболее привлекательной. В условиях договора прописываются доли получаемого бизнесом дохода, прибыли, требуемые затраты. Кроме того, данная форма сотрудничества подразумевает получение бизнесом гарантированного устойчивого дохода в конкретной сфере, определение привилегий и льгот.

2. Договор аренды, или лизинговый договор, подразумевающий передачу в частные руки собственности государства на определенное время в соответствии с оговоренными условиями. Данное соглашение при определенных оговорках позволяет производить выкуп арендованной собственности, передача же государственной собственности в субаренду невозможна.

3. Договор концессии. В настоящее время он менее распространен и довольно специфичен. Специфика такого соглашения состоит в следующем: государство передает свою собственность частному партнеру на условиях, оговоренных в соглашении, на определенный срок. Переданные по договору объекты недвижимости остаются в собственности государства. Концессионер осуществляет выплаты за право пользования государственной (муниципальной) собственностью в соответствии с условиями концессионного соглашения. Концедент в соответствии с договором обязан предоставить концессионеру права владения и пользования объектом договора на определенный срок в соответствии с данным соглашением.

Выделяются следующие признаки концессии: предметом соглашения является собственность государства либо объекты, контролируемые государством; одной из сторон соглашения является государственный (муниципальный) орган; соглашение должно быть взаимовыгодным. В соответствии с данным соглашением частный партнер обязуется действовать во благо общества, безоговорочно выполнять условия соглашения, предоставлять равный доступ к услугам. Концессионным договором также предусмотрены санкции за неисполнение условий договора и ущемление прав общественности. Концессионные соглашения получили распространение в технологических, инфраструктурных отраслях, требующих крупных инвестиций с участием частного бизнеса и эффективного управления для устойчивого развития инфраструктуры.

Выделяют следующие концессионные соглашения: на строительство и реконструкцию значимых объектов; посредством передачи управления государственной собственностью частному бизнесу.

Главным минусом концессионного соглашения можно назвать защищенность концессионера без учета макроэкономических изменений, происходящих в экономике страны.

4. Совместное предприятие. Это распространённая форма партнёрства частного сектора с государством. Акционерами могут быть различные субъекты экономических отношений. Управление зависит от степени возможного влияния и приобретения акций корпорации. При этом в определенных случаях частные партнеры имеют возможность принятия самостоятельных решений. Величина рисков, которые принимают на себя акционеры или соучредители, зависит от доли в совместном предприятии. Отличительной чертой совместных предприятий является обязательное участие государства в экономических процессах организации. При национализации концессионного предприятия государство обязано выплатить частным инвесторам полную стоимость вложенного капитала, а также компенсировать упущенную выгоду.

Число форм партнерства государства и частного бизнеса в последние годы увеличивается, что в определенной степени связано с характером изменений в экономике. Если раньше концессионное соглашение, как правило, служило инструментом сотрудничества для строительства дорог, автостоянок, инфраструктуры теплоснабжения, то в нынешнее время данные соглашения используются в сферах национальной обороны, образования, на строительство больниц и т.д.

В мировой практике выделяют разные формы осуществления государственно-частного партнерства. Обычно государственно-частные партнерства разделяют по объему и количеству обязательств по исполнению конкретного соглашения, взятых на себя партнерством, по объему полномочий и функционала, взятых на себя конкретной стороной партнерства. Таким образом происходит определение модели приватизации либо национализации. Рассмотрим экономические модели, характеризующие различные виды сотрудничества. К ним относятся: модель кооперации, модель финансирования и модель организации компании [4]:

1. Модель кооперации. Такая модель основывается на объединении определенного числа лиц, каждое из которых отвечает за определенный этап процесса производства, как правило, общественного блага. Обычно данная модель используется при формировании сложной холдинговой структуры. Данная модель применяется в производственном процессе для создания объектов социальной инфраструктуры. Государство определяет сферу сотрудничества, а частные инвесторы рассматривают варианты, предложенные государством. Порядок, при котором ГЧП формируется, как правило, следующий: этап разработки инвестиционного проекта: частные партнеры разрабатывают планы, осуществляют управление объектом сотрудничества в соответствии с заданием государственных органов; этап финансирования проекта государством, в том числе оплаты пользования объектом инфраструктуры; этап заключения долгосрочного договора, который подразумевает определение сроков, способов осуществления функций сторонами соглашения, качество предлагаемых или осуществляемых услуг, их цены в зависимости от изменения экономических условий; этап перехода объекта в частную либо государственную собственность после истечения срока договора и исполнения обязательств договора.

2. Модель финансирования включает в себя такие формы соглашений как аренда, лизинг, проектное финансирование. Общими чертами, объединяющими проектное финансирование и государственно-частное партнерство являются:

- уникальность проекта в зависимости от его цели;
- создание специальной компании, обладающей требуемыми ресурсами для создания и реализации проекта;
- выплаты процентов и погашение долга осуществляются за счет будущих доходов. Таким образом, для реализации капиталоемких проектов необходима разработка специальной стратегии достижения цели, включающей в себя проведение анализа и составление прогноза будущих денежных платежей, а также прогнозирование рисков и доходов;
- распределение риска между участниками проекта-соглашения;
- подписание договора для реализации проекта;
- формирование проектного бюро, позволяющего головной компании использовать активы, которые могут являться гарантией исполнения обязательств договора;
- разграничение сфер и границ ответственности и обязательств участников проекта. Проекты могут быть профинансированы посредством кредитов в полном объеме или частично, за счет активов за-

емщика (регресс активов). В том случае, когда предоставление финансирования осуществляется без права регрессии, то возможность в получении подобного кредита нивелируется. Чаще всего встречаются проекты с ограниченным регрессом.

3. Организационная модель подразумевает участие в соглашении третьих лиц в целях исполнения оговоренных функций, переуступку обязательств и передачу государственной собственности частным партнерам. Распространенной формой такой модели являются концессионные соглашения.

Важным моментом проектов ГЧП является определение полномочий и задач, распределение рисков между всеми участниками сделок. Особенным является то, что ответственность за решение определенной задачи ложится на того участника, который может выполнить ее с максимальной эффективностью. Распределение ответственности и полномочий осуществляется между государственным сектором и частным в зависимости от того, в какой сфере проект планируется. Чем больше значимость общественного блага, тем больше влияние и контроль со стороны государства.

Получение определенных выгод напрямую зависит от оптимальности структуры ГЧП, которая может учитывать следующие факторы: ускоренная амортизация необходимых проектов инфраструктуры; развитие регионов; улучшение качества предоставляемых услуг и благ; улучшение моделей развития и механизмов воздействия на экономику страны; оптимизация источников финансирования и инвестиционных затрат, причем экономия на издержках может достигать 30%.

При реализации совместных проектов используются различные методы и механизмы в зависимости от объема и типа полномочий, передаваемых частному инвестору. Это объясняет существование целого ряда типов концессионных соглашений (ГЧП), которые различаются между собой вариантами переуступок прав:

- ВОТ – строительство-управление-передача – такой тип соглашения подразумевает строительство объекта концессионером, после завершения которого он получает право его эксплуатации в течение оговоренного срока. После этого объект передается в собственность государства;
- ВООТ – строительство-собственность-управление-передача – при таком соглашении партнер получает право эксплуатации и владения объектом на правах частной собственности в оговоренный договором срок, потом происходит передача объекта в собственность государства;
- ВТО – строительство-передача-управление – такое соглашение предусматривает передачу объекта в собственность государства сразу после строительства данного объекта, управление же объектом осуществляет частный инвестор без права собственности;
- ВОО – строительство-собственность-управление – по завершению строительства объект передается в собственность концессионера, он осуществляет его эксплуатацию, срок которой не ограничивается;
- ВОМТ – строительство-управление-обслуживание-передача – отличительной чертой от типа ВОТ является то, что дальнейшее обслуживание инфраструктурного объекта, его текущий ремонт ложится на плечи частного инвестора.
- ДВООТ – проектирование-строительство-собственность-управление-передача – в обязанности частного инвестора вменяется и строительство инфраструктурного объекта, и его проектирование;
- ДВФО – проектирование-строительство-финансирование-управление – данное соглашение подразумевает и строительство, и проектирование, и финансирование проекта частным инвестором.

Представленные механизмы служат выявлению наиболее эффективного сотрудничества между государством и частным инвестором в целях реализации общественно значимых объектов. Выбирается оптимальный вариант, что способствует увеличению эффективности проектов. Механизмы функционирования формата ГЧП могут применяться как в проектах производственной сферы, так и в объектах сфер образования, здравоохранения, телекоммуникаций, инфраструктуры на транспорте, туризма, культуры. Следует отметить некую двоякость таких механизмов. С одной стороны, механизмы ГЧП делают социально-экономическую роль государства более сложной с точки зрения выполнения самих функций существования государства, с другой стороны, частный сектор заинтересован в новых объектах для инвестирования [4].

Изучив мировой опыт использования ГЧП, выделим основные черты, отличающие ГЧП от других форм сотрудничества и взаимоотношений между частными инвесторами и государством:

1. Определенность и долговременный характер соглашений. Соглашения о сотрудничестве, как правило, заключаются на конкретные социально-значимые объекты: здания, дороги и др. Данные соглашения носят долгосрочный характер – от 10 до 20 лет. Срок концессионных соглашений может достигать 50 лет.

2. Финансирование проекта. Финансирование проекта осуществляется посредством исключительно частных инвестиций, с привлечением дополнительных государственных ресурсов или посредством совместного инвестирования средств участниками проекта.

3. Конкуренция. Обязательное условие для таких проектов – конкурентный отбор потенциальных участников проекта.

4. Распределение ответственности. При реализации проекта общественно-значимых объектов государство определяет цели и задачи проекта, функционал сторон, устанавливает стоимость проекта и его качественные характеристики. Частный инвестор несет ответственность за проектирование, строительство объекта, управление, обслуживание и предоставление общественных услуг на оговоренных в соглашении условиях.

5. Распределение рисков. Главным условием соглашения является распределение рисков между всеми участниками.

В успешной реализации соглашения заинтересованы оба участника: и государство, и частный инвестор. Распределение ответственности, рисков, взаимная заинтересованность и обоюдная выгода соглашения способствует формированию и улучшению инвестиционной среды в реальных секторах экономики, формированию современной инфраструктуры в регионах. Со стороны частных инвесторов ГЧП является возможностью успешного продолжения бизнеса. Частный инвестор предоставляет финансовые ресурсы для обеспечения реализации проекта, свой профессиональный опыт строительства и управления проектами. Происходит формирование отношений между подрядчиками и поставщиками, оживляется спрос на высокооплачиваемых и квалифицированных специалистов.

Государство осуществляет главные государственные функции – регулирование и контроль. Кроме того, государство предоставляет налоговые льготы и иные преференции участникам проекта. Таким образом, государство имеет возможность уделить большее внимание контрольно-административным задачам вместо проблем и задач строительства объектов. В любом случае в выигрыше оказывается общество, которое получает более качественные услуги, повышающие уровень жизни. ГЧП играет значительную роль в развитии регионов. В регионах в первую очередь необходимо строительство дорог, жилья, газопроводов, очистных сооружений и др. Строительство таких объектов сталкивается с нехваткой финансирования, поэтому привлечение частного капитала является выходом для решения данной проблемы во всем мире.

Распространение и популярность определенной модели ГЧП зависит от конкретной страны и региона. Например, в Великобритании и Германии сотрудничество в форме ГЧП преобладает для реализации малых и средних проектов. Во Франции формат ГЧП преимущественно задействован для реализации крупных инвестиционных проектов. Роль частных инвесторов в ГЧП зависит от целей, которые ставит государство. Кроме того, большое значение имеет уровень налогообложения. Например, в таких странах, как Финляндия, Швеция, Германия, уровень налогообложения довольно высокий по сравнению с другими странами. Высокий уровень налогообложения гарантирует гражданам высокий уровень медицинских услуг, образования, качества жизни. Поэтому форма ГЧП в таких странах менее необходима и в целом не очень позитивно воспринимается обществом.

Если рассматривать страны с высоким уровнем личной инициативы граждан, бизнеса, конкуренции, более низким уровнем налогообложения, такие как Великобритания, США и Австралия, то можно увидеть, что большая часть всех государственных услуг предоставляется частным лицам. Ответственность сама осуществляет свой выбор на основе качества и цены. Лидером по числу проектов и количеству отраслей, в которых используются механизмы ГЧП, является Великобритания. Например, именно в Великобритании появилась первая частная тюрьма [5].

Опыт Великобритании используют многие государства, например, Германия. Отраслью, в которой форма ГЧП получила наибольшее распространение, является отрасль телекоммуникационных технологий. В Германии в последние годы активно осуществлялся и осуществляется переход к информационной среде посредством ГЧП: государство создает законодательство, проводит стимулирующую политику, частные инвесторы внедряют технологии. ГЧП существует в разнообразии своих форм. Му-

ниципалитеты предоставляют частным инвесторам полномочия в полном объеме, либо ограничивают их выполнением определенных функций. Происходит распределение ответственности, прибыли и рисков. В процессе реализации ГЧП существует и ряд проблем: нет единообразия в системе договоров, форм сотрудничества, а также правил осуществления такого партнерства. Объем оказываемых населению услуг не гарантирован, цены на проводимые работы не закреплены, не регламентирован контроль со стороны государства. В законах Германии, в европейском праве не содержатся правил и статей, описывающих данные процессы, или каких-либо запрещающих статей. Хотя в настоящее время Евросоюзом делаются попытки внесения в действующее законодательство поправок, регулирующих ГЧП, и, соответственно, деятельность частных компаний.

Если рассматривать другие страны, например, Швейцарию, то форма ГЧП существует в этой стране относительно недавно, но, в отличие от США и Великобритании, имеет свои особенности. В Швейцарии граница применения ГЧП постепенно расширяется, увеличивается степень воздействия государства на экономику. Государство внедряет новый подход: осуществляет переход от «обслуживающего» государства к «гарантирующему». Для этого привлечение частных инвесторов становится первоочередной задачей. До начала применения данного подхода в Швейцарии взаимоотношения между частными компаниями и государством существовали лишь в форме аутсорсинга.

Другие европейские страны также имеют опыт применения ГЧП. Но применение чистых моделей ГЧП, используемых в одной из стран, другими странами без модернизации этих моделей под специфику каждой из стран невозможно. Тем не менее, в Швейцарии, например, реализован проект строительства частной железной дороги [1].

Успешная реализация государственно-частного партнерства в западных странах свидетельствует о большом внимании государства к крупномасштабным проектам. Можно обозначить лидера среди развивающихся стран. Это – Китай. В этой стране потенциал использования сотрудничества в форме ГЧП чрезвычайно велик в силу того, что в Китае отношения государства и частных компаний достаточно тесные. Государство и частный бизнес в основном сотрудничают в реализации проектов в сфере инфраструктуры: строительство дорог, автомагистралей, учебных заведений и медицинских учреждений. Большой частью используются концессионные соглашения.

История совместных проектов государства и частного бизнеса насчитывает уже 20 лет. Дальнейшее развитие ГЧП продолжается. Наибольшее число проектов реализуется в таких странах как Италия, Франция, Испания, Греция. Сферы деятельности, в которых применяется формат ГЧП, также различны. В Бельгии, Финляндии, Дании, Греции, Португалии и Южной Корее приоритет государство ставит в сфере строительства дорог, здравоохранение и образование отодвигаются на второй план. Таким образом, в странах с высоким уровнем жизни и рыночной экономикой ГЧП используется в основном в сферах образования и качественного медицинского обслуживания. В странах Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой, с невысоким уровнем жизни ГЧП применяются в большей степени для строительства инфраструктуры: строительства автодорог и их обслуживания.

Следует отметить, что в таких развивающихся странах, как Индия, Гонконг, Саудовская Аравия, Бразилия, Объединенные Арабские Эмираты ГЧП используется в первую очередь при строительстве дорог, затем для строительства аэропортов и тюрем, а также других сооружений. Реализация проекта в определенной сфере зависит от наличия достаточного количества частных инвесторов.

По традиции механизмы ГЧП используются в тех областях, за которые государство несет ответственность: коммунальное хозяйство, инфраструктурные объекты, объекты культуры, автодороги. К таким сферам также можно отнести службы, которые ответственны за ремонт, обслуживание и реконструкцию объектов. В странах «Большой семерки» по числу случаев реализации механизма ГЧП на первом месте стоит сфера здравоохранения, на втором – образование, на третьем – строительство дорог. В США лидером является сфера дорожной инфраструктуры, в Великобритании – сфера здравоохранения, в Германии – сфера образования. Страны с рыночной экономикой, с более высоким уровнем показателей социально-экономического развития, производительности труда, ВВП имеют возможность гарантировать своим гражданам качественные медицинские и образовательные услуги, высокий уровень продолжительности жизни. Таким образом, вполне объяснимо, почему такие сферы как медицина и образование занимают лидирующие позиции при реализации ГЧП [8].

Исследование ГЧП за рубежом показало, что этот формат успешно применяется в транспортной (автодороги, железные дороги, аэропорты, порты, трубопроводный транспорт) и социальной инфра-

структуре (здравоохранение, образование, развлечения, туризм), ЖКХ (водоснабжение, электроснабжение, очистка воды, газоснабжение и др.) и других сферах (тюрьмы, объекты военной сферы). В зарубежных странах приоритеты проектов экономической и социальной инфраструктуры продиктованы политикой государства и уровнем социально-экономического развития.

В России в период проведения индустриализации и НЭПа также имелся опыт применения концессионных соглашений. В начале 20-х годов прошлого столетия концессионные соглашения имели место во всех сферах и отраслях экономики. Создание заводов и проектирование новых сфер промышленного производства осуществляли иностранные компании на основе концессионных соглашений. Почти 80% таких соглашений были внедрены в сферы добычи серебра и золота, в сфере машиностроения и энергетики. В крупных городах нашей страны, коммунальное хозяйство также было развито посредством концессий с иностранными партнерами.

В настоящее время механизм государственно-частного партнерства в России получает широкое распространение. ГЧП представляет собой такой формат сотрудничества, который позволяет частному бизнесу и государственным структурам извлекать взаимную выгоду. ГЧП способствует развитию инновационных методов, применяемых государством для сотрудничества с частным сектором, который использует свой капитал и управленческий потенциал для реализации совместных проектов согласно оговоренным срокам и бюджету. Государство несет ответственность за обеспечение населения услугами, способствует экономическому развитию, повышению качества жизни населения страны.

ГЧП определяет конкретные проекты, реализуемые совместно государственными органами и частными компаниями на объектах федеральной, региональной и муниципальной собственности. Для создания детальной отраслевой картины, отражающей возможность применения ГЧП в экономике Российской Федерации, следует опираться на зарубежный опыт применения ГЧП с учетом особенностей развития экономики страны. В России приоритетными сферами для развития ГЧП являются: транспортная инфраструктура; жилищно-коммунальное хозяйство; здравоохранение и образование; исследовательские работы, имеющие коммерческие цели; развитие инновационных технологий. Эти направления оказывают наибольшее воздействие на экономику.

В России ГЧП находится в зоне относительно высоких рисков. Виды рисков объективно связаны с состоянием экономики: колебанием курса национальной валюты, высокой стоимостью заемного капитала, ростом цен на сырье, материалы, услуги, просчетами инвесторов в проектах ГЧП и др. В частности, удорожание первоначальной стоимости проектов может достигать до 20% и выше в год [2]. Стремление государства наладить партнерство с бизнесом обусловлено следующими причинами: снизить финансовую нагрузку в условиях дефицита бюджета, совершенствовать и развивать инфраструктуру, повысить эффективность использования государственной собственности. Партнерство государства и бизнеса в России – одна из прогрессивных форм развития экономики в условиях санкций и сложной экзогенной среды.

Нельзя не отметить, что закон о ГЧП в РФ принят в 2015 г., когда возможности бизнеса участвовать в общественном процессе были минимальны. Регулирование Банком России экономики в конце 2014 г. сопровождалось снижением курса национальной валюты, ростом цен, что не способствовало формированию высоких доходов бюджета [6]. При этом возникли проблемы у хозяйствующих субъектов, в том числе в банковской сфере, повысилась стоимость заемных ресурсов, снизились реальные доходы населения. Наладить эффективное партнерство, заинтересовать бизнес в совместном с государством инвестировании объектов – задача государства. Мировой опыт показывает, что в условиях дефицита бюджета одной из проблем является привлечение частного капитала, а также создание более привлекательных инвестиционных условий. Условия успешного развития ГЧП в России: предсказуемость стратегии развития страны, уверенность в стабильности правил игры для бизнеса [7].

В России имеется потенциал для развития различных форм ГЧП. Создание оптимальных условий функционирования этой формы хозяйствования требует решения вопросов и устранения принципиальных проблем в экономике страны. Заметим, что на протяжении длительного периода времени политика Банка России направлена на сжатие денежной массы. Недостаток денежных средств в экономике не создает условия развития бизнеса, противоречит интересам субъектов ГЧП. Смена парадигмы регулирования экономики Банком России – основное условие развития экономики.

Уменьшение размера Фонда национального благосостояния, финансовые ресурсы которого направляются на сбалансированность экономики, обязывает Банк России, Минфин создать условия

формирования дополнительной «финансовой подушки» безопасности. Дополнительная эмиссия денежных средств в экономику, в том числе и на создание Фонда ГЧП – объективная реальность стратегического развития экономики страны. «Раскрутка» экономического потенциала создает экономические предпосылки для развития бизнеса и выполнения социальных обязательств государства перед населением, в решении этих проблем важнейшую роль играет механизм ГЧП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтернативная экономика России // РБК. 2017. № 5, май.
2. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007.
3. Теория и практика корпоративных финансов (коллективная монография). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017.
4. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
5. Финансовые аспекты устойчивого развития России (коллективная монография). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 132 с.
6. Финансы социалистических государств / под ред. Э.А. Вознесенского. М.: Финансы и статистика, 1982.
7. *Черненко В.А., Резник И.А.* Электронные банковские услуги: зарубежный опыт и отечественная практика. Монография. М., 2007.
8. *Черненко В.А., Скороход А.Ю.* Финансовое планирование и бюджетирование. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 107 с.
9. Экономическая кибернетика: системный анализ в экономике и управлении: Сборник научных трудов. Выпуск 8. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-экономические аспекты важности повышения эффективности политики и укрепления практики предупреждения и противодействия коррупции; обоснована необходимость применения комплекса инструментов и ресурсов для расширения знаний о борьбе с коррупцией, включающего наиболее приемлемые в условиях российской экономики на этапе преодоления последствий кризисов и политических потрясений; сформулированы предложения по повышению уровня информированности общественности о коррупции и её разрушительном воздействии на благосостояние, а также реализации программ по расширению прав и защиты гражданского общества в борьбе с проявлениями коррупции.

Ключевые слова. Коррупция, противодействие распространению коррупции, возвращение активов, полученных в результате коррупции.

Smirnov A.A., Firova I.P., Rukinov M.V.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF PREVENTING AND COMBATING CORRUPTION IN RUSSIA

Abstract. In article organizational-economic aspects of importance of increase of efficiency of a policy and strengthening of practice of the prevention and corruption counteraction are considered; necessity of a modern complex of tools and resources for expansion of knowledge of the fight against corruption, including the most comprehensible in the conditions of the Russian economy at a stage of overcoming of consequences of crises and political shocks is proved; offers on increase of level of knowledge of the public about corruption and destructive influence on well-being of the state, and also realization of programs on expansion of the rights and protection of a civil society in struggle against corruption displays are generated.

Keywords. Corruption, counteraction to corruption distribution, returning of actives, received as a result of corruption.

В последнее десятилетие в России были предприняты беспрецедентные усилия для повышения уровня информированности общественности о коррупции и ее разрушительном воздействии на благосостояние государства и населения. Не вызывает сомнения тот факт, что коррупция не только извращает процесс принятия экономических решений, но и сдерживает инвестиции, подрывает конкурентоспо-

ГРНТИ 06.52.17

© Смирнов А.А., Фирова И.П., Рукинов М.В., 2018

Александр Александрович Смирнов – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой права и гражданской безопасности Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург).

Ирина Павловна Фирова – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой инновационных технологий управления в государственной сфере и бизнесе Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург).

Максим Владимирович Рукинов – кандидат экономических наук, докторант Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Контактные данные для связи с авторами (Фирова И.П.): 195196, г. Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 98 (Russia, St. Petersburg, Malookhtinskiy av., 98). Тел.: (812) 633-01-79. E-mail: irinafirova@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 11.09.2018.

собность и, в конечном счете, негативно сказывается на экономическом росте. Поскольку правовые, политические и экономические аспекты развития взаимосвязаны, то коррупция в каком-либо одном секторе препятствует развитию всех секторов экономики. Коррупция, по существу, является общественным институтом, который имеет комплексный характер.

Безусловно, борьба с коррупцией является неперенным условием надлежащего управления и верховенства закона, которые, в свою очередь, составляют основу устойчивого развития российской экономики и общества. Отметим, что с учетом сложившихся условий экономического давления и антироссийских санкций коррупция является серьезным вызовом обществу и требует ответных государственных мер. При этом следует учитывать отмеченный нами комплексный ее характер, что требует согласованности в проведении соответствующей государственной политики.

Кроме того, следует учесть, что коррупционные деяния имеют нередко трансграничный характер, поэтому в рамках национальной экономики трудно решать проблему коррупции самостоятельно, не вступая в трансграничные взаимодействия. Как указывает по этому поводу Е.В. Охотский, «рассуждения типа того, что коррупция – локальная политическая проблема, внутреннее дело государства и пусть каждое из них само с ней справляется самостоятельно и своими силами малопродуктивны и несостоятельны» [1, с. 127]. Авторы солидарны с этой позицией. Мы полагаем, что не только России, но и другим странам мира необходимо наращивать взаимодействие в вопросах борьбы с коррупцией.

Большинство случаев коррупции связаны с взаимодействием между публичным и частным секторами. При этом в случае корпоративной коррупции выгоду часто получают акционеры в крупных и развитых компаниях, в то время как затраты обременяют большую часть населения страны или акционеров-миноритариев. То есть коррупция усиливает социальное неравенство, создает у членов общества систему экономических стимулов, направленных не на общественно-полезную деятельность, а – напротив – на социальный паразитизм.

Вместе с тем, коррупция не является новой проблемой. Она существовала во все времена, менялись лишь формы и масштабы коррупционных проявлений. Конечно, в эпоху глобализации и информатизации, распространения социальных сетей и т.д., воздействие коррупции, возможно, проявляется более наглядно. Факты коррупции становятся известны широким массам населения, что не может не вызывать общественного резонанса. В современной России наблюдается определенный рост антикоррупционных настроений в обществе.

Так, согласно данным «Левада-Центра» (цитируется по публикации в общероссийской газете «Известия» от 24.04.2018), «россиян стали меньше волновать проблемы роста цен, бедности и безработицы... А вот проблема коррупции, напротив, стала восприниматься обществом значительно острее... Рост цен тревожит 63% россиян, на втором и третьем месте – бедность (47%) и рост безработицы (40%). Доля людей, считающих кризис в экономике наиболее острым вопросом – 35%... Взятничество в начале 2018 года беспокоило 38% респондентов, что на 14 п.п. больше, чем два года назад».

Несмотря на важность и злободневность коррупционной проблематики, по мнению авторов, не представляется возможным решить столь важные задачи оперативно и коренным образом ликвидировать последствия коррупции [2]. Однако, на наш взгляд, с помощью совместных усилий государства и гражданского общества можно сформировать более эффективные ответы на этот вызов современности. При этом комплекс антикоррупционных мер должен содержать элементы новаторства, но вместе с тем включать эффективные в отношении универсальности сферы применения, а также положительно зарекомендовавшие правоприменительные и профилактические меры в части реализации и предупреждения коррупции.

Следует отметить, что российская экономика находится в критическом положении в силу распространенности различных проявлений коррупции и возникающих в связи с этим проблем, имеющих глобальный характер. Именно поэтому возникает необходимость глобальных ответных действий, так как глобальная проблема требует глобального решения. Так, определение и криминализация таких явлений, как подкуп, отмывание денег, злоупотребление служебным положением, хищение, становятся определением де-факто. Авторы считают, что поэтому одним из важнейших глобальных ответных действий должно стать согласование проблем, связанных с возвращением (в том числе вывезенных из России) активов, полученных в результате коррупции.

О масштабе вывода активов свидетельствуют, например, данные Global Financial Integrity, согласно которым в период с 1994 по 2012 гг. из России был незаконно вывезен капитал на сумму свыше

1,3 трлн долл. США, что составляет около 0,5 млн рублей на душу населения по современному курсу. Очевидно, что в случае возвращения этих средств многие проблемы, связанные например, с пенсионным обеспечением граждан, проведением реиндустриализации, модернизацией здравоохранения и образования и т.д. могли бы быть успешно решены.

Сегодня требуются нормативно урегулированные меры по предупреждению коррупции и обнаружению государственных ресурсов и средств, выведенных из легального оборота в результате коррупционных действий. При этом основополагающим принципом должно стать – украденные и незаконно вывезенные активы подлежат возвращению в полном объеме, без всяких условий и изъятий. Только неукоснительное соблюдение подобного правила позволит надеяться на то, что коррупция станет невыгодной. И это убедительно подтверждает, например, опыт Белоруссии, где коррупция на бытовом уровне практически полностью искоренена. Улучшается ситуация с коррупцией и в бизнес-среде этой республики. По данным опросов малых и средних предприятий Беларуси, проведенных Институтом приватизации и менеджмента, среди факторов, препятствующих ведению бизнеса, в 2014 году коррупция была на третьем месте, в 2015 г. – на пятом, а в 2016 г. – уже на девятом из 22 возможных позиций.

Для возвращения в Россию украденных и выведенных активов требуется активизация международного сотрудничества. Достигнутые соглашения на международном уровне относительно действий против коррупции свидетельствуют о решимости международного сообщества сделать что-либо конкретное по борьбе с таким явлением, как коррупция, на основе современной практики широких правоприменительных полномочий, являющихся глобальным ответом на глобальный вызов коррупции во всем мире

На наш взгляд, нельзя не уделить внимание такой важной проблеме, как коррупция в сфере здравоохранения, столь социально значимой области для населения. К сожалению, можно утверждать, что в России здравоохранение постепенно становится одним из самых коррумпированных секторов общественного сектора, причем коррупция в медицине становится социально-психологической нормой. На эту тему в настоящее время существует достаточно много компетентных публикаций и мнений специалистов. Так, по мнению ряда российских и зарубежных экспертов, коррупция в медицине лишает права на охрану здоровья самых уязвимых граждан, особенно детей и инвалидов. При этом, кроме коррупции как таковой, которая является преступлением, все более привычными становятся нарушения принципов врачебной этики и социальной справедливости, отсутствие прозрачности и низкий уровень качества медицинской помощи, который коррумпированные медицинские работники увязывают с получением незаконного вознаграждения от пациента [3].

Проведенный в начале 2018 года «Левада-Центром» по заказу Комитета гражданских инициатив опрос 1,5 тыс. респондентов показал, что в учреждениях здравоохранения россиянам приходилось довольно часто давать взятки. Самый низкий показатель «коррупционной репутации», по сравнению с другими учреждениями социальной сферы, у поликлиник, хорошую репутацию которых отметили лишь 49% опрошенных. «Душевность» и «индивидуальный подход» в этих учреждениях отметили только 25% и 24% респондентов, соответственно, а о коррупции заявили 36%. В государственных больницах «неформальные платежи» отметили 41% россиян.

Отметим, что некоторые из причин коррупции в здравоохранении связаны с фармацевтической индустрией. Коррупция особенно широко распространена в сфере психического здоровья, где взаимодействие сектора здравоохранения, включая научные круги, с фармацевтическими компаниями не отличается высоким уровнем транспарентности. В этой связи, по нашему мнению, существует необходимость более активного распространения на государственном уровне и в медицинской среде информации о нарушениях этических принципов и случаях конфликта интересов; следует создавать условия для того, чтобы граждане не боялись сообщать о проявлениях коррупции.

Гласность – важнейший инструмент противодействия коррупции. Именно поэтому население должно быть более информировано о своих правах, иметь возможность распознавать коррупцию и получать гарантированную правовую и административную защиту в том случае, когда его представители обращаются с жалобами в уполномоченные органы. С учетом этого, реформы в сфере здравоохранения должны быть направлены, в том числе, и на обеспечение эффективности, прозрачности и подотчетности, и это касается как органов общественного здравоохранения и частного сектора, так и государства в целом.

Наряду с этим, рассматривая наиболее современные аспекты политики и практики предупреждения и противодействия коррупции, следует отметить важность и актуальность реализации независимого правосудия и обеспечения верховенства права, которые, безусловно, являются важными инструментами продвижения более справедливого и устойчивого развития, так как слаборазвитая система правосудия не гарантирует равного доступа к правосудию для всех. В результате социально незащищенные группы населения могут быть лишены надлежащей правовой защиты. Отсюда – социальная апатия, низкая мотивация, иждивенческое отношение части населения к государству и обществу.

Очевидно, что естественные потребности людей в области развития не ограничиваются только лишь экономическими аспектами, а также включают требования справедливости, недискриминации и гарантии возможностей. Эти права закреплены в российской Конституции, но на практике – из-за коррупционных проявлений – их полноценная реализация не всегда возможна. При отсутствии справедливого правосудия растет безнаказанность и коррупция, которые подрывают демократию и доверие граждан к государственным и муниципальным органам власти. Конечно, доступ к правосудию и обеспечение независимости судебной системы помогут разорвать порочный круг коррупции, незащищенности, изоляции и предоставят гражданам возможность реализовать собственные права и пользоваться эффективными средствами правовой защиты. При этом крайне важно учесть в разрабатываемых документах и стратегиях в области социально-экономического развития на период после 2020 года нормы и обязательства в области прав человека.

Если проанализировать методами контент-анализа имеющиеся сейчас (актуальные) версии стратегических и программных документов федерального уровня, то выяснится, что категория «человеческий капитал», которая в экономической теории ассоциируется преимущественно с денежным доходом его носителя [4], упоминается в разы чаще, чем «права человека». «Экономизация» социума, которая стала следствием проведения рыночной трансформации в России на неолиберальной основе, не должна заходить так далеко, иначе это подрывает стабильность и устойчивость развития и, в конечном итоге, институализирует коррупцию.

По оценкам Всемирного экономического форума, в современных условиях коррупция обходится мировой экономике в 5% глобального ВВП, что составляет более 2,6 трлн долларов, а по данным Всемирного банка, предприятия и частные лица ежегодно выплачивают взятки на сумму более, чем 1 трлн долл. При этом коррупция распространяется даже в условиях конфликтов и в зонах чрезвычайных ситуаций, что приводит к возникновению дополнительной напряженности. Очевидно, что связь коррупции с проблемами экономической безопасности становится одной из важнейших и актуальных проблем развития любой национальной экономики [5, 6].

Отметим, что коррупция не знает границ, поэтому с одной стороны, коррупция может стать причиной конфликта, с другой стороны, в условиях распространения насилия коррупция достигает гигантских объемов. При этом даже по окончании конфликта коррупция сдерживает восстановление и развитие той или иной страны. Именно коррупция сокращает объемы финансирования жизненно необходимых областей, а именно сферы здравоохранения и образования. Наряду с этим, коррупция оказывает негативное влияние на государственные институты, подрывает права граждан, приводит к оттоку инвестиций и деградации окружающей среды, а также формирует недоверие к власти и зачастую становится причиной политических кризисов и раскола в обществе (граждане возмущены коррумпированностью политических лидеров и тем, насколько глубоко коррупция проникла в общество).

Поэтому необходимо повышать уровень транспарентности власти, расширять возможности антикоррупционных комиссий, прокуратур и других аналогичных органов. При этом в числе других условий успеха в борьбе с коррупцией – независимый суд, свобода слова и надежная защита разоблачителей коррупции. На наш взгляд, наряду с мерами, предпринимаемыми государством, гражданское общество может подключиться к этим усилиям и более эффективно бороться с отмыванием денег, уклонением от налогов и незаконными финансовыми потоками, которые лишают легальный сектор российской экономики столь необходимых ресурсов и, в свою очередь, подпитывают коррупцию.

В том числе, для решения рассмотренных задач следует более широко использовать новые технологии, которые позволяют кардинально расширить участие общественности в управлении и повысить ответственность Правительства РФ и иных государственных и муниципальных органов в вопросах противодействия коррупции. В рамках повышения эффективности политики и укрепления практики предупреждения и противодействия коррупции необходим современный комплекс инструментов и

ресурсов для расширения знаний о борьбе с коррупцией, включающий наиболее приемлемые в условиях российской экономики на этапе преодоления последствий кризисов и политических потрясений, а именно:

- формирование активной политики и реализация практики предупреждения и противодействия коррупции;
- совершенствование системы органов по предупреждению и противодействию коррупции;
- развитие возможностей влияния на антикоррупционные мероприятия публичного сектора;
- разработка новых кодексов поведения публичных должностных лиц и их скорейшее внедрение в практику;
- осуществление публичных закупок и управление публичными финансами при условии публичной отчетности;
- меры в отношении судебных органов и органов прокуратуры;
- повышение ответственности частного сектора и участие общества, некоммерческих организаций в борьбе с коррупцией;
- корректировка комплекса мер по предупреждению отмывания денежных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Охотский Е.В.* Правовые основы и механизмы международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2 (11). С. 125-138.
2. *Фирова И.П.* Концептуальные основы институциональной реформы процесса управления рисками в России в рамках обеспечения национальной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (62). С. 185-190.
3. Междисциплинарное осмысление феномена экономической безопасности: монография / под ред. А.Н. Литвиненко. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015.
4. *Зусев Г.Ю., Плотников В.А.* Социальные закономерности и роль человека в современном экономическом развитии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 2 (119). С. 22-26.
5. *Фалинский И.Ю.* Моделирование региональной теневой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1 (31). С. 9-13.
6. *Сигов В.И., Смирнов А.А.* Криминализация экономики как угроза экономической безопасности: экономико-криминологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 206-211.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

Агарков С.А., Козьменко С.Ю., Матвишин Д.А.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЯ: ОСОБЕННОСТИ МОРСКОЙ ТРАНСПОРТИРОВКИ

Аннотация. Представлена характеристика текущих и перспективных тенденций общемировой добычи и потребления угля. Рассмотрены запасы угля Российской Федерации по основным угольным бассейнам, в том числе расположенным за Полярным кругом. Выполнен анализ основных параметров и тенденций реализации проектов по разработке арктических месторождений угля. Дана оценка конкурентоспособности угля, добываемого в Российской Арктике, на мировых энергетических рынках. Проанализированы вопросы морской транспортировки угля по Северному морскому пути, включая особенности ледокольного обеспечения его вывоза в страны Европы и АТР. Выполнена оценка потребности в флоте балкеров для обеспечения вывоза планируемых объемов угля. По результатам проведенного исследования сформулированы ключевые выводы о сохранении тенденции роста потребления угля в мире, высокой конкурентоспособности добываемого на арктических месторождениях угля, значительных экономических эффектах реализации угледобывающих проектов в Российской Арктике, потребности в расширении флота балкеров при перспективном увеличении отгрузки угля и необходимости ледокольного обеспечения вывоза угля. Даны рекомендации по дальнейшему развитию проекта освоения месторождений лицензионного участка «Река Малая Лемберова».

Ключевые слова. Арктика, уголь, антрацит, Тайбасс, морская транспортировка, ледокольное обеспечение.

Agarkov S.A., Kozmenko S.Yu., Matviishin D.A.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF ARCTIC COAL DEPOSITS: FEATURES OF MARITIME TRANSPORTATION

Abstract. The characteristics of current and future trends of global coal production and consumption are presented. The coal reserves of the Russian Federation are considered for the main coal basins, including those located beyond the Arctic Circle. The analysis of the main parameters and trends in the implementation of projects for the development of Arctic coal fields was performed. There is given the estimation of competitiveness of the coal, extracted in the Russian Arctic, on the world energy markets. There are analyzed issues of sea transportation of coal along the Northern Sea Route, including the features of icebreaking of its export

Работа выполнена в рамках темы № 0226-2018-0004 «Взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов в экономическом развитии Севера и Арктической зоны Российской Федерации» по госзаданию Министерства науки и высшего образования РФ.

ГРНТИ 06.61.33

© Агарков С.А., Козьменко С.Ю., Матвишин Д.А., 2018

Сергей Анатольевич Агарков – доктор экономических наук, доцент, ректор Мурманского государственного технического университета.

Сергей Юрьевич Козьменко – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Кольского научного центра РАН (г. Апатиты Мурманской обл.).

Дмитрий Александрович Матвишин – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра морской деятельности Мурманского государственного технического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Матвишин Д.А.): 183010, г. Мурманск, ул. Спортивная, д. 13 (Russia, Murmansk, Sportivnaya str., 13). Тел.: +7 (909) 561-22-20. E-mail: bestumik@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018.

to the countries of Europe and Asia-Pacific region. The needs for a fleet of bulk carriers to ensure the export of planned volumes of coal have been assessed. Based on the results of the study, key conclusions are drawn on the persistence of the trend in the growth of coal consumption in the world, the high competitiveness of coal produced in the Arctic fields, the significant economic effects of coal mining projects in the Russian Arctic, the need to expand the fleet of bulk carriers with a prospective increase in coal shipment and the need for icebreaking support of coal export. Recommendations are given for the further development of the project for development of the fields of the license area "Malaya Lemberova River".

Keywords. Arctic, coal, anthracite, Taibass, sea transportation, icebreaking support.

Развитию Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ) в настоящее время уделяется огромное внимание как со стороны федеральных и региональных органов власти, так и со стороны бизнеса. Государственный интерес к развитию Российской Арктики на самом высоком уровне подтверждается наличием в подписанном Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» задачи Правительству РФ об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры; последний, помимо прочего, должен обеспечить к 2024 году развитие Северного морского пути и увеличение грузопотока по нему до 80 млн тонн [1, п. 15 «а»].

Экономическое развитие Российской Арктики на текущем этапе в наибольшей степени связано с реализацией российскими компаниями (ПАО «НОВАТЭК», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ГМК «Норильский никель», УК «ВостокУголь» и другие) крупных ресурсодобывающих проектов, являющихся драйверами в том числе и для развития инфраструктуры в АЗ РФ. Одними из таких важнейших проектов являются проекты разработки арктических месторождений угля с его последующим экспортом в страны Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона [2].

Несмотря на основные тенденции развития мировой энергетики, включая увеличение доли применения более экологически чистого углеводорода (природного газа) и возобновляемых источников энергии, мировое потребление угля увеличилось за последние 11 лет (2007-2017 гг.) на 8,1% – с 3 451,8 до 3 731,5 млн т.н.э. Уголь широко применяется в энергетике и промышленности – как энергетическое и бытовое топливо, сырье для химической и металлургической промышленности, для получения из угля рассеянных и редких элементов, графита, а также жидкого топлива путем гидрогенизации [3, с. 97].

Основной объем угля потребляется в странах АТР – почти 3/4 (2 780,0 млн т.н.э. в 2017 году) всего мирового потребления. В Северной Америке потребляется 9,7% (363,8 млн т.н.э.), в Европе 7,9% (296,4 млн т.н.э.), в странах СНГ 4,2% (157,0 млн т.н.э.). На остальные регионы мира суммарно приходится 3,6% (Африка 93,1 млн т.н.э., Южная и Центральная Америка 32,7 млн т.н.э., Ближний Восток 8,5 млн т.н.э.). Мировым лидером по потреблению угля является Китай – в этой стране потребляется более половины (1 892,6 млн т.н.э.) этого ресурса от общего объема потребления в мире. На втором месте – Индия (11,4%; 424,0 млн т.н.э.), на третьем – США (8,9%; 332,1 млн т.н.э.). Россия занимает пятое место (2,5%; 92,3 млн т.н.э.) после Японии (3,2%; 120,5 млн т.н.э.).

За последние 11 лет наибольший прирост потребления пришелся на страны АТР (+26,5%; +582,4 млн т.н.э.), в том числе Китай (+19,5%; +308,4 млн т.н.э.) и Индию (+76,7%; +184,0 млн т.н.э.), и страны Южной и Центральной Америки (+26,7%; +6,9 млн т.н.э.). Падение спроса на уголь наблюдается в странах Северной Америки (-37,9%; -222,4 млн т.н.э.) и Европы (-20,5%; -76,5 млн т.н.э.). В остальных регионах объем потребления угля сохранился примерно на прежнем уровне, в том числе в России (-1,7%; -1,6 млн т.н.э.).

Общий объем добычи угля в 2017 году составил 3 768,6 млн т.н.э. Основной объем добычи этого ресурса приходится на страны АТР (71,7%; 2 702,3 млн т.н.э.), Северной Америки (10,8%; 407,9 млн т.н.э.) и СНГ (7,2%; 271,8 млн т.н.э.). На остальные регионы приходится 10,3% (Европа – 164,6 млн т.н.э., Африка – 154,5 млн т.н.э., Южная и Центральная Америка – 66,8 млн т.н.э., Ближний Восток – 0,8 млн т.н.э.) мирового объема добычи. Наибольший объем добычи приходится на Китай (46,4%; 1 747,2 млн т.н.э.), США (9,9%; 371,3 млн т.н.э.) и Австралию (7,9%; 297,4 млн т.н.э.). Россия занима-

ет шестое место (5,5%; 206,3 млн т.н.э.) после Индии (7,8%; 294,2 млн т.н.э.) и Индонезии (7,2%; 271,6 млн т.н.э.).

Тенденции изменения добычи угля за 11 лет практически повторяют таковые в сфере потребления: рост в странах АТР, Южной и Центральной Америки, падение в странах Северной Америки и Европы, почти без изменений в странах Ближнего Востока. Однако здесь следует отметить, что при сохранении потребления примерно на прежнем уровне, добыча угля также растет в странах Африки и СНГ, в том числе в России (+43,8%; +62,8 млн т.н.э.).

При этом, по уровню подтвержденных запасов угля, по оценке British Petroleum [4, с. 36-40], Россия занимает второе место в мире – ее доля составляет 15,5% (160,4 млрд т из общего объема 1 035,0 млрд т) – после США (24,2%; 250,9 млрд т). Далее следуют Австралия (14,0%; 144,8 млрд т), Китай (13,4%; 138,8 млрд т) и Индия (9,4%; 97,7 млрд т). Следует отметить, что согласно долгосрочным прогнозам развития мировой энергетики [5, с. 134-138] мировое потребление угля продолжит увеличиваться на горизонте до 2040 года. Темпы роста потребления этого ресурса, однако, значительно сократятся – если за последние 15 лет среднегодовой прирост мирового потребления угля составлял 2,2%, то по прогнозу до 2040 года этот показатель снизится до 0,52%.

Китай, сохраняя лидерство по объемам потребления угля в абсолютном выражении, на рассматриваемом горизонте начнет сокращать его потребление. При этом в целом АТР останется главным драйвером прироста мирового потребления угля – за счет увеличения объемов использования этого ресурса в других странах региона, в первую очередь Индии. Согласно прогнозу, в сфере добычи угля сохраняются текущие ключевые тенденции: продолжится сокращение добычи в странах Северной Америки и Европы на фоне ее значительного роста в странах АТР (с уточнением, что объемы добычи угля Китаем будут изменяться вслед за сокращением потребления, а в качестве основных стран, наращивающих добычу, предполагаются Индия и Австралия).

По оценке Минприроды России [6, с. 57-69], запасы угля Российской Федерации по категории АВС1+С2 составляют 274,6 млрд т, а прогнозные ресурсы – 1 526,7 млрд т. Более половины российских запасов приходится на бурые угли; доля каменных – 43,5%, включая более 18% коксующихся; на высококачественные антрациты приходится чуть более 3% запасов. Крупнейшими в России угольными бассейнами [7] (запасы по категории АВС1+С2, млрд т) являются: Канско-Ачинский (118,2), Кузнецкий (69,3), Иркутский (12,2), Донецкий (9,7), Печорский (7,5), Южно-Якутский (7,3), Ленский (6,8) и Тунгусский (4,5). При этом запасы по категории АВС1 разрабатываемых и подготавливаемых к эксплуатации месторождений оцениваются на уровне 111,0 млрд т.

На экспорт Россией поставляется свыше 40% добываемого угля, 2/3 которого – каменные энергетические угли. Основные страны-импортеры российского угля – Великобритания, Китай, Южная Корея, Япония, Турция, Нидерланды, Польша, Тайвань, Германия, Латвия и др.

В Российской Арктике располагаются следующие угольные бассейны (запасы по категории АВС1+С2 + ресурсы по категории Р1, млрд т): полностью Таймырский (0,1 + 0) и Яно-Омолыйский (0 + 0,9), практически полностью Печорский (7,5 + 0,4), а также частично Сосьвинско-Салехардский (1,4 + 0,3), Тунгусский (4,5 + 2,8), Ленский (6,8 + 32,5) и Зырянский (0,2 + 1,1). Добыча угля на территории Российской Арктики ведется в Печорском и Таймырском угольных бассейнах. В Яно-Омолыйском добыча на текущий момент не начата, в Сосьвинско-Салехардском, Тунгусском, Ленском и Зырянском добыча за Северным полярным кругом не ведется.

В Печорском угольном бассейне добывается около 17 млн т каменного угля в год, а его потребителями являются предприятия европейской части России. Для транспортировки добываемого здесь угля используется железнодорожный транспорт [8, с. 88]. Таким образом, с точки зрения добычи этого ресурса в Российской Арктике для последующих экспортных поставок, в т.ч. морским путем, рассмотрению подлежит только Таймырский угольный бассейн, где добыча и экспорт угля начаты в 2016 году.

Фактическую разработку месторождений Таймырского угольного бассейна ведет созданное в 2014 году ООО «Арктическая горная компания» (АГК) под управлением УК «ВостокУголь». По результатам первичных геологоразведочных работ АГК заявила об обнаружении гигантских запасов угля – более 10 млрд т – расположенных в 50-70 км к югу от пгт Диксон в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края России. По заявлению компании, добыча этих запасов возможна открытым способом. Арктическая горная компания в декабре 2014 года получила лицензию на раз-

ведку и добычу угля на лицензионном участке «Река Малая Лемберова» с прогнозными ресурсами антрацита марок SG (стандартное качество), HG (высокое качество), UHG (сверхвысокое качество) и S-UHG (т.н. «арктический карбон») до 600 млн т со сроком действия 7 лет (до декабря 2021 года).

Антрацит отличается от остальных видов угля высоким содержанием связанного углерода, низким содержанием примесей и высокая удельная теплота сгорания. Антрациты марки SG используются в энергетике, металлургии и в обрабатывающей промышленности. Антрациты марки UHG применяются в металлургии как заменитель кокса и коксовой мелочи, а также при производстве электродов, железорудного окатыша и агломератов железной руды. В металлургии и промышленности, в отличие от топливно-энергетического комплекса, предъявляются высокие требования к качеству антрацита, поэтому арктический карбон пользуется особым спросом.

Поставки добываемого угля планируются по Северному морскому пути в западном (страны Европы) и восточном (страны АТР) направлениях. По оценкам оператора проекта, себестоимость 1 т антрацита составляет при поставках в Европу около 55 долл. США (в т.ч. добыча и доставка к терминалу – 20, погрузка на судно – 5, фрахт судна – 20, ледокольная проводка – 10) [9]. С учетом увеличения расстояния транспортировки угля в страны АТР, себестоимость 1 т антрацита увеличивается ориентировочно до 80 долл. США.

Следует отметить, что на мировых энергетических рынках уголь торгуется преимущественно по спотовым ценам, в связи с чем его стоимость значительно колеблется под влиянием многих факторов, включая погодные условия и сбои в поставках угля из конкретной страны. Учитывая среднегодовые цены на основных мировых рынках, отличителен установившийся в последние годы угольный спрэд между ценами в странах Европы и АТР. Так, в 2017 году средняя рыночная цена 1 т угля на рынках Северо-Западной Европы составила \$84,51, в то время как в Японии – \$96,02, а в Китае – \$94,72. При этом высококачественный антрацит торгуется по более высоким ценам. Таким образом, добываемый в Таймырском угольном бассейне уголь является конкурентоспособным и не подвержен краткосрочным колебаниям цен на достаточно широком диапазоне их изменения.

Для освоения месторождений лицензионного участка «Река Малая Лемберова» АГК планирует строительство в районе морского порта Диксон угольного терминала «Чайка» мощностью более 10 млн т угля в год в 50 км от Диксона. Реализация проекта по строительству терминала запланирована на 2016-2020 гг. Для выполнения отгрузок антрацита уже построен временный причал. Строительство терминала ведется с 2017 года, выполняется завоз строительных грузов для строительства грузового причала терминала. Строительство нового причала выполняется по уникальной запатентованной технологии, которая обеспечит устойчивость конструкции к ледовым нагрузкам. После ввода в эксплуатацию на терминале будет обеспечена возможность выполнения всех видов требуемых работ и операций: прием угля, доставляемого с месторождений автомобильным транспортом; его хранение на складах; швартовочные операции с судами (для чего планируется размещение в акватории порта буксиров); погрузка антрацита на суда и проч.

Выход терминала на проектную мощность (в 2019 году) планируется этапами с достижением промежуточных мощностей 2,5-3,5 млн т в 2017 году и 5-7 млн т в 2018 году. Общая сумма инвестиций в строительство терминала оценивается на уровне свыше \$100 млн. По заверениям АГК, реализация проекта имеет стратегическое значение для освоения Таймырского полуострова и его социально-экономического развития, а также окажет непосредственное влияние на развитие всего Красноярского края [10]. В результате реализации проекта будет создана новая инфраструктура (как связанная непосредственно с отгрузкой и морской транспортировкой угля, так и собственно обслуживающая береговая инфраструктура) и новые рабочие места (по оценкам компании численность населения Диксона вырастет до 1,5-2,0 тыс. человек с текущих 600), а также будет обеспечен значительный рост налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации.

В 2017 году АГК отгрузила 1 млн т антрацита, в плане на 2018 год увеличение отгрузки до 2,5 млн т, в 2019 году – до 5 млн т, а в 2020 году – до 10 млн т. В дальнейшем компания планирует увеличивать добычу угля на 5 млн т ежегодно и достичь к 2024-2025 гг. объема 30 млн т. Для обеспечения отгрузки указанного объема антрацита планируется строительство второго угольного терминала «Бухта Север» мощностью более 10 млн т, расположенного неподалеку от терминала «Чайка». Общая стоимость проекта с учетом строительства двух угольных терминалов оценивается на уровне более \$250 млн. Следует отметить, что проект реализуется без привлечения бюджетных средств.

На сегодняшний день на лицензионном участке открыты два месторождения – «Малолемберовское» (в декабре 2016 года) и «Лемберовское» (в 2017 году). На первом из них уже ведется добыча антрацита, для чего получена лицензия со сроком действия 20 лет (с мая 2017 по апрель 2037 гг.).

Добыча антрацита на месторождении «Малолемберовское» начата еще в 2016 году в соответствии с лицензией, полученной в декабре 2014 года. Однако в апреле 2017 года Росприроднадзор на основании результатов проверки прокуратуры Таймырского района Красноярского края заявил, что АГК начала добычу без утвержденной проектной документации, и потребовал возмещения причиненного недрам вреда в размере 2,1 млрд руб. Действие выданной в декабре 2014 года лицензии было приостановлено. АГК, не оспаривая факт нарушения законодательства, обратилась в суд, не согласившись с порядком расчета суммы штрафа. Позже Росприроднадзор выполнил перерасчет и снизил штраф до 954 млн руб. Однако АГК продолжает судебное разбирательство и в настоящее время предложила Росприроднадзору заключить мировое соглашение с условиями еще более серьезного снижения штрафа (до 429,1 млн руб.), а также предоставления десятилетней рассрочки на его выплату.

В течение 2018 года АГК планирует подать на утверждение в ФБУ «Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых» заявку на утверждение запасов антрацита в объеме около 100 млн т. Утверждение этого объема запасов позволит компании продолжить реализацию проекта в полном объеме.

Еще одним перспективным проектом является проект разработки Сырадасайского месторождения, расположенного в 105-120 км юго-восточнее пгт Диксон в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края России. Оператор проекта – созданная в 2008 году ПАО «ГМК «Норильский никель» компания ООО «Северная звезда», в апреле того же года получившая лицензию на геологическое изучение, разведку и добычу угля со сроком действия более 25 лет (до декабря 2033 года). Реализация проекта планировалась совместно с австралийской ВНР Billiton.

По предварительным оценкам, запасы Сырадасайского месторождения составляют 5 млрд т каменных углей марки Ж (Жирные) [11, с. 92]. Добыча основного объема угля возможна открытым способом. Планировалось в течение 3-5 лет выполнить геологоразведочные работы, после чего разработать детальное ТЭО проекта. Добыча должна была составить 8 млн т угля ежегодно на первом этапе проекта, а после выхода на проектную мощность – 15 млн т. Вывоз угля планировался морским путем по Северному морскому пути. По заявлениям Норникеля, стоимость проекта оценивалась в \$1,5 млрд.

По состоянию на текущий момент ООО «Северная звезда» принадлежит инвестиционной группе АЕОН, занимающейся развитием проблемных проектов и их выводом на рентабельный уровень. К освоению месторождения, уточненная оценка запасов которого находится на уровне 5,7 млрд т, оператор готовится приступить с 2019 года. Проектом предусматривается организация добычи каменного угля в объеме 10 млн т в год со строительством обогатительной фабрики, а также создание морского порта и железной дороги к нему протяженностью около 120 км.

С учетом состояния железнодорожной сети в арктических регионах России и дороговизны использования этого вида транспорта (ввиду удаленности месторождений от основных экспортных потребителей продукции), обоими проектами, как уже было отмечено, предусматривается использование морской доставки угля по Северному морскому пути.

В рамках проекта АГК к причалу терминалов «Чайка» и «Бухта Север» планируется ставить под погрузку суда типа СН-40 (балкеры типоразмера Handymax) и СН-70 (балкеры типоразмера Panamax). Для обеспечения круглогодичной отгрузки антрацита предполагается, что суда будут иметь класс ледового усиления Arc4 (по российской классификации), что позволит им ходить в акватории Северного морского пути самостоятельно в летне-осенний период, и под проводкой ледокола в зимне-весеннюю навигацию. Традиционно дедвейт судов типоразмера Handymax находится в диапазоне от 35 до 60 тыс. т, а типоразмера Panamax – от 60 до 80 тыс. т. При этом следует отметить, что строящийся причал рассчитан на погрузку антрацита на суда дедвейтом до 76 тыс. т. В рамках схемы отгрузки антрацита в зимне-весенний период, учитывая сложные природно-климатические условия Арктики, предполагается швартовать к причалу сразу по два балкера для одновременной погрузки.

Для транспортировки угля АГК в декабре 2015 года заключила долгосрочный договор с ОАО «Мурманское морское пароходство» сроком на 5 лет и общей стоимостью около \$600 млн. В мае 2016 года была выполнена первая отгрузка около 20 тыс. т антрацита на сухогруз «Поморье» для его поставки в Северную Европу. Однако в октябре 2016 года АГК заявило о расторжении дого-

вора, поскольку посчитала стоимость оказания услуг ОАО «ММП» завышенной. Стороны обратились в суд: ОАО «ММП» требовало оплатить половину стоимости фрахта по договору в соответствии с положениями КТМ РФ (почти \$300 млн), а АГК – возврата ранее оплаченного аванса в размере 359,4 млн руб. и процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 28,6 млн руб. Суд признал факт расторжения АГК договора в одностороннем порядке и, по итогам рассмотрения дела, постановил отказать АГК в удовлетворении иска, а иск ОАО «ММП» удовлетворить частично (в сумме \$13,4 млн) [12].

После разрыва договора с ОАО «ММП» АГК подписала протокол о долгосрочном сотрудничестве с датской Nordic Bulk Carriers A/S, по которому предполагается фрахт судов типоразмера Panamax (дедвейт около 76 тыс. т) с ледовым усилением А1 (Arc4 по российской классификации). При этом до момента завершения строительства нового причала угольного терминала «Чайка» во фрахт должны передаваться суда типоразмера Handymax (дедвейт 43,7 тыс. т) с ледовым усилением А1 (Arc4 по российской классификации) Nordic Bothnia и Nordic Barents. Отгрузки угля в 2017 – начале 2018 гг. выполнялись на эти два балкера с его последующей поставкой в страны Европы.

В планах АГК совместное с Nordic Bulk Carriers расширение флота балкеров типоразмера Panamax. Предполагается строительство 10-15 судов с классом ледового усиления Arc4 стоимостью около \$30 млн каждое, т.е. общая стоимость строительства флота достигает \$450 млн. Сумма этих инвестиций проекта требуется сверх рассмотренных ранее \$250 млн на строительство инфраструктуры проекта, т.о. общая стоимость проекта в случае принятия решения о строительстве судов превысит \$700 млн.

Учитывая актуальные тенденции изменения законодательства (в конце 2017 года принят закон, устанавливающий с 30.12.2018 года исключительное право судов под флагом Российской Федерации на морские перевозки углеводородов в акватории Северного морского пути [13, пп. 2 п. 3]; в 2018 году Минпромторг России подготовил законопроект об установлении с 01.01.2019 года приоритетного права выполнения таких перевозок судами, построенными на отечественных судостроительных верфях), АГК следует рассмотреть варианты строительства флота балкеров на российской верфи (например, на активно развивающемся АО «Дальневосточный завод «Звезда»).

При этом в структуре финансирования планируется вложение 15% собственных средств АГК, а остальная сумма – лизинг у японской финансовой организации. Структура и доли владения флотом будут прорабатываться дополнительно. На текущий момент рассматривается как создание совместного SPV, так и 100% владение судов АГК с их передачей в управление Nordic Bulk Carriers. Окупаемость судов планируется достичь за 10 лет.

Рассчитаем максимальный объем грузопотока, который может быть обеспечен 15 балкерами типоразмера Panamax дедвейтом 76 тыс. т. Проектом предполагается поставка антрацита в страны Европы и АТР в пропорции 60% к 40%. Тогда для поставок в страны Европы будут использоваться 9 судов, а в страны АТР – 6 судов. Средний срок кругового рейса с учетом времени, отведенного на погрузку/разгрузку, и средней скорости балкера 18 уз составляет: в страны Европы – 18 сут., в страны АТР – 28 сут. Следовательно, среднее количество круговых рейсов судна, выполняющего поставки в страны Европы, составит 20 ед., а в страны АТР – 13 ед. Таким образом, в страны Европы за год может быть совершено 180 круговых рейсов, в страны АТР – 78 круговых рейсов, итого 258 ед. С учетом дедвейта каждого балкера, общий объем вывоза антрацита за один год оценивается на уровне 19,6 млн т. Для вывоза антрацита в объеме проектной мощности угольного терминала «Чайка» (10 млн т) требуется чуть более половины планируемого к строительству флота – 8 балкеров. Соответственно, в условиях заявленных планов по перспективному увеличению отгрузки антрацита до 30 млн т впоследствии потребуются принятие решения об увеличении количества фрахтуемых судов, либо дополнительном расширении флота балкеров.

Для обеспечения круглогодичной отгрузки угля, помимо использования балкеров с классом ледового усиления Arc4, в зимне-весенний период требуется ледокольное обеспечение проекта. (Ключевые принципы и особенности эксплуатации в акватории Северного морского пути судов с ледовым усилением детально рассмотрены нами ранее в [14, с. 174-175].) С этой целью УК «ВостокУголь» заключило с ФГУП «Атомфлот» совместное с АО «Атомредметзолото» соглашение «О сотрудничестве в области комплексного освоения Арктической зоны Российской Федерации» в ходе IV Международного арктического форума «Арктика – территория диалога», прошедшего 29-30 марта 2017 года в г. Архангельск.

Поставки антрацита в страны Европы в 2017 – начале 2018 гг. на балкерах Nordic Bothnia и Nordic Varents в зимне-весенний период выполнялись с привлечением мелкосидящих атомных ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» (оператор – ФГУП «Атомфлот»). С учетом класса ледового усиления балкеров Arc4, формирование ледоколами канала для последующего самостоятельного движения судов недостаточно, поэтому ледокольное обеспечение вывоза угля проекта подразумевает выполнение ледокольной проводки каждого судна от терминала «Чайка» до кромки льда в Карском море. Учитывая прогнозы наступления очередного периода похолодания в Арктике [15, с. 46-47], что окажет непосредственное влияние на ледовую обстановку в арктических морях, необходимость ледового обеспечения вывоза угля морским путем в акватории Северного морского пути в дальнейшем сохранится.

Впоследствии, учитывая выработку назначенного ресурса действующих мелкосидящих атомных ледоколов «Таймыр» и «Вайгач», а также строительство серии из трех универсальных атомных ледоколов проекта 22220 «Арктика», «Сибирь» и «Урал» с изменяемой осадкой [16, с. 43-44], оказание ледокольных услуг, по мере вывода из эксплуатации действующих атомных ледоколов, будет продолжено новыми судами, введение в эксплуатацию которых ожидается в 2019, 2020 и 2021 гг. соответственно.

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует отметить следующие основные выводы:

1. Несмотря на основные тенденции развития мировой энергетики, включая увеличение доли применения более экологически чистого углеводорода (природного газа) и возобновляемых источников энергии, мировое потребление угля в последние десятилетия стабильно увеличивалось и, согласно прогнозам, продолжит расти;

2. Несмотря на удаленность арктических месторождений угля от ключевых рынков сбыта, себестоимость добываемого АГК угля позволяет ему быть высококонкурентоспособным в странах Европы и АТР, особенно в Северной Европе;

3. Развитие проектов по добыче и последующему экспорту угля Таймырского угольного бассейна будет способствовать комплексному развитию судоходства в акватории Северного морского пути и развитию атомного ледокольного флота, а также социально-экономическому развитию Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края;

4. В условиях заявленных планов по перспективному увеличению отгрузки антрацита до 30 млн т впоследствии потребуются принятие решения об увеличении количества фрахтуемых судов, либо дополнительном расширении флота балкеров;

5. Учитывая прогнозы ледовой обстановки в арктических морях, необходимость ледового обеспечения вывоза угля морским путем в акватории Северного морского пути в дальнейшем сохранится;

6. АГК под управлением УК «ВостокУголь» необходимо продолжить реализацию проекта с сохранением изначально заданных сроков его реализации. Росприроднадзору России и АГК следует в максимально сжатые сроки урегулировать возникшие разногласия для снятия ограничений по реализации проекта. Учитывая актуальные тенденции изменения законодательства, АГК следует рассмотреть варианты строительства флота балкеров на российской верфи (например, на активно развивающемся АО «Дальневосточный завод «Звезда»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. Регион в новой парадигме пространственной организации России / Агарков Г.А., Акьюлов Р.И., Андреева Е.Л., Анимица Е.Г. и др. М.: Экономика, 2007. 751 с.
3. Митина Э.А., Петрова Е. Современное состояние и проблемы развития угольной отрасли в мире // Инновационная наука. 2016. № 8-1. С. 96-99.
4. BP Statistical Review of World Energy 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения 12.07.2018).
5. Прогноз развития энергетики мира и России 2016 / под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. М.: Институт энергетических исследований РАН, 2016. 196 с.

6. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2015 году». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ispolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ispolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_rossiyskoy_federatsii (дата обращения 12.07.2018).
7. *Мыльникова Т.В., Сергеева Ю.А., Шестакова О.Е.* Угольные бассейны России // Сборник материалов IX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2017.
8. *Чернова К.В.* Экономические проблемы развития Печорского угольного бассейна в Российской Федерации // Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции «Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири. Сибресурс 2016». Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2016.
9. ВостокУголь: Хотим, чтобы Диксон стал мировой столицей Арктики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://1prime.ru/Interview/20170329/827303215.html> (дата обращения 12.07.2018).
10. Арктическая горная компания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vostokcoal.ru/assets/arkticheskaya-gornaya-kompaniya> (дата обращения 12.07.2018).
11. *Патраков Ю.Ф., Федорова Н.И.* Сравнительная характеристика жирных углей различных месторождений Сибири // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. № 2. С. 92-94.
12. Решение от 21 сентября 2017 г. по делу № А42-3/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudact.ru/arbitral/doc/QsCpA1DcqfL5/?arbitral-txt=42-3%2F2017&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunk-info=&arbitral-doc_type=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_id=1531444095905 (дата обращения 12.07.2018).
13. О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2017 № 460-ФЗ // Российская газета (специальный выпуск). № 74631. 31.12.2017.
14. Современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса / под. ред. С.Ю. Козьменко, В.С. Селина. Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2017. 228 с.
15. *Шац М.М., Скачков Ю.Б.* Последствия динамики современного климата севера для многолетнемерзлых пород // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2017. № 3 (46). С. 38-53.
16. *Матвишин Д.А.* Транспортировка СПГ в Арктике: анализ основных тенденций и перспектив развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. Т. 50. № 3. С. 40-46.

Щеголькова А.А., Ульченко М.В.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЗАПАСОВ ПРИРОДНОГО ГАЗА В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена решению научной задачи, состоящей в определении рациональной структуры воспроизводства запасов природного газа в Российской Арктике в условиях модернизации арктического газопромышленного комплекса. Авторы подчеркивают особое значение Арктики, которая обладает уникальным стратегическим углеводородным ресурсным потенциалом, разведанные запасы углеводородов в Арктике составляют: 50 трлн куб. м газа и 100 млрд тонн нефти. При этом в структуре доказанных запасов России преобладает природный газ, доля которого составляет около 85% от суммарных арктических запасов. В статье исследован значительный массив нормативных документов, статистических данных и фактологического материала по запасам, добыче и транспортировке арктического природного газа. Исследование и анализ процесса освоения арктических углеводородов проводилось с применением статистических методов экономического анализа: расчета средних величин, индексов; построения рядов динамики; сводки, группировки экономических показателей; использовались также графические методы исследования. В статье авторы анализируют современное состояние арктической газотранспортной системы, а также стремятся определить основные направления модернизации этой системы. Проведенный анализ подтвердил, что Россия остается главным экспортером природного газа в мире.

Ключевые слова. Российская Арктика, запасы и ресурсы природного газа, структура запасов и потенциальных ресурсов газа: сеноманский, валажинский, ачимовский и туронский газ, арктические месторождения природного газа, воспроизводство газовых запасов, сжиженный природный газ (СПГ), перспективы производства СПГ.

Shchegol'kova A.A., Ul'chenko M.V.

REPRODUCTION OF NATURAL GAS RESERVES IN THE RUSSIAN ARCTIC: ECONOMIC ASPECT

Abstract. The article is devoted to the solution of the scientific task, which is to determine the rational structure of the reproduction of natural gas reserves in the Russian Arctic in conditions of modernization of the Arctic gas industry complex. The authors emphasize the special significance of the Arctic – the Arctic has a unique strategic hydrocarbon resource potential, the proved reserves of hydrocarbons in the Arctic are: 50 trillion m³ of gas and 100 billion tons of oil. At the same time, natural gas dominates in the structure of the explored reserves of Russia, the share of which is about 85% of the total Arctic reserves. The article explores a significant array of normative documents, statistical data and factual material on reserves, extraction and transportation of Arctic natural gas. Research and analysis of the development of Arctic hydrocar-

Работа выполнена в рамках темы № 0226-2018-0004 «Взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов в экономическом развитии Севера и Арктической зоны Российской Федерации» по госзаданию Министерства науки и высшего образования РФ.

ГРНТИ 06.61.33

© Щеголькова А.А., Ульченко М.В., 2018

Ася Александровна Щеголькова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Кольского научного центра РАН (г. Апатиты Мурманской области).

Михаил Васильевич Ульченко – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Кольского научного центра РАН (г. Апатиты Мурманской области).

Контактные данные для связи с авторами (Щеголькова А.А.): 184200, г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, д. 24а (Russia, Apatity, Fersmana str., 56a). Тел.: +7 (911) 802-14-50. E-mail: fregat22@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 03.08.2018.

bons was carried out using statistical methods of economic analysis: the calculation of average values, indices; constructing the series of dynamics; summaries, groupings of economic indicators; graphical methods of investigation were also used. In the article the authors analyze the current state of the Arctic gas transportation system, and also seek to determine the main directions of modernization of this system. The analysis once again confirmed that Russia remains the main exporter of natural gas in the world.

Keywords. *The Russian Arctic, natural gas reserves and resources, the structure of reserves and potential gas resources: Cenomanian, Valahinsky, Achimov and Turonian gas, Arctic natural gas deposits, gas reserves, liquefied natural gas (LNG), prospects for LNG production.*

Анализ подтверждает, что Россия остается главным экспортером природного газа в мире. Тем не менее, несмотря на постоянный рост газодобычи в стране, ее доля в мировом газовом экспорте сократилась с 22,9% в 2001 г. до 18,5% в 2017 г. Одной из причин снижения мировой доли российского трубопроводного газового экспорта явилось опережающее (в 2,5 раза) увеличение мирового производства сжиженного природного газа (СПГ) в период с 2000 по 2017 гг., при этом мировое потребление природного газа за этот период выросло только в 1,5 раза. Позиции России на рынке СПГ, по сравнению с экспортом трубопроводного газа, гораздо скромнее, в 2017 г. – по разным оценкам – на долю нашей страны приходилось от 4,0 до 4,5% мирового рынка. Увеличение российского экспорта СПГ предопределяется реализацией крупных арктических проектов «Ямал–СПГ» (отгрузка СПГ по этому проекту началась с декабря 2017 г.) и «Арктик СПГ-2» так, что через 7-8 лет (к 2025 г.) доля России на рынке СПГ достигнет 10-15%.

Первичной задачей поддержания конкурентных позиций России на мировом газовом рынке является обеспечение стабильного воспроизводства запасов и потенциальных ресурсов арктического природного газа, поскольку именно в этом регионе локализованы основные доказанные газовые запасы (порядка 85-90%) России. Это порядка 43 трлн м³ [3, с. 59-60]. Всего доказанные запасы природного газа (ABC 1) в России на 01.01.2018 г. составили 50,8 трлн м³, что составляет 24% мировых. На арктическом континентальном шельфе сосредоточены уникальные неразведанные ресурсы, которые являются базой воспроизводства газовых запасов и потенциальных ресурсов России в XXI веке.

Меняющиеся под действием глобального изменения климата природные условия, а также совершенствование технологического процесса увеличивают возможность реализации стратегических задач экономического освоения энергетических ресурсов Российской Арктики и повышают эффективность этого процесса. Поэтому обеспечение рациональной организации добычи и транспортировки природного газа относится к ведущим региональным приоритетам экономического развития России в Арктике [4, с. 41-45] и одному из основных направлений повышения эффективности хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации [5, с. 209-216]. При этом, основная проблема экономического освоения арктических ресурсов углеводородов состоит в том, что большинство запасов в Арктике относится к категории трудноизвлекаемых.

В последние годы определена общая геологическая структура изученных шельфовых зон, раскрыты основные параметры нефтегазоносности, установлены структурные элементы и тенденции изменения мощностей осадочного чехла. Выявлена средняя плотность извлекаемых начальных суммарных ресурсов углеводородов, которая составляет 20-25 тыс. т/км². В частности, в Западной Арктике (в акватории Баренцево-Карского континентального шельфа), закартировано большое (свыше 50) количество локальных объектов и выявлено 22 месторождения. На шельфе Баренцева (включая Печорское) моря открыты: Приразломное, Долгинское, Варандей-море и Мединское-море нефтяные, Мурманское, Лудловское и Северо-Кильдинское газовые, Северо-Гуляевское нефтегазоконденсатное, Штокманское, Поморское и Ледовое газоконденсатные месторождения.

В Обско-Тазовской губе и на шельфе Карского моря открыты месторождения: газовые (Антипаутинское, Гугорьяхинское, Каменомысское-море, Обское, Северо-Каменомысское, Семаковское, Тота-Яхинское); газоконденсатные (Ленинградское, Русановское); нефтегазоконденсатные (Салекаптское, Юрхаровское). Около 180 месторождений расположено в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, в том числе, так называемые фонтанные месторождения, дающие до 1 тыс. тонн нефти в сутки. Богатые запасы углеводородного сырья также отмечены в Ненецком автономном округе. Ключе-

выми регионами, где осуществляет геологоразведочные работы ПАО «Газпром», являются Ямальская, Надым-Пурская и Пур-Тазовская нефтегазоносные области.

По данным на 01.01.2017 г., в России разрабатывается 453 месторождений природного газа, из них 404 расположены в зоне Единой системы газоснабжения. Объем добычи природного газа в 2017 году оценивается на уровне 690 млрд м³, против 641 и 634 млрд м³ в 2016 и 2015 гг., соответственно [6]. Обращает внимание рост добычи нефтяного попутного газа (НПГ), его удельный вес в общем объеме добычи в 2016 году составил 13,1% (в 2000 году – 4,9%). Уровень утилизации НПГ отражает степень эффективности нефтегазового комплекса в стране, рациональности комплексного освоения недр и адекватного использования добываемого углеводородного сырья, квалифицированной утилизации НПГ. Рост добычи НПГ косвенно свидетельствует о повышении уровня природоохранной деятельности в нефтегазовом комплексе, повышении ответственности бизнеса. Превышение темпов роста добычи НПГ над темпами роста добычи нефти связано с усилением газового фактора на зрелых и новых месторождениях нефти. Увеличение добычи НПГ происходит за счет разработки новых проектов нефтедобычи на востоке России, а также на севере Западной Сибири крупными вертикально-интегрированными компаниями, прежде всего государственными («Газпром нефть», «Роснефть») [7, с. 8-15].

Практически весь, порядка 90%, российский природный газ добывается в пределах пяти арктических нефтегазоносных областей Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (НГП), на долю природного газа приходится порядка 90% всего извлекаемого ископаемого топлива. Добычу природного газа в этом регионе осуществляют более 250 добывающих компаний, в том числе 81 предприятие, входящее в структуру нефтяных ВИНК (вертикально интегрированных нефтяных компаний), например, ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл» и др.; 16 предприятий группы ПАО «Газпром»; 4 предприятия ПАО «НОВАТЭК»; 153 предприятия, относящихся к независимым добывающим компаниям; 3 предприятия – операторы соглашений о разделе продукции (СРП) [8, с. 202-216].

Практически 40% добычи обеспечивается четырьмя месторождениями: Уренгойским, Ямбургским, Заполярным и Медвежьим. При этом, следует отметить рост добычи с 4,9 в 2012 г. до порядка 70 млрд м³ в 2017 г. природного газа на Бованенковском нефтегазоконденсатном месторождении в связи с реализацией проекта «Ямал-Европа». Ожидается, что данное месторождение в ближайшие годы по объемам добычи станет крупнейшим в стране. Проектный уровень добычи природного газа оценивается экспертами в 140 млрд м³ в год.

Следует особо подчеркнуть, что Западно-Сибирская НГП имеет стратегическое значение для развития минерально-сырьевой базы России. Перспективной задачей является сохранение паритета между добычей и воспроизводством углеводородов, посредством проведения геологоразведочных работ, подготовки сырьевой базы в перспективных регионах, а также введения инновационных технологий в области восполнения запасов углеводородного сырья. В таблице 1 представлена оценка воспроизводства запасов природного газа в РФ. Коэффициент воспроизводства (таблица 1) позволяет сохранить паритет между добычей углеводородов и приростом разведанных запасов, что обеспечивает расширенное воспроизводство запасов в перспективе.

Таблица 1

Оценка воспроизводства запасов природного газа в РФ [6]

Год	Добыча, млрд м ³	Годовой прирост разведанных запасов природного газа, млрд м ³	Паритет между добычей и воспроизводством, млрд м ³	Коэффициент воспроизводства
2008	666	650	- 16	0,98
2009	584	580	- 4	0,99
2010	651	810	+159	1,24
2011	671	900	+229	1,34
2012	655	816	+161	1,25
2013	668	1000	+332	1,5
2014	642	900	+258	1,4
2015	634	1095	+461	1,73
2016	641	702	+61	1,1
2017	690	890	+200	1,29
Средний коэффициент воспроизводства с 2008 по 2017				1,264

В настоящее время важным звеном в структуре российской промышленной газоносности является сеноманская продуктивная толща, которая содержит уникальные газовые залежи (Уренгойское, Медвежье, Заполярное, Ямбургское), являющиеся объектами геологоразведочных работ ПАО «Газпром». Газ сеноманских отложений содержит 98-99% метана и рассматривается как энергетическое сырье [9]. Сеноманские газовые залежи являются основным объектом эксплуатации ПАО «Газпром», уровень добычи достигает 85% от общего объема извлекаемого обществом газа. Добычу газа и создание систем трубопроводов существенно облегчает тот факт, что крупные залежи сосредоточены на небольших глубинах (глубина залегания 1000-1700 м, продуктивный горизонт залегает на глубине 670-790 м). Состав газа сеноманской залежи характеризуется как метановый с весьма малым (около 0,1%) содержанием гомологов метана, температура сеноманских пластов не превышает 31°C [10].

Природный газ, состоящий практически из одного метана, называют «сухим» или энергетическим, такой газ пригоден к использованию для получения энергии и транспортировки без предварительной переработки. Последним крупным ресурсом сеноманского газа является месторождение Заполярное. В разведанных запасах российского газа такой газ составляет порядка 42%. Остальные 58% приходятся на технологический или так называемый «жирный» газ, содержащий в виде примесей тяжелые углеводороды, в первую очередь – этан, являющийся сырьем для химической промышленности. Технологический газ нуждается в попутных производствах, например, по добыче газового конденсата или гелия, достаточно редкого, обладающего уникальными свойствами химического элемента. По запасам гелия Россия занимает второе место в мире после США.

Разработку месторождений «жирного» газа усложняет необходимость предварительного извлечения гелия, т.к. требуется строительство установок по его извлечению и хранению, а также специальных транспортных систем. При этом освоение месторождений газа без предварительного извлечения из него стратегически важного компонента (гелия) нерационально. В России инфраструктура переработки природного газа не развита, в основном ведется добыча энергетического газа. Коэффициент утилизации этана достаточно низкий и составляет порядка 5%. Под уникальными сеноманскими месторождениями на глубине свыше 2000 м локализованы месторождения валанжинского («жирного») газа, часть из которых находится в разработке. Валанжинский газ, состоящий из метана, этана, пропана, бутана и более тяжелых фракций (газового конденсата), требует переработки с выделением тяжелых фракций, что повышает себестоимость его добычи.

В отдельных, давно разрабатываемых месторождениях, где запасы сеноманского газа близятся к истощению, резервом для добычи рассматривается ачимовский газ. Ачимовский газ характеризуется более сложным геологическим строением, аномально высоким пластовым давлением и значительным содержанием тяжелых парафинов, глубина залегания ачимовского газа составляет порядка 4000 м. Разведанные запасы ачимовского газа на данный момент составляют порядка 4% от общих ресурсов. Себестоимость добычи ачимовского газа значительно (в 10-15 раз) превышает себестоимость сеноманского. Основная часть разведанных запасов ачимовского газа приурочена к Уренгойскому месторождению, поскольку это месторождение является обустроенным (под энергетический газ) добыча ачимовского газа в общей инфраструктуре считается рентабельной.

В 2011 году в России началась добыча туронского газа, который считается «самым молодым» не только с точки зрения начала добычи, но и по возрасту залегания. Туронский ярус залегает на глубине порядка 800 м, сложность при его освоении связана с работой при низких температурах. Оценка запасов туронского газа дает результат, что его около 2,3% от разведанных запасов. Состав газов этой залежи аналогичен составу газов, выявленных в сеноманских отложениях. При этом, этот газ локализован в крупных месторождениях, например, на Харампурское приходится свыше 800 млрд куб. м, на Южно-Русское – 300 млрд куб. м. Структура разведанных запасов природного газа в России по видам залежей представлена на рисунке.

Основные запасы природного газа приурочены к Ямальской, Надым-Пурской, Пур-Тазовской, Гыданской и Фроловской арктическим нефтегазоносным областям, на долю которых приходится 76,2% доказанных запасов «сухого» и 58,6% «жирного» природного газа. Сегодня основная добыча приходится на сеноманские залежи Надым-Пурской и Пур-Тазовской нефтегазовых областей. Это порядка 80% всей российской добычи.

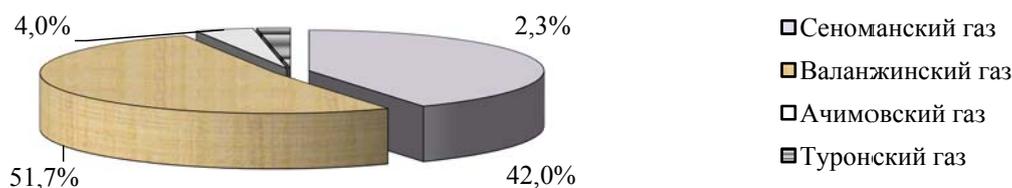

Рис. Разведанные запасы природного газа в России по видам залежей

Практика извлечения природного газа в отечественной системе газодобычи, как правило, ведётся в режиме истощения пластовой энергии. По мере вступления месторождений неглубоких залежей, характеризующихся невысоким энергетическим потенциалом, в завершающую стадию эксплуатации увеличивается доля низконапорного газа. В этом случае для его извлечения и транспортировки требуются дополнительные затраты, при этом часть газа извлечь невозможно. Большинство разведанных месторождений сеноманского газа уже вступило в стадию падающей добычи, при этом новых крупных месторождений со значительными запасами «сухого» газа в освоенных районах практически не осталось. Так, например, в месторождениях Надым-Пур-Тазовского района «сухой» газ выработан уже на 55%. При этом из-за уменьшения напора газа не более двух третей оставшегося энергетического газа может быть извлечено без снижения уровня рентабельности.

Дальнейшая добыча энергетического природного газа будет осуществляться во вновь открытых газоносных областях (Ямальской и Гыданской), что потребует значительных инвестиций, так как порядка 70% затрат на освоении новых месторождений приходится на создание газотранспортной системы. При этом на новых месторождениях в 1,5-2,0 раза возрастёт себестоимость добычи «сухого» сеноманского газа. Себестоимость добычи «жирного» газа из валанжинских и ачимовских залежей возрастёт в разы.

В этих условиях привлечение в топливный баланс РФ дополнительных объёмов природного газа возможно посредством увеличения газоотдачи уже освоенных сеноманских залежей, используя инновационные технологии для роста добычи низконапорного природного газа. Рост себестоимости, в этом случае, будет нивелироваться за счет уже существующей, в развитых месторождениях, промышленной инфраструктуры и наличия устойчивых потребителей природного газа. Рассматриваются и другие, альтернативные, источники природного газа – разведанные, но не освоенные малые и средние месторождения, а также законсервированные малодебитные газовые скважины.

Ограниченный объём вовлечения в хозяйственную деятельность малых и средних по запасам месторождений углеводородов негативно сказывается на эффективной организации экономического пространства, приводит к снижению темпов воспроизводства запасов. Привлечение в процесс освоения углеводородных ресурсов пониженного качества с высоким уровнем содержания примесей требует введения инновационных технологий в области восполнения запасов углеводородного сырья и эффективного их освоения. Отсутствие наработанных технологий и опыта освоения малых и средних по запасам месторождений, рост доли осваиваемых углеводородных ресурсов, находящихся в труднодоступных местностях ведут к резкому снижению рентабельности добычи, росту себестоимости.

Освоение нетрадиционных и трудноизвлекаемых углеводородных ресурсов требует внедрения инновационных технологий и новых эффективных подходов. Данный сегмент газовой отрасли в современных условиях получает развитие; предполагается разработка программы, в которой определен комплекс поисково-оценочных работ, направленных на расширение минерально-сырьевой базы. Актуальность данной программы связана с необходимостью решения проблемы регионов с низким потенциалом природного газа или с падающей добычей, но имеющих локальный рынок потребления. Рост инновационного потенциала посредством разработки программы, направленной на увеличение ресурсной базы, позволил нарастить прогнозные показатели запасов газа.

Дальнейшее социально-экономическое развитие России во многом будет зависеть от освоения подготовленных к разработке месторождений в Западно-Сибирской НГП. По состоянию на 01 января 2018 г. на полуострове Ямал открыто 26 месторождений углеводородного сырья, на полуострове Гыданский в пределах ЯНАО – 12, в акватории Карского моря – 3, в Обской губе – 4. Начальные суммарные ресурсы региона в пределах двух сухопутных областей (Гыданская и Ямальская нефтегазоносной области)

и трех морских (Южно-Карская, Предновоземельская, Свердрупская) оцениваются в 103,9 млрд тонн нефтяного эквивалента при значительном преобладании ресурсов свободного газа – 87,2%.

Накопленная добыча газа в Ямальской нефтегазоносной области на конец 2017 г. составила порядка 300 млрд м³, выработанность начальных суммарных ресурсов – 1,7 %; состояние запасов по категориям А+В1+С1 – 12,8 трлн м³, разведанность – 43,1%. Состояние запасов природного газа Гыданской нефтегазоносной области по категории А+В1+С1 составляет 1,3 трлн м³, разведанность начальных суммарных ресурсов – 6,9%. Начальные суммарные ресурсы свободного газа трех акваториальных областей юга Карского моря на 01 января 2009 г. оцениваются в 35,1 трлн м³.

Уникальный ресурсный потенциал этих месторождений дает основание рассматривать регион как гарант энергетической безопасности, их освоение повысит инвестиционную привлекательность сопряженных с ними Русановского и Ленинградского супергигантов, которые расположены в Карском море на глубинах менее 100 м и удалены от берега не более, чем на 100-150 км. В этом случае капиталоемкость освоения морских месторождений при совместной разработке суши и моря будет значительно ниже, чем, например, Штокмановского. Сложность в освоении углеводородных месторождений и потребность в инвестициях определяются, помимо природно-климатических условий, глубиной залегания пластов, газовым составом углеводородов и иными факторами.

Фундаментально современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса представлены в [11], а в аспекте стратегического управления в [12, с. 742-754]. Тем не менее, при равных прочих факторах, внешние природно-климатические условия и глубина моря в районе добычи газа имеют немаловажное значение при оценке потребности в инвестициях. Зависимость между расположением шельфового или морского месторождения и относительной потребностью в инвестициях представлена в таблице 2.

Таблица 2

Относительная потребность в инвестициях морских месторождений [13]

Расположение шельфового или морского месторождения	Потребность в инвестициях
Месторождения на мелководном шельфе теплых морей	100%
Глубоководные месторождения теплых морей	150-200%
Месторождения на мелководном шельфе замерзающих морей	120-200%
Глубоководные месторождения замерзающих морей	200-300%
Месторождения на мелководном шельфе арктических морей (южнее кромки многолетних льдов)	150-250%
Глубоководные месторождения арктических морей (южнее кромки многолетних льдов)	300-500%
Месторождения в арктических морях севернее кромки многолетних льдов	Ориентировочно, по оценкам, в 4-7 раз; нет практических данных

Ориентируясь на суровые арктические условия, при разработке арктического шельфа требуется внедрение новой техники и технологий, при этом необходимо учесть не только строительство месторождений на шельфе, но и выработку схем транспортного обеспечения. Полуостров Ямал, а также его прибрежные и шельфовые месторождения, по сути, являются безальтернативной ресурсной базой для дальнейшего социально-экономического развития России, обеспечивающей более трети российского производства. В определенной мере это обусловлено постоянным переносом сроков освоения шельфового Штокмановского месторождения на более поздние годы.

Федеральной правительственной комиссией по ТЭК были одобрены программы освоения Ямала. В сложившихся обстоятельствах для обеспечения внутреннего рынка углеводородным сырьем, а также выполнения внешнеторговых обязательств по поставкам газа в Западную Европу и КНР, приоритетной задачей становится выполнение планов по своевременному освоению новых месторождений Ямала, завозу стройматериалов и других грузов снабжения. Осуществление в Ямальской НГО стратегических задач по внедрению технологии освоения месторождений и транспортировки сжиженного природного газа позволяет существующие запасы ресурсов газовых и газоконденсатных месторождений разделить на две зоны:

1. Зона трубопроводного транспорта, которая включает как действующие, так и строящиеся газопроводные системы. В неё входят месторождения Бованенковской группы, Южно-Ямальской группы, приямальского шельфа, Тазовской и Обской губ [14, с. 95–99].

2. Зона сжиженного природного газа (СПГ) выделена в соответствии с планами компании «Новатэк» по строительству заводов по производству СПГ общей мощностью до 93 млн тонн в год. Данная зона включает месторождения Гыданского полуострова и Тамбейской группы полуострова Ямал [15, с. 387-388].

В декабре 2017 года состоялся запуск первой из трёх очередей предприятий по проекту «Ямал СПГ» общей мощностью 16,5 млн т. Ресурсной базой «Ямал СПГ» явилось Южно-Тамбейское месторождение с запасами природного газа 927 млрд куб. м по классификации PRMS (по состоянию на 31.12.2013 г.). Это первый СПГ-проект в России, в котором контрольная доля в капитале изначально принадлежит российским акционерам. Оператор проекта – компания «Ямал СПГ», ее акционерами являются «Новатэк» (с долей 50,1%), Total (20%), CNPC (20%) и китайский Фонд шелкового пути (9,9 %).

Стоимость «Ямал СПГ» – \$26,9 млрд, из них порядка 20-25% – затраты на обустройство Южно-Тамбейского месторождения, около 60% – непосредственно строительство завода по сжижению газа. Помимо этого, для «Ямал СПГ» на верфях южнокорейской DSME было заказано 15 танкеров-газовозов класса Arc7, способных ходить по Северному морскому пути. Общая стоимость заказа в 2014 г. оценивалась в сумму около \$5,5 млрд. Пилотным судном проекта стал танкер *Christophe de Margerie*, который 9 декабря 2017 года был отправлен из порта Сабетта с СПГ, произведенным на заводе «Ямал СПГ».

Почти 96% производства уже законтрактовано. Порядка 86% СПГ пойдет в страны АТР. Поставки будут осуществляться на условиях ФОб (free-on-board) в пункте перевалки в Западной Европе для дальнейшей отправки на рынки стран АТР, преимущественно в Индию. Таким образом, производство и экспорт СПГ не должны привести к ослаблению позиций в экспорте сетевого газа. Причем, как морская, так и трубопроводная транспортировка природного газа являются неотъемлемой составляющей рациональной газотранспортной инфраструктуры Арктического региона [16, с. 190-194] и в целом развивающейся системы арктических коммуникаций. Вторая очередь проекта «Ямал СПГ» будет введена в 2018 году, третья в конце 2018 – начале 2019 гг., что раньше обозначенных первоначально сроков.

В основе долгосрочной стратегии развития газовой отрасли в РФ должна лежать экономическая эффективность, основанная на гармонизации и определяемая синхронным развитием не только мощностей по добыче природного газа, но и возможностей его комплексной переработки, хранения и транспортировки. Развитие системы коммуникаций на основе диверсификации направлений и средств транспортировки газа позволит укрепить не только энергетическую, но и геополитическую безопасность России и обеспечить гарантированный доступ к потенциалам рынков стран-импортеров природного газа. Стратегия, основанная на диверсификации направлений и средств транспортировки природного газа имеет фундаментальное геополитическое значение как инструмент экономического освоения регионального пространства для укрепления регионального присутствия России в Арктике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Регион в новой парадигме пространственной организации России / С.А. Агарков, Р.И. Акьюлов, Е.Л. Андреева и др. М.: Экономика, 2007. 751 с.
2. Козьменко С.Ю., Селин В.С., Савельев А.Н., Щеголькова А.А. Стратегия морской деятельности и экономики природопользования в Российской Арктике // Морской сборник. 2012. Т. 1988. № 11. С. 58-63.
3. Геращенко Л.В., Козьменко С.Ю., Ульченко М.В. Региональные приоритеты экономического развития России в Арктике // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12-3 (41-3). С. 41-45.
4. Агарков С.А., Козлов А.В., Федосеев С.В., Тесля А.Б. Основные направления повышения эффективности хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Записки Горного института. 2018. Т. 230. С. 209-216.
5. Российский статистический ежегодник. 2017 / Федеральная служба государственной статистики. М., 2017.
6. Эдер Л.В., Филимонова И.В. Добыча и утилизация попутного нефтяного газа как направление комплексного освоения недр: роль государства и бизнеса, технологий и экологических ограничений // Бурение и нефть. 2016. № 10. С. 8-15.

7. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям. Добыча природного газа. М.: Бюро НДТ, 2017. 276 с.
8. Гриценко А.И., Истомин В.А., Кульков А.Н., Сулейманов Р.С. Сбор и промысловая подготовка газа на северных месторождениях России. М.: Недра, 1999. 475 с.
9. Карпов А.К. Природные газы месторождений Советского Союза. М.: Недра, 1978. 321 с.
10. Современные проблемы и перспективы развития арктического газопромышленного комплекса / С.А. Агарков, В.Ф. Богачев, И.В. Богоявленский и др. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2017. 228 с.
11. Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларишкин Ф.Д., Агарков С.А. Особенности стратегического управления нефтегазовым комплексом и транспортировки углеводородной продукции при освоении морских нефтегазовых месторождений // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2017. Т. 20. № 4. С. 742-754.
12. Гагарский Э.А., Кириченко С.А., Козлов С.Г. Ямал как центр добычи газа // Морские вести России. 2016. № 1.
13. Щеголькова А.А. Пространственная организация транспортировки энергетических ресурсов: экономика и геополитика // Геополитика и безопасность. 2015. № 2 (30). С. 95-99.
14. Веретенников Н.П., Богачев В.Ф., Ульченко М.В. Северный морской путь: транспорт, экономика, геополитика // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18. № 3. С. 386-392.
15. Козьменко С.Ю., Гайнутдинова Л.И. Новая экономическая география и обоснование рациональной газотранспортной инфраструктуры региона // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2012. Т. 15. № 1. С. 190-194.

Кудрявцев Н.С., Трабская Ю.Г., Хорева Л.В.

ТУРИСТСКИЕ ЗОНЫ КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ДЕСТИНАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МИРОВОЙ РЫНКИ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматривается туристская зона как специфический элемент дестинации, разбираются подходы к ее теоретическому осмыслению и использованию в практике развития и продвижения дестинаций на рынки услуг, определяется влияние туристской зоны на развитие территории как в позитивном, так и негативном аспектах и фиксируется, как туристская зона связана с брендом дестинации в целом.

Ключевые слова. Туристская зона, туристская дестинация, аттракции.

Kudryavtsev N.S., Trabskaya J.G., Khoreva L.V.

TOURIST BUBLE AS A NEW ELEMENT FOR DEVELOPMENT AND PROMOTION OF DESTINATION TO THE NATIONAL AND WORLD SERVICE MARKETS

Abstract. The article considers the tourist bubble as a specific element of the destination, examines approaches to its theoretical understanding and use in the practice of developing and promoting destinations to the service markets, determines the influence of the tourist bubble on the development of the territory in both positive and negative aspects and is fixed as a tourist bubble the destination brand as a whole.

Keywords. Tourist area, tourist destination, attractions.

В сфере туристских услуг сегодня уделяется все больше внимания формированию, развитию и продвижению новых территорий для привлечения туристов в отдельные страны и регионы мира. Подобные территории, привлекательные для туристов, получили название «туристская дестинация», под которой понимается территория, посещаемая туристами с различными целями [6, с. 90]. В современной практике туристская дестинация рассматривается как основной элемент туризма, поскольку именно на территории дестинации происходит предоставление комплекса разнообразных услуг путешественнику. Дестинацию традиционно рассматривают как географический регион, страну, остров, город и т.п., ограниченные в пространстве территории, которые располагают аттрактивными ресурсами для развития туризма [9]. Для того, чтобы территория стала туристской дестинацией, необходимо наличие развитой туристской инфраструктуры, культурно-исторических объектов и иных аттракций, законодательной базы и благоприятных политических условий, а также стейкхолдеров, заинтересованных в развитии туризма на данной территории [4, с. 133].

Туристские дестинации имеют специфические характеристики, среди которых можно выделить следующие: территория постепенно «адаптируется» к запросам туристов, приезжающих в дестинацию [4, с. 134]; территория, как правило, имеет границы и отдельные зоны (локации), которые при-

ГРНТИ 06.71.57

© Кудрявцев Н.С., Трабская Ю.Г., Хорева Л.В., 2018

Николай Сергеевич Кудрявцев – аналитик маркетингового агентства «НуреFactory».

Юлия Георгиевна Трабская – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник университета Тарту (Эстония).

Любовь Викторовна Хорева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Хорева Л.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 921630-05-32. E-mail: horeva.l@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 24.09.2018.

влекательны для туристов и в которых они концентрируются, получая туристские и сопутствующие услуги; культурно-рекреационные ресурсы и иные аттракции дестинации сосредоточены в определённой зоне («диспропорциональность» локаций территории) и, в очень редких случаях (при условии небольшого размера дестинации), распределены равномерно. В результате подобной диспропорции осознано или непроизвольно складывается так называемая «туристская зона» – некая часть дестинации, которая является наиболее востребованной среди туристов, в ней расположены основные аттракции, продвигаемые на национальный и мировой рынки туристских услуг (традиционные объекты показа), в них концентрируется основной поток туристов, прибывающих в дестинацию, сосредоточены предприятия и организации, предоставляющие многообразные услуги, рассчитанные на туристов.

Как правило, в городах к подобным туристским зонам относятся исторические центры, в которых сосредоточены архитектурные объекты прошлых эпох, музеи, памятники и др. подобные объекты. Продвигая дестинацию на рынок, в первую очередь продвигают именно сложившиеся «туристские зоны» как главный аттрактивный ресурс. При этом дестинация может иметь не одну, а несколько туристских зон притяжения, рассредоточенных территориально в связи с протяжённостью дестинации или разнообразием локаций (например, пригороды Санкт-Петербурга могут быть отнесены к отдельным туристским зонам дестинации Санкт-Петербург, наряду с Дворцовой площадью и прилегающими к ней улицами и площадями).

Туристские зоны как специфический элемент системы продвижения услуг дестинации пока остаётся не до конца оформившимся. С другой стороны, теоретическое осмысление роли подобных туристских зон в формировании и продвижении дестинации в целом на рынки услуг все чаще попадает в поле научного интереса учёных. Так, в зарубежной исследовательской практике термин «туристская зона» уже прочно вошел в контекст описания туристской дестинации как важная ее составляющая, хотя и используются различные подходы к дефиниции «туристская зона». В российских исследованиях пока не выработано единого подхода к рассмотрению туристских зон дестинации, что связано, прежде всего, с тем, что научный интерес к данному феномену, который уже осознан и используется в практике деятельности туристских организаций, в нашей стране только формируется.

В настоящей статье мы будем использовать термин «туристская зона» в качестве синонима термина «tourist bubble», который широко встречается в зарубежных источниках. То есть отойдём от того определения, которое было сформулировано в Постановлении Правительства Москвы от 21.10.2008 г. № 978-ПП, описывающем «туристскую зону» как локацию с развитой туристской инфраструктурой, привлекающей туристов [1]. И именно данное значение туристской зоны сегодня неявным образом присутствует в отечественных исследованиях и в практике туристской деятельности, когда авторы ставят фактически знак равенства между туристской зоной, дестинацией и туристской территорией, во главу угла помещая туристский продукт, а не локацию, на которой он реализуется [7].

Так, авторы указывают, что целью создания подобной зоны является развитие туризма, обеспечение благоприятного инвестиционного климата, создание зоны будет способствовать появлению конкурентоспособного туристского продукта [8, с. 92]. Безусловно, развитие туризма в целом и отдельных туристских зон дестинации направлено на рост востребованности территории, создание новых туристских продуктов и, в конечном счёте, рост ВВП страны в целом. В то же время, развитие территории само по себе формирует новое качество среды не только для туристов, но и для резидентов.

Гармонизация их интересов сегодня становится все актуальнее для многих дестинаций, где «центральные» туристские зоны переполнены туристами, в то время как «периферийные» туристские зоны являются недо востребованными и могли бы дать толчок к перераспределению потоков и снижению негативного воздействия туризма на основные объекты притяжения путешественников. Такие места, в наибольшей степени «заточенные» под туристов, помимо собственно туристского интереса, воспринимаются туристами как наиболее «дружественные» территории, наиболее безопасные, стандартизованные в части мест проживания, питания, информирования и т.п. услуг, которые турист ожидает получить с максимальным комфортом для себя, используют стандартные и известные потребительские практики.

Возвращаясь к рассмотрению теоретических подходов к понятию «туристская зона» в зарубежной литературе, укажем, что первоначально термин «туристская зона» был идентичен термину «environmental bubble» («пузырь среды»). Его предложил Эрик Коэн в работе «Toward a Sociology of International Tourism», где он сформулировал следующий тезис: «Массовые туристы» хотят почув-

ствовать новизну макросреды дестинации, при этом ощущая безопасность комфортной для них микросреды, которая состоит из отелей и знакомой еды – то есть образуют вокруг себя своеобразную «зону», которую они редко покидают» [13, с. 166-167]. В дальнейшем, с целью подчеркнуть важность туристского компонента в интерпретации данного термина, было предложено определение «tourist bubble» или «туристская зона», которое указывает именно на туристский контекст термина и широко используется в современной исследовательской литературе [17, с. 45].

В настоящее время термин имеет два основных значения: первое описывает стремление туристов не покидать зону комфорта, идентичную своей социокультурной группе, то есть находиться «внутри» новой страны, при этом оставаясь, в определённом смысле, изолированным от национальной культуры [24, с. 60]. Второе значение термина подразумевает разделение дестинации на «туристские зоны» и «зоны проживания» местных жителей (резидентов), что способствует созданию безопасных условий для кратковременного пребывания туристов, которые «пересекаются» с резидентами поскольку, поскольку последние включены в сферу предоставления туристских и сопутствующих услуг. Впервые данный подход предложил Деннис Джадд, и он касался периода, когда перестройка центральных районов американских городов была направлена на создание «туристских зон», которые бы давали путешественнику чувство «безопасности, защищенности и комфортности» [18, с. 36], то есть создавали «островки спокойствия», зачастую кардинально отличающиеся от окружающего городского социально-культурного «ландшафта» [18, с. 53].

На сегодняшний день общепринятой классификации «туристских зон» в литературе не представлено, но поскольку это важно с точки зрения развития механизмов управления услугами сферы туризма в дестинации, в данной работе авторы предлагают собственный подход к типологизации туристских зон по ряду критериев (см. таблицу).

Таблица

Типологизация видов туристских зон

Вид зоны	Взаимодействие с территорией	Тип границы	Пример
Физически созданная (чёткая жесткая граница)	Имеет определенные границы, которые ограждают туристов от остальной территории	Осязаемая, физическая, элемент замкнутости и закрытости, сложно быстро покинуть	Круизный лайнер [19]
Физически созданная (чёткая слабая граница)	Имеет определенные, созданные границы, которые ограждают ее от остальной территории	Граница осязаемая, с элементами замкнутости, но человек имеет возможность быстро её покинуть при желании	Парки развлечений [27], отели типа «Всё включено» [28], заказники и заповедники
Психологически созданная	Границы нефизические, возникают спонтанно, но активно закрепляются в сознании туристов	Не осязаемые, при этом осязаемы – активно разделяют город на зоны. Граница может изменяться со временем, и четкий «контур» постоянно изменяется	Исторические центры европейских городов, припортовые зоны [26]

В самом общем случае можно говорить, что «туристские зоны» делятся на два типа: физические и психологические, которые Райнер Джааксон называет «eigenwelt» («свой мир») [17, с. 45]. Под «физической зоной» обычно понимают место, которое имеет осязаемые границы, то есть является своего рода анклавом внутри дестинации: круизные лайнеры [19, с. 197], парки развлечений [27, с. 4], отели формата «Всё включено» [28, с. 100], места проведения конференций, выставок, квестов и т.п. [17, с. 45], а также в какой-то мере целые города, такие как Лас-Вегас, Монте-Карло. Такой тип «туристской зоны» является рукотворным и искусственно созданным, его границы создавались с помощью планирования территорий. Однако, нужно понимать, что границы таких зон условны и нацелены на предоставление конкретной услуги в рамках отдельного вида туризма. Но поскольку пребывая в дестинации турист «выходит за рамки» одного вида туризма, то и реализация многообразных потребностей будет проходить в различных туристских зонах (например, через сочетание делового и культурного туризма).

К типу «физических зон» могут быть отнесены заказники и заповедники, имеющие очерченную физическую границу, которая, с одной стороны, необходима для контроля за обитателями (звери, птицы и др.), а, с другой стороны, нужно привлекать туристов, которые бы эту границу не нарушали – иначе говоря, создавать в их сознании дополнительные психологические ограничения, предусмотренные правилами конкретного заказника или общими требованиями охраны окружающей среды.

Второй тип туристских зон формируется посредством учета психологического фактора, который в своём экстремальном варианте может подразумевать полное отсутствие желания у путешественника погружаться в незнакомую культуру. В качестве примера можно привести посещение японским туристом Гавайских островов: турист летит японскими авиалиниями в группе японских туристов, по приезде его встречает японский гид и провожает в автобус японской турфирмы, который доставляет туристов в отель с японскими владельцами или в ресторан японской кухни [20, с. 8-9].

В данном случае не происходит никакого значительного контакта японского путешественника с культурой Гавайских островов, за исключением того, что было предусмотрено заранее в программе. Такой тип туриста относится к туристам, приобретающим стандартный турпакет, именно такие туристы менее склонны адаптироваться к местной культуре и ожидают условий, приближенных к их стране проживания [2, с. 159]. В российской практике сегодня подобный феномен наблюдается в среде китайских туристов, которые ориентированы на «своих» гидов, свои рестораны, гостиницы, экономические модели предоставления услуг которыми не всегда бывают прозрачными для местных властей.

В качестве одного из важных свойств туристской зоны можно назвать «постановочную аутентичность». Термин «постановочная аутентичность» («staged authenticity») впервые был введен Дином Макеннеллом в 1973 г. и означает игровой (сконструированный, выдуманный) элемент в повседневной картине мира, который может не соответствовать реальной действительности, но полностью отвечает представлению туристов о той или иной дестинации и ее жителях [21, с. 595], идя вразрез с тем, что можно назвать реальным положением дел. Зачастую такие ожидания туристов связаны с мифами об особенностях представителей тех или иных национальных культур. Так, примером подобной «постановочной аутентичности» можно назвать медведя на улицах Москвы в дни прошедшего в 2018 г. в России Чемпионата мира по футболу.

Вопрос аутентичности в туризме вызывает множество дискуссий, но можно сделать вывод, что не существует единого стандарта: культура той или иной страны развивается, и невозможно утверждать, какой элемент будет «настоящим», а какой – нет в перспективе, и как изменится восприятие этих элементов в будущем [25, с. 319]. Любые особенности местной культуры в контексте туризма являются гипертрофированными, ирреальными, то есть создается некий симулякр ожиданий туриста – представление о том, что никогда не существовало, но является подобием того, что могло быть [10, с. 87]. Ярким примером такого рода симулякров было создание Диснейленда, который сегодня, однако, является вполне осязаемой, реальной и притягательной аттракцией для многих туристов со всего мира.

Существует две точки зрения на целесообразность развития «туристской зоны» в рамках дестинации: позитивная и негативная. Рассматривая позитивное влияние туристских зон на развитие и продвижение дестинации в целом, исследователи отмечают то, что данные зоны позволяют туристу избежать «культурного шока», который испытывает путешественник, попадая в абсолютно новую среду. «Культурный шок» обычно связывают с чувством «потерянности», волнением и сложностью во взаимодействии с внешней средой [3, с. 33]. Примером избегания «культурного шока» для туристов является создание инфраструктуры для прибывающих в Санкт-Петербург китайских туристов [23, с. 146]. Китайским туристам стараются создать условия, которые максимально бы напоминали «домашние» и исключали прямые столкновения с российской культурной, гастрономической и поведенческой действительностью [4].

С другой стороны, так как «туристские зоны» могут вызывать дисбаланс в городском развитии (чрезмерная концентрация туристов, негативное влияние на памятники архитектуры, вытеснение резидентов из традиционных культурно-рекреационных зон, рост мошенничества, воровства в местах скопления туристов и т.д.) важно проводить анализ особенностей функционирования таких локаций в дестинации с целью нивелирования негативных последствий [11, с. 213]. С этой проблемой, в том числе, столкнулся и Санкт-Петербург, формируя максимально комфортную среду для китайских туристов. Как указывают эксперты, неконтролируемый поток туристов, в том числе и из КНР, может

создать дополнительные экономические риски для Санкт-Петербурга, связанные как с недополучением налогов в городской бюджет, так и с ростом цен на услуги в индустрии гостеприимства. Как указывают сегодня многие авторы, необходимо нивелировать конфликты между резидентами и туристами, поскольку это имеет большое значение для гармоничного развития туристской дестинации в целом [5].

Есть и достаточно удачные примеры внедрения «туристской зоны» и «искусственной аутентичности». Так, индейцы Потаксо в регионе Бана, Бразилия, которые на самом деле состоят из пяти разных этнических групп, стимулируемые туристическими агентами, стали «изображать» единую «примитивную» этническую группу [8, с. 1018]. Несмотря на потерю единичной уникальности каждой этнической группы, случилось «культурное возрождение Потаксо», и индейцы получили дополнительный социальный статус в регионе [8, с. 1019].

Изобретенные культурные традиции также послужили толчком для развития деревни Алтер де Чало в Бразильской Амазонии, где на основе комбинации местных легенд была создана одна общая, которая послужила основой для фестиваля «Saigé». Данный фестиваль привлекает более 6 тыс. чел. каждый год (при численности населения деревни около 4 тыс. чел.) и вносит значительный вклад в экономику региона. Необходимо отметить, что, несмотря на положительный компонент, данный фестиваль также провоцирует разделение местных жителей и туристов, так как в центре деревни появляются все больше объектов туристской инфраструктуры, которые «смещают» местных жителей за границы центра [24, с. 76-77]. На настоящий момент создание «туристской зоны» в Амазонии имеет скорее положительный результат, но, если верить другим примерам, в долгосрочной перспективе она может усиливать диспропорцию региона и привести к дальнейшим негативным последствиям [24, с. 79].

Этот пример показывает, что развитие туристской зоны, также как и развитие в целом дестинации, проходит несколько этапов. Первый – это эйфория от притока туристов; второй – апатия, когда приезд новых туристов воспринимается как само собой разумеющееся; третий – этап раздражения, когда приходит осознание того, что туризм приносит не только выгоды, но и негативные последствия; четвертый – этап антагонизма, на котором формируется враждебное отношение резидентов к туристам, сопровождающееся попытками не только сократить ущерб от наплыва туристов, но и сократить сами туристские потоки; пятый – этап смирения, когда резиденты вынуждены приспособливаться к изменениям, вызванным развитием туризма [14; 2, с. 61].

Рассмотрим туристские зоны с позиции негативного влияния на развитие территории. Так, с точки зрения психологического компонента, данные зоны подразумевают нежелание туриста выходить за рамки своего представления о местности и культуре незнакомой страны. Это относится не только к «массовому», но и к «нишевому» туризму: Кариер и Маклеод, рассматривая экологический туризм на Ямайке и в Доминиканской республике, пришли к выводу, что, несмотря на активное изучение природы данных территорий, путешественник остается совершенно изолированным от социума и культуры стран [12, с. 329].

Туристские зоны также зачастую рассматриваются как что-то разделяющее, не дающее туристу получить необходимый культурный опыт или увидеть реальный город. Например, в своих исследованиях Балтимора ученые пришли к выводу, что развитие туристской зоны исключительно в центре города не позволяет другим районам развиваться [16, с. 217]; исследования в Атланте показали, что наличие «зоны» в центральном районе, несмотря на активную Интернет-рекламу дестинации как туристского центра, не решает проблемы бедности и преступности в городе, а лишь все сильнее разделяет туристов и местных жителей [15]. К похожим выводам пришли и исследователи круизного туризма в портовых городах: туристы, покидая «физическую» туристскую зону, которой является лайнер, попадают либо в порт [19, с. 197], либо в портовый город [17, с. 45], которые ввиду трансформации под запросы туристов становятся «психологическими» «туристскими зонами», где все самые важные локации для посещения находятся в шаговой доступности от порта, либо зависит от оператора, формирующего туристский продукт для круизных туристов [19, с. 198].

Исходя из концепции «tourist gaze», которая предполагает, что для туриста наиболее важными являются те места, на которые можно «бросить взгляд», а также сфотографировать и увезти в качестве впечатления [22, с. 25], можно предположить, что в той или иной степени все крупные города имеют свои особенные туристские зоны, где сосредоточены наиболее узнаваемые и притягательные объекты

показа (сегодня с развитием цифровых технологий их узнаваемость многократно повышается благодаря Instagram, EyeEm, Frontback и другим подобным сервисам и социальным сетям). Множество европейских городов имеют узнаваемые исторические центры, в которых обычно сосредоточены все наиболее широко известные достопримечательности. Недавнее исследование городского туризма в Дании показало, что, хотя туристы и стали всё чаще посещать новые районы города, Бюро по маркетингу дестинаций Копенгагена по-прежнему рекламирует исключительно исторический центр [26, с. 129-130], что может стать ошибкой в долгосрочной перспективе.

Завершая рассмотрение места туристских зон в развитии современной дестинации укажем, что перспективы дальнейшего исследования данного феномена весьма широки: на территории Российской Федерации подобные исследования не проводились, поэтому нельзя точно обозначить границы и определить временные рамки, однако начать изучение вопроса целесообразно с малых исторических городов, таких как Суздаль, Мышкин и Плёс, где основной акцент сделан на туризм. Потенциально в перечисленных малых городах границы «зон» должны чётко прослеживаться.

Кроме того, возможны исследования и более крупных городов, например, Санкт-Петербурга: они могут быть проведены с помощью современных методов по трекингу данных, что позволит выявить границу между историческим центром и периферией. Исследование и последующее использование потенциала отдельных туристских зон в рамках дестинации как нового элемента ее развития и продвижения позволяет сформировать подход к брендированию туристских территорий, более четко позиционируя последние в восприятии потенциальных туристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Москвы № 978-ПП от 21.10.2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mosopen.ru/document/978_pp_2008-10-21 (дата обращения 23.06.2018).
2. Гончарова Н.А. Местное сообщество как ключевой актор туристской дестинации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7 (62). С. 158-163.
3. Гордин В.Э., Трабская Ю.Г. Гастрономические бренды дестинаций: подходы и применение. Коллективная монография. СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2014. 208 с.
4. Кирьянова Л.Г. «Туристская дестинация» как комплексный концепт и ключевой элемент туристской системы // Вестник КемГУ. 2012. № 1.
5. Королева Д.А. Переориентация на азиатский рынок: проблемы российской туристской индустрии // Сборник лучших докладов VI Международной межвузовской научно-практической конференции Института магистратуры «Инновационные направления устойчивого развития экономики и общества». Часть 1. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 203-206.
6. Машкович Е.А. Оценка понятия «Туристская дестинация» в контексте современной туристики // Известия БГУ. 2007. № 6.
7. Падерин А.В. Механизм управления туристско-рекреационными зонами в аспекте создания туристского продукта // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 7 (113). С. 19.
8. Санникова Н.Г. Байкал – южная туристско-рекреационная зона Иркутской области // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. Т. 1. С. 90-93.
9. Хорева Л.В., Голев М.С. Информационные технологии в системе продвижения услуг туристской дестинации на международный рынок // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 2 (28). С. 41-46.
10. Эзри Г.К. Симулякр Делеза и симулякр Бодрийяра: сравнительный анализ. Симулякр как «реальность» постмодерна и постмодернистская «реальность» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://sibac.info/archive/social/10\(24\).pdf](http://sibac.info/archive/social/10(24).pdf) (дата обращения 09.09.2018).
11. Benur A.M., Bramwell B. Tourism product development and product diversification in destinations // Tourism Management. 2015. Vol. 50. P. 213-224.
12. Carrier J.G., Macleod D.V.L. Bursting the bubble: The socio-cultural context of ecotourism // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2005. Vol. 11. № 2. P. 315-334.
13. Cohen E. Toward a sociology of international tourism // Social research. 1972. P. 164-182.
14. Doxey G.V. A causation theory of visitor-resident irritants' methodology and research inferences // Proceedings of the Sixth Annual Conference of the Travel Research Association. San Diego, 1975. P. 195-198.
15. Ivey J. The Commercialized Gaze: How Online Tourism Ads Privilege the Tourist Space, 2016.
16. Friedman M.T., Bustad J.J., Andrews D.L. Feeding the downtown monster:(Re) developing Baltimore's "tourist bubble" // City, Culture and Society. 2012. Vol. 3. № 3. P. 209-218.

17. *Jaakson R.* Beyond the tourist bubble?: cruise ship passengers in port // *Annals of tourism research*. 2004. Vol. 31. № 1. P. 44-60.
18. *Judd D.R., Fainstein S.S.* (ed.). *The tourist city*. Yale University Press, 1999.
19. *Kerswill M., Mair H.* Big ships, small towns: Understanding cruise port development in Falmouth, Jamaica // *Tourism in Marine Environments*. 2015. Vol. 10. № 3-4. P. 189-199.
20. *Laenui P.* A discussion on Sovereignty & the Hawaiian Economy // *Institute for the Advancement of Hawaiian Affairs*. 1994. P. 86-649.
21. *MacCannell D.* Staged authenticity: Arrangements of social space in tourist settings // *American journal of Sociology*. 1973. Vol. 79. № 3. P. 589-603.
22. *MacCannell D.* Tourist agency // *Tourist studies*. 2001. Vol. 1. № 1. P. 23-37.
23. *Pearce P.L., Wu M.Y., Osmond A.* Puzzles in understanding Chinese tourist behavior: Towards a triple-C gaze // *Tourism Recreation Research*. 2013. Vol. 38. № 2. P. 145-157.
24. *Ros-Tonen M.A.F., Werneck A.F.* Small-scale Tourism Development in Brazilian Amazonia: The Creation of a 'Tourist Bubble' // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2009. Vol. 86. P. 59-79.
25. *Salamone F.A.* Authenticity in tourism: the San Angel inns // *Annals of Tourism Research*. 1997. Vol. 24. № 2. P. 305-321.
26. *Stors N., Kagermeier A.* Crossing the Border of the Tourist Bubble: Touristification in Copenhagen // *Thimm T.* (Ed.). *Tourismus und Grenzen*. Mannheim, MetaGis. 2013. P. 115-131.
27. *Smith V.L.* (ed.). *Hosts and guests: The anthropology of tourism*. University of Pennsylvania Press, 2012.
28. *Torres R.* Cancun's tourism development from a Fordist spectrum of analysis // *Tourist studies*. 2002. Vol. 2. № 1. P. 87-116.

Алексеев А.А., Хлебников К.В.

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

***Аннотация.** В публикации представлены результаты исследования процесса инвестирования в инновации российской обрабатывающей промышленности (выборка 2009-2017). Выявлены факторы экономической эффективности инвестиционных проектов промышленности. Доказано, что эффективность инвестиций определяется внешними факторами, в первую очередь, уровнем экономической концентрации (CR3) рынка инновационной продукции. Представлено согласование научного результата с моделью динамики консолидации отрасли (A.T. Kearney).*

***Ключевые слова.** Инновации, инвестиции, предпринимательство, экономическая эффективность.*

Alekseev A.A., Khlebnikov K.V.

FACTORS OF ECONOMIC EFFICIENCY OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE MANUFACTURING INDUSTRY

***Abstract.** The publication presents the results of a study of the process of investing in the innovation of the Russian manufacturing industry (sample 2009-2017). Factors of economic efficiency of investment projects of the industry are revealed. It is proved that the efficiency of investment is determined by external factors, primarily by the level of economic concentration (CR3) of the market of innovative products. The coordination of the scientific result with the industry consolidation dynamics model (A.T. Kearney) is presented.*

***Keywords.** Innovation, investment, entrepreneurship, economic efficiency.*

Введение

Локализуя единичную инновацию в проект, целесообразно рассуждать с позиции инвестиционного цикла с традиционными показателями (объемного) эффекта и эффективности. Академически, первый выражается чистым дисконтированным доходом (NPV), второй – рентабельностью инвестиций (ROI). Инвестиционный проект строится на оценке экономического эффекта, формируемого инновацией.

Вопросы интерпретации и оценки экономических эффектов нововведений рассматривали российские и зарубежные ученые: Воробьев И.А. (2014) [2]; Столяр Т.В. (2016) [7]; Рубцова Е.М. (2016) [6]; Чабанюк О.В. (2013) [11]; Бучаева С.А., Гаджиев М.М. (2012) [1]; Филатов Е.А., Поляков С.А. (2015) [9]; Куценко Е.И. (2015) [3]; Тюкавкин Н.М. (2016) [8]; Обухова О.В., Рачек С.В. (2011) [5]; Локтионова Е.А.

ГРНТИ 06.54.31

© Алексеев А.А., Хлебников К.В., 2018

Андрей Алексеевич Алексеев – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кирилл Вячеславович Хлебников – доктор экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Института экономики и права Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова.

Контактные данные для связи с авторами (Алексеев А.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 921 949-21-54. E-mail: idc@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 11.07.2018.

(2011) [4]; Kolk M., Eagar R. (2014) [19]; Polder M., Leeuwen G. (2010) [25]; Kuczmariski T.D. (2000) [21]; Drake M.P., Sakkab N., Jonash R. (2006) [17]; Koskinen Y., Maeland J. (2016) [20]; Dernis H., Dosso M., Hervás F., Millot V., Squicciarini M., Vezzani A. (2015) [16] и др. Консолидируя результаты научной дискуссии, можно сформулировать солидарно принимаемые положения:

1. Результат инновационного проекта выражается локальными эффектами хозяйственной деятельности предприятия: рост цены, снижение затрат, рост производительности и т.п.;

2. Определены и экономически интерпретированы локальные эффекты по направлениям, классам инноваций: продуктовые, процессные, маркетинговые, организационные;

3. Описаны эконометрические модели интерпретации локальных эффектов инновации в показателях прибыли и рентабельности проектов.

Таким образом, в научной литературе сформированы методы планирования экономических эффектов и эффективности инвестирования капитала в инновационные проекты. С другой стороны, авторы отмечают незаконченность научной дискуссии о природе и факторах экономической эффективности инвестирования в инновации. В большинстве научных работ исследуются инвестиции в НИОКР. Поиск взаимосвязей данного фактора с эффектами весьма популярен в экономических исследованиях в силу доступности информации о затратах на НИОКР и показателях хозяйственной деятельности на микро-, мезо- и макро- уровнях.

Такая информация содержится в публичных отчетах предприятий и государственной статистике. Наиболее часто эффектом инвестирования в НИОКР определяется «производительность» (результативный признак): Bobillo A.M. и др. (2006) [12], Lim E.S. и др. (2012) [22], Drake M.P. и др. (2006) [17] и др. Но необходимо понимать ограничения результатов исследований данной взаимосвязи, объективно формулируемые и авторами публикаций. В частности (первое ограничение), затраты на НИОКР составляют от 0,3 до 23% (OECD, 2015) от полного инвестиционного бюджета инновационного проекта, который включает также капиталовложения цикла производства, эксплуатации и утилизации. Формально инвестиционный цикл инновационного проекта (Фомина Н.Е., Терентьев А.В. (2012) [10]) определяется полным объемом затрат от «инвестиционного меморандума» до «утилизации». Объективно судить об эффектах и эффективности инноваций можно только применительно к реализованному инвестиционному циклу, полному объему затрат инновационного проекта (*a posteriori*).

Второе ограничение: инновационные проекты не всегда влияют на основную хозяйственную деятельность предприятия, они могут носить локальный характер. В частности, так происходит, если масштаб проекта незначителен в финансовом обороте предприятия. Данное утверждение полностью справедливо для средне- и низкотехнологичной промышленности, уровень наукоемкости которой меньше 7%. Третье ограничение связано с популярностью парадигмы «открытых инноваций» и сетевой модели организации инновационного процесса. Инновационные проекты могут быть организованы как консорциум (сетевая, распределенная форма инновационного проекта), организованный рядом специализированных предприятий. Соответственно отражение в управленческом учете единичного предприятия будет некорректным с позиции оценки роста производительности.

Итак, соотнесение производительности предприятия в рамках основной хозяйственной деятельности и инвестирования в НИОКР имеет много ограничений и допущений в рамках экономического моделирования эффективности инвестиций в инновации. Соответственно, по мнению авторов, объективная оценка эффективности инвестирования в инновации должна строиться в рамках обследования единичных проектов, инвестиционных циклов. В такой постановке задачи возникает сложность формирования статистики: необходима управленческая отчетность инвестиционных проектов, направленных на реализацию инновационного решения. Сбор такой информации приходится вести «вручную», интерпретируя управленческую и бухгалтерскую отчетность единичных проектов.

Тем не менее, хотелось бы акцентировать внимание на отдельных научных исследованиях, в которых предпринята попытка определить природу, факторы экономической эффективности инновационных проектов в рамках полного цикла инвестиций. Солидарно понимается, что экономические эффект и эффективность инновационного проекта есть баланс трех потенциалов (Rothwell R. (1992) [27]), среди которых: инновационный (научно-технический) предприятия; инновационной (мезо- и макро-) инфраструктуры; рынка. В настоящее время предложены только эмпирические модели взаимосвязи составляющих, не поддержанные эконометрическим обоснованием, многофакторными регрессионными моделями.

Но можно выделить ряд исследований единичных факторов эффективности инвестирования в инновационные проекты. Анализ публикаций позволяет сделать заключение, что обнаруженные факторы сосредоточены во внутренних (потенциал, инфраструктура) и внешних (рынок) средах. Внутренние факторы исследовали: Morris L. (2009) [23], Tsai C.-L., Chang H.-C. (2016) [30] – инновационную инфраструктуру; Bueche A.M. (1979) [13] – размер интеллектуального капитала; Vega-Jurado J. и др. (2008) [31] – наличие собственных исследовательских подразделений предприятий; Quintella V. и др. (2017) [26] – уровень финансового риска; и др. Tajeddini K. и др. (2006) [29] указывают на зависимость от внешних маркетинговых факторов, вторичность влияния потенциала и инфраструктуры. A Caggese A. (2012) [14] предложил модель оценки через интегральный уровень риска. Zahra S., Das S. (1993) [32] формулируют зависимость от «уровня лидерства», интерпретируемого через рыночную долю. Nanda R., Rhodes-Kropf M. (2013) [24] определяют эффективность темпами роста рынка. Вышеприведенные взаимосвязи не универсальны, исследователи локализуют результат по отдельным отраслям, видам деятельности, странам, типами экономик.

В контексте приведенного анализа видится актуальным расширение научной дискуссии о факторах экономической эффективности инвестирования в инновации в региональной (Россия) и отраслевой (обрабатывающая промышленность) проекциях.

Объект и метод исследования

Объект исследования: природа и факторы экономической эффективности инвестирования в инновации национальной обрабатывающей промышленности.

Методом исследования определен корреляционный анализ. В его рамках поставлена задача выявления факторов, оказывающих влияние на результативный признак – уровень рентабельности инвестирования (ROI) в инновационные проекты. Авторы выделили 8 внутренних и 4 внешних фактора (табл. 1), гипотетически определяющих рентабельность инвестиций в инновационные проекты. Выбор гипотетических факторов определен критериями: частотой выделения в научной литературе; измеримостью; изоморфизмом, относительной независимостью от масштаба проектов; возможностью сопоставления в проектах; доступностью по документам управленческого учета (бизнес-планы, инвестиционные проекты, формы 1-4 ПБУ, отчеты по маркетинговым исследованиям).

Выборка исследования построена на обследовании ретроспективы 92-х инновационных проектов предприятий обрабатывающей промышленности, реализованных в период 2009-2017 года. (Были скомпилированные данные НИР (2009-2017) статистики инновационных проектов «Центра инновационного развития СПбГЭУ» (2011-2017). Обследование инновационных проектов ставило множество задач, в настоящей публикации представлено решение одной из них – анализ экономической эффективности инвестирования в инновации.) Статистика по внутренним инвестиционным показателям проектов дополнена сведениями о внешних индексах отрасли (рынка), полученными из бизнес-планов инновационных проектов, маркетинговых исследований и официальной статистики (в частности – ФАС). Для уточнения отдельных количественных оценок и обоснования природы экономической эффективности проведены глубинные интервью с руководителями 17-ти инновационных проектов.

Результаты и их обсуждение

Результаты обследования выборки инновационных проектов представлены как таблица коэффициентов корреляции (r) гипотетических факторов с показателем рентабельности инвестиций (ROI) – результативный признак. Анализ позволяет сформулировать выводы:

1. Внешние факторы оказывают сравнительно большее влияние на экономическую эффективность инвестирования в инновации;

2. Наиболее «высокий» уровень корреляционной взаимосвязи определяется с фактором экономической концентрации отрасли, рынка инновационного проекта (коэффициент по сумме 3-х, CR3).

Поле корреляции фактора экономической концентрации (рис. 1) позволяет объективно видеть влияние на результативный признак – уровень экономической эффективности инновационных проектов. Результаты исследования солидарны с научными выводами о доминанте внешних факторов в формировании экономической эффективности инвестиций в инновационную деятельность: Tajeddini K. и др. (2006) [29], Caggese A. (2012) [14], Zahra S., Das S. (1993) [32], Nanda R., Rhodes-Kropf M. (2013) [24], Foxon T.J. и др. (2005) [18].

Следует обратить внимание на «средний» уровень корреляции с результативным признаком и других внешних факторов. Рыночная доля промышленного предприятия по основной хозяйственной деятельности ($r = 0,447$) характеризует значительный маркетинговый потенциал продвижения и продаж инновационной продукции. То есть, инновационный продукт может распространяться по сложившимся в рамках основной деятельности каналам продаж предприятия. А средние темпы роста рынка ($r = 0,571$), характеризуют динамику спроса и явно связаны с уровнем экономической концентрации отрасли, что объективно показано в модели А.Т. Kearney (Schuh С. и др. (2011) [28], рис. 3). Представленные выводы согласуются и с современными методологическими положениями теории отраслевых рынков (Carlton D.W., Perloff J.M. (2000) [15]).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции (r) гипотетических факторов с показателем рентабельности инвестиций (ROI) в инновационный проект (результативный признак)

Показатели, %	r
Внутренние: средняя величина показателя в выборке в период реализации инновационного проекта	
Темпы роста выручки промышленного предприятия	0,245
Рентабельность операционной деятельности	0,446
Доля персонала, занятого в НИОКР	0,172
Коэффициент маржинальности	0,451
Научоемкость: затраты на НИОКР в выручке	0,332
Доля затрат на НИОКР в бюджете инновационного проекта	0,227
Отношение затрат на инновации к годовой выручке	0,199
Доля затрат на инновации в общем объеме инвестиций	0,394
Внешние: по отраслевой принадлежности предприятия	
Рыночная доля по основной хозяйственной деятельности	0,447
Средние темпы роста рынка	0,571
Коэффициент экономической концентрации по 3-м (CR3)	0,763
Научоемкость отрасли (среднее значение по группам OECD)	0,311

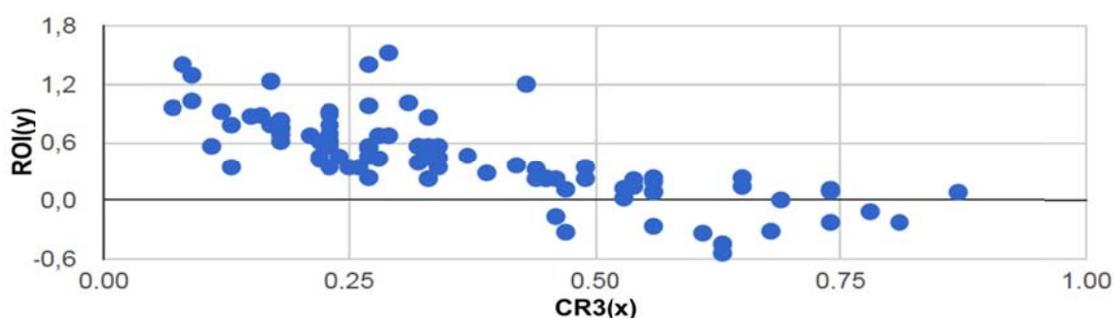

Рис. 1. Поле корреляции: фактор – коэффициент экономической концентрации (CR3); результативный признак – рентабельность инвестиций (ROI)

В развитие формальной оценки результатов корреляционного анализа авторы провели глубинные интервью с руководителями инновационных проектов. Один из вопросов был направлен на получение экспертной оценки баланса влияния внутренних и внешних факторов на экономические результаты инновационного проекта. Полученные результаты (табл. 2) показали доминирование внешних, рыночных условий в формировании эффективности проекта по отношению к внутреннему потенциалу. Исключение составила только отрасль биотехнологий. Но в данном случае исключение, скорее, подтвердило правило. Уровень экономической концентрации этой отрасли крайне низок (<20%), конкуренция практически отсутствует, успех инновационного проекта определяется исключительно научным потенциалом предприятия, на что и указывают эксперты в опросе.

Уровень корреляции внешних факторов, результаты глубинного интервью и согласованность методологии обосновывают первый теоретический вывод о доминанте внешних факторов в формировании экономической эффективности инновационного предпринимательства.

Обнаруженная формальная взаимосвязь фактора экономической концентрации с эффективностью инвестирования в инновационные проекты (вывод 2) требует объяснения с позиции ее природы, именно это позволит обосновать объективность явления. Применительно к полю корреляции (рис. 1) может быть обнаружена линия тренда (рис. 2), выделяющая 2 зоны (зона А и В), имеющие описанную далее экономическую логику. Здесь же заметим, что, к сожалению, объем выборки не дает уверенного результата в рамках регрессионного анализа для аппроксимации функции взаимосвязи. Авторы выдвинули гипотезу, что выборка обладает высоким уровнем неоднородности в силу присутствия в ней инновационных проектов различного уровня технологичности и различных отраслей. Но для дифференцированного изучения отраслей представленный объем выборки недостаточен. Данное направление исследований авторы определили как направление дальнейшего изучения.

Таблица 2

Экспертные оценки баланса влияния (шкала опроса) внешних и внутренних факторов на экономический результат инновационного проекта (интерпретировано по данным глубинных интервью с руководителями 17-ти инновационных проектов)

Шкала оценок	100	75	50:50	75	100	
Внешние						Внутренние

Результаты интерпретации. Нормированные значения

Производство	Влияние	
	Внешние	Внутренние
Композитные материалы	0,76	0,24
Металлообработка	0,62	0,38
Деревообработка	0,53	0,47
Биотехнологии	0,39	0,61
Машиностроение	0,71	0,29
Медицинские приборы и оборудование	0,83	0,17
Световые и оптические приборы	0,79	0,21

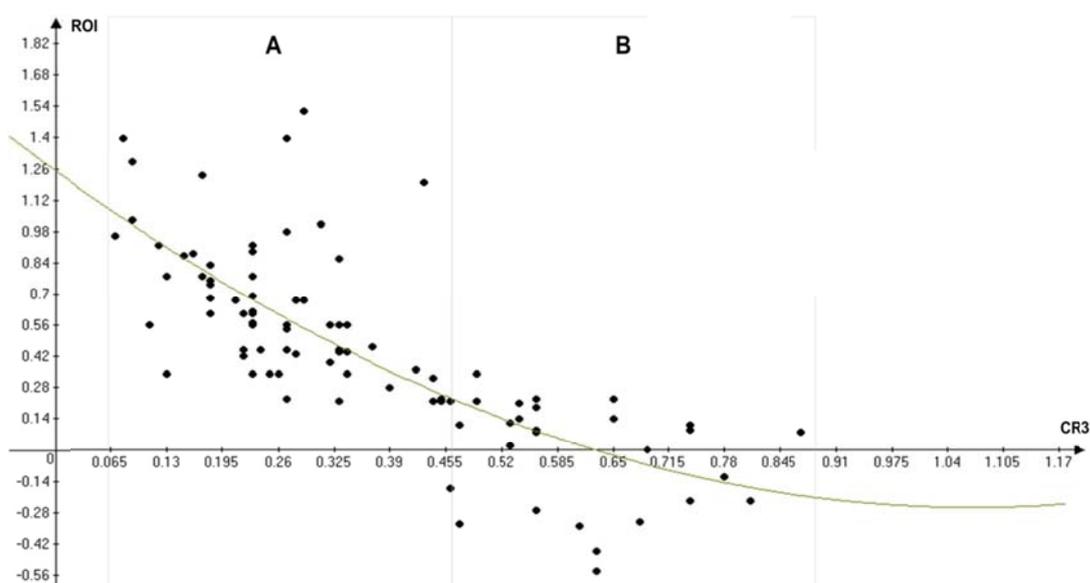

Рис. 2. Тренд влияния уровня экономической концентрации на эффективность инвестирования в инновации

Рынки с малым ($<0,45$) уровнем экономической концентрации (зона А) имеют низкий уровень интенсивности конкуренции. Отсутствуют крупные по доле рынка участники («лидеры», обнаруживаемые в исследовании Zahra S., Das S. (1993) [32]) рынка, конкуренция близка к «совершенной». Рынок инновационного продукта дефицитен, спрос не удовлетворен, стандартов потребления не сформировалось. Практически отсутствуют барьеры входа на рынок. Обратная ситуация в зоне высокой концентрации (зона В) – очень жесткие барьеры входа на рынок, формируемые 3-4-мя лидерами. Крупные по доле рынка субъекты (входящие в CR3) реализуют стратегии «лидерства по издержкам» за счет «эффекта масштаба», не позволяющие выходить на рынок новым продуктам. Это особенно отчетливо видно в зоне проектов (рис. 2, зона В), выводящих инновационный продукт на высоко консолидированные рынки ($CR3 > 0,5$). Больше половины инновационных проектов в этой зоне консолидации (В) имеют отрицательные значения рентабельности инвестиций. В глубинном интервью (3 проекта с отрицательным ROI) руководители проектов однозначно выделили в качестве причины неудачи высокие рыночные барьеры, формируемые в первую очередь «критически низкой ценой лидеров рынка...», что не позволяет экономически эффективно создавать малые партии инновационной продукции» (цитирование мнения эксперта).

Предложенный взгляд на природу связи факторов находит свое раскрытие и в солидарности с моделью консолидации отрасли А.Т. Kearney (Schuh C. и др. (2011) [28]). Хорошо известная диаграмма динамики консолидации отрасли (рис. 3) выделяет 4 этапа развития отрасли с позиции изменения коэффициента экономической концентрации. Этап «начало» характеризует «зарождение» отрасли, инициированное новой технологической платформой – радикальной инновацией. Этап «роста» – процесс эволюционного развития рынка с низкой интенсивностью конкуренции и дефицитом морально нового продукта. На этапе «специализации» рынок становится высоко консолидированным, развивается на основе сделок слияния и поглощения (M&A), создаются высокие барьеры вхождения. Инновационные проекты малых инновационных предприятий (МИП) практически не имеют потенциала инвестиционного масштабирования – они либо блокируются, либо поглощаются лидерами.

Авторы совместили тренд влияния уровня экономической концентрации на эффективность инвестирования в инновации (рис. 2) на диаграмме консолидации отрасли А.Т. Kearney (рис. 3). Заметим, что данное наложение носит эмпирический характер с позиции привязки к этапам. Для строгой количественной привязки трендов необходимо построить совмещенную динамику инвестиционных проектов и экономической концентрации. Такая задача рассматривается как направление дальнейших исследований со стороны авторов.

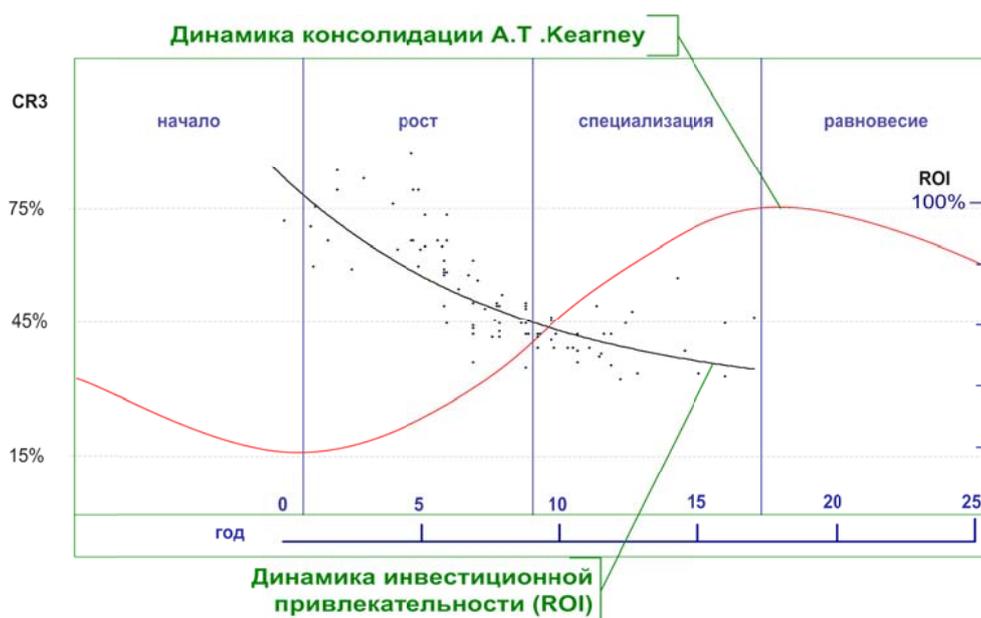

Рис. 3. Совмещенная диаграмма А.Т. Kearney (Schuh C. и др. (2011) [28]) консолидации отрасли (рынка) и тренда полиномиальной функции эффективности инвестирования в инновации (рис. 2)

Наложение дает понимание аналогичных 2-х зон (рис. 2, А, В) прогнозирования экономической эффективности инвестирования в инновационные проекты. Зона этапов «начала-роста» (CR3 15-45%) является потенциально благополучной для инвестирования в инновационные проекты в силу ожидаемых низких барьеров вхождения. А зона этапа «специализации» (CR3 > 45%) определяется высоко рискованной зоной инвестирования в инновации. Проект может иметь высокий научно-технический потенциал, быть поддержан инфраструктурой, но высокая экономическая концентрация блокирует маркетинговые возможности промышленного предприятия. Конечно, на этапе «специализации» имеется исключение для лидеров рынка, входящих в оценку суммы CR3-4, их инновационные проекты имеют маркетинговое преимущество, что обеспечивает им перспективу экономической эффективности инвестиций.

Впрочем, лидеры рынка на этапе специализации реализуют только инкрементальные инновационные проекты, имеющие незначительную моральную, технико-эксплуатационную новизну. Инкрементальные инновации лидеров закрепляют барьеры рынка, преодолеть которые «рядовые» промышленные предприятия не могут даже при инвестировании в радикальные новшества. Поэтому этап «специализации» видится как стагнационный в инновационном развитии отрасли, инвестирование на котором даже в инкрементальные инновации экономически неэффективно. Впрочем, к концу этапа «специализации», началу «равновесия» появляется уже новая технологическая платформа (радикальная инновация), в рамках которой потенциал экономической эффективности инвестирования характеризуется зоной А – этап «начало». Итак, две выделенные зоны экономической эффективности инвестиций (рис. 2) солидарны с актуальной методологией стратегирования, представлениями о генезисе развития отраслей промышленности.

Объясненный генезис экономической эффективности инвестирования в инновационные проекты национальной обрабатывающей промышленности является научным результатом, вкладом авторов в теории инноваций, экономики промышленности, отраслевых рынков. Практическая сторона представленного исследования может быть сформулирована как основание для принятия решения об инвестировании в инновационные проекты, критерий формирования портфеля технологических нововведений предприятиями обрабатывающей промышленности.

Заключение

Авторы формулируют теоретическое положение, что в условиях современной экономики эффективность инвестирования в инновации определяется не столько внутренним потенциалом предприятия и окружающей его инфраструктуры (не отрицая их значимости в балансе потенциалов), сколько внешними, рыночными факторами – уровнем консолидации отрасли на платформе новой технологической инновации. Практическая сторона полученного результата может быть сформулирована как критерий выбора отраслей (рынков, видов деятельности) для инвестирования в инновации предприятиями обрабатывающей промышленности. Формулировка критерия: оптимальными определяются отрасли, в которых уровень экономической концентрации на момент начала продаж инновационного продукта составляет 15-45%, что характеризует этап «роста» на диаграмме А.Т. Kearney.

Направления дальнейших исследований

Обнаруженная природа экономической эффективности инвестиций в инновационные проекты рассматривается как научное новое положение, имеющее объективные ограничения: региональные и отраслевые. Расширение статистического материала выборки позволит уточнить следующие позиции в рамках дальнейших исследований:

1. Регрессионный анализ позволит выбрать описательную модель, тренд взаимосвязи рентабельности инвестиций и уровня экономической концентрации;
2. Многофакторный регрессионный анализ (табл. 1) позволит учесть ряд внутренних и внешних факторов с высоким и средним уровнем корреляции;
3. Рассмотреть применимость и специфику выявленной взаимосвязи применительно к отдельным отраслям и уровням технологичности (наукоемкости);
4. Расширить исследование в части привязка динамики проектов к консолидации отрасли, в том числе выявить оптимальный способ оценки концентрации (коэффициенты НИИ, CR3, CR4 и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бучаева С.А., Гаджиев М.М. Виды экономических эффектов и особенности их оценки для инноваций // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 225-229.
2. Воробьев И.А. Оценка эффективности внедрения инновационного проекта // Путеводитель предпринимателя. 2014. № 21. С. 106-113.
3. Куценко Е.И. Аспекты оценки эффективности инновационного проекта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8 (183). С. 73-78.
4. Локтионова Е.А. Методика оценки экономического эффекта внедрения инноваций в сфере подготовки производства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 62-67.
5. Обухова О.В., Рачек С.В. Современные методические подходы к определению экономической эффективности инновационно-инвестиционных проектов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 4 (36). С. 49-54.
6. Рубцова Е.М. О некоторых особенностях определения экономического эффекта инновационных проектов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 59-69.
7. Столяр Т.В. Оценка эффективности инноваций // Научные исследования и разработки. Экономика. 2016. Т. 4. № 4. С. 37-42.
8. Тюкавкин Н.М. Методический аппарат анализа и оценки эффективности инновационной деятельности предприятия // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 1 (32). С. 12.
9. Филатов Е.А., Поляков С.А. Альтернативный факторный анализ модели оценки эффективности инноваций // Инновации и инвестиции. 2015. № 9. С. 18-20.
10. Фомина Н.Е., Терентьев А.В. Инновационно-инвестиционный цикл промышленности // Вопросы экономики и права. 2012. № 45. С. 148-152.
11. Чабанюк О.В. Теоретико-методические подходы к определению эффективности инноваций // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 183-185.
12. Bobillo A.M., Sanz J. A. R., Gaité F.T. Innovation Investment, Competitiveness, and Performance in Industrial Firms // Thunderbird International Business Review. 2006. Vol. 48 (6). P. 867-890.
13. Bueche A.M. Investment in innovation // The Journal of Technology Transfer. 1979. Vol. 3 (2). P. 1-13.
14. Caggese A. Entrepreneurial risk, investment, and innovation // Journal of Financial Economics. 2012. Vol. 106 (2). P. 287-307.
15. Carlton D.W., Perloff J.M. Modern Industrial Organization. Addison-Wesley, 2000.
16. Dernis H., Dosso M., Hervás F., Millot V., Squicciarini M., Vezzani A. World Corporate Top R&D Investors: Innovation and IP bundles. A JRC and OECD common report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Publication of European Commission's Joint Research Centre – Institute for Prospective, 2015.
17. Drake M.P., Sakkab N., Jonash R. Maximizing Return On Innovation Investment // Research Technology Management. 2006. Vol. 49 (6). P. 32-41.
18. Foxon T.J., Gross R., Chase A., Howes J., Arnall A., Anderson D. UK innovation systems for new and renewable energy technologies: Drivers, barriers and systems failures. Energy Policy, 2005.
19. Kolk M., Eagar R. How to manage your return on investment in innovation // PRISM. 2014. Vol. 1. P. 66-83.
20. Koskinen Y., Maeland J. Innovation, Competition, and Investment Timing // Review of Corporate Finance Studies. 2016. Vol. 5 (2). P. 166-199.
21. Kuczarski T.D. Measuring your return on innovation // Marketing Management. 2000. Vol. 9 (1). P. 24-32.
22. Lim E.S., Lee C., Nagaraj S. The Relationship Between Innovation and Firm Performance: Evidence from Malaysian Manufacturing Firms // The Asian Business and Management Conference 2012, Osaka, Japan. Official Conference Proceedings.
23. Morris L. The Innovation Infrastructure // International Journal of Innovation Science. 2009. Vol. 1 (1). P. 41-49.
24. Nanda R., Rhodes-Kropf M. Investment cycles and startup innovation // Journal of Financial Economics. 2013. Vol. 110 (2). P. 403-418.
25. Polder M., Leeuwen G. Product, process and organizational innovation: drivers, complementarity and productivity effects. Publications 2010s-28, 2010. P. 1-46.
26. Quintella V., Silva A.F.A., Silva Jr.A., Embiruçu Jr.J. Financial exposure and technology innovation investment: Measuring project results in Brazilian commodity industries // Academia Revista Latinoamericana de Administracion. 2017. Vol. 30 (4). P. 547-564.
27. Rothwell R. Successful industrial innovation: critical factors for the 1990s // R&D Management. 1992. Vol. 22 (3). P. 221-240.

28. Schuh C., Kromoser R., Strohmer M.F., Pérez R.R., Triplat A. The A.T. Kearney Strategy Chessboard. USA, Illinois: Marketing & Communication A.T. Kearney inc., 2011.
29. Tajeddini K., Trueman M., Larsen G. Examining the Effect of Market Orientation On Innovativeness // Journal of Marketing Management. 2006. Vol. 22 (5–6). P. 529-551.
30. Tsai C.-L., Chang H.-C. Evaluation of critical factors for the regional innovation system within the HsinChu science-based park // Kybernetes. 2016. Vol. 45 (4). P. 699–716.
31. Vega-Jurado J., Gutiérrez-Gracia A., Fernández-de-Lucio I., Manjarrés-Henríquez L. The effect of external and internal factors on firms' product innovation // Research Policy. 2008. Vol. 37 (4). P. 616–632.
32. Zahra S., Das S. Innovation strategy and financial performance in manufacturing companies: An empirical study // Production and Operations Management. 1993. Vol. 2 (1). P. 15–37.

Сигов В.И., Третьяков О.В.

АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления осуществления корпоративных социальных инвестиций с точки зрения оценки предполагаемых затрат. Отдельное внимание уделяется вопросам обоснования и формирования этапов корпоративного управления социальным проектированием на российских предприятиях.

Ключевые слова. Корпоративные социальные инвестиции, затратный подход, корпоративная социальная ответственность, инвестиционная политика предприятия, управленческий процесс.

Sigov V.I., Tretyakov O.V.

ANALYSIS OF CORPORATE SOCIAL INVESTMENTS IN THE CONTEXT OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL COSTS OF THE ENTERPRISE

Abstract. In the article the main directions of realization of corporate social investments from the point of view of estimated costs are considered. Special attention is paid to the issues of justifying and forming the stages of corporate management of social projects at Russian enterprises.

Keywords. Corporate social investments, cost approach, corporate social responsibility, investment policy of the enterprise, management process.

Важную роль в развитии современной общественной формации играет социальное инвестирование, которое, являясь составным компонентом общей системы инвестирования, включает все соответствующие данному понятию характеристики инвестиционного процесса. В условиях современной России осуществляются крупные экономические преобразования, направленные на создание в стране цифровой экономики, и такое явление как управление социальными инвестициями, можно представить, как субъектно-объектный целенаправленный и организационно оформленный процесс.

Однако, среди отечественных и зарубежных ученых [5, 9, 10], нет единства в определении его этапов, что позволяет авторам выделить следующие этапы процесса управления социальными инвестициями: организационно-экономическое проектирование и обоснование управления социальными инвестициями корпорации; предоставление социального заказа на основе классификации и ранжирования внутренних и внешних проблем; определение характера, содержания, направлений и видов выделяемых социальных инвестиций; разработка инвестиционно-инновационных социальных проектов; презентации социальных проектов стейкхолдерам (заинтересованным сторонам); продвижение и информационно-аналитическое сопровождение социальных проектов; оценка эффективности реализуе-

ГРНТИ 06.39.41

© Сигов В.И., Третьяков О.В., 2018

Виктор Ивглафович Сигов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Олег Владимирович Третьяков – соискатель кафедры экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Сигов В.И.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (812) 310-19-80. E-mail: dekanat205@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 05.09.2018.

мых социальных инвестиций и информирование стейкхолдеров о ее результатах; корректировка действий компании по определению объектов и масштабов социального инвестирования.

Проблемам социального инвестирования посвящены работы таких ученых, как О.А. Ломовцева [2], Е.Е. Шарафанова [8], Р.А. Новикова [3], Л.В. Хорева [6, 7], И.Ю. Беляева [1] и др. Так, например, по мнению О.А. Ломовцевой, «социальными инвестициями являются вложения материальных, финансовых, интеллектуальных и других активов, осуществляемые государством, предприятиями, общественными организациями, индивидуальными инвесторами в социальную сферу экономики, а также в программы развития персонала, поддержания местного сообщества, улучшения экологии и др., в результате которых происходит трансформация вложений в социальный капитал, приобретающий черты общественного блага и выражающийся в упрочении общественных отношений, улучшении общественной жизни и качества совместной деятельности индивидов» [2].

Р.А. Новикова трактует социальные инвестиции как разновидность инвестиций, «объектом вложений, для которых выступает социальная сфера, а целью их реализации является получение не только экономического эффекта (максимизации прибыли), но и обеспечение социального эффекта (создание пользы обществу), что становится приоритетной задачей. Указанная цель достигается в ходе реализации программ, направленных на снижение социального напряжения в регионах присутствия фирмы и повышение уровня жизни различных слоев населения» [3].

Следует согласиться с мнением О.С. Песковой, определяющей социальные инвестиции «как форму реализации корпоративной социальной ответственности» [4]. Сюда включаются инвестиции, которые направлены на развитие творческого и трудового потенциала сотрудников, повышение качества персонала и населения региона в целом для повышения устойчивости бизнеса и уменьшения его рисков. Основные направления корпоративных социальных инвестиций можно рассмотреть более подробно с точки зрения ключевых затрат. Они включают в себя:

1. Экологические инвестиции (охрана окружающей среды): наличие в корпорации экологической программы и соответствующие затраты на ее реализацию, вторичное использование и утилизация отходов, соблюдение международных экологических стандартов, денежные затраты на НИОКР (в сфере экологических технологий) и др. Заметим, что затраты на охрану окружающей среды представляют собой значительную стоимостную нагрузку на представителей бизнес-сообщества, однако, в том числе благодаря экологической политике государства, в последние годы наблюдается значительный рост инвестиций в основной капитал, направленных на рациональное использование природных ресурсов в нашей стране (табл. 1) [12].

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в РФ (2000-2017 гг.), млн руб. [12]

Наименование показателя	2000	2004	2008	2010	2012	2014	2017
Всего, в том числе на охрану	22339	41168	102388	89094	116543	158636	152996
водных ресурсов	8251	15748	45696	46025	52420	76315	65863
атмосферного воздуха	7946	15521	27542	26127	34626	55587	59827
земель	3520	5563	17749	9340	19888	14540	10174

Как видно из представленных данных, начиная с 2000 по 2014 гг., наблюдался неуклонный рост соответствующих затрат бизнеса, вместе с тем, в связи с ужесточением санкций по отношению к российским предпринимательским структурам со стороны стран Запада, в последние годы отмечается незначительное падение уровня инвестирования (на 3,5% по сравнению с уровнем 2014 г.) в основной капитал, направленный на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

2. Добросовестная деловая практика: наличие открытой нефинансовой отчетности и эффективно действующая система отбора социально ответственных поставщиков и дистрибьюторов, справедливое вознаграждение и карьерное продвижение для всех сотрудников, мониторинг удовлетворенности качеством продукции корпорации среди клиентов, денежные затраты на НИОКР (в сфере повышения качества продукции), затраты на повышение эффективности корпоративных бизнес-процессов и др.

3. Инвестиции в местное сообщество: программы по социальной защите групп населения из числа клиентской базы; денежные затраты на совместные проекты с региональными и местными властями и пр.

4. Безопасные условия труда: программы по снижению показателей производственного травматизма, затраты на модернизацию производственной инфраструктуры, контроль за соблюдением правил пожарной безопасности на рабочем месте, программы по развитию эргономики рабочего места и т.п.

С точки зрения обеспечения безопасными условиями труда и затрат на них, российское производство значительно отстаёт по сравнению с практикой развитых зарубежных стран. В табл. 2 представлены основные статистические данные, характеризующие проблему производственного травматизма в РФ за период с 2000 по 2017 гг. [12]. Как свидетельствуют приведенные данные, можно говорить о значительном сокращении численности пострадавших при несчастных случаях на производстве за рассматриваемый период (в 5,97 раз) при одновременном росте уровня затрат на мероприятия по охране труда в расчете на 1 работающего (в 13 раз).

Таблица 2

Статистика производственного травматизма в РФ (2000-2017 гг.) [12]

Наименование показателя	2000	2004	2008	2010	2012	2014	2017
1. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве, тыс. человек							
- всего	151,8	87,8	58,3	47,7	40,4	31,3	25,4
- из них со смертельным исходом	4,4	3,29	2,55	2,00	1,82	1,46	1,14
2. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве на 1000 работающих							
- всего	5,1	3,4	2,5	2,2	1,9	1,4	1,3
- из них со смертельным исходом	0,149	0,129	0,109	0,094	0,084	0,067	0,056
3. Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве							
- всего, млн.	4,3	2,8	2,7	2,2	1,8	1,5	1,2
- на одного пострадавшего	28,3	31,4	46,7	45,9	45,6	48,7	48,7
Израсходовано средств на мероприятия по охране труда в расчете на 1 работника, руб.	995	2505	5505,9	6724,2	8758,1	9615,5	12964,7

5. Инвестиции в здравоохранение: современное оснащение медицинского пункта на территории предприятия, проведение ежегодной диспансеризации работников предприятия и учет полученных результатов обследования, обеспечение льготными путевками сотрудников предприятия в учреждения санаторно-курортного профиля и т.п. В качестве иллюстрации обозначенных пунктов, можно привести статистические данные, характеризующие расходы российских компаний на поддержание здоровья собственных сотрудников по ряду направлений (табл. 3) [12]. На основании представленной таблицы можно сделать следующие выводы:

- расходы, непосредственно связанные с обеспечением здоровья сотрудников российских компаний, составляют незначительную долю в общем объеме выплаченных компенсаций;
- уровень затрат на лечебно-профилактическое питание значительно варьируется в зависимости от отраслевой направленности производства, что обусловлено различным характером и условиями выполнения трудовых функций;
- максимальные затраты на молоко или другие равноценные пищевые продукты традиционно отмечаются в обрабатывающей отрасли, что обусловлено технологическими аспектами ведения хозяйственной деятельности и повышенной вредностью ряда производств;
- можно отметить незначительное отклонение значений уровня затрат на проведение медицинских осмотров по отношению к среднеотраслевым показателям, за исключением сектора информатизации и связи.

6. Инвестиции в образование: затраты на обучение персонала, в том числе на осуществление внутрикорпоративных программ повышения квалификации и переподготовки, проведение тренингов и специальных программ для персонала организации, в том числе в целях укрепления корпоративной культуры, материальная поддержка сотрудников, получающих высшее или дополнительное образование по соответствующим профильным программам подготовки и т.п.

В 2015 г. сотрудниками информационного агентства РБК был составлен рейтинг ведущих российских компаний с точки зрения корпоративных затрат на обучение персонала (таблица 4) [11]. Основанием для сбора исходной информации послужило проведенное анкетирование, а для расчета итогового рейтинга были задействованы такие параметры как численность сотрудников на 2014 год, затраты на обучение сотрудников по отношению к фонду оплаты труда, кратное сокращение (прирост) затрат за год т.д. На первом месте в рейтинге – Сбербанк, который также является лидером по абсолютным затратам на корпоративное обучение: больше 2 млрд руб. в 2014 году. Далее следует компания «Евросеть» (основное направление корпоративного социального инвестирования – обучение линейного персонала), на третьем – «Газпром нефть», которая расходует средства на формирование кадрового резерва. В число лучших 15 компаний рейтинга вошли еще один банк, четыре телекоммуникационных и три металлургических компании, а также предприятия сферы нефтедобычи и нефтехимии, энергетики и атомной промышленности [11].

Таблица 3

Фактические расходы российских компаний на компенсации в 2017 году [12]

Показатель оценки	Всего	В том числе		
		на лечебно-профилактическое питание	на молоко или другие равноценные пищевые продукты	на проведение медицинских осмотров
Всего по обследуемым видам экономической деятельности				
тысяч рублей	208544214	5740110	6510279	14129474
в среднем на одного работника, имеющего право на соответствующий вид гарантий и компенсации, рублей	8829	32491	4253	2881
в % к итогу	100	2,8	3,1	6,8
Добыча полезных ископаемых				
тысяч рублей	31309800	300921	861039	1925824
в среднем на одного работника, имеющего право на соответствующий вид гарантий и компенсации, рублей	13100	29709	4125	3766
в % к итогу	100	1	2,8	6,2
Обрабатывающие производства				
тысяч рублей	87587438	4279878	3857405	5314480
в среднем на одного работника, имеющего право на соответствующий вид гарантий и компенсации, рублей	8144	32303	4374	2400
в % к итогу	100	4,9	4,4	6,1
Строительство				
тысяч рублей	14042914	320051	386045	910888
в среднем на одного работника, имеющего право на соответствующий вид гарантий и компенсации, рублей	8874	37411	4457	2670
в % к итогу	100	2,3	2,7	6,5
Деятельность в области информации и связи				
тысяч рублей	1591817	5542	16946	142285
в среднем на одного работника, имеющего право на соответствующий вид гарантий и компенсации, рублей	6445	12681	4626	3455
в % к итогу	100	0,3	1,1	8,9

Резюмируя все вышесказанное, в качестве перспективных направлений развития российской модели корпоративной ответственности с учетом уровня затрат на корпоративное социальное инвестирование, по мнению авторов, можно выделить:

1. Улучшение качества и безопасности выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Для реализации этого направления активно используются возможности СМИ и Интернета по популяризации высокого качества товаров и предоставляемых услуг, бережного отношения сотрудников к производственной и трудовой деятельности, заботе и вниманию компании к производству и предложению своих услуг.

2. Участие компаний в создании и реализации проектов социального развития территорий на местном и региональном уровнях через организацию совместно с органами территориальной власти конкурсов на выполнение социальных инвестиционных проектов (образовательных, спортивно-оздоровительных, историко-культурных, рекреационных и т.д.), когда отличившихся сотрудников награждает не только работодатель, но и представители местного сообщества.

3. Развитие индивидуальных форм благотворительности, когда в подобного рода деятельность вовлекаются не корпоративные структуры, а отдельные сотрудники компании, как во время проведения внутренних корпоративных конкурсов, так и в свободное от трудовой деятельности время.

4. Организация защиты трудовых интересов отдельных категорий работников (пожилых сотрудников, молодых специалистов, многодетных матерей и др.). Необходимо соблюдение законодательных норм социальной защиты таких категорий работников, обеспечение их социальных гарантий в трудовом договоре, введение определенных квот на численность работников данных категорий, проведение дополнительной медицинской диагностики пожилых работников, обеспечение работников и их детей льготными путевками в санатории и детские лагеря отдыха.

5. Создание условий для проведения спортивных занятий и организации здорового образа жизни сотрудников через включение в социальный пакет возможности для занятий спортом, поощрения отказа от вредных привычек, организации спортивных соревнований, мотивирующих сотрудников ответственно относиться к своему здоровью.

6. Принятие внутрикорпоративных социальных проектов для персонала компании и членов их семей по организации материальной помощи сотрудникам, оказавшимся в тяжелых жизненных обстоятельствах, стимулирование отличившихся сотрудников за результаты производственной деятельности, соответствие рабочего места стандартам ISO, сдавших нормы ГТО, участвующих в донорском движении и др.

Таблица 4

Рейтинг российских компаний с точки зрения затрат на образование персонала [11]

Ранг	Наименование компании	Отрасль	Расходы на обучение, тыс. руб.	Фонд оплаты труда, тыс. руб.	Итоговый балл
1	Сбербанк	Банковское дело	2137	188755	3,9
2	Евросеть	Розничная торговля	250	-	3,3
3	Газпром-нефть	Нефтедобыча	581	-	2,7
4	Сибур	Нефтехимия	308	-	1,6
5	Росатом	Энергетика	1500	214286	1,5
6	Альфа-Банк	Банковское дело	116	21659	1,5
7	Русгидро	Электроэнергетика	82	8921	1,3
8	ВымпелКом	Телекоммуникации	118	20600	0,9
9	НЛМК	Металлургия	171	27276	0,88
10	Ростелеком	Телекоммуникации	347	62301	0,7
11	Северсталь	Металлургия	187	-	0,7
12	МТС	Телекоммуникации	143	54 821	0,5
13	МГТС	Телекоммуникации	37	6986	0,4
14	Мечел	Металлургия	86	-	0,3
15	Рольф	Розничная торговля	24	-	0,3

Рассмотренные компоненты и направления корпоративных социальных инвестиций значительно повышают лояльность сотрудников к компании, способствуя при этом развитию человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева И.Ю.* Социальная активность современных компаний: аспект присутствия на территории // Экономические системы. 2013. № 2. С. 52-55.
2. *Ломовцева О.А.* Методологические аспекты определения сущности и эффективности социальных инвестиций // Научные ведомости. 2009. № 1 (56). С. 213-218.
3. *Новикова Р.А.* Феномен социальных и социально ответственных инвестиций в концепции социальной ответственности бизнеса // Культура народов Причерноморья. 2012. № 232. С. 199-202.
4. *Пескова О.С.* Развитие процессов социального инвестирования в рамках развития социальной ответственности бизнеса // Экономика и управление. Серия: Экономические науки. 2013. № 4 (101). С. 114-118.
5. *Плеханова Т.Г.* Управление и оценка социального инвестирования на предприятиях // Вестник Поволжского гос. ун-та сервиса. Серия: Экономика. 2011. № 15. С. 144-148.
6. *Хорева Л.В., Шокола Я.В., Шраер А.В.* Использование концепции корпоративной социальной ответственности в крупных компаниях: традиции и инновации // Экономические науки. 2015. № 123. С. 56-60.
7. *Хорева Л.В., Шраер А.В.* Влияние корпоративной социальной ответственности на экономическую безопасность бизнеса // Экономическая безопасность: стратегические риски и угрозы. III Межвузовская научно-практическая конференция с международным участием: сборник статей. СПб., 2016. С. 131-135.
8. *Шарафанова Е.Е., Заборовская О.В., Плотникова Е.В.* Особенности условий формирования и развития человеческого капитала в Российской Федерации: факторный анализ // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3 (36). С. 32-39.
9. *Graafland J., B. van de Ven.* Strategic and Moral Motivation for Corporate Social Responsibility // Journal of Corporate Citizenship. 2006. Vol. 22. P. 111-123.
10. *Preston L.E., O'Bannon D.P.* The corporate social-financial performance relationship. Typology and analysis // Business and Society. 1997. № 36 (4). P. 419-429.
11. РосБизнесКонсалтинг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/27/04/2015/552c5adf9a7947ba47f95877> (дата обращения 04.09.2018).
12. Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 04.09.2018).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Гузева В.И., Гузева О.В., Гузева В.В., Касумов В.Р.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДИАТРИЧЕСКОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА УСПЕВАЕМОСТЬ

Аннотация. Статистическими методами проведен анализ успеваемости 153 студентов и факторов, определяющих качество жизни. Установлено, что факторы качества жизни взаимосвязаны между собой и с результатами обучения студентов. Установлено, что коэффициенты качества жизни коррелируют с результатами студентов в учебе.

Ключевые слова. Качество жизни, точный метод Фишера, достоверность различия.

Guzeva V.I., Guzeva O.V., Guzeva V.V., Kasumov V.R.

RESULTS OF RESEARCH OF THE INFLUENCE OF THE QUALITY OF LIFE OF ST. PETERSBURG STATE PEDIATRIC MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS ON ACCESSIBILITY

Abstract. Statistical analysis of the progress of 153 students and factors that determine the quality of life was carried out. It is established that the quality of life factors are interrelated with each other and with the results of the students' training. Conclusions: The coefficients of the quality of life correlate with the results of students studying at the university.

Keywords. Quality of life, Fisher's exact method, reliability of difference.

В настоящее время определению качества жизни посвящено значительное число публикаций [1, 4–6, 8, 9, 11, 16, 19, 20 и др.]. Достаточно часто, особенно при наличии заболеваний, качество жизни определяют на основе баллов, приводимых в специально разработанных опросниках [2, 4, 10, 12–14, 17, 18]. Эти баллы являются специфичными для группы людей и определяются субъективно. Тем не менее, как и в случае выборочных значений, получаемых в результате измерений, методами математической статистики проводится обработка данных, приводимых в баллах, например, с помощью критерия Стьюдента [7, 15].

ГРНТИ 06.56.51

© Гузева В.И., Гузева О.В., Гузева В.В., Касумов В.Р., 2018

Валентина Ивановна Гузева – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Оксана Валентиновна Гузева – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Виктория Валентиновна Гузева – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Вугар Рауфович Касумов – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры неврологии, нейрохирургии и медицинской генетики Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Контактные данные для связи с авторами (Касумов В.Р.): 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2 (Russia, St. Petersburg, Litovskaya str., 2). Тел.: +7 (905) 265-00-64. E-mail: vugar24@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 30.04.2018.

В нашей работе изучены показатели качества жизни студентов с различными результатами в учебе. Статистический анализ проводился для данных, представляющих выборочные значения. Проведен анализ успеваемости 153 студентов СПбГПУ по трехбалльной системе. Студенты разделялись на три группы, в каждую из которых включались студенты с одинаковыми баллами. В группе I оказалось 93 (60,79%) студента, в группе II – 54 (35,29%), в группе III – 6 (3,92%) студентов. Исследование различия числа студентов в группах с различными результатами в учебе с помощью точного метода Фишера [3, 7] показало, что по численности студентов группы отличаются с высокой степенью достоверности (табл. 1).

Таблица 1

Достоверность различия в численности групп

Сравниваемые группы	Число студентов в сравниваемых группах	$P_{\text{ТМФ}}$
I–II	93–54	$4,13088 \times 10^{-6}$
I–III	93–6	$1,52105 \times 10^{-29}$
II–III	54–6	$1,09461 \times 10^{-10}$

Качество жизни студентов с различными результатами в учебе определялось в зависимости от 6 факторов: материального положения, жилищных условий, качества питания, состояния здоровья, взаимоотношений с родственниками, взаимоотношений с коллегами. Студенты оценивали перечисленные факторы также по трехбалльной шкале (табл. 2). Таким образом, студенты с различной успеваемостью при наличии различных факторов, влияющих на качество жизни, по баллам распределялись в соответствии с данными, представленными в табл. 3.

Сопоставление данных, отвечающих успеваемости студентов, и факторов, определяющих качество жизни, выявило между ними корреляционную зависимость (табл. 4). Коэффициент корреляции указывает на наличие сильной корреляционной зависимости между материальным положением и жилищными условиями ($r = 0,472$), а также между материальным положением и качеством питания ($r = 0,512$), поэтому жилищные условия и качество питания коррелируют между собой ($r = 0,838$).

Таблица 2

Результаты оценки студентами своих результатов в учебе и факторов, влияющих на качество жизни

Условные номера студентов	Успехи в учебе	Материальное положение	Жилищные условия	Качество питания	Состояние здоровья	Взаимоотношения с родственниками	Взаимоотношения с коллегами	Условные номера студентов	Успехи в учебе	Материальное положение	Жилищные условия	Качество питания	Состояние здоровья	Взаимоотношения с родственниками	Взаимоотношения с коллегами
1–31	3	3	3	3	3	3	3	123–128	2	2	2	2	2	3	2
32–62	3	2	3	3	3	3	3	129–132	2	1	1	2	2	3	2
63–67	3	1	3	3	3	3	3	133–135	2	2	2	2	2	2	2
68–69	3	1	3	2	3	3	3	136	2	2	1	2	2	2	2
70–80	3	2	2	3	3	3	3	137	2	2	1	2	2	2	2
81–82	3	2	2	2	3	3	3	138	2	1	1	2	2	2	2
83–88	3	1	2	2	3	3	3	139–140	2	2	1	1	2	2	2
89–90	3	2	2	2	2	3	3	141–145	2	1	1	1	2	2	2
91–93	3	1	2	2	2	3	3	146	2	2	1	1	2	2	1
94–95	2	3	3	3	2	3	3	147	2	2	1	1	2	1	1
96	2	3	2	3	2	3	3	148	1	3	2	2	2	3	2
97–116	2	2	2	2	2	3	3	149	1	3	2	2	2	3	1
117	2	1	2	2	2	3	3	150	1	3	1	2	1	2	1
118	2	1	1	2	2	3	3	151	1	2	1	1	1	1	1
119–121	2	3	2	3	2	3	2	152	1	1	1	1	1	1	2
122	2	3	2	2	2	3	2	153	1	1	1	1	1	1	1

Таблица 3

Распределение студентов с различной успеваемостью по баллам

Успеваемость	Баллы	Число студентов, %					
		Материальное положение, %	Жилищные условия, %	Качество питания, %	Состояние здоровья, %	Взаимоотношения с родственниками, %	Взаимоотношения с коллегами, %
Хорошая	3	33,33	74,19	83,87	94,62	100	100
	2	49,46	25,81	16,13	5,38	0	0
	1	17,21	0	0	0	0	0
Удовлетворительная	3	12,96	3,70	11,11	0	72,22	46,30
	2	64,82	64,82	72,22	100	25,93	50
	1	22,22	31,48	16,67	0	1,85	3,70
Неудовлетворительная	3	50	0	0	0	33,33	0
	2	16,67	33,33	50	33,33	16,67	33,33
	1	33,33	66,67	50	66,67	50	66,67

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между успехами студентов в учебе и факторами, влияющими на качество жизни

Факторы	Число студентов	Коэффициент корреляции r						
		с успехами в учебе	с материальным положением	с жилищными условиями	с качеством питания	с состоянием здоровья	со взаимоотношениями с родственниками	со взаимоотношениями с коллегами
Успехи в учебе	153	1	0,131	0,728	0,722	0,928	0,544	0,730
Материальное положение	153	-	1	0,472	0,512	0,228	0,242	0,128
Жилищные условия	153	-	-	1	0,838	0,773	0,608	0,681
Качество питания	153	-	-	-	1	0,777	0,648	0,648
Состояние здоровья	153	-	-	-	-	1	0,552	0,672
Взаимоотношения с родственниками	153	-	-	-	-	-	1	0,730
Взаимоотношения с коллегами	153	-	-	-	-	-	-	1

Жилищные условия и качество питания во многом определяют состояния здоровья ($r = 0,773$ и $r = 0,777$, соответственно). От жилищных условий и качества питания во многом зависят взаимоотношения с родственниками ($r = 0,603$ и $r = 0,648$) и коллегами ($r = 0,681$ и $r = 0,632$), а также успехи в работе или учебе ($r = 0,728$ и $r = 0,722$, соответственно). При этом взаимосвязаны отношения с родственниками, а также успехи в работе с отношениями с коллегами ($r = 0,730$ и $r = 0,730$, соответственно), успехи в работе – с состоянием здоровья ($r = 0,928$) и жилищными условиями ($r = 0,544$), а состояние здоровья влияет на взаимоотношения с родственниками ($r = 0,552$) и коллегами ($r = 0,672$).

Значимость коэффициента корреляции проверялась путем сравнения значения произведения $r\sqrt{n-1}$ с его критическими значениями при заданной надежности вывода p . Критические значения произведения

$r\sqrt{n-1}$ для различных значений надежности при различных числах измерений приведены, например, у М.А. Гуриева [7]. Согласно этим данным, корреляционная связь рассматриваемых факторов является значимой при всех значениях $r \geq 0,228$. Таким образом, рассматриваемые факторы, определяющие качество жизни, взаимосвязаны между собой и с материальным положением студентов.

На рисунке приведены результаты сопоставления числа студентов с различным материальным положением для разных признаков.

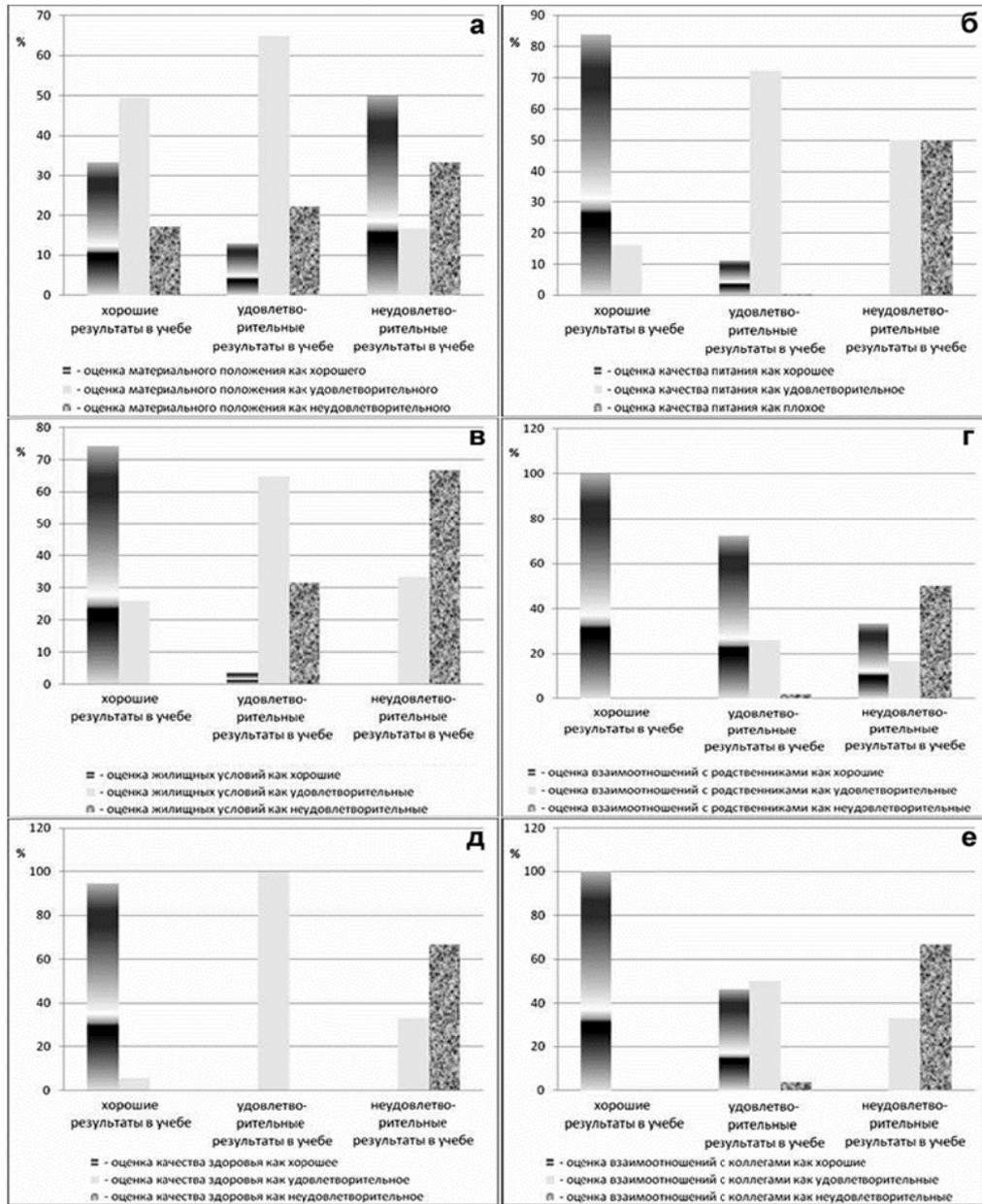

Рис. Оценка студентами с различными результатами в учебе: а) материального положения; б) качества питания; в) качества жилищных условий; г) взаимоотношений с родственниками; д) состояния здоровья; е) взаимоотношений с коллегами

В группах студентов с разными успехами в учебе проведено статистическое исследование изменения числа студентов при различных факторах, определяющих качество жизни, с помощью точного метода Фишера [3]. В качестве достоверного принималось, как обычно в исследованиях, связанных с медициной, различие с вероятностью $p \geq 0,9$ ($p_{\text{тмф}} \leq 0,1$) [15]. Оказалось, что достоверно большее число

студентов с хорошими результатами в учебе по сравнению с числом студентов с удовлетворительными результатами в учебе имеют хорошее материальное положение, хорошие жилищные условия, высокое качество питания, хорошее состояние здоровья, хорошие взаимоотношения с родственниками, хорошие взаимоотношения с коллегами. При этом, однако, достоверно большее число студентов с удовлетворительными результатами в учебе имеют удовлетворительное материальное положение, удовлетворительные жилищные условия, среднее качество питания, удовлетворительное состояние здоровья, удовлетворительные взаимоотношения с родственниками, удовлетворительные взаимоотношения с коллегами, и достоверно большее число студентов с неудовлетворительными результатами в учебе имеют неудовлетворительные жилищные условия и низкое качество питания.

Число студентов, имеющих неудовлетворительное материальное положение, неудовлетворительное состояние здоровья, неудовлетворительные взаимоотношения с родственниками и коллегами, достоверно не различается.

При сопоставлении групп студентов с хорошими результатами в учебе и студентов с неудовлетворительными результатами в учебе установлено, что достоверно большее число студентов с хорошими результатами в учебе по сравнению с числом студентов с неудовлетворительными результатами в учебе имеют хорошие жилищные условия, высокое качество питания, хорошее состояние здоровья, хорошие взаимоотношения с родственниками, хорошие взаимоотношения с коллегами. Число студентов, имеющих хорошее материальное положение, достоверно не различается.

Однако достоверно большее число студентов с неудовлетворительным результатами в учебе по сравнению с числом студентов с хорошими результатами в учебе имеют среднее качество питания, удовлетворительное состояние здоровья, удовлетворительные взаимоотношения с родственниками, удовлетворительные взаимоотношения с коллегами. Число студентов, имеющих удовлетворительное материальное положение и удовлетворительные жилищные условия, достоверно не различается.

Кроме того, достоверно большее число студентов с неудовлетворительным результатами в учебе по сравнению с числом студентов с хорошими результатами в учебе имеют неудовлетворительные жилищные условия, низкое качество питания, неудовлетворительное состояние здоровья, неудовлетворительные взаимоотношения с родственниками, неудовлетворительные взаимоотношения с коллегами. Число студентов, имеющих неудовлетворительное материальное положение, достоверно не различается.

При сопоставлении групп студентов с удовлетворительными результатами в учебе и студентов с неудовлетворительными результатами в учебе выявлено, что достоверно большее число студентов с удовлетворительными результатами в учебе по сравнению с числом студентов с неудовлетворительными результатами в учебе имеют: хорошие взаимоотношения с родственниками, хорошие взаимоотношения с коллегами. Достоверно большее число студентов с неудовлетворительными результатами в учебе имеют хорошее материальное положение.

Число студентов, имеющих хорошие жилищные условия, высокое качество питания и хорошее состояние здоровья, достоверно не различается.

Достоверно большее число студентов с удовлетворительными результатами в учебе имеют удовлетворительное материальное положение, удовлетворительное состояние здоровья, а число студентов, имеющих удовлетворительные жилищные условия, среднее качество питания, удовлетворительные взаимоотношения с родственниками и коллегами, достоверно не различается.

При этом достоверно большее число студентов с неудовлетворительными результатами в учебе имеют неудовлетворительные жилищные условия, низкое качество питания, неудовлетворительное состояние здоровья, неудовлетворительные взаимоотношения с родственниками, неудовлетворительные взаимоотношения с коллегами, а число студентов, имеющих неудовлетворительное материальное положение, достоверно не различается.

Коэффициент качества жизни групп студентов с успехами в учебе, оцениваемыми в m ($m = 1, \dots, n$) баллов, может быть вычислен как произведение среднего значения относительного балла, усредненного для всех влияющих факторов, $\sigma^{(m)}$ и поправочного коэффициента (m/n). В группе студентов с хорошими результатами в учебе $m = 3$, $\sigma^{(3)} = 0,927$, коэффициент качества жизни в этой группе равен $0,927$. В группе студентов с удовлетворительными результатами в учебе $m = 2$, $\sigma^{(2)} = 0,447$, коэффициент качества жизни равен $0,298$. В группе студентов с неудовлетворительными результатами в учебе $m = 1$, $\sigma^{(1)} = 0,528$, коэффициент качества жизни равен $0,176$.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Студентам с хорошими результатами в учебе соответствует высокий коэффициент качества жизни, с удовлетворительными результатами в учебе – средний коэффициент качества жизни и с неудовлетворительными результатами в учебе – низкий коэффициент качества жизни.

2. Среди студентов с хорошим материальным положением, хорошими жилищными условиями, высоким качеством питания, хорошим состоянием здоровья, хорошими взаимоотношениями с родственниками и коллегами достоверно больше студентов с хорошими результатами в учебе, чем с удовлетворительными результатами в учебе, а среди студентов с удовлетворительной оценкой этих факторов студентов с хорошими результатами в учебе достоверно меньше, чем с удовлетворительными результатами в учебе.

3. Корреляционная связь между результатами студентов в учебе и их материальным положением, жилищными условиями, качеством питания, состоянием здоровья, взаимоотношениями с родственниками и коллегами, является достоверной в 90,48% случаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алентьев А.М., Борзунов И.В., Кузина Л.Л. Оценка качества учебного процесса на кафедрах УГМУ среди интернов и ординаторов // От качества медицинского образования к качеству медицинской помощи: Сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 18–24.
2. Амирджанова В.Н., Горячев Д.В., Коришинов Н.И. и др. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни «МИРАЖ») // Научно-практическая ревматология. 2008. № 1. С. 36–48.
3. Гублер Е.В. Информатика в патологии, клинической медицине и педиатрии. М.: Медицина, 1990. 176 с.
4. Гузева В.И., Гузева О.В., Гузева В.В. Межвузовское взаимодействие для повышения качества медицинского образования // Ежегодная научно-практическая конференция «Интеграция и эволюция в психотерапии»: материалы. СПб.: Человек и его здоровье, 2016. С. 32–33.
5. Гузева О.В., Гузева В.В. Повышение эффективности непрерывного медицинского образования и качества медицинской помощи в области эпилептологии // Трудные и редкие клинические случаи. Диагностика и лечение эпилепсии: сб. докл. Вып. 10 / под ред. В.И. Гузевой. СПб.: ООО «Литография», 2015. С. 7–8.
6. Гузева О.В., Гузева В.И., Гузева В.В., Петреева А.Г. Перспективное направление в совершенствовании образования и медицинской помощи // Известия СПбГЭУ. 2016. № 1 (97). С. 82–88.
7. Гуриев М.А. Теория вероятностей и элементы математической статистики. М.: Мин. обороны, 1980. 400 с.
8. Дорждеева В.А. Соотношение образования и качества жизни населения в современной России // Вопросы экономики и права. 2014. № 3. С. 99–103.
9. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
10. Зинкевич Е.Р. Оценка качества образования студентов медицинских вузов // Вестник ЮрУрГУ. 2012. № 26. С. 87–90.
11. Коренькова М.С., Ерофеева О.В. Факторы, влияющие на адаптацию студентов-первокурсников // От качества медицинского образования к качеству медицинской помощи: Сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 228–232.
12. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 3–19.
13. Никифоров Г.С. Диагностика здоровья. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2007. 950 с.
14. Никифоров Г.С. Практикум по психологии здоровья. СПб.: Питер, 2005.
15. Орлов А.И. Прикладная статистика. М.: Экзамен, 2004. 481 с.
16. Пешев Л.П., Ляличкина Н.А. Реальные пути повышения качества высшего медицинского образования в России // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5.
17. Рассказова Е.И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 81–90.
18. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Институт психологии РАН, 2006. 195 с.
19. Субетто А.И. Качество жизни. Грани проблемы. СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 170 с.
20. Трубникова Д.С., Чищева Т.А., Кузина Л.Л. Инновационные технологии в медицинском и фармацевтическом образовании // От качества медицинского образования к качеству медицинской помощи: Сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 472–480.

Колесниченко Е.А., Беспалов М.В., Радюкова Я.Ю.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

***Аннотация.** Статья посвящена разработке направлений совершенствования мотивационного механизма на российских предприятиях. В статье мотивация трудовой деятельности рассмотрена как функция управления персоналом, проведен анализ системы трудовой мотивации персонала торговой сети «Магнит» с использованием методов опроса, анкетирования и наблюдения. На основе полученных выводов сформулированы направления совершенствования эффективной системы мотивации профессионального развития персонала.*

***Ключевые слова.** Управление персоналом, мотивация персонала, мотивационный механизм.*

Kolesnichenko E.A., Bepalov M.V., Radyukova Y.Yu.

PERFECTION OF THE MOTIVATIONAL MECHANISM IN THE RUSSIAN TRADE NETWORKS

***Abstract.** The article is devoted to the development of directions for improving the motivational mechanism in Russian retail chains. The object of research was the system of personnel motivation tools used by the retail chain "Magnet". In the article, the motivation for work was considered as a function of personnel management, an analysis of the labor motivation system of the personnel of the network was carried out using survey methods, questionnaires, and observation. Based on the findings, directions are formulated to improve the effective system of motivating professional development of personnel.*

***Keywords.** Personnel management, staff motivation, motivation mechanism.*

В современных социально-экономических отношениях потребности персонала предприятия занимают одно из ведущих мест в достижении стратегических целей предприятий. Мотивация является одной из ведущих функций управления, поскольку достижение целей зависит от слаженности работы людей. Задача грамотного руководителя заключается в создании у работников внутреннего побуждения к активной трудовой деятельности и постоянной поддержке заинтересованности в работе. Важное значение также имеет получение сотрудником удовлетворения от проделанной работы, только при таких условиях достижение целей организации работниками происходит добровольно и творчески [1].

В исследуемых публикациях описаны различные подходы к определению понятия и сущности мотивации труда (таблица 1). Это свидетельствует о том, что мотивация – сложное и многоплановое явление, которое требует всестороннего изучения. Заметим, что понятие «мотивация» вобрало в себя

ГРНТИ 06.77.77

© Колесниченко Е.А., Беспалов М.В., Радюкова Я.Ю., 2018

Елена Александровна Колесниченко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры кадрового управления Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Михаил Владимирович Беспалов – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и налогового контроля; заместитель начальника Управления бухгалтерского учета и финансового контроля Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Яна Юрьевна Радюкова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и банковского дела Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Контактные данные для связи с авторами (Беспалов М.В.): 392000, Тамбов, Московская ул., 74 (Russia, Tambov, Moskovskaya str., 74). Тел. +7 (909) 23-23-867. E-mail: guryu@list.ru.

Статья поступила в редакцию 28.06.2018.

различные концепции: совокупность объективных и субъективных факторов; состояние лица; внутренние и внешние движущие силы; процесс побуждения; управленческая деятельность; совокупность мотивов и т.п.

Таблица 1

Трактовки понятия «мотивация труда»

Автор	Содержание понятия
Залуцкая Н.С. [2]	Мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, определяют поведение, формы деятельности, придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение личных целей и целей организации.
Иванова М.Д. [3]	Мотивация – субъективная сторона деятельности человека, которая представлена широким спектром потребностей, желаний, чувств, интересов.
Измайлова М.А., Автономова С.А. [4]	Мотивация – процесс сознательного выбора человеком того или иного типа поведения, определяемого комплексным воздействием внешних (стимулы) и внутренних (мотивы) факторов.
Кибанов А.Я. [5]	Мотивация – стимулирование определенного поведения человека, обусловленное напряжением между потребностями и возможностью их удовлетворения.
Меньшенина К.А., Ситникова И.Н. [6]	Мотивация – комплекс внутренних психологических условий формирования или активизации определенного мотива поведения.
Панина И.Н. [7]	Мотивация – это стремление работника удовлетворить свои потребности (получить определенные блага) посредством трудовой деятельности.
Суетов А.К. [8]	Мотивация – побуждение к активности и деятельности субъекта (личности, социальной группы), связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности.
Титова С.В. [9]	Трудовая мотивация – это процесс выбора и обоснования способа участия человека в трудовой деятельности.
Турчина Д.М., Цырикова Н.П. [10]	Мотивация – процесс воздействия на факторы производственной и социальной среды, под влиянием которых изменяется поведение работника, достигаются определенные поставленные цели по усовершенствованию производства и механизма его управления.
Хагур Ф.Р. [11]	Мотивация рабочих представляет собой совокупность причин, побуждающих человека действовать тем или иным целенаправленным образом. Это внутреннее состояние, которое побуждает, направляет и сохраняет у человека стремление достичь определенной цели.

Выбор системы материального стимулирования труда должен быть четко согласованным с особенностями и задачами производственной деятельности предприятий, в противном случае не следует рассчитывать на эффективность конечных результатов. Заработная плата играет не только экономическую роль для работника: прежде всего она является мотиватором высокоэффективной работы.

Существует два типа вознаграждения: внутренний тип и внешний. К внутреннему типу, который обеспечивается содержанием труда, следует относить ощущение результата, содержательности, важности работы, самоуважение, дружбу, определение поставленных задач. К внешнему типу вознаграждений относятся заработная плата, карьерный рост, престиж, признание со стороны руководства, дополнительные выплаты, определенные заранее.

Важны также следующие моменты: работник, который получает вознаграждение, должен знать, за что конкретно он поощрен; руководитель не должен откладывать вознаграждение на «завтра», чтобы работник не терял интереса и не был обижен на высшее руководство; выплаты должны руководствоваться временем и быть хорошим стимулом для работника при достижении целей; неожиданное и нерегулярное вознаграждение является неэффективным мотиватором в процессе управления персоналом. Система вознаграждений должна совмещать работу сотрудника с миссией и стратегией организации [12].

Общая система вознаграждений, может быть изображена графически в форме рисунка. Вознаграждение «работает» в том случае, если оно напрямую связано с результатом. Ожидаемый результат (индивидуальный или коллективный) и условия вознаграждения должны быть объявлены в начале работы. Результат должен доводиться до сотрудников в виде личных целей, связанных с целями ком-

пании. Эффективность денежных поощрений является очевидной, однако, использование только материальных стимулов не будет иметь полного результата.

Рис. Общая система вознаграждений, совмещенная с миссией и стратегией организации

В отличие от материального стимулирования, на практике система моральных стимулов является менее эффективной, зачастую вызывая у работников неудовлетворенность, что влечет за собой снижение производительности труда. В этих условиях разработка эффективного мотивационного механизма имеет стратегическое значение для предприятий. Выявление мотиваторов и инструментов, побуждающих персонал к профессиональному развитию (таблица 2) позволяет создать эффективную систему мотивации персонала как направления совершенствования трудовой деятельности на предприятии.

Определение мотиваторов осуществляется на основе анкетирования работников с целью определения групп (сегментации персонала) и вектора развития системы мотивации профессионального развития. На основе результатов анкетирования сотрудников розничной сети «Магнит» (АО «Тандер») г. Тамбова нами были выделены три категории работников: низшая (специалисты всех уровней), средняя (начальники отделов), высшая (руководители, топ-менеджмент), за которыми закреплены соответствующие мотиваторы (таблица 3).

По результатам исследования различных мотивов руководителей торговой сети, которые присущи работникам с различными индивидуальными характеристиками, предлагается модель мотивов профессионального развития персонала (табл. 4). На завершающем этапе разработки системы мотивации необходимо проведение мониторинга состояния мотивации работников к обучению путем анкетирования с целью определения их отношения к условиям работы в компании. На этом этапе определяются главные проблемы, отрицательно влияющие на мотивацию работников к профессиональному развитию, и пути их преодоления.

Для обеспечения эффективности системы мотивации развития персонала необходимыми являются не только меры, направленные на решение определенных общих или частных проблем, но и ряд

«драйверов» мотивации – конкретных инструментов, которые влияют на повышение мотивации к обучению, среди которых наиболее действенными являются: наличие поддержки руководства по обучению; активное участие работников в процессе подготовки планов обучения; практичность и востребованность полученных знаний и навыков; пропаганда профессионального обучения на предприятии; применение системы штрафов за несвоевременность или невыполнение плана обучения; признание работников, достигших высоких результатов; разработка и внедрение портала профессионального обучения.

Таблица 2

Мотиваторы и инструменты, побуждающие персонал к профессиональному развитию

Мотиваторы	Инструменты
1. Желание получать более высокую заработную плату	Разработка эффективной системы оплаты труда
2. Желание получать материальные вознаграждения	Разработка бонусной системы при условии достижения определенного результата после прохождения обучения
3. Желание возместить затраты на обучение за счет предприятия	Полная или частичная оплата обучения за счет средств предприятия
4. Стремление к обладанию имуществом	Разработка системы дополнительных возможностей, профессионально-квалификационное продвижение с одновременным увеличением возможности улучшения условий труда, владения имуществом
5. Улучшение условий труда	
6. Расширение содержательности работы	Внедрение опыта делегирования полномочий для работников, которые осуществили обучение
7. Получение конкурентных преимуществ через потребность в новых знаниях	Предоставление сертификатов о прохождении обучения для повышения «рыночной стоимости» работника
8. Использование возможности профессионального развития	Обеспечение условий и возможностей обучения
9. Стремление к новым знаниям и умениям	
10. Стремление к стабильной занятости. Обеспечение условий для долговременного партнерства	
11. Возможность карьерного продвижения	Создание действенной системы профессионально-квалификационного продвижения
12. Занятие руководящей должности	
13. Самоутверждение, востребованность	Применение морального стимулирования, наставничества, внедрение школы внутренних тренеров
14. Повышение статуса, престижа	
15. Желание отвлечься или отдохнуть от работы	Создание условий для содержательного труда, уменьшение монотонности
16. Установление полезных контактов	Проведение межрегиональных и международных мероприятий для расширения клиентской базы, полезных контактов

Таблица 3

Методы мотивации профессионального развития управленческого персонала

Группы управленческого персонала	Характеристика группы	Номер мотиватора, инструмента влияния (см. табл. 2)
Высшая (руководители, топ-менеджеры)	Осуществляют административно-управленческую, стратегическую, экспертно-инновационную, коммуникационную, социальную и лидерскую функции	9, 12, 13, 14, 16
Средняя (начальники отдела)	Осуществляют руководство функциональными подразделениями. Характер работы в значительной степени определяется характером работы отдела	1, 2, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 16
Низшая (специалисты всех уровней)	Осуществляют инженерно-технические, экономические и некоторые другие специализированные виды деятельности (экономисты, бухгалтеры, юристы, специалисты по подбору/развитию персонала и др.)	1, 2, 3, 5, 7, 8, 10, 11, 15

Таблица 4

Модель мотивов профессионального развития персонала

Признаки		Женщины		Мужчины	
		Замужняя	Не замужем	Женат	Не женат
15-34 года	Профессионально-ориентированные (ПО)	Желание получать высокую заработную плату; получение более интересной работы; возможность карьерного продвижения		Желание за счет предприятия возместить расходы на обучение; получение конкурентных преимуществ через потребность в новых знаниях; самоутверждение, востребованность	
			Расширение социальных контактов; возможность путешествовать во время обучения		Расширение социальных контактов; возможность путешествовать во время обучения
	Семейно-ориентированные (СО)	Желание получать высокую заработную плату; получение более интересной работы; возможность карьерного продвижения		Получение конкурентных преимуществ через потребность в новых знаниях; расширение социальных контактов	
		Расширение социальных контактов	Расширение социальных контактов; получение конкурентных преимуществ через потребность в новых знаниях		
35-49 лет	ПО	Делание получать высокую заработную плату; расширение содержательности работы; возможность карьерного продвижения		Получение конкурентных преимуществ через потребность в новых знаниях; занятие престижной должности и стремление к обладанию имуществом	
		Стремление к стабильной занятости; повышение статуса, престижа			
			Расширение социальных контактов; занятие престижной должности		
	СО	Желание получать высокую заработную плату		Возможность карьерного продвижения; повышение статуса, престижа	
		Улучшение условий труда; возможность карьерного продвижения			
		Самоутверждение, востребованность	Расширение социальных контактов		
50-65 лет	ПО	Желание получать высокую заработную плату; возможность карьерного продвижения; занятие престижной должности; повышение статуса, престижа			
	СО	Желание получать высокую заработную плату; возможность карьерного продвижения; повышение статуса, престижа			
		Расширение социальных контактов	Занятие престижной должности		

Для решения этих проблем, а также для формирования универсальной системы мотивации профессионального развития персонала нами предложены как меры, которые решают выявленные проблемы (качественный PR, «эффект» конкуренции, профессионально-квалификационное продвижение, делегирование), так и мероприятия в целом повышающие желание получать профессиональные знания и навыки для улучшения результатов труда (индивидуальный подход, использование инициативы снизу, выбор программ, которые сразу могут быть применены на практике, разработка информативного Интернет-портала, применение системы премирования за обучение).

Разработка «портфеля мотиваторов» для каждой категории работников, структурных подразделений и должностей является сложной задачей, решение которой позволяет обеспечить достижение же-

лаемого результата – создание эффективной системы мотивации профессионального развития персонала любой организации. Разработка эффективного мотивационного механизма имеет стратегическое значение для предприятий. Понимание, формирование и удовлетворение потребностей персонала является основой создания этого механизма, а, следовательно, решающим шагом к достижению цели деятельности предприятия. Введение эффективного мотивационного механизма способствует повышению конкурентоспособности, производительности и, в конечном итоге, прибыльности предприятия. Также это позволяет выйти предприятию на экономически новый уровень развития и открывает возможности реализовать свои возможности на мировом уровне.

Для обеспечения эффективности системы мотивации развития персонала необходимыми являются не только меры, направленные на решение определенных общих или частных проблем, но и ряд «драйверов» мотивации – конкретных инструментов, которые влияют на повышение мотивации к обучению, среди которых наиболее действенными являются: наличие поддержки руководства по обучению; активное участие работников в процессе подготовки планов обучения; практичность и востребованность полученных знаний и навыков; пропаганда профессионального обучения на предприятии; применение системы штрафов за несвоевременность или невыполнение плана обучения; признание работников, достигших высоких результатов; создание портала профессионального обучения.

Для решения этих проблем, а также для формирования универсальной системы мотивации профессионального развития персонала были предложены как меры, которые решают выявленные проблемы (качественный PR, «эффект» конкуренции, профессионально-квалификационное продвижение, делегирование), так и мероприятия, которые в целом повышают желание получать профессиональные знания и навыки для улучшения результатов труда (индивидуальный подход, использование инициативы снизу, выбор программ, которые сразу могут быть применены на практике, разработка информативного Интернет-портала, применение системы премирования за обучение).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kolesnichenko E.A., Radyukova Ya.Yu., Bespalov M.V.* Increasing the Involvement of Staff in the Activity of the Company as a Factor Influencing its Efficiency // 30th IBIMA Conference. 8-9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2170-2179.
2. *Залуцкая Н.С.* Сравнительная характеристика методик исследования мотивации трудовой деятельности // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 5-1 (10). С. 54-56.
3. *Иванова М.Д.* Некоторые аспекты изучения мотивации трудовой деятельности // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1 (52). С. 145-148.
4. *Измайлова М.А., Автономова С.А.* Теоретико-методологические подходы к мотивации трудовой деятельности // Социально-культурные проблемы современного образования. М., 2017. С. 85-94.
5. *Кибанов А.Я.* Методология мотивации и стимулирования трудовой деятельности персонала организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2014. Т. 3. № 1 (10). С. 5-10.
6. *Меньшенина К.А., Ситникова И.Н.* К вопросу о мотивации трудовой деятельности // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2016. Т. 1. № 1 (10). С. 55-62.
7. *Панина И.Н.* Развитие мотивации достижения успехов и других, связанных с трудовой деятельностью, качеств личности у сотрудников организации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 257-259.
8. *Суетов А.К.* Мотивация как процесс трудовой деятельности // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 25. С. 130-133.
9. *Титова С.В.* Различие понятий «мотивация труда» и «стимулирование труда» // Вопросы экономических наук. 2016. № 2 (78). С. 53-55.
10. *Турчина Д.М., Цырикова Н.П.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала // Управление персоналом: от традиций к инновациям: сборник мат-лов всерос. науч.-практ. конф. 2017. С. 36-40.
11. *Хагур Ф.Р.* Вклад зарубежных ученых в исследовании мотивации трудовой деятельности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 4. С. 121-125.
12. *Чобану Е.С.* Влияние мотивации достижения успеха на вовлеченность в трудовую деятельность // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 1046-1049.

Дрига С.С.

ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС КОМСОМОЛЬСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье исследуется песенный дискурс комсомольской эпохи периода 1970-1985 гг. как речевой жанр, основной характеристикой которого является его социальный характер, диалогичность. Выделены группы комсомольского песенного дискурса, определены основные функции каждой из них. Описаны дискурсивные лексико-стилистические черты исследуемого материала.

Ключевые слова. Песенный дискурс, комсомольская эпоха, речевой жанр, лексико-стилистические черты, поэтическая функция, референтная функция, конативная функция.

Driga S.S.

SONG DISCOURSE OF KOMSOMOL EPOCH

Abstract. Song discourse of Komsomol epoch of 1970-1985 as a speech genre is studied in the article. Its typical feature is social character and dialogueness. The groups of Komsomol song discourse are identified, their main functions are determined. Discursive lexico-stylistic features of the material investigated are described.

Keywords. Song discourse, Komsomol epoch, speech genre, lexico-stylistic features, poetic function, reference function, conative function.

Дискурс, будучи явлением социальным, вбирает в себя все культурные, исторические, общественные тенденции, является отражением действительности, в рамках которой рождается и функционирует, являясь масштабным исследовательским полем. В соответствии с теориями постструктурализма и социального конструктивизма, дискурс представляет собой сеть социальных тем, голосов, пресуппозиций и действий. Он конструирует видение мира, запечатленное в текстах, поэтому он всегда историчен, узнаваем [8, с. 49, 67].

Песенный дискурс, ставший объектом исследования в данной статье, рассматривается нами как особая сфера, речевой жанр, отражающий общественные ценности, установки, убеждения, нормы. Песенные тексты, популярные в определенной социальной среде, у лиц разного возраста, пола, сферы деятельности и т.п., являются ценным материалом для изучения особенностей культуры народа, его мировоззрения и мировосприятия, традиций, обычаев, а также для выявления социальных характеристик лингвокультурного сообщества [2, с. 10].

В этой связи особый интерес представляет для нас песенный дискурс комсомольской эпохи, характеризующийся особым духом, настроением, единством советской молодежи, патриотизмом. Охватить масштабы советского песенного дискурса со времен начала 30-х годов до конца 80-х прошлого столетия в полном объеме не представляется возможным. Кроме того, стилистика, тематика комсо-

ГРНТИ 16.31.02

© Дрига С.С., 2018

Светлана Сергеевна Дрига – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета.

Контактные данные для связи с автором: 628400, Сургут, 30 лет Победы ул., д. 60 (Russia, Surgut, 30 let Pobedy str., 60). Тел.: 8 922 258 46 35. E-mail: svetlana_driga@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 25.09.2018.

мольских песен за длительную историю существования Комсомольской организации претерпевала изменения, обусловленные событиями отечественной истории – судьба Комсомола была теснейшим образом связана с судьбой страны.

Отметим также, что сама песня являлась своего рода соратником, другом, попутчиком комсомольцев. Об этом свидетельствуют сами тексты: «*И песня учит мужеству*», «*И песни, и ночи без сна*», «*На наших свадьбах пела комсомолия, а нам казалось пела вся страна*», «*Дарили песни нам друзья веселые*» [4]. Материалом для данного исследования послужили тексты песен советских композиторов, написанных в период с 1970 по 1985 гг. – период расцвета комсомольских строек, вместе с тем, расцвета и самого ВЛКСМ: в 1970-х Байкало-Амурская магистраль была объявлена всесоюзной комсомольской стройкой, пик численности комсомольских рядов пришелся на 1984 год и составил 42 миллиона человек [7].

Среди анализируемых нами песенных текстов оказались тексты поэтов-песенников Н. Добронравова, Л. Миланич, В. Захарова, Д. Костюрина, В. Малкова, Ю. Леднева, Е. Черных, И. Кохановского, Н. Лабковского, Н. Алтухова, М. Пляцковского, Ю. Полухина, М. Лисянского [4].

Бесспорным является высказывание К. Чуковского, о собственном стиле, присущем каждой эпохе [5] – об определенных дискурсивных лексико-стилистических чертах, определенной жанровой форме. Эпоха Комсомола, ее песенный дискурс – не исключение, более того, на наш взгляд, является ярким, выразительным подтверждением высказанной идеи. В задачи нашего исследования входит определение жанровой формы песенного дискурса того времени, его функций как речевого жанра, его целостной стилистической характеристики, выявление основных авторских интенций.

В данной статье, вслед за Дуняшевой Л.Г., под песенным дискурсом мы будем понимать «текст песен в совокупности с контекстом их создания и интерпретации» [3, с. 158]. Обращает на себя внимание двойственный характер песенного дискурса – единство двух составляющих: лингвистической и экстралингвистической. К лингвистической составляющей Шевченко О.В. относит тематическую специфику песенных произведений и их структуру, к экстралингвистической – особенности поведенческих моделей и социолингвистических характеристик участников дискурса [6, с. 13].

Поскольку песенный дискурс рассматривается нами, прежде всего, как явление социальное, возникает необходимость обозначить социальный статус главного героя, участника рассматриваемого нами песенного дискурса, определяющего общую тематику рассматриваемого жанра, его социолингвистические характеристики. Заметим, что главный герой в контексте рассматриваемого жанра – явление сложное, комплексное: в некоторых случаях им становится автор текста, зачастую автор выступает в роли транслятора общественной идеи, установок, принципов того времени.

Так или иначе, центральной фигурой песенного дискурса является молодой человек или молодые люди – ключевыми становятся лексемы «молодость», «юность» («*И там где я шел, молодела планета*», «*Буду вечно молодым*», «*На юной груди значок огневой*», «*С нами юность всей планеты*», «*Молодыми легендами светятся дни*» [4]), крепкие физически и сильные духом («*рабочий вихрастый народ*», «*Мы пройдем сквозь шторм и дым!*», «*Ты можешь на нас положиться!*», «*И там где я шел, отступала тайга*», «*Мы вместе земли поднимали новые*» [4]). Использование синтаксических конструкций будущего времени («*Мы не мало на свете успеем, наша жизнь отгорит не зазря! Если зерна добра мы посеем – завтра всходы поднимет заря!*» [4]) подтверждает молодость героя.

В ряде случаев адресантом становится человек зрелый, опытный, о чем свидетельствует использование не только конкретных лексем, временных дейктиков, например форм указательных местоимений, характерных для прошедшего времени – «*Память тех дней не стынет!*» [4], но и глаголов совершенного вида: «*Внукам своим расскажем, как мы по жизни шли, что мы создать сумели, что мы сберечь смогли!*» [4]. Обращают на себя особое внимание тексты, в которых, основываясь на олицетворении – как основном стилистическом приеме, адресантом становится Комсомол, «*Я – Комсомол*» [4], он вместе с тем наделен теми же чертами, что и комсомольцы.

Главная черта героя песенного дискурса описываемого периода – любовь к Родине, выраженная использованием эпитетов, метафор с положительной семантикой в описаниях пейзажей; патриотизм, преданность Отчизне, уважение к советскому народу, его героям.

Адресанту присущ кочевой образ жизни – «*Мы жить, друзья, привыкли как кочевники*» [4]. Очевидно, что сквозной становится тема пути, дорог. Зачастую автор создает тем самым впечатление идентичности понятий «Комсомол» и «Дорога (путь)»: «*В дороге все, кто молоды!*», «*Дорога в даль*

идущая», «С ним так много дорог я прошел», «Старость меня дома не застанет – Я в дороге! Я в пути!», «И надо с дороги не сбиться!», «И отправляться строить города», «Дорогой отважных шагал я по свету», «Иду я дорогой борьбы и побед», «Нам шагать и шагать по неведомым тропам галактик», «Все дороги распахнуты настезь», «Партией нашей путь нам проложен» и пр. [4]. Из общего массива анализируемых текстов почти в 90% тема дороги находит как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Кроме этого, Комсомольский песенный дискурс наделен функцией самоидентификации («Я – комсомолец!» [4]).

С целью определения основных функций песенного дискурса важно отметить, что исследуемые нами тексты необходимо разделить на несколько групп. В период с 1970 по 1985 гг. преобладают лирические, пронизанные романтикой эпохи («Любовь, Комсомол и весна», «Комсомол, комсомол, комсомол», «Комсомольская юность»). Для этой группы текстов характерно использование большого количества образно-поэтических средств, тропов, что и определяет в качестве основной их функции – поэтическую. Отражение ценностей, идеалов эпохи мы находим в образах природных стихий – вечных субстанций, дающих энергию и жизнь.

Ключевыми становятся образы Пламени, Ветра, Бури – схожих по силе и энергетике с духом Комсомольской эпохи они выступают в роли символов («А над страной веет наш с тобой нестареющий зов!», «Наша жизнь отгорит не зазря», «Реют над страной ветры яростных атак», «Мы жгли костры крылатые, багровые», «На юной груди – значок огневой», «Рожденному бурей», «У нас в глазах есть искорки упрямые от тех живых, негаснущих костров», «И ветер в соснах бронзовых поет!», «И ветры в лицо мне колючие дули» [4]). Обращают на себя внимание олицетворения: «Отступала тайга», «Весть летит», «Мир и беден и богат», «Гордо взметнулся» (о городе), «Юность в суровом таежном краю рождала и город и песню свою» [4].

Красный цвет как символ энергии, силы, крови, пролитой за Отечество, возникает в текстах не только в виде пламени и его искр, а также «огневого значка на груди», «зари». Особую силу духа комсомольцев поддерживает в текстах песен тема борьбы с природой, стихией, тема победы над ними: «штурмующие небо», «Мы пройдем сквозь шторм и дым», «И ветры в лицо мне колючие дули. В атаку не раз я ходил на врага, и там, где я шел, отступала тайга», «недобрым метелям кружиться» [4]. Отличают эту группу множественные эпитеты, метафоры, олицетворения: «На Амуре дворцы белым камнем из сказок одеты. На Магнитке отцы звезды славы рабочей зажгли!», «тропы галактик», «гордая наша мечта», «всходы поднимет заря», «день грядущий и светел и чист» [4].

Обращает на себя внимание тема времени: «Мы сами – ритмы времени», «Много лет утекло» [4]. Поддерживается она определенным темпоритмом, зачастую аллитерацией: «Идет работа, работа, работа. Минуты спрессованы плотно! И нет и не будет той меры измерить мужество первых!» [4].

Бесспорным является факт, что песенный дискурс воссоздает культурный фон эпохи – исторические события. В этой связи выделяются песни событийные – вторая группа – созданные по случаю, посвященные конкретным историческим событиям, такие, например, как «Байкал – Амур», «Бамовский вальс», «Песня о Комсомольске», «Город юности нашей». Песенный дискурс данной группы отличается особый сюжет – повествование, отсылка адресата к конкретным историческим событиям. Это – своего рода «памятники», или «летописи». Ключевая функция данной группы песенного дискурса – референтная, или информативная.

К третьей выделяемой нами группе мы отнесем так называемые песни – призывы, песни пропагандистского характера. Песенный дискурс Комсомольской эпохи характеризует использование прямых форм выражения призыва, содержащих его формальные языковые маркеры. К таким маркерам относятся, прежде всего, стандартные грамматические формы побуждения второго лица, единственного или множественного числа, повелительного наклонения, например, «С неба милостей не жди! Жизнь для правды не щади!», «Звени отваги колокол!», «Выше взвивайся стяг молодежный!»; слова «пусть», «пускай» («Пусть как и мы когда-то множат дела отцов!», «Пулкай звенит стремительная сталь и сердце бьется яро и взволнованно» [4]). Зачастую, сам заголовок песни содержит прямые формы выражения призыва: «Коммунисты, вперед!», «Комсомольцы, вперед!», «Комсомолия, вперед!».

Помимо прямых форм выражения призыва выделяются и косвенные, реализуемые через использование выражений, при восприятии которых реципиентом легко реконструируются пропагандистские смыслы [1, с. 433-439]. К таким выражениям могут быть отнесены выражения, содержащие семантику

побуждений, наличие описания будущих действий («*Не расстанусь с Комсомолом! Буду вечно молодым!*»), «*Мы на край земли придем, мы зложим первый дом...*», «*Это воля твоя! Это сила твоя! Это правда твоя, коммунист!*») [4]).

Песенный дискурс Комсомольской эпохи создает и транслирует модели поведения, даже образа жизни. Основная функция песен-призывов – конативная, ориентированная на оказание воздействия на адресата, побуждение к чему-либо. Отражая дух времени, песня несет в себе «специфическим образом воплощенную идеологию этого времени, является своеобразным побудительным дискурсом» [2, с. 13]. Песня становится инструментом продвижения идей, образа жизни.

Общей чертой обозначенных нами трех групп песенного дискурса Комсомольской эпохи – лирических, событийных и песен-призывов – следует признать, прежде всего, адресованность, диалогичность, которая выражается, в частности, в речевых формах диалога [2, с. 14] – социальности. Например, «*Единственный друг, дорогой Комсомол! Ты можешь на нас положиться!*», «*Это воля твоя! Это сила твоя! Это правда твоя коммунист!*» [4]. В данном случае, использование местоимения второго лица единственного числа в качестве обращения говорит о тесной неразрывной связи, близости.

Большинству текстов характерно функционирование МЫ-дискурса – преобладание местоимений «наш», «мы», что способствует установлению контакта с адресатом, включению его в социальную общность: «*Как мы по жизни шли*», «*мы не хотим покоя*», «*И нам с тобой доверены*», «*Нам шагать и шагать..., нам летать и летать*», «*А над страной веет наш с тобой нестареющий зов!*» [4]. Часто возникает обращение «друзья», что свидетельствует о тесной связи, близости духа, интересов адресанта и адресата, которому, по нашему мнению, присущи те же черты, что и главному герою дискурса, описанные нами ранее.

Интертекстуальность – характерная черта, присущая песенному дискурсу комсомольской эпохи. Так, например, часто возникают прецедентные имена: «*Помним мы, комсомольцы, как гроза начиналась, как Корчагин боролся за Советскую власть... Павку сменяет Кошевой... Зоя идет в последний бой*», «*В бой нас водил Корчагин, в Космос Гагарин вел. Братск, Самотлор, Магнитка – все это комсомол!*» [4]. Основная функция ихх – порождение нового смысла у адресата – имена героев рожают определенные ассоциации: отвага, смелость, честь и проч. В то же время, названия географические восстанавливают в сознании конкретные действия, исторические события.

Особого внимания заслуживает синтаксис песенных текстов. Независимо от того, к какой из выделенных нами групп относится то или иное поэтическое произведение, в его основе – утвердительные предложения, большое количество восклицательных. Преобладают простые предложения, и, в зависимости от темпоритма произведения, авторской интенции и характера текста, являются либо односоставными, либо двусоставными.

Обобщая все вышесказанное, следует констатировать, что песенный дискурс комсомольской эпохи – особый речевой жанр, отражающий мировоззрение, идеологию народа, выступающий в роли важнейшего компонента социокультурного взаимодействия. Он наделен набором дискурсивных лексико-стилистических особенностей, характеристик. Набор этих характеристик обусловлен тематикой произведения, его отнесенностью к той или иной группе, авторской интенцией. Каждая из выделенных нами по определенному набору лингвистических признаков групп песенного дискурса обладает определенными функциями. Основной для лирических песенных текстов является функция поэтическая, для событийных – референтная, песен-призывов – конативная.

Среди общих дискурсивных особенностей мы выделяем, прежде всего, образность, символизм, интертекстуальность, диалогичность. Функционирование в комсомольском дискурсе «МЫ-дискурса» – одна из отличительных признаков жанра.

В целом, песенный дискурс комсомольской эпохи – это значимый элемент культуры и истории советского народа, отражение менталитета, идеологии, играющий важную роль в развитии не только идеологических установок личности, но и ее эстетических, нравственных потребностей. Кроме того, рассмотренный нами комсомольский песенный дискурс имеет функции институционального дискурса, направленного на воспитание молодого поколения. Набор выявленных нами дискурсивных лексико-стилистических, синтаксических характеристик позволяет считать комсомольский песенный дискурс самостоятельным речевым жанром, реализуемым в определенном историческом, культурном, идеологическом пространстве, обладающим определенным набором функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007.
2. Дуняшева Л.Г., Гриценко Е.С. Конструирование гендера в блюзе и рэпе: глобальное и локальное: монография. Нижний Новгород, 2013. 213 с.
3. Дуняшева Л.Г. Концепт «свобода» в афроамериканском песенном дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Том 153. Книга 6. С. 158-167.
4. Советские песенники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ale07.ru/music/notes/song/song.htm> (дата обращения 25.09.2018).
5. Чуковский К. Высокое искусство. М., 1961.
6. Шевченко О.В. Лингвосемиотика молодежного песенного дискурса (на материале английского языка): автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
7. Комсомол: история, цифры и факты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/arhiv/712002> (дата обращения 25.09.2018).
8. *Litosseliti L.* Gender and language: theory and practice. London: Hodder Arnold; New York, 2006. 192 p.

Блажко А.А.

ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

***Аннотация.** Полноценное применение трудового потенциала оказывает успешное влияние на развитие как сотрудников, так и самой организации. Состав качеств, сопоставимых с каждым из факторов трудового потенциала, практически всегда отличается между собой и напрямую зависит от особенностей конкретной рабочей среды, в которой пребывает сотрудник. Определение и анализ этих качеств с помощью экспертной оценки дает возможность перейти непосредственно к оцениванию трудового потенциала, учитывая, как трудовое поведение работников предприятия, так и результат их работы.*

***Ключевые слова.** Оценка персонала, трудовой потенциал, оценка трудового потенциала.*

Blazhko A.A.

ASSESSMENT OF LABOUR POTENTIAL

***Abstract.** The full application of labor potential has a successful impact on the development of both employees and the organization itself. The composition of qualities comparable to each of the factors of labor potential, almost always differs from each other and depends on the characteristics of the specific working environment in which the employee resides. The determination and analysis of these qualities with the help of an expert assessment makes it possible to proceed directly to the assessment of labor potential, taking into account both the labor behavior of employees and the result of their work.*

***Keywords.** Assessment of the personnel, labor potential, assessment of labor potential.*

Существует множество определений для таких понятий как оценка деятельности, оценка персонала, а также оценка поведения. Некоторые исследователи пытаются охватить весь существующий комплекс целей, достижение которых возможно в процессе оценивания. Другие же стараются отыскать обобщенную цель, а третьи заостряют внимание лишь на некоторых задачах в процессе оценки персонала. Оценка персонала является определением того, насколько эффективна деятельность сотрудников в реализации поставленных перед ними задач. Она позволяет накопить необходимую информацию с целью принятия решений в дальнейшем. Однако, в таком определении цель оценки является слишком узкой, чтобы принимать решения в процессе, осуществляемом руководством.

Деловая оценка является целенаправленным процессом для установки соответствующих качеств и характеристик персонала, его способностей и мотивации в работе, соответствия требованиям рабочего места. Стоит учитывать тот фактор, что результаты деятельности работы в данном определении не оцениваются. Оценка результативности деятельности работника состоит из оценки поведения или выработки, которая выражается в критериях его эффективности, таких как количество, качество и свое-

ГРНТИ 04.51.31

© Блажко А.А., 2018

Алексей Анатольевич Блажко – соискатель кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 680000, Хабаровск, ул. Гайдара, 13 (Russia, Khabarovsk, Gaydara str., 13). Тел.: +7 (914) 770-77-08. E-mail: blazhko_alex@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 01.09.2018.

временность. Оценка деятельности является формальной системой регулярного контроля и оценивания проводимых сотрудником или командой работ.

Оценка – это регулярная работа руководителя в отношении подчиненного, которая имеет целью определить степень соответствия результативности работы, поведения, личных и рабочих качеств сотрудника, соответствие требованиям и стандартам организации. В зависимости от модели прилежного и правильного поведения, исполнения и результативности оценки используются определенные управленческие решения по отношению к деятельности определенной группы. Установка оценочных критериев и показателей качеств, элементов, а также трудового поведения часто становится серьезной трудностью для руководителей.

В данной ситуации сложно избежать субъективных взглядов, а также моделей представления о правильном поведении и качествах. Упорядочить данный процесс можно на основе категории трудового потенциала. Однако, даже такая категория, по мнению специалистов, не является однозначной. В качестве примера можно использовать несколько точек зрения о понятии трудового потенциала.

Хрестоматийная точка зрения выражена в учебнике под редакцией профессора А.Я. Кибанова: «Трудовой потенциал работника – это совокупность физических и духовных качеств человека, определяющих возможность и границы его участия в трудовой деятельности, способность достигать в заданных условиях определенных результатов, а также совершенствоваться в процессе труда» [5].

С хрестоматийной точки зрения трудовой потенциал зависит от: психофизического состояния (здоровье человека, его работоспособность, выносливость, моральное состояние), социально-демографических показателей (возраст, пол, семейное положение), квалификации (образование, объем специальных знаний, трудовые навыки, принятие и способность работы с инновациями, творческие навыки, профессионализм), личностных навыков (как человек относится к данному труду, насколько он дисциплинирован, активен, мотивирован, нравственен и т.п.).

Профессор Б.М. Генкин [3] указывает на такие важные компоненты потенциала, как: здоровье, нравственность и умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность и асертивность, образование, профессионализм, ресурсы рабочего времени.

Также существует мнение, что трудовой потенциал образуют [4]:

- профессиональные навыки и умения, которые демонстрируют компетентность;
- физическое и душевное состояние, от которого зависит работоспособность;
- интеллект и способности изучать новое;
- способности к командной работе, коллективному труду, взаимодействию с коллегами;
- ценностно-мотивационное состояние, идеалы и мотивы, мировоззрение человека, его моральные принципы, цели и методы их реализации;
- потенциал лидера – возможность управлять и ввести других людей за собой;
- потенциал саморазвития – этот элемент проявляется по отношению ко всем элементам потенциала, приводит к изменению «количества» и весомости отдельных или сразу нескольких элементов потенциала и служит основой развития работника, делая его более ценным кадром для компании;
- административный потенциал – активное и успешное взаимодействие как внутри компании, так и с окружающей средой;
- самоуверенность сотрудника, здравая оценка своих сил;
- гибкость – возможность адаптировать себя и свои навыки под образовавшуюся ситуацию.

Полноценное применение трудового потенциала в нужном направлении оказывает успешное влияние на развитие как сотрудников, так и самой организации [2]. Если организация не будет в полной мере использовать потенциал сотрудников и помогать им в его раскрытии – она рискует потерять огромную выгоду и потенциал развития своей компании. Обращая внимание на вышеперечисленные факторы, необходимо выделить в качестве общеупотребительных следующие группы для проведения анализа трудового потенциала [1]:

- профессионально-квалификационный потенциал – образование и опыт работы сотрудников, уровень их квалификации, результаты и примеры работы;
- физическое состояние организма, от которого напрямую зависит выносливость и дальнейшая работоспособность человека;
- психологическое состояние организма, его устойчивость перед стрессовыми ситуациями;

- творческие навыки и потенциал – возможность подходить к решению проблем с творческой стороны;
- нравственно-мотивационный фактор – лояльное отношение, чувство ответственности, отношение к работе и направленность;
- коммуникативный фактор – эмоциональность, возможность достигать продуктивного результата от работы в команде;
- ассертивность и активность – самооценка сотрудника, оценка того, насколько он готов взять на себя ответственность, а также его добровольное проявление активности в работе компании;
- возможности и потенциал лидера.

Как продемонстрировали исследования различных точек зрения специалистов и предпринимателей современных компаний [6], анализ трудового потенциала, как системного явления, сформированного из перечисленных выше пунктов, воспринимается данными специалистами как исчерпывающий и функциональный. Способ определения адекватного для специфики работы состава составляющих трудового потенциала, вместе с относительной значимостью данных составляющих, выглядит, по нашему мнению, так:

1. Первоначально проводятся работы по созданию программы исследований, при которых следует определить цели, задачи, проблемы, а также выдвинуть гипотезу и оценить их по целесообразным критериям, таких как выбор предпочтительной альтернативы, выбор инструментария с определением сроков, всех видов ресурсов и исполнителей заданий. Определяются группы рабочих мест, являющихся объектом исследования, и состав экспертов.

2. С помощью экспертной оценки определяются элементы трудового потенциала, качество и релевантность данной группе рабочих мест, которые соотносятся с каждым элементом трудового потенциала, уточняется инструментарий получения данных и их состав. Необходимые материалы предоставляются всем экспертам.

3. Проводится исследование, с помощью которого уточняется состав элементов трудового потенциала, а также их составляющих качеств. На данном этапе эксперты анализируют и оценивают предоставленные им данные.

4. Каждый эксперт подготавливает сырой материал, который затем направляется в обработку к специалистам с целью анализа и интерпретирования результата, ранжирования, классификации и систематизации.

5. Все данные ранжируются и обсуждаются экспертами. После этого эксперты делают выводы качественно качества исследования, его результатов и самого процесса проведения.

6. В конце исследования полученная информация либо становится убедительным научным подтверждением для апробации и реализации процедур оценивания трудового потенциала сотрудников, либо же становится поводом для проведения нового, повторного обследования, но уже с учетом ошибок, совершенных при первом исследовании.

Состав качеств, сопоставимых с каждым из факторов трудового потенциала, практически всегда отличается между собой и напрямую зависит от особенностей конкретной рабочей среды, в которой пребывает сотрудник. Определение и анализ этих качеств с помощью экспертной оценки дает возможность перейти непосредственно к оцениванию трудового потенциала, учитывая как трудовое поведение работников предприятия, так и результат их работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухалков М.И. Управление персоналом: развитие трудового потенциала. М.: ИНФРА-М, 2013. 192 с.
2. Герчиков В.И. Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании. М.: ИНФРА-М, 2012. 282 с.
3. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: Норма, 2007. 448 с.
4. Ивановская Л.В. Управление персоналом: теория и практика. Социально-трудовые отношения, рынок труда и занятость персонала. М.: Проспект, 2012. 64 с.
5. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом. М.: ИНФРА-М, 2017. 304 с.
6. Митрофанова Е.А. Управление персоналом: Теория и практика. Оценка результатов труда персонала и результатов деятельности подразделений службы управления персоналом. М.: Проспект, 2013. 72 с.

Иванова А.Ю.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье проанализированы фундаментальные теории развития финансового рынка, выявлены факторы, оказывающие влияние на финансовый рынок с точки зрения экспертных оценок, определены основные тенденции развития финансового рынка и роль финансовой глобализации в становлении страны как мирового лидера.

Ключевые слова. Финансовый рынок, эмерджентность, финансовая глобализация, финансовый капитализм, финансовые институты.

Ivanova A.Y.

THE MODERN CONCEPT OF FINANCIAL MARKET: REVIEW OF THE LITERATURE

Abstract. The article were analyzes the fundamental theories of financial market development, were identifies the factors influencing the financial market from the point of view of expert assessments, were identifies the main trends in the development of the financial market and the role of financial globalization in the formation of the country as a world leader.

Keywords. Financial market, emergence, financial globalization, financial capitalism, financial institutions.

Развитие финансового рынка позволяет сделать вывод, что он принадлежит к числу наиболее динамичных и сложных феноменов современной экономической теории. В функциональном смысле современный рынок представляет собой систему рынков, среди которых важная роль принадлежит финансовому рынку. Финансовый рынок – это составная часть финансовой системы, которая может успешно развиваться и функционировать только в рыночных условиях.

Рынок – это система экономических отношений между субъектами по поводу купли-продажи товаров и услуг, поэтому в общем виде финансовый рынок отражает спрос и предложение на специфический товар – финансовые ресурсы [5]. Объективной предпосылкой существования финансового рынка является несовпадение потребностей в финансовых ресурсах у того или иного субъекта рыночных отношений с имеющимися собственными источниками финансирования.

Вместе с тем, для успешного функционирования финансового рынка должны быть сформированы и другие необходимые условия: хозяйственная самостоятельность предприятий; ликвидация государственной монополии на использование сбережений населения; переход к новой системе организации денежных потоков в экономике; равноправие всех участников финансового рынка; совершенствование двухуровневой банковской системы; формирование инфраструктуры финансового рынка и уточнение роли различных финансовых посредников; создание современной технической базы, обслуживающей функционирование финансового рынка [14, с. 865-934].

Длительная история формирования и развития финансового рынка диссонирует с практикой использования самого этого термина. Первые публикации, в которых использовалось словосочетание «финансовый рынок», датированы 60-ми годами прошлого века. В частности, во втором абзаце статьи

ГРНТИ 06.03.07

© Иванова А.Ю., 2018

Анна Юрьевна Иванова – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: annaivanovane@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 11.09.2018.

«Финансовые посредники и эффективность денежно-кредитного управления» (1963 г.) американский экономист, президент Американской экономической ассоциации, Нобелевский лауреат Джеймс Тобин ограничил сферу применения модели финансового равновесия финансовым рынком и рынком капитала, разделяя указанные рыночные сегменты [17, с. 383-400]. И только в 1970-х годах словосочетание приобрело современное звучание и начало активно использоваться даже в названиях публикаций.

Примерами здесь являются книги Роланда И. Робинсона и Дуэйна Райтсмана «Финансовые рынки: накопление и распределение богатства» [16] и Джеймса С. ван Хорна «Цены и потоки финансового рынка». В первой книге термин «финансовый рынок» использовался как совокупность денежного рынка и рынка капиталов, а во второй использован институциональный и инструментальный подход, согласно которым финансовые рынки включают «все институты и процедуры для привлечения и объединения покупателей и продавцов финансовых инструментов, независимо от природы финансовых инструментов» [13].

Непродолжительная история использования термина, относительно узкая специализация финансистов при многогранности финансового рынка являются достаточными причинами для оправдания отождествления некоторыми современными финансовыми менеджерами таких понятий, как «финансовый рынок» и «рынок капиталов» [8]. Однако, в научных кругах структурная и позиционная конверсионность толкования термина «финансовый рынок» отошла на второй план. Сегодня учеными тема пределов финансового рыночного сегмента практически не дискутируется, но единство в определении термина достигнуто не было. Сегодня основными являются три подхода к определению финансового рынка: смысловой, технологический и институциональный.

В соответствии с первым подходом (сущностным), финансовый рынок является совокупностью отношений, возникающих в процессе обращения финансовых инструментов. Такие отношения не ограничиваются операциями купли-продажи активов и в большинстве случаев основываются на взаимодействии более чем двух человек. Рыночные отношения имеют экономический характер и могут рассматриваться как элемент в общей цепи производства, обмена и потреблении благ. Акцент на отношениях, которые являются ведущей характеристикой рынка, делают М.В. Гридчина [1], С.М. Еш [2], Дж. Маршал [6].

Методы и приемы функционирования финансового рынка, которые формируют его механизмы, лежат в основе технологического подхода. Причем для полноты характеристики сами механизмы должны дополняться задачами и целями, для решения или достижения которых используются инновационные инструменты и механизмы. Сторонниками подхода являются В.Ю. и Л.В. Пресняковы, которые главной функцией рынка считают трансформацию «бездействующих денежных средств в ссудный капитал» [12], С.И. Юрий, который минимизацию затрат и максимизацию надежности заключения сделок определяет основными задачами рыночной инфраструктуры, А.Ю. Смолянская и О.Д. Василик назначение финансовомеханизма видят в перераспределении финансовых ресурсов, Л.Н. Павлова, отождествляя финансовый рынок и рынок капиталов, функциональность механизма ограничивает «управлением потоками денежных ресурсов, платежных средств, приносящих доход» [8].

Этот перечень можно дополнить учеными, которые при определении рынка не используют слово «механизм», а выделяют формы его проявления (В.В. Ковалев – систему торговли финансовыми инструментами, А. Бланк – покупку-продажу финансовых инструментов) или результаты его функционирования (Л.В. Токун – оборот капитала [10], В.М. Опарин и Ф.М.-Г. Топсахалова [9] – оборот финансовых ресурсов).

Институциональный подход в толковании финансового рынка согласуется с типичными определениями рынка как совокупности покупателей и продавцов, через фактические или потенциальные взаимодействия которых определяется цена товара [15].

Финансовый рынок отличается от других рыночных сегментов, что и сказывается на особенностях его толкования. Н. Грегори Мэнкью финансовые рынки определял как «совокупность финансовых учреждений, позволяющих лицу, желающему осуществить сбережения, предоставить свои ресурсы непосредственному заемщику» [7]. Аналогичных взглядов придерживаются А.Г. Загородний и Г.Л. Вознюк: их вариант определения отличается от предыдущего только форматом конкретизации основной функции финансовых институтов, которая заключается в направлении потоков денежных средств от собственников сбережений к заемщикам.

А.М. Иваницкая рассматривает финансовый рынок как сеть банковско-финансовых институтов, которые обеспечивают формирование и балансирование спроса на деньги и их предложения. Таким образом, в большинстве определений финансового рынка по институциональному подходу выделяется ключевое звено субъектов рынка – финансовые учреждения. При этом отметим, что слово «институциональный» в названии подхода не только связано с рыночными субъектами, но и означает совокупность норм и правил проведения операций, без которых не существует ни один национальный финансовый рынок, соблюдение которых является обязательным для всех рыночных участников.

Понимая сложность толкования исследуемого вопроса, многие ученые не ограничиваются одним подходом. Например, С.И. Мошенский рассматривает рынок в двух аспектах – институциональном («система институтов, из которых он состоит») и сущностном («система экономических отношений, направленных на формирование, распределение и перераспределение капитала»); В.Ю. и Л.В. Пресняковы, определяя ключевой характеристикой рынка механизм, утверждают, что на практике финансовый рынок представляет собой совокупность финансово-кредитных институтов; В.М. Иванов придерживается позиции, что рынок – это и место купли-продажи финансовых ресурсов, и совокупность институтов, которые обеспечивают их обращение, т.е. «совокупность социально-экономических отношений в сфере трансформации бездействующих денежных средств в ссудный капитал через кредитно-финансовые институты на основе спроса и предложения».

По нашему мнению, основным классификационным признаком для сегментации финансового рынка является многовариантность финансовых инструментов. По этому классификационному признаку выделяют: кредитно-депозитный, фондовый, страховой, валютный и рынок драгоценных банковских металлов.

Обобщение новых исследовательских подходов к анализу места и роли финансовых рынков в хозяйственной системе позволяет сформировать следующие теоретические выводы [11]:

- обновленный взгляд на место и роль финансовых рынков в современной хозяйственной системе нуждается в учете информационного и институционального аспектов;
- процесс глобализации экономических отношений формирует качественно новый уровень современного хозяйственного процесса, главной системной характеристикой которого является приоритет глобальных финансовых рынков и глобального финансового капитала, установление финансовой власти над хозяйственным процессом;
- в ходе становления постиндустриальных экономических отношений финансовый рынок превращается в ядро современной хозяйственной жизни, регулирующие процессы, протекающие на ее периферии;
- финансовый рынок играет ведущую роль в становлении и развитии интеграционных структур различного типа, отвечающих потребностям развития современного инновационного воспроизводственного процесса.

В настоящий момент инновации кардинально меняют финансовый рынок. Финансовые инновации, которые в последние 10 лет стали основным драйвером роста развивающихся стран, можно определить как действия по созданию и популяризации новых финансовых инструментов, а также новых финансовых технологий, рынков и институтов. Финансовые инновации являются важными условиями для развития финансового рынка, которое происходит за счет повышения стабильности рынка и снижения уровня его неопределенности [3].

Особую роль в процессе развития финансового рынка играют появляющиеся возможности финансового рынка, связанные с разработкой решений по обработке больших данных. Воздействие новых технологий, прежде всего, больших данных, на изменение надзора и регулирования принято называть «регтех». Феномен «большие данные» изменил структуру финансового сектора, вызвал появление новых свойств и раздвинул границы финансов. Большие данные вместе с цифровизацией выступили движущей силой развития отрасли [4].

На основе тенденций современного развития финансовых рынков развитых и развивающихся стран можно предложить авторское трактование финансового рынка. Это – «совокупность отношений между государственными структурами, представителями бизнеса и обществом, которая предполагает создание, распределение и обмен денежных средств, в т.ч. в цифровой форме, обращение финансовых инструментов».

Основной целью современного финансового рынка можно назвать повышение интегрированности страны и/или самого рынка в глобальную цепочку международных отношений. Учитывая развитие финансовых инноваций, можно отметить, что они являются основным фактором развития финансового рынка и драйвером его эволюционирования в то современное состояние, в котором он находится сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гридчина М.В., Захожай В.Б., Осипчук Л.Л.* Финансы. К.: МАУП, 2002. 280 с.
2. *Еш С.М.* Финансовый рынок. К.: Центр учебной литературы, 2011. 528 с.
3. *Ключников И.К., Молчанова О.А.* К теории финансовых инноваций // Банки и финансовые рынки XXI века – потенциал развития. СПб., 2016. С. 134-141.
4. *Ключников И.К., Молчанова О.А., Ключников О.И.* Bigdata в финансах: теория и практика. Вероятность финансовой стабильности // Финансы и бизнес. 2017. № 1.
5. *Ковальчук Т.* Влияние макроэкономической статистики на финансовый рынок. Lambert Academic Publishing, 2016. 509 с.
6. *Маршалл Дж.Ф., Бансал В.К.* Финансовая инженерия: Полное руководство по финансовым нововведениям. М.: ИНФРА-М, 1998. 784 с.
7. *Мэнкью Н.Г.* Принципы Экономикс. СПб.: Питер Ком, 1999. 784 с.
8. *Павлова Л.Н.* Финансовый менеджмент. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 269 с.
9. *Топсхалова Ф.М.-Г.* Рынок ценных бумаг и биржевое дело. М.: Академия Естествознания, 2011. 337 с.
10. Финансы и кредит / под ред. А.М. Ковалевой. М. : Финансы и статистика, 2005. 512 с.
11. *Шарапов М.В.* Теория финансовых рынков: современные исследовательские подходы // Финансы и кредит. 2006. № 17 (221).
12. Экономика / под ред. А.С. Булатова. М. :БЕК, 1995. 632 с.
13. *Horne J.* Financial Market Rates and Flows. Prentice-Hall, 1978. 250 p.
14. *Levine R.* Finance and Growth: Theory and Evidence / In: Handbook of Economic Growth. Elsevier, 2005. P. 865-934.
15. *Pindyck R.S., Rubinfeld D.L.* Microeconomics. London: Prentice Hall International, 2001. 700 p.
16. *Robinson R., Wrightsman D.* Financial markets: the accumulation and allocation of wealth. New York, McGraw-Hill, 1974. 439 p.
17. *Tobin J., Brainard W.* Financial intermediaries and the effectiveness of monetary controls // The American Economic Review. 1963. Vol. LIII, № 2. P. 383-400.

Кузьмина Л.В., Хоанг В.Х.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЕ МИРОВОГО РЫНКА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Аннотация. *Сегодня мир тяжело представить без самолетов, в частности, без гражданской авиации. За последние 70 лет рынок гражданской авиации активно развивался и достиг внушительных размеров. Авиатранспорт стал самым популярным видом транспорта для преодоления дальних расстояний по вполне очевидным причинам. Наибольшую долю пассажиров авиатранспорта составляют туристы – более 60% (на отдельных направлениях в пиковый сезон до 90%). Однако данный путь развития был долгим и в большинстве своем связан с конкретными историческими событиями, которые происходили во всем мире.*

Ключевые слова. *Гражданская авиация, авиане перевозчик, самолеты, low-cost, point-to-point, hub-and-spoke, альянсы, либерализация.*

Kuzmina L.V., Hoang V.Kh.

HISTORY OF INITIATIVES AND DEVELOPMENT OF THE WORLD MARKET OF CIVIL AVIATION

Abstract. *Today, our world is hard to imagine without aircraft, in particular, without civil aviation. Over the past 70 years, the civil aviation market has been actively developing and has reached impressive proportions. Air transport has become the most popular mode of transport for overcoming long distances for quite obvious reasons. The largest share of air transport passengers is made up of tourists - more than 60% (in some areas during the peak season up to 90%). However, this path of development was long and mostly related to specific historical events that occurred all over the world.*

Keywords. *Civil aviation, air carrier, airplanes, low-cost, point-to-point, hub-and-spoke, alliances, liberalization.*

Согласно существующей классификации, авиация подразделяется на: гражданскую, государственную и экспериментальную (рис. 1). Первая волна развития мирового рынка гражданской авиации началась относительно недавно, а именно в начале 20-х годов XX века, сразу же после окончания Первой Мировой войны. Произошло активное развитие авиации общего назначения (грузоперевозка и пассажироперевозка), из которой в дальнейшем появилась отдельная сфера гражданской авиации. Изначально эти действия представляли собой единичные полеты. Тогда не существовало ни частных компаний, ни специализированного авиатранспорта, а сам перелет достигал нескольких сотен километров. В начале 30-х годов XX века общая протяженность авиалиний составляла 560 тыс. км, а общий пассажиропоток составлял порядка 23 млн человек в год.

Вторая волна развития гражданской авиации началась сразу же после окончания Второй Мировой войны, во многом за счет стремительно развивающейся в то время экономики США, «ненужных» по-

ГРНТИ 73.37.01

© Кузьмина Л.В., Хоанг В. Х., 2018

Людмила Викторовна Кузьмина – научный стажер кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Хоанг Виет Хунг – научный стажер кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Кузьмина Л.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21)/ Тел.: +7 812-310-40-83. E-mail: lu_do4ka@list.ru.

Статья поступила в редакцию 22.05.2018.

сле окончания войны военных пилотов и быстрого развития НТП (в частности, следует отметить такое достижение, как развитие реактивных двигателей). Растущим крупным американским компаниям, которые в силу своих географических и территориальных особенностей находились на большом расстоянии друг от друга, стал необходим вид транспорта, который бы смог перемещать быстро пассажиров на большие расстояния. Именно таким видом транспорта стала гражданская авиация [2].

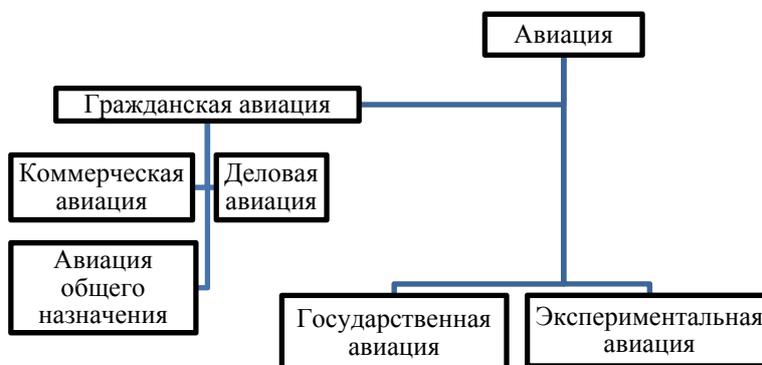

Рис. 1. Классификация авиации в соответствии с Воздушным кодексом РФ [3]

Применение реактивных двигателей в гражданской авиации привело к ее стремительному развитию международной вследствие сокращения удельных эксплуатационных расходов. Сократились затраты на один пассажиро-километр, что впоследствии позволило снизить тарифы на авиаперевозки. В период с 1950 по 1960 гг. цены на авиаперевозку сократились в 3,5 раза, что привело к стремительному росту пассажиропотока во всем мире. Как раз в этот период гражданская авиация и стала уверенным лидером рынка транспортных услуг, обойдя железнодорожный, автомобильный транспорт и морские пассажироперевозки.

В развитых странах гражданская авиация долгое время была монополизирована. Государство регулировала тарифную политику на внутренних авиалиниях и выставляло входные барьеры для новых участников рынка. Это, в свою очередь, привело к тому, что многие авиакомпании в условиях равных цен на авиаперевозки могли конкурировать только за счет увеличения количества рейсов и улучшения сервисного обслуживания, как на борту самолета, так и за его пределами.

Дальнейшая либерализация рынка повлияла на трансформацию экономической модели поведения всех игроков рынка гражданской авиации. Авиаперевозчики могли самостоятельно устанавливать цены на авиаперевозки и совершать их по любым маршрутам. Именно США в 1979 году стали первой страной, которая внедрила у себя данный подход и заложили основу свободных рыночных отношений на данном рынке. К началу 90-х годов XX века США стали мировым лидером, как по количеству международных рейсов, так и по количеству внутренних пассажироперевозок.

Однако в Европе данная политика (политика открытого неба) долгое время не использовалась. Только в 1992 году в 12 странах ЕС приняли новые правила авиаперевозок. Либерализация авиатранспорта в ЕС заключалась в том, что: авиакомпании смогли сами определять цену на свои услуги; авиакомпании могут свободно осуществлять свою деятельность в воздушном пространстве ЕС, если: не менее 51% уставного капитала авиакомпании принадлежит акционерам, которые зарегистрированы или являются гражданами стран ЕС; минимальные размеры инвестирования равны 100 тыс. евро; самолеты, которые осуществляли полеты, должны были быть зарегистрированы в ЕС и должны были быть сертифицированы.

Помимо отмены государственного контроля над тарифами и свободного перемещения в воздушном пространстве, либерализация рынка привела к созданию новой модели авиаперевозок. Изначально существовавшая система «point-to-point» предполагала прямой авиаперелет из пункта А в пункт В без какого-либо транзита. Новая же система «hub-and-spoke» заключалась в том, что пассажир летит до места своего назначения не прямым рейсом, а с пересадкой, то есть транзитом [6]. Это было вызвано в основном тем, что в условиях появившейся конкурентной борьбы на открытом рынке выжить новым игрокам и давно существующим компаниям возможно только за счет минимизации своих тарифов, то есть сокращения цены на авиаперевозки для потребителя. В этой связи возникла цепочка

взаимозависимых звеньев (рис. 2), которая сводилась к изменению системы маршрутов, что в дальнейшем послужило развитию системы «hub-and-spoke».

В 1990-е годы появилась новая стратегия развития компаний гражданской авиации. Данная стратегия называлась «полеты без излишеств» (в настоящее время low-cost). Отказавшись от системы «hub-and-spoke», многие компании (первой стала американская авиакомпания Southwest Airlines) перепрофилировались и начали производить внутренние рейсы по системе «point-to-point». Они минимизировали свои затраты путем пересмотра всей системы обслуживания клиентов: изменили систему регистрации билетов; убрали напитки и систему питания на борту самолета; перешли на продажу авиабилетов через телефонный канал.

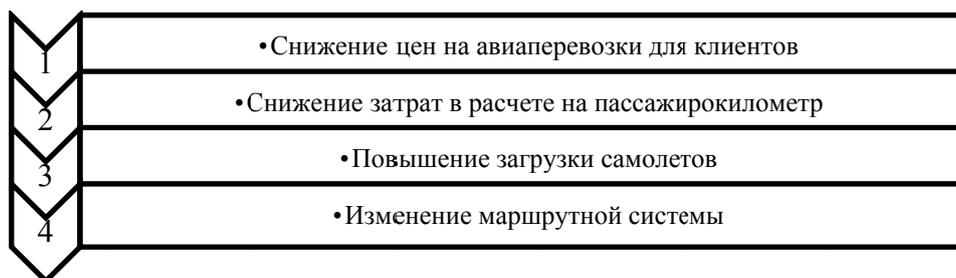

Рис. 2. Этапы по снижению цены на авиаперевозки для клиентов компании

На базе создания принципиально новой концепции развития бизнеса, в основу которой заложена высокая производительность труда и низкие расходы, многие авиакомпании смогли предоставить населению возможность летать по рекордно низким ценам, несвойственные большинству авиаперевозчиков. Общая характеристика снижения затрат в условиях применения модели low-cost приведена на рисунке 3.

Категории затрат	Преимущество low-cost (%)
Совокупные операционные затраты	28%
Экипаж	30%
Топливо	3%
Техническое обслуживание и ремонт	45%
Сборы	4%
Обслуживание пассажиров	100%
Маркетинг и продажи	69%
Аренда площади для стоянки	94%

Рис. 3. Преимущества low-cost по расходам [4]

С новым веком произошли новые корректировки на рынке гражданской авиации. Развитие НТП и внедрение передовых информационных технологий позволило создать новые способы и области сотрудничества между авиакомпаниями и клиентам:

- бывшие конкуренты объединяются для создания единого блока по приобретению запасных частей и расходных материалов;

- авиабилеты начали продаваться через интернет, став одним из наиболее часто продаваемых продуктов данного ресурса;
- все большую популярность приобретают альянсы, которые заложили новый виток развития системы «hub-and-spoke».

Наиболее популярными в мире на сегодняшний день являются такие альянсы, как Skyteam, Oneworld, Star. Создание альянса авиаперевозчиков направлено на [1]: получение дополнительной прибыли, путем привлечения новых пассажиров за счет расширения маршрутной сетки; минимизацию затрат за счет совместной деятельности; сплочение авиакомпании за счет смешивания и совместного использования активов.

Таковы основные тенденции развития рынка авиаперевозок в современном мире – рынок быстро развивается, стремительно реагирует на инновационные предложения и совершенствуется, как система и институция с одной стороны, и как инструмент для удобства потребителей – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарейшин Р.З., Ромашкина О.П.* Рынок мировых пассажирских авиаперевозок в туризме: история, современные тенденции, перспективы развития // Вестник МГЛУ. 2014. № 6 (692).
2. *Грек К.К.* Развитие мирового рынка деловой авиации // Транспортное дело России. 2009. № 1. С. 29-32.
3. *Грек К.К.* Рынок деловой авиации: мировой опыт и российская деятельность // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 12. С. 63-72.
4. *Духова Л.Л., Леонова В.П.* Анализ международного и национального рынка бюджетных авиаперевозок: современное состояние, проблемы и перспективы // Научный журнал «Сервис plus». 2012. № 1. С. 59-66.
5. *Айрапетова А.Г., Бабалян Н.С.* Стратегия как основа функционирования производственных систем // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 4 (106). С. 46-50.
6. Современные тенденции развития рынка авиаперевозок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transportall.ru/info/perevozki/290/2592.html> (дата обращения 30.04.2018).

Осина Д.О.

ВЛИЯНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние налогообложения на инвестиционную активность в нефтедобывающей отрасли. Анализируются динамика поступлений налога на добычу полезных ископаемых в бюджетную систему, налоговая нагрузка и обороты компаний нефтяной отрасли за последние десять лет. Для выявления наличия или отсутствия связи между уровнем инвестиций и налоговыми платежами нефтедобывающих компаний, рассчитывается коэффициент корреляции.

Ключевые слова. Налогообложение полезных ископаемых, инвестиции в нефтегазовую отрасль, система налогообложения нефти и газа, инвестиционный климат.

Osina D.O.

AFFECT TAXATION ON INVESTMENT CLIMATE IN OIL-AND-GAS SPHERE

Abstract. Article considers how taxation affect on investment climate in oil-and-gas sphere. This article also analyzed share of mineral extraction tax in federal budget of Russia Federation. Focuses on tax burden and turnovers of oil and gas companies in last ten years. On the basis of correlation coefficient identify relationships between level of taxation and investment activity in oil-and-gas extraction industry.

Keywords. Mineral extraction tax, investment in oil and gas sphere, taxation of gas and oil, tax system, investment climate.

Нефтегазовые доходы, исходя из основных направлений бюджетной политики на 2017–2019 гг., сохранят ключевую роль в российской экономике. Согласно распоряжению Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», совершенствование системы налогообложения добычи нефти является одной из первоочередных задач. Спектр факторов, определяющих динамику налоговых поступлений в бюджет, широк: изменение объемов добычи газа, цены на нефть, тенденции мирового рынка нефти и газа и особенности развития нефтегазовой отрасли. В силу высоких доходов нефтегазовая отрасль превратилась в международном масштабе в арену борьбы за передел сфер влияния, поэтому политическая среда российской экономики также оказывает воздействие на динамику поступлений. Согласно официальной информации, предоставленной ФНС России, в 2016 году сбор налога уменьшился на 300 млрд руб. в силу динамики цен на нефть. В 2017 году поступления выросли более чем на 30%, что обусловлено ростом средних нефтяных цен на 25% при укреплении рубля на 15% и малом росте добычи (см. рис. 1).

Руководители крупнейших нефтегазовых компаний регулярно сообщают на экономических форумах о непосильном налоговом бремени, которое препятствует развитию отрасли: разработка новых месторождений по их словам является нерентабельной. На рисунке 2 представлены абсолютные значения налоговых платежей, уплаченных компаниями нефтегазовой отрасли за период 2006–2017 гг. Действительно, налоговое бремя компаний возрастает: в 2017 году общий объем налоговых платежей

ГРНТИ 06.73.15

© Осина Д.О., 2018

Дарья Олеговна Осина – аспирант кафедры государственных и муниципальных финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (981) 779-42-25. E-mail: osina_daria@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 07.07.2018.

компаний в бюджет составил 4 625,23 млрд руб. – это 26% налоговых доходов консолидированного бюджета. При этом доля НДС в налоговых платежах компаний составляет более 80% на протяжении последних девяти лет (табл. 1).

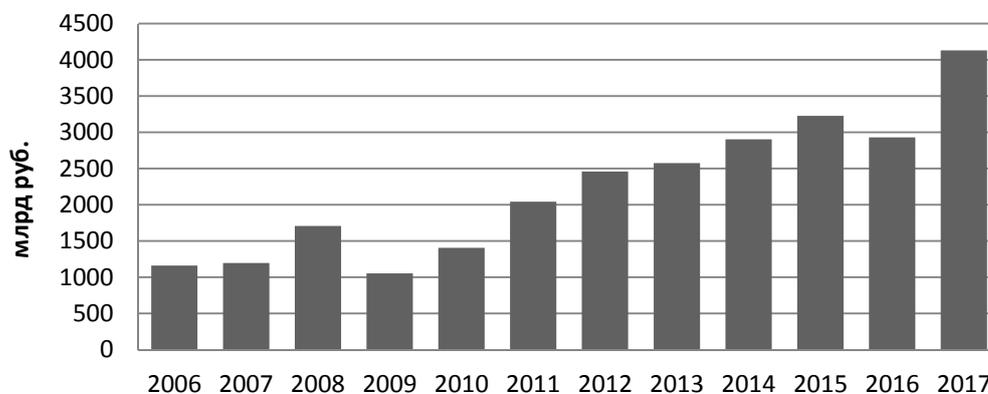

Рис. 1. Динамика поступлений НДС в консолидированный бюджет РФ [3]

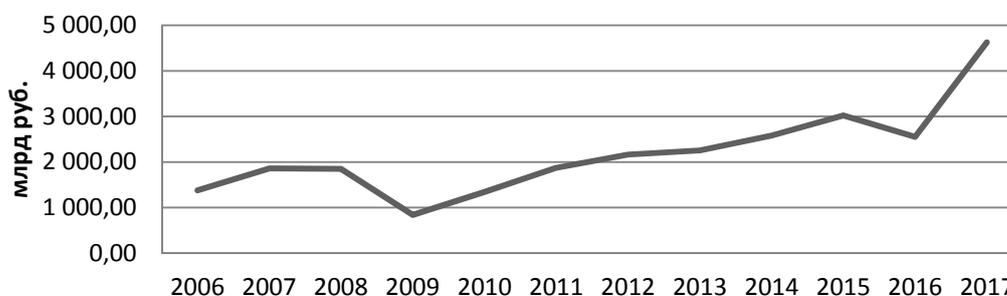

Рис. 2. Поступление налоговых платежей в бюджетную систему РФ по организациям с основным видом деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа», млрд руб. [3]

Таблица 1

**Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ
и доля налоговых платежей нефтегазодобывающих компаний**

Год	Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ, млрд руб.	Налоговые платежи компаний с основным видом деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа», млрд руб.	Доля налоговых платежей компаний с основным видом деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа» в налоговых доходах бюджета РФ, %	НДС, уплаченный компаниями с основным видом деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа», млрд руб.	Доля НДС в составе налоговых платежей компаний с основным видом деятельности «Добыча сырой нефти и природного газа», %
2006	5 441,03	1 376,83	25,30	986,35	71,64
2007	6 967,63	1 858,01	26,60	1 009,16	54,31
2008	7 967,80	1 846,78	23,20	1 485,65	80,45
2009	6 307,03	838,11	13,29	688,27	82,12
2010	7 687,88	1 342,07	17,46	1 099,73	81,94
2011	9 733,60	1 871,64	19,23	1 537,43	82,14
2012	10 952,64	2 164,59	19,76	1 803,82	83,33
2013	11 322,65	2 252,81	19,90	1 888,57	83,83
2014	12 606,29	2 581,35	20,48	2 145,96	83,13
2015	13 707,09	3 020,60	22,04	2 519,66	83,42
2016	14 387,74	2 551,96	17,74	2 170,04	85,03
2017	17 194,24	4 625,23	26,90	3 925,22	84,87

Имея доступ к таким эмпирическим данным, как оборот компаний и сумма уплаченных налогов, рассчитаем налоговую нагрузку нефтедобывающих компаний (табл. 2). Мы видим, что налоговая нагрузка компаний уменьшилась почти в два раза, что объясняется превышением темпа роста оборота компаний над темпом роста налоговых платежей. Средний коэффициент налоговой нагрузки по отрасли, представленный ФНС, также фиксирует уменьшение нагрузки (см. рис. 3).

Заметим, что используемый нами для расчетов показатель «оборот компаний» включает стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами, а также выручку от продажи приобретенных ранее на стороне товаров. В силу этого данные не могут быть сопоставимы, но позволяют сделать вывод об уменьшающемся налоговом бремени компаний данной отрасли.

Таблица 2

Анализ налоговой нагрузки нефтедобывающих компаний

Год	Налоговые платежи, млрд руб.	Темп роста	Оборот компаний, млрд руб.	Темп роста	Налог в доходах компаний, %
2006	1 376,83	-	3 225,80	-	42,68
2007	1 858,01	135%	3 645,00	113%	50,97
2008	1 846,78	134%	4 387,90	136%	42,09
2009	838,11	61%	4 217,30	131%	19,87
2010	1 342,07	97%	5 424,90	168%	24,74
2011	1 871,64	136%	7 169,80	222%	26,10
2012	2 164,59	157%	7 723,10	239%	28,03
2013	2 252,81	164%	8 036,60	249%	28,03
2014	2 581,35	187%	8 605,90	267%	30,00
2015	3 020,60	219%	9 991,30	310%	30,23
2016	2 551,96	185%	10 174,00	315%	25,08

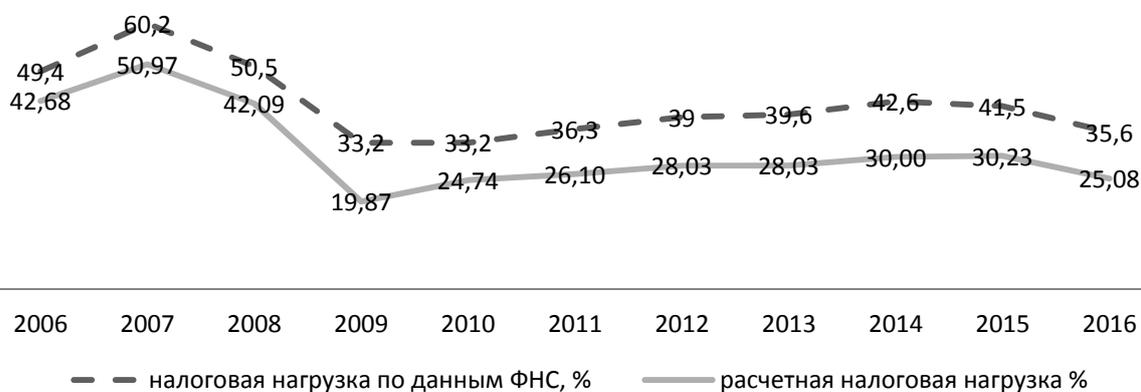

Рис. 3. Налоговая нагрузка компаний с основным видом деятельности «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» [3, 4]

Известно, что налогообложение является одним из факторов, оказывающих значительное влияние на инвестиционную активность в стране. Единого подхода к понятию и методике расчета показателя инвестиционной активности нет, но в целом мы придерживаемся мнения Трофимовой Л.А., что инвестиционная активность – экономическая категория, характеризующая осуществление инвестиций в капитал хозяйствующих субъектов с целью получения дохода и обеспечения конкурентоспособности продукции и услуг [1].

Недропользователь, помимо прочего, должен учитывать налоговые обязательства, ожидая, что налоговый режим позволит ему получить ожидаемую прибыль. Между тем, российская система налогообложения, по нашему мнению, не является стабильной и справедливой, что негативно сказывается на инвестиционной привлекательности проектов освоения ресурсов. Так, в 2017 году РФ заняла

52 место по уровню налогообложения в рейтинге Всемирного банка, целью которого является оценка условий ведения бизнеса [2].

Для оценки влияния налогообложения на инвестиционную активность, сравним динамику прироста налоговых платежей и объема инвестиций в основной капитал по отрасли. Расчет коэффициента корреляции за последние пять лет подтвердил наличие обратной связи ($r = -0,8$) между размером налоговых платежей и размером инвестиций в основной капитал. Так, при снижении налоговых платежей в 2016 году наблюдается рост инвестиций, при этом темп прироста показателя в 2016 году составил 20%, тогда как в предыдущие периоды составлял не более 9-10% ежегодно. Но расчет коэффициента за десять лет (с 2007 по 2017 гг.) позволяет увидеть, что связь между показателями слаба ($r = 0,6$), а вывод об обратной зависимости показателей в долгосрочном периоде не подтвержден.

Таким образом, мы установили, что обратная зависимость между показателями наблюдается только в краткосрочных периодах, в долгосрочном же периоде связь является слабой, что позволяет сделать вывод о том, что увеличение налогообложения не оказывает влияния на изменения инвестиционного климата в отрасли.

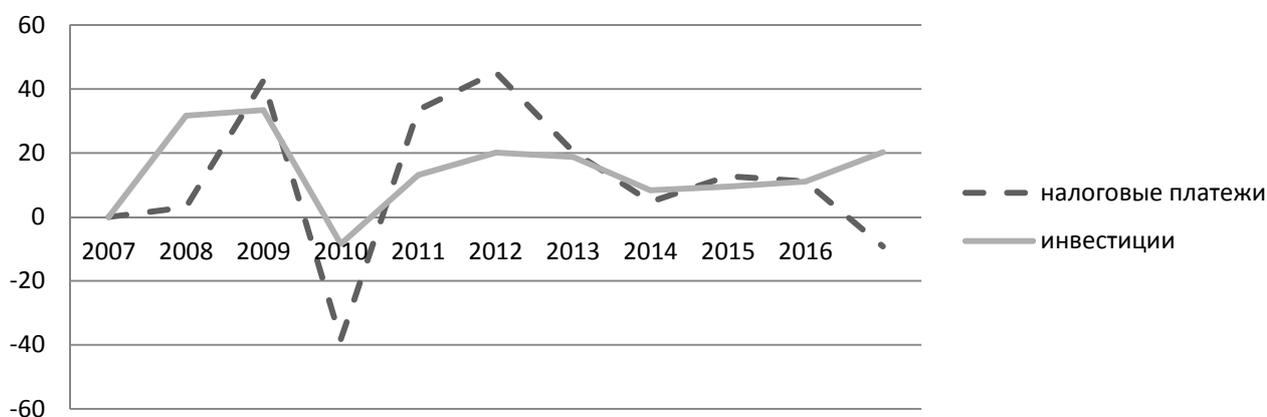

Рис. 4. Динамика прироста налоговых платежей и инвестиций в основной капитал компаний, основным видом деятельности которых является «Добыча сырой нефти и природного газа» [4]

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова Л.А. Теория и методология управления инвестиционной активностью промышленных предприятий в конкурентной среде. Автореферат дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2003.
2. Doing business 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/AnnualReports/English/DB18-Chapters/DB18-DTF-and-DBRankings.pdf> (дата обращения 30.06.2018).
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения 01.07.2018).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_113507510064 (дата обращения 03.07.2018).

Сапожникас И.Д.

МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

***Аннотация.** Результативный процесс развития малого и среднего предпринимательства осуществляется в условиях максимизации использования внутренних и внешних ресурсов бизнеса. Реалии экономического развития таковы, что наилучшие социально-экономические показатели достигаются предпринимателями, владеющими стратегией и тактикой привлечения внешних ресурсов, в первую очередь, инвестиций и различных видов государственной поддержки. В работе рассматриваются особенности функционирования системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге, а также дана оценка этой деятельности предпринимателями региона.*

***Ключевые слова.** Малое и среднее предпринимательство, система государственной поддержки, стратегия, специальная программа, инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства.*

Sapozhnikas I.D.

MECHANISMS AND TOOLS OF STATE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN ST.-PETERSBURG

***Abstract.** The effective process of development of small and medium-sized businesses is carried out in conditions of maximizing the use of internal and external resources of the business. The realities of economic development are such that the best socio-economic indicators are achieved by entrepreneurs who own the strategy and tactics of attracting external resources, first of all, investments and various types of state support for entrepreneurship. The paper discusses the features of the functioning of the system of state support for small and medium businesses in St. Petersburg, as well as the assessment of this activity by entrepreneurs in the region.*

***Keywords.** Small and medium enterprises, state support system, strategy, special program, infrastructure of support of small and medium enterprises.*

Введение

Становление и развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в России сопровождается рядом законодательно закрепленных процедур (регистрация, лицензирование, сертификация, осуществление налогового учета и контроля и пр.). При этом обязанность государства заключается в создании действенной системы регулирования и поддержки предпринимательства, которая способна ускорить процесс становления МСП, его инновационно-технологическое развитие, повысить вклад МСП в экономику страны. На развитие такой системы направлены принимаемые на различных уровнях нормативные и правовые акты, пакеты документов стратегического развития (стратегии, концепции, программы). При этом управленческое воздействие на субъекты МСП осуществляется, как в

ГРНТИ 06.61.33

© Сапожникас И.Д., 2018

Ирина Дмитриевна Сапожникас – аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Контактные данные для связи с автором: 190000, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44А (Russia, St. Petersburg, Lermontovsky av., 44A). E-mail: aspir@spbume.ru.

Статья поступила в редакцию 31.05.2018.

сфере предпринимательской деятельности, так и в профессиональной области. Поэтому субъекты МСП должны быть готовы аккумулировать для использования ресурсы, предлагаемые государством. Повысить эффективность привлечения этих средств (как финансовых, так и нефинансовых) должна созданная при поддержке государства инфраструктура поддержки МСП [1].

Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 года предусматривает необходимость активизации процесса развития предпринимательства [2]. На фоне констатации привлекательности Санкт-Петербурга для ведения бизнеса, в Стратегии города отмечается необходимость преодоления высокого уровня административных барьеров (в процессе выделения земельных участков, подключения к энергоресурсам, получения разрешений на строительство и пр.), снижения коррупционности, уменьшения стоимости финансовых и инвестиционных ресурсов и др.

Развитие предпринимательства в значительной степени будет определяться складывающейся макроэкономической ситуацией в стране. В процессе становления и развития предприниматели должны максимально использовать конкурентные преимущества, которые дает им осуществление предпринимательства в мегаполисе, и решать проблемы, которые накладывают ограничения развития города, в ряду которых следует выделить:

- недостаток финансовых, имущественных, трудовых и прочих ресурсов;
- практика привлечения большого количества трудовых мигрантов, проблемы нелегальной трудовой миграции;
- недостаточный уровень развития региональной инновационной инфраструктуры и практической реализации инновационных разработок;
- дефицит инженерной инфраструктуры для развития бизнеса;
- значительное запаздывание в развитии объектов энергетической и инженерно-транспортной инфраструктур относительно потребностей экономики;
- сокращение доходной части бюджета в результате изменений в налоговом законодательстве и спада инвестиционной активности в период ужесточения экономических санкций против России;
- необходимость преодоления рисков, связанных с климатическими условиями, ухудшением экологической ситуации [6];
- недостаток мощностей объектов утилизации и переработки бытовых и производственных отходов;
- старение населения и связанное с этим увеличение нагрузки на бюджетную систему, социальную сферу и работников, занятых в экономике.

Влияние приведенных факторов должно учитываться, в том числе, и в процессе разработки стратегических и программных документов развития малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге.

Методология и теория

Нормативной основой развития малого и среднего предпринимательства в России являются законы, прочие нормативные и правовые акты, регулирующие процессы формирования МСП на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном). На каждом из уровней реализуются документы стратегического развития МСП. В современных условиях на федеральном уровне реализуется «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года», аналогичные стратегии разработаны в каждом регионе. Основными программными документами, на основании которых осуществляется управление развитием малого и среднего предпринимательства являются программы (подпрограммы) поддержки МСП в регионах. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 30.06.2014 г. № 554 утверждена государственная программа Санкт-Петербурга «Развитие предпринимательства и потребительского рынка в Санкт-Петербурге» на 2015-2020 годы (в ней имеется подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства») [3]. Участниками Программы являются субъекты МСП Санкт-Петербурга, которые зарегистрированы и осуществляют свою хозяйственную деятельность на территории города.

Для достижения основной цели подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» – формирование условий для развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в Санкт-Петербурге – решается ряд задач, в числе которых: повышение доли МСП в экономике

Санкт-Петербурга; изменение отраслевой принадлежности субъектов МСП с ориентиром на увеличение производственных и инновационных предприятий; развитие конкурентной среды в Санкт-Петербурге.

Ежегодно в городе в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» реализуются специальные программы по субсидированию МСП, поддержке образовательной деятельности, молодежного предпринимательства, приобретения основных средств в лизинг, социального предпринимательства, выставочно-ярмарочной деятельности и пр. В процессе реализации государственной поддержки МСП используется совокупность инструментов финансовой (субсидирование, предоставление гарантий, лизинг, гранты, возмещение затрат по кредитам и пр.) и нефинансовой (центры субконтрактации, инжиниринга, возмещение расходов на сертификацию, технологическое присоединение, технопарки, промышленные парки и пр.) поддержки предпринимательства.

Основу институциональной поддержки малого и среднего предпринимательства составляет инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства, в организациях которой субъекты МСП получают в различных формах финансовую, юридическую, имущественную, информационную, консультационную и прочие виды поддержки.

Интегратором мер государственной поддержки в России с 2015 года выступает Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП), которая создана чтобы:

- оказывать различные виды поддержки субъектам МСП, а также организациям, которые объединены в инфраструктуру поддержки МСП;
- осуществлять привлечение денежных ресурсов для поддержки субъектов МСП от российских, иностранных и международных организаций;
- организовывать сопровождение (финансовое, юридическое, информационное, маркетинговое) инвестиционных проектов субъектов МСП;
- повышать эффективность мероприятий по увеличению доли государственных закупок у субъектов МСП в общем объеме госзакупок, а также доли инновационной и высокотехнологичной продукции;
- обеспечивать процесс информационного взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями в целях оказания поддержки субъектам МСП;
- готовить предложения по совершенствованию системы государственного регулирования и поддержки МСП.

Обсуждение результатов

По итогам 2017 года в Санкт-Петербурге было зарегистрировано более 359,7 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства (данные Федеральной налоговой службы), из которых: 60,90% (218,9 тыс.) составляют микропредприятия; 33,40% (120,2 тыс.) – индивидуальные предприниматели; 5,66% (19,0 тыс.) – малые предприятия; 0,04% (1,6 тыс.) – средние предприятия. В целом в развитии малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге наблюдается позитивная динамика: по количеству зарегистрированных предприятий (тыс. единиц): 2014 год – 218,2; 2015 год – 222,7; 2016 год – 235,1; 2017 год – 359,7 (использованы данные территориального управления Федеральной службы государственной статистики по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

В рамках комплексного мониторинга малого и среднего предпринимательства [4] был измерен уровень информированности предпринимателей о системе государственной поддержки предпринимательства в городе (в опросе приняли участие 8 тыс. предпринимателей). По результатам опроса 40,4% субъектов МСП заявили, что они знают о мерах поддержки, которые предлагаются предпринимателям города, но лишь 9% оценивают уровень информированности о системе государственной поддержки как «очень хороший». Удовлетворенность компетентностью консультантов государственных структур высказали только 23,2% опрошенных.

Ситуация в сфере информированности о программах и мероприятиях государственной поддержки МСП мало меняется с течением времени, несмотря на усилия организаций инфраструктуры поддержки МСП. Следовательно, в подпрограммы поддержки МСП должны быть внесены дополнительные

мероприятия, которые будут способствовать повышению уровня информированности субъектов малого и среднего предпринимательства.

Оценка доступности ресурсов государственной поддержки для предпринимателей Санкт-Петербурга в рамках мониторинга в зависимости от масштабов предприятий представлена в таблице 1. Оценка проводилась по пятибалльной шкале (максимальная оценка – 5 баллов, минимальная – 1). Предпринимательские структуры всех масштабов (крупные, средние и малые) считают, что наиболее хорошо обстоят дела с получением в аренду производственных, складских, офисных и торговых помещений (более 4 баллов), от 3,6 до 3,9 баллов оценивают представители бизнеса процесс получения лицензий, сертификатов, прочих разрешений. Ниже всего малыми и средними предприятиями оценен процесс получения долгосрочных кредитов и финансовых ресурсов по государственным программам Санкт-Петербурга для поддержки развития предпринимательства (от 1,3 до 2,1 балла). Следует отметить, в этой связи, что крупные предприятия гораздо выше оценивают доступность кредитных ресурсов (от 3,3 до 4,0 баллов).

Таким образом, подтверждаются результаты многочисленных исследований по поводу повышенной востребованности различных видов финансовой поддержки субъектами малого и среднего предпринимательства.

Финансирование отдельных мероприятий государственной поддержки МСП осуществляется в рамках региональных программ (подпрограмм) за счет субсидий из средств федерального бюджета и бюджета региона. В частности, динамика финансирования реализуемых программ (подпрограмм) поддержки МСП в Санкт-Петербурге представлена в таблице 2.

До 2016 года наблюдалось сокращение финансирования программ (подпрограмм), причиной чему стали сложившиеся экономические условия и дефицит бюджета. В 2016 году произошло увеличение финансирования на 16,4% к 2015 году, в 2017 году – на 48,5% к 2016 году.

Таблица 1

Оценка доступности ресурсов по масштабам предприятий в Санкт-Петербурге

Показатель	Масштаб предприятия			Всего
	Крупные	Средние	Малые	
Доступность государственного заказа Санкт-Петербурга	3,5	2,4	2,4	2,4
Получение финансовых ресурсов по государственным программам Санкт-Петербурга для поддержки развития предпринимательства	3,0	2,1	1,5	1,6
Получение кредитных ресурсов в банках на срок более 5 лет	4,0	1,3	1,7	1,7
Получение кредитных ресурсов в банках на срок от 1 до 5 лет	3,3	2,6	2,3	2,3
Получение лицензий, сертификатов, прочих разрешений	3,9	3,6	3,6	3,6
Подключение к водоснабжению и водоотведению/канализации	3,6	3,0	3,1	3,1
Подключение к энергоснабжению нестационарных объектов	3,3	2,0	2,8	2,8
Подключение объектов недвижимости к энергоснабжению	2,1	2,3	2,6	2,5
Аренда/выкуп земельных участков	2,5	1,0	2,8	2,7
Продление аренды производственных, складских, офисных, торговых помещений	4,1	4,5	4,1	4,3
Получение в аренду производственных, складских, офисных, торговых помещений	3,8	4,2	4,0	4,0
Получение в собственность производственных, складских, офисных, торговых помещений	3,5	3,3	2,4	2,5

Таблица 2

Динамика финансирования программ (подпрограмм) поддержки МСП, реализуемых в Санкт-Петербурге в период с 2012 по 2017 гг. (млн руб.)

Источник финансирования	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Общее финансирование	892,6	574,8	519,4	385,5	448,5	665,8
Федеральный бюджет (субсидия бюджету Санкт-Петербурга)	260,0	247,2	234,9	81,4	5,0	0
Бюджет Санкт-Петербурга	632,6	327,6	284,5	304,1	443,5	665,8

Таблица 3

Специальные программы поддержки субъектов МСП в 2018 году

Название специальной программы	Максимальный размер субсидии, тыс. руб.	Финансирование, млн руб.
«Выставочно-ярмарочная деятельность»	350,0	36,0
«Субсидирование части арендных платежей субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих производственную деятельность в сфере легкой промышленности»	500,0	25,0
«Поддержка социального предпринимательства»	500,0	14,0
«Субсидирование затрат субъектов малого и среднего предпринимательства на создание и (или) развитие групп дневного времяпровождения детей дошкольного возраста»	700 тыс. руб. на создание Центра; 400 тыс. руб. на развитие Центра	13,5
«Сертификация»	700,0	7,0
«Субсидирование затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере ремесленничества и народных художественных промыслов»	350	6,0

Финансирование прямых мер государственной поддержки МСП в Санкт-Петербурге осуществляется в рамках реализации специальных программ, направленность (наименования) и объемы финансирования которых определяются ежегодно, исходя из приоритетов развития МСП в Санкт-Петербурге. В 2018 году Комитетом по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга принято к реализации 6 специальных программ, в рамках которых будут осуществляться субсидирование субъектов МСП [5] (таблица 3). Субъекты МСП могут привлечь средства по специальным программам в виде субсидий из бюджета Санкт-Петербурга на конкурсной основе, при условии отсутствия задолженности перед бюджетом.

Динамика получения субсидий субъектами МСП по специальным программам в ежегодном разрезе представлена в таблице 4. Анализ таблицы 4 демонстрирует, что суммарный объем прямой поддержки постепенно уменьшается, несмотря на то, что наиболее востребованной в течение нескольких последних лет у предпринимателей была специальная программа «Кредитование коммерческими банками субъектов МСП» (таблица 5).

Таблица 4

Динамика получения субсидий субъектами МСП (на основании данных «Реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки») в 2013-2017 гг.

Год	Количество субсидий, выданных в рамках подпрограммы [3]	В том числе			Суммарный объем поддержки, млн руб.
		Малые предприятия	Микро-предприятия	Средние предприятия	
2013	121	64	46	11	314,5
2014	153	55	82	16	201,7
2015	204	81	91	32	164,6
2016	280	131	126	23	114,9
2017	367	н/д	н/д	н/д	144,5
Итого	1125				940,3

Таблица 5

Распределение прямой финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Санкт-Петербурга по специальным программам

Название специальной программы	2015		2016		2017	
	Количество выданных субсидий, ед.	Сумма субсидирования, млн руб.	Количество выданных субсидий, ед.	Сумма субсидирования, млн руб.	Количество выданных субсидий, ед.	Сумма субсидирования, млн руб.
«Кредитование коммерческими банками субъектов малого и среднего предпринимательства»	52	33,0	89	57,1	97	58,5
«Субсидирование части арендных платежей субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих производственную деятельность в сфере легкой промышленности»	29	9,6	55	20,5	57	21,0
«Выставочно-ярмарочная деятельность»	21	5,0	79	20,0	80	21,4
«Сертификация»	19	2,5	23	3,1	38	6,7
«Субсидирование затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере ремесленничества и народных художественных промыслов»	11	2,8	14	3,2	22	6,6
«Субсидирование затрат на организацию и (или) развитие групп дневного времяпрепровождения детей дошкольного возраста»	14	8,0	15	8,0	32	13,4
«Социальное предпринимательство»	5	2,0	5	3,0	41	16,9
«Приобретение основных средств в лизинг»	53	101,7	-	-	-	-
Итого	204	164,6	280	114,9	367	144,5

Современные тенденции в развитии системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства заключаются в переходе от мер прямого финансового стимулирования к развитию институциональной поддержки МСП. Таким образом, приоритетным в современных условиях стало развитие инфраструктуры поддержки МСП, в организациях которой предприниматель может получить различные виды юридической, информационной, образовательной, консультационной и прочих видов государственной поддержки. Субъекты МСП имеют возможность привлечь финансовые средства на возвратной основе в созданных институтах системы государственной поддержки. Спектр инструментов, используемых институтами поддержки МСП, достаточно широк, но предприятие должно аккумулировать информацию о том, каким образом привлечь тот или иной вид поддержки, как правильно оформить документы, получить нужную информацию или консультации на льготных условиях или на безвозмездной основе.

Каждая институциональная структура использует свой спектр инструментов для работы с субъектами МСП. Например, приоритетным направлением поддержки предпринимательства является поддержка экспортной деятельности МСП. Безвозмездную консультационную поддержку по проведению валютных и экспортных операций МСП могут получить в Центре экспорта. Например, в 2017 году это: проведение маркетинговых исследований, услуги перевода на 17 языках, консультационные услуги, возможность участия в обучающей программе (семинары по ведению внешнеэкономической деятельности), организация взаимодействия с российскими торговыми представительствами за рубежом.

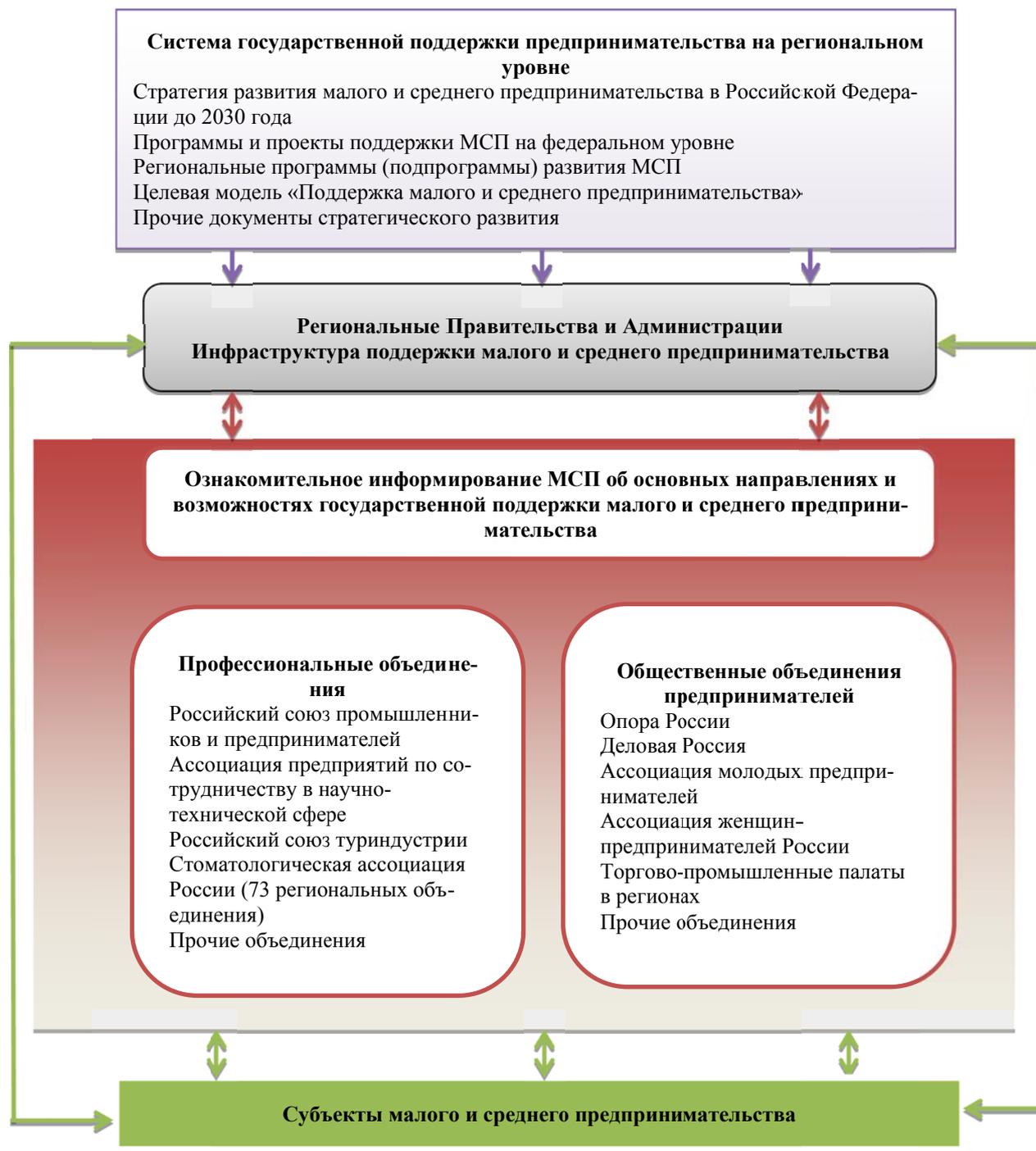

Рис. Механизм первичного информирования МСП о мерах поддержки

Способствовать развитию экспортной деятельности МСП призван также созданный в 2015 году Региональный интегрированный центр – Санкт-Петербург, который для развития экспортной деятельности субъектов МСП использует все многообразие инструментов поддержки экспортеров: поддержка экспортных поставок (логистическое сопровождение, налоговое консультирование, таможенное администрирование); аналитика и исследования (готовые аналитические продукты, интерактивные аналитические продукты); продвижение на внешние рынки (международные проекты и тендеры, экспорт по каналам электронной торговли); кредитно-гарантийная поддержка; специальные программы по поддержке экспорта (комплекс субсидий и компенсаций); прочие.

С 2010 года в Санкт-Петербурге функционирует Центр развития и поддержки предпринимательства, в рамках которого субъекты МСП могут получить консультационную поддержку по различным аспектам организации и ведения бизнеса, найти бизнес-партнеров, пройти обучение, а также получить адресную помощь. За период функционирования консультантами Центра достигнуты следующие показатели, на основании которых можно оценить результативность данного звена инфраструктуры поддержки МСП: консультации – более 25 тыс.; проверка пакетов документов на получение субсидий – более 1000; субсидии – выдано более 1000; образовательные программы – реализовано более 20; обучающие семинары – проведено более 200 и пр. Реестр получателей поддержки Центра включает более 6 тыс. субъектов МСП

В условиях многообразия форм, механизмов и инструментов государственной поддержки МСП, необходимым шагом представляется разработка механизма первичного информирования о возможности получения государственной поддержки по всему спектру услуг, а также передачи опыта получения государственной поддержки субъектами МСП (см. рисунок).

Таким образом, в работе предлагается дополнительный механизм активизации обращений предпринимателей за различными видами государственной поддержки: широкое использование ресурсов профессиональных объединений предприятий (по сферам деятельности) и общественных объединений предпринимателей.

Заключение

Проведенный анализ развития системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге по итогам реализации специальных программ поддержки МСП и функционирования сети организаций инфраструктуры поддержки МСП демонстрирует, что наиболее востребованной формой государственной поддержки в Санкт-Петербурге является финансовая. Основными препятствиями в процессе привлечения ресурсов по программам государственной поддержки представляются недостаточная информированность предпринимателей в вопросах выбора инструмента поддержки, неуверенность в выборе несоответствующей программы и неправильное оформление пакета документов на привлечение ресурсов.

Следует дополнить модели развития системы государственной поддержки предпринимательства механизмом активизации обращений предпринимателей за различными видами государственной поддержки блоком, включающим профессиональные объединения предприятий и общественные объединения предпринимателей для проведения разъяснительной работы по преодолению мифа о «малой вероятности получения государственной поддержки».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирская Д.А., Владимирский Д.Д., Колпакиди Д.В.* Развитие системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на региональном уровне в условиях социально-экономической нестабильности // *Горизонты экономики.* 2017. № 4 (37). С. 55-71.
2. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 года № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zdrav.spb.ru/media/komzdrav/documents/document/file/strategiya1.pdf> (дата обращения 10.05.2018).
3. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 июня 2014 года № 554 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие предпринимательства и потребительского рынка в Санкт-Петербурге на 2015-2020 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/822403701> (дата обращения 10.05.2018).
4. Мониторинг малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге в 2016 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crppr.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/02/13/ КОМПЛЕКС_МОНИТОРИНГ_новый.pdf (дата обращения 10.05.2018).
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 21.02.2018 № 133 «О порядке предоставления в 2018 году субсидий на поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/556610413> (дата обращения 10.06.2018).
6. Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. Б.Н. Порфирьева. СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. 327 с.

Смирнова О.С.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ВЬЕТНАМА

Аннотация. В статье автор анализирует рынок электроэнергетики Вьетнама с точки зрения потенциального инвестора. Особое внимание уделяется таким показателям, как установленная мощность, годовое потребление и выработка электроэнергии, а также их структуре. Кроме того, для оценки инвестиционной привлекательности автор анализирует страну в целом, в частности рассматривается уровень странового риска, отражающего как экономическую, так и политическую ситуацию в стране.

Ключевые слова. Международные инвестиции, инвестиционная привлекательность, страновой риск, рынок электроэнергетики, Вьетнам.

Smirnova O.S.

ASSESSMENT OF THE INVESTMENT POTENTIAL OF VIETNAMESE ELECTRICITY MARKET

Abstract. In this article, the author analyzes the electricity market of Vietnam from a potential investor's point of view. Particular attention is paid to such indicators as installed capacity, annual consumption and electricity generation, as well as their structure. In addition, to assess the Vietnamese investment attractiveness the author analyzes the country as a whole, in particular, the level of country risk, reflecting both the economic and political situation in the country.

Keyword. International investment, investment attractiveness, country risk, electricity market, Vietnam.

Одним из перспективных направлений сотрудничества в области электроэнергетики для России является Вьетнам. Привлекательность Вьетнама для инвесторов объясняется прогнозируемым экономическим ростом, который, в свою очередь, спровоцирует рост энергопотребления. Тем не менее, на привлекательность страны и/или ее конкретного рынка влияет не только спрос, но и уровень странового риска. Анализ материалов нескольких организаций, формирующих рейтинги стран по уровню странового риска, таких как PRC Group, Euler Hermes и Coface group, показал, что Вьетнам имеет средний уровень странового риска (по методике PRC Group – В [5], Euler Hermes – С3 [2], Coface group – В [1]). К основным недостаткам Вьетнама с точки зрения инвестора можно отнести низкий уровень прозрачности, недостаточно развитую банковскую систему, необходимость модернизации инфраструктуры, а также напряженность в отношениях с Китайской Народной Республикой. При этом экономика Вьетнама развивается, и страна публикует хорошие экономические показатели.

Динамика объема ВВП указывает на рост экономики (см. рис. 1). В 2016 году объем ВВП составил 205,3 млрд долл., что на 6,2% или 12 млрд долл. больше, чем в 2015 году. С 2010 года объем ВВП вырос на 77,1% или 89,3 млрд долл. [8] Средний темп прироста ВВП за период 2010-2016 гг. составляет 10%. На устойчивое развитие экономики Вьетнама также указывает относительно

ГРНТИ 06.51.51

© Смирнова О.С., 2018

Ольга Сергеевна Смирнова – аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 196084, Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 46 (Russia, St. Petersburg, Zastavskaya str., 46). Тел.: 8-981-897-39-96. E-mail: smirnova.o.s@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 30.08.2018.

низкий уровень инфляции и его снижение в течение последних лет, с 2010 года уровень инфляции снизился на 8 п.п.

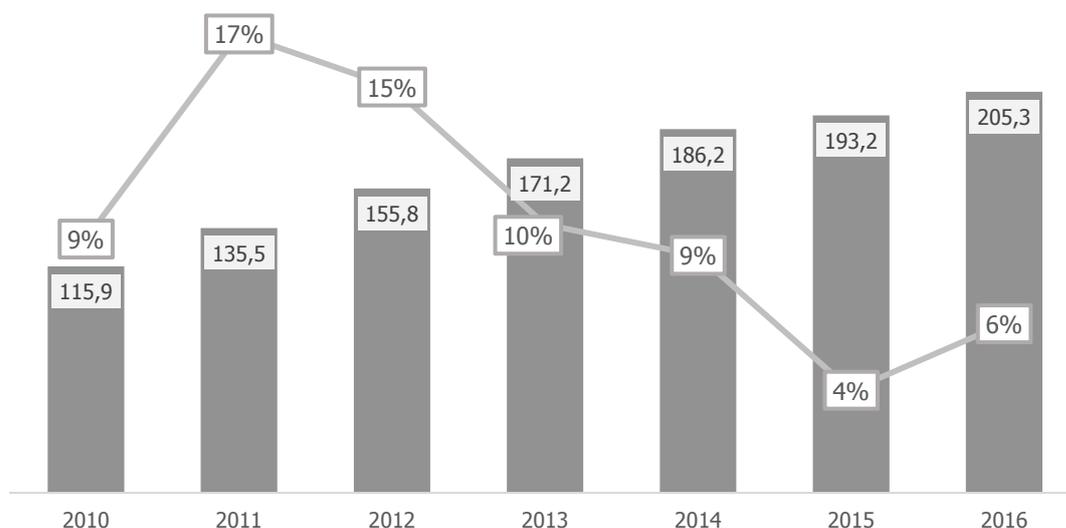

Рис. 1. Динамика объема ВВП Вьетнама, млрд долл. [8]

Инвестиционную привлекательность страны демонстрирует динамика притока прямых иностранных инвестиций. По данным 2016 года, приток иностранных инвестиций составил 12,6 млрд долл., что на 7% или 0,8 млрд долл. больше, чем в 2015 году. С 2010 года приток иностранных инвестиций увеличился на 58% или 4,6 млрд долл. [8] Средний темп прироста прямых иностранных инвестиций за период 2010-2016 гг. составляет 8%.

В связи с быстрым ростом экономики Вьетнама увеличиваются и потребности в энергоресурсах. Так, по данным 2015 года, дефицит первичной энергии составляет 3,5 млн т н.э., который устраняется за счет импорта энергоресурсов [4]. Для поддержания темпов роста экономики Вьетнам также развивает новые источники энергии. На данном этапе основной проблемой является привлечение финансирования для реализации новых проектов.

Согласно прогнозам, экономика Вьетнама продолжит расти в долгосрочном периоде, что повлечет за собой рост потребления энергии. К 2035 году, согласно базовому сценарию, ВВП Вьетнама вырастет в 3,6 раза, а конечное потребление энергии – в 2,4 раза [7]. Превышение темпов роста ВВП над темпами роста конечного потребления энергии объясняется снижением энергоемкости ВВП за счет внедрения энергоэффективных технологий и развития сферы услуг.

Повышение темпов роста экономики Вьетнама способствует росту потребления электроэнергии. В 2015 году потребление электроэнергии составило 143,5 ТВт·ч, что на 15 ТВт·ч или 11,7% больше, чем в 2014 году. С 2010 года потребление выросло на 65,1% или 56,7 ТВт·ч. Сектор промышленности продемонстрировал наибольший абсолютный прирост за период 2010-2015 гг. – 30,6 ТВт·ч. При этом наибольший относительный прирост за тот же период наблюдается в секторе сельского хозяйства – на 146,6% [7]. С учетом роста экономики Вьетнама прогнозируется рост потребления электроэнергии по всем секторам. Согласно прогнозу, потребление электроэнергии во Вьетнаме вырастет со 143,5 ТВт·ч в 2015 году до 663 ТВт·ч в 2035 году, т.е. более, чем в 4 раза [7]. В абсолютном выражении максимальный рост будет наблюдаться в промышленном секторе – на 325,4 ТВт·ч.

Объем выработки электроэнергии в 2015 году составил 153,3 ТВт·ч, что на 13,7 ТВт·ч или 9,8% больше, чем в 2014 году. С 2010 года объем выработки увеличился на 58,4 ТВт·ч или 61,5%, при этом наибольший абсолютный прирост (28,6 ТВт·ч) обеспечил рост выработки электроэнергии на ГЭС, а относительный (130%) – на угольных ТЭС. По имеющимся данным, объем выработки за 2016 год составил 159,1 ТВт·ч, что на 5,8 ТВт·ч или 3,8% превышает объем 2015 года. Наибольший объем выработки обеспечивается ГЭС и составляет 36,6% от общего объема выработки. Также значительные объемы выработки обеспечивают угольная (29,6%) и газовая (33,2%) генерация [4].

На структуру выработки электроэнергии во Вьетнаме сильное влияние оказывают климатические условия: в сезон дождей складываются наиболее благоприятные условия для ГЭС, а в сезон засухи большая часть выработки приходится на ТЭС. Согласно прогнозам (см. рис. 2), к 2035 году выработка электроэнергии вырастет до 644,7 ТВт·ч, т.е. более, чем в 4 раза. Таким образом, к 2035 году в стране будет наблюдаться дефицит электроэнергии, который составит 18,3 ТВт·ч. Ожидается, что наибольший абсолютный рост продемонстрируют угольные ТЭС. Объем выработки на угольных ТЭС к 2035 году достигнет 307 ТВт·ч. В относительном выражении максимальный рост будет наблюдаться по возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) – с практически нулевого значения до 135 ТВт·ч. Выработка электроэнергии газовыми ТЭС к 2035 году вырастет в 2,5 раза (на 75 ТВт·ч). Таким образом, собственная выработка электроэнергии будет практически удовлетворять потребности страны в электроэнергии. Несмотря на развитие ВИЭ и газовой генерации, основная доля (47%) в структуре выработки электроэнергии будет приходиться на угольные ТЭС.

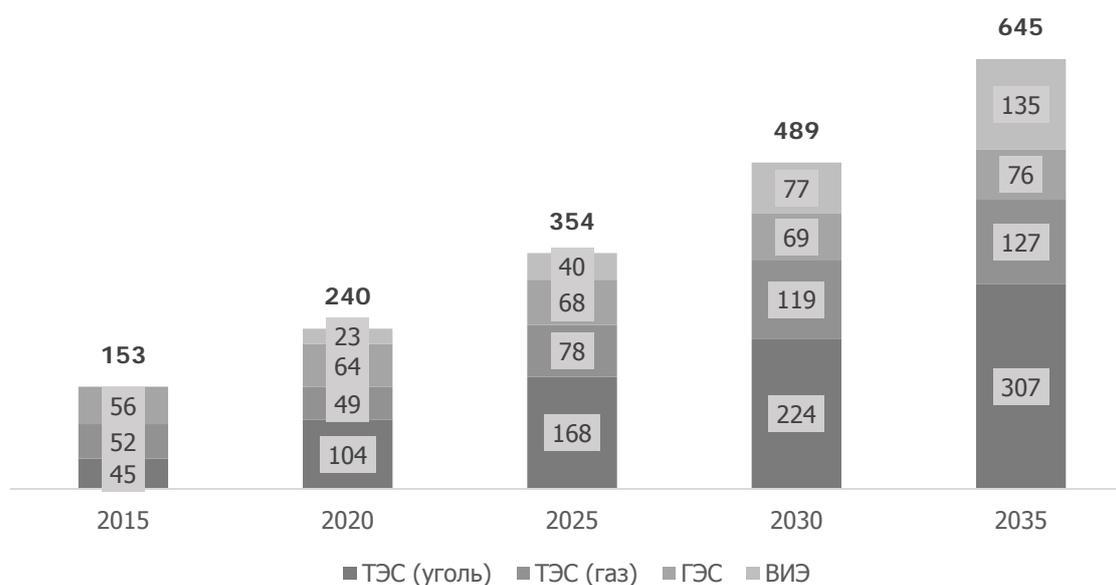

Рис. 2. Прогноз выработки электроэнергии до 2035 года, ТВт·ч [7]

Суммарная установленная мощность электростанций Вьетнама по данным на 2016 год составляет 38,7 ГВт. Основу электроэнергетической системы Вьетнама составляют ГЭС, угольные и газовые ТЭС. Наибольшую мощность имеют ГЭС – 17 ГВт, на втором месте – угольные ТЭС с мощностью в 12,7 ГВт, мощность газовых ТЭС составляет 7,7 ГВт [3]. На другие виды генерации приходится 1,3 ГВт. К ним относятся нефтяные ТЭС и электростанции, работающие на ВИЭ. Доля газовых ТЭС в структуре установленной мощности составляет 20%. Электроэнергетическая отрасль Вьетнама более склонна к использованию угольных ТЭС. Изменение политики связано с принятием VII Плана развития электроэнергетики, пересмотренного в марте 2016 года. Согласно этому Плану, правительство Вьетнама намерено увеличить долю угольных ТЭС с 32,8% в 2016 году до 42,7% в 2020 году и 49,3% в 2025 году.

Основной причиной ориентации на угольные ТЭС является то, что использование речной системы для ГЭС во Вьетнаме уже близко к своему максимальному уровню. Кроме того, недостатком ГЭС является сильное влияние погодных условий на их деятельность, что приводит к дисбалансу в энергоснабжении страны в течение года: в сезон дождей наблюдается избыток электроэнергии, а в сезон засухи – дефицит. Кроме того, издержки генерации электроэнергии на угольных ТЭС являются относительно низкими, хотя и выше, чем на ГЭС. В связи с этим было принято решение о строительстве дополнительных угольных ТЭС для удовлетворения растущего спроса на электроэнергию.

Основным собственником мощностей во Вьетнаме является компания EVN. Часть мощностей также принадлежит компаниями Petro Vietnam и Vinacomин. Остальные мощности принадлежат инве-

сторам, обычно международным компаниям. Как правило, международные компании для строительства предпочитают заключать контракты BOT (Build – Operate – Transfer, Строительство – Управление – Передача). Тип концессионного соглашения BOT предусматривает, что концессионер осуществляет строительство и эксплуатацию (в основном на праве собственности) в течение установленного срока, после чего объект передается государству.

Географически большая часть мощностей располагается на севере и на юге Вьетнама по 38,5% от общего объема установленных мощностей, остальные мощности находятся в центральной части Вьетнама и составляют 23% от общего значения. Газовые ТЭС располагаются только в южной части страны, что обусловлено близостью месторождений газа в Южно-Китайском море. В целом, наибольший спрос на электроэнергию наблюдается в южной части Вьетнама, что приводит к дефициту электроэнергии, который удовлетворяется за счет поставок из центрального и северного регионов. На севере страны дефицит электроэнергии возникает в период засухи.

Согласно прогнозам, к 2035 году установленная мощность электростанций во Вьетнаме вырастет до 171,3 ГВт, т.е. на 132,6 ГВт или более, чем в 4 раза. При этом установленная мощность угольных ТЭС вырастет в 3,8 раза по сравнению с 2016 годом. Мощность газовых ТЭС увеличится более, чем в 3 раза и составит 24,2 ГВт. Максимальный рост ожидается по установленной мощности электростанций, работающих на ВИЭ (ветер, биомасса, малые ГЭС) – на 62,6 ГВт [3].

Электроэнергетическая отрасль Вьетнама находится в процессе дерегулирования. В 2006 году правительство Вьетнама утвердило дорожную карту по созданию конкурентного рынка электроэнергии в целях повышения конкурентоспособности и независимости отрасли. Дорожной картой установлено три этапа формирования конкурентного рынка электроэнергии:

1. Конкурентный рынок генерации (2006-2014) – производителям электроэнергии разрешено выходить на рынок и продавать электроэнергию компании EVN по конкурентным ценам.
2. Оптовый рынок электроэнергии (2015-2022) – оптовые дистрибьюторы электроэнергии получают доступ на рынок, помимо EVN появляются другие оптовые покупатели.
3. Розничный рынок электроэнергии (после 2022) – доступ на рынок также получают розничные потребители.

По состоянию на конец 2017 года рынок электроэнергии Вьетнама все еще находится на первом уровне. Как правило, основной объем генерируемой электроэнергии продается компании EVN по контрактным ценам, а оставшаяся часть (10-25%) продается на конкурентном рынке. Причем контракт на продажу электроэнергии с компанией EVN заключается сразу, как только электростанция вводится в эксплуатацию. Контрактная цена определяется на основе прогнозируемых затрат электростанции в течение срока ее полезного использования, чтобы цена гарантировала покрытие операционных затрат. Обычно контракт заключается на срок экономического цикла электростанции (для ГЭС – 40 лет, для угольных ТЭС – 30 лет, для газовых ТЭС – 25 лет).

Контрактная цена для ГЭС является фиксированной в течение всего срока действия контракта, а для ТЭС изменяется с учетом топливных затрат. Цена на электроэнергию, генерируемую ГЭС, значительно ниже цен на электроэнергию, полученную с ТЭС, из-за более низких операционных затрат. Контрактная цена на электроэнергию ГЭС находится в диапазоне от 33,03 долл. / МВт·ч до 41,84 долл. / МВт·ч. Контрактная цена на электроэнергию ТЭС находится в диапазоне от 52,85 долл. / МВт·ч до 61,66 долл. / МВт·ч [6]. В 2016 году цены на конкурентном рынке были ниже, чем в 2015 году. Предельная цена на рынке в 2016 году составила 79,28 долл. / МВт·ч, а в 2015 году – 66,06 долл. / МВт·ч [6]. Снижение цены вызвано ростом объема генерации ГЭС из-за благоприятных погодных условий.

Проведенное исследование показало, что Вьетнам является достаточно перспективным направлением для сотрудничества в сфере электроэнергетики, что обусловлено его стремительным экономическим развитием и, как следствие, неуклонным ростом потребления электроэнергии. Кроме того, страновой риск во Вьетнаме находится на умеренном уровне и оснований для роста риска на данный момент нет. Наиболее перспективными регионами для сотрудничества являются юг и центральная часть страны, где наблюдается дефицит электроэнергии. На юге страны спрос на электроэнергию превосходит объемы ее выработки. Таким образом, строительство новой электростанции на юге или в центре Вьетнама будет не только экономически выгодным для инвестора, но и вызовет поддержку правительства страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. CoFace Economic studies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.coface.com/Economic-Studies-and-Country-Risks/Viet-Nam> (дата обращения 26.08.2018).
2. Euler Hermes. Country risk report. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eulerhermes.com/economic-research/country-risks/Pages/country-reports-risk-map.aspx?q=search_dsa&gclid=EAIaIQobChMI0erkgrY3AIVGKqaCh2s0wIXEAAAYASAAEgKeYPD_BwE (дата обращения 26.08.2018).
3. EVN. Company's official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.evn.com.vn> (дата обращения 26.08.2018).
4. International Energy Agency. Statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2015&category=Key%20indicators&indicator=TPESbySource&mode=chart&categoryBrowse=false> (дата обращения 26.08.2018).
5. PRS Group. International country risk guide. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epub.prsgroup.com/products/international-country-risk-guide-icrg> (дата обращения 26.08.2018).
6. Vietcombank Securities. Official website. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vCBS.com.vn/en> (дата обращения 26.08.2018).
7. Vietnam Energy Outlook Report 2017. Danish Energy Agency. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/Official_docs/Vietnam/vietnam-energy-outlook-report-2017-eng.pdf (дата обращения 26.08.2018).
8. World Bank Open Data. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org> (дата обращения 26.08.2018).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассмотрена теория функционирования хозяйственной системы с точки зрения институционального развития. Проведен анализ институциональной основы функционирования и развития хозяйственной системы России. Продемонстрировано влияние институциональной структуры и образованной ею институциональной среды на процесс перехода российской экономики к новым условиям существования.

Ключевые слова. Институциональная структура, хозяйственная система, институциональная основа, экономика России, хозяйствующий субъект.

Fokin M.A.

THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR THE FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF ECONOMIC SYSTEM

Abstract. The article deals with the theory of functioning of the economic system from the point of view of institutional development. The analysis of the institutional basis of the functioning and development of the economic system of Russia. The influence of the institutional structure and the institutional environment formed by it on the process of transition of the Russian economy to new conditions of existence is demonstrated.

Keywords. Institutional structure, economic system, institutional framework, Russian economy, economic entity.

На сегодняшний день не существует точного, всеми признанного понятия хозяйственной системы. Сложились различные подходы к определению понятия и сущности хозяйственной системы – и как экономической категории, и как системы, в которой осуществляется экономическая деятельность различных хозяйствующих субъектов [9, с. 11], также ее интерпретируют в зависимости от изучаемого вопроса или научной дисциплины. Например, если рассматривать хозяйственную систему с точки зрения философии, то основной уклон в понятии отводится культуре, где она и мир-хозяйство развиваются во взаимодействии, и само хозяйство есть духовно-культурная ценность. С экономической позиции хозяйственная система – совокупность экономических процессов, направленных на создание, обмен и потребление услуг и товаров в условиях ограниченных ресурсов и в определенных территориальных границах.

Изучение хозяйственной системы требует междисциплинарного подхода, а ее исследование с позиции определенной научной дисциплины возможно только с определенной, весьма существенной, долей абстракции или упрощения. В свое время К. Поланьи сумел описать хозяйственную систему следующим образом: «Экономика встроена в институциональные структуры. Последние, в частности религия и денежные институты, сами являются элементом хозяйства. Экономический процесс не ин-

ГРНТИ 06.39.31

© Фокин М.А., 2018

Марк Александрович Фокин – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7(931) 342-74-54. E-mail: Fokinmark27@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 03.09.2018.

дивидуален, а социален, он вложен в «поддерживающие структуры», без которых не может существовать».

Хозяйственная система является открытой, существующие в ней процессы подвержены влиянию различных факторов. Хозяйствующим субъектам приходится адаптироваться к влиянию внешней среды, желая оптимизировать свое поведение в определенных обстоятельствах. Если воздействие является перманентным, то в процессе многообразного приспособления к ним появляется и закрепляется определенный порядок социо-экономического поведения, способствующий существованию в новых реалиях. Так как все хозяйствующие субъекты придерживаются схожей формы поведения в идентичных внешних обстоятельствах, где адаптационные процессы схожи по своим задачам, то этот порядок оказывается общим для них всех. Вследствие упорядочения поведение субъектов структурируется, что приводит к смене совокупности бесконечного множества индивидуальных действий на универсальную форму поведения.

Для описания феномена упорядочения поведения хозяйствующих субъектов был применен термин «институт» (*institutum* (лат.) – учрежденное, установленное). Хозяйственная система многообразна, вариативность ее подсистем отражает ее особое отношение к составу и интенсивности воздействия значимых для деятельности факторов и их особому содержанию. В общем понимании институт – это форма организации и упорядочивания общественных отношений в различных сферах хозяйственной деятельности, формирующая определенный порядок или рамки и составляющая элемент социальной структуры. Институционализация отношений указывает на особый порядок взаимоотношений, происходящий в определенных формах [3, с. 15].

Институциональная основа позволяет упорядочивать отношения людей, определяет их поведение и снижает издержки, производимые при взаимодействии. К основным функциям относятся: рамочное регулирование деятельности субъектов хозяйственной системы, сокращение конфликтов из-за недопонимания; обеспечение постоянства и прогнозирования результатов хозяйственной деятельности; предоставление свободы и безопасности деятельности в определенных рамках; упрощение экономических взаимодействий в условиях нестабильности; преемственность поколений благодаря формальному или неформальному обучению нормам.

Институты развития хозяйственной системы подвержены различным изменениям во времени. Институциональные преобразования указывают на различного рода трансформации институциональной структуры как совокупности взаимосвязанных неформальных ограничений и формальных правил, задающих границы взаимоотношений и систему посылов для хозяйствующих субъектов. Такие изменения достаточно тяжело отличить от структурных сдвигов, так как по смыслу они затрагивают институты, то есть организационные формы, а также законодательно закрепленные правила и нормы, которые имеют влияние на повседневное поведение субъектов, незакрепленное на нормативном уровне [4, с. 267].

Возможность развития институциональной среды как системы «возможностей-ограничений» осуществляется благодаря институциональным изменениям: постепенное преобразование, модернизация действующих институтов, адаптация существующих институтов к новым условиям внешней среды, устранение имеющихся институтов, а также возникновение новых институтов, институциональных форм, инструментов. Возникающие в той или иной форме изменения являются последствиями разрешения противоречий между постоянно изменяющимися условиями хозяйственной системы и существующими устойчивыми нормами экономических процессов хозяйствующих субъектов.

Приведение к новым формам организации деятельности институциональной среды, исходя из новых реалий, указывает на начало процесса институциональных изменений, характеризующихся переменой и обновлением предшествующей структуры институтов. Сущность процесса институциональных изменений, производимых государством при смене состояния общества, является продвижение оптимизированных институциональных форм из альтернативной среды и формирование новых институциональных форм, отражающих особенности институциональной основы.

Институциональные изменения являются основой общественно-экономического устройства и подразделяются на революционные и эволюционные. Такого рода изменения характеризуются сменой модели экономического развития, экономической стратегии или политики, проводимой государством, а также в преобразовании основных институтов к новой форме права собственности, доли государственного регулирования, нормативно-законодательной базе, налоговой и судебной системе и т.д.

Одним из наиболее ярких примеров изменения институциональных основ и их развития является хозяйственная система России за последние 30 лет. Быстротечная смена институциональной структуры после распада СССР привела страну к новым условиям, которые характеризовались неопределённостью. Дерегулирование позволило изменить деятельность государственных институтов, в частности устранило многие прямые инструменты и механизмы государственного регулирования экономики и привело к уменьшению доли государственной собственности, что в результате выразилось тяжёлыми социально-экономическими последствиями.

Подобные реформации являются результатом формирования неразрешимой ситуации, появляющейся из-за отсутствия опосредующих институтов, способных разрешить конфликт и найти консенсус или компромисс без применения радикальных изменений. Стимулом к созданию подобных опосредующих политических и экономических институтов являются как формальные правила, так и неформальные. В данном случае неспособность прийти к компромиссному решению являлась следствием ограниченности степени свободы предпринимателей и политических лиц, что в совокупности привело к неразрешимой ситуации [5, с. 32].

В течение десятилетия новые правила и нормы постепенно формировались и эволюционировали, опираясь на прошлый опыт, и реагировали на изменения социальной, культурной, политической и экономической среды. Постепенно переход к качественно новому состоянию хозяйственной системы был сформирован, после чего наступило его развитие, где, благодаря образованию прогрессивных структурных изменений национальных экономик, началось создание и эффективная деятельность системы институтов, направленных на развитие инновационной экономической системы социально-ориентированного характера, которая является важным условием социально-экономического развития Российской Федерации.

Основными факторами создания институциональных условий являются развитие отношений собственности, взаимодействие института собственности и власти, правовое регулирование деятельности хозяйствующих субъектов, налоговое и административное регулирование, а также уровень развития человеческого капитала. В рамках указанных направлений можно выделить следующие институциональные преобразования: повышение эффективности приватизации и управления государственным имуществом, реформирование банковского сектора и естественных монополий, совершенствование законодательной базы, применение механизмов государственно-частного партнерства, развитие и поддержка конкуренции, противодействие оппортунистическому поведению.

Но в то же время, текущее состояние институциональной среды тяжело признать удовлетворительным. Остается ряд нерешенных проблем нормативно-правового регулирования хозяйственной деятельности, отсутствует качественная поддержка малого и среднего предпринимательства, в том числе стартапов, не рассматривается значительное влияние роли институциональных факторов на структурное развитие экономической системы.

Основной чертой трансформации России докризисных лет (до конца 2014 года) в рамках социально-экономического положения является параллельность прохождения процессов рыночных преобразований, модернизация экономических процессов, и устойчивый переход к инновационному типу развития. Такие изменения вызывают серьезные преобразования роли государства в формировании экономической политики и институциональных механизмов ее реализации. Однако проводимая политика стала менее эффективна после наступившего экономического кризиса в конце 2014 года, который характеризовался резким падением цены на нефть и введением санкций со стороны Запада [6, с. 12].

Изменение институтов под влиянием внешних факторов, включая целенаправленные действия отдельных индивидов, принято называть институциональной деформацией, заключающейся в изменении норм и правил игры социально-экономической системы. Деформацию институциональной среды возможно выявить исходя из признаков неэффективного выполнения вмененных функций (регулирующей, регулирующей, стимулирующей, ограничительной, запрещающей и др.), что приводит к росту транзакционных издержек [1, с. 9]. Показателями, отражающими институциональную деформацию в федеративном государстве, являются экономические и социальные индикаторы, которые позволяют оценить состояние регионов и муниципальных образований.

Последние значимые изменения институциональной основы хозяйственной системы под влиянием геополитических факторов и ответных действий со стороны Правительства Российской Федерации способствуют переходу к новой модели социально-экономической политики с целью обеспечения ро-

ста экономики. Новые вызовы для России, имеющие экономические, геополитические, социальные и военно-политические предпосылки, формируют новые правила игры и, соответственно, заставляют хозяйственную систему страны эволюционировать и подстраиваться под новые реалии, сопровождающиеся переходом к новой модели хозяйствования, характеризующейся политикой переориентации внешнеэкономических связей на новые рынки, импортозамещением и перераспределением инвестиционных ресурсов. Стоит отметить, что положительные изменения институциональной структуры хозяйственной системы России будут невозможны без качественной реструктуризации банковской системы, где обязательным условием выступает формирование финансовых рынков как основного источника капитала для экономического роста, что потребует увеличения надежности финансовых институтов, создания и развития новых финансовых инструментов [2, с. 171].

На сегодняшний день ситуация постепенно меняется, и роль государственного регулирования вновь возрастает. Протекающий с 2000-х годов процесс сосредоточения экономической силы государства, вместе с влиянием на страну двух крупнейших финансово-экономических кризисов, позволил стать государству основным собственником Российской Федерации (доля государственной собственности в экономике к 2016 году возросла, по экспертным оценкам, до 70%) [8, с. 6]. Прослеживаются централизованные схемы управления и распоряжения «сверху», при этом также основной функцией государства остается поддержка конкурентной среды, создание и внедрение единых правил для всех субъектов рынка, формирование социальной и производственной инфраструктуры.

Успешное взаимодействие государства с основными макроэкономическими хозяйствующими субъектами оказывает влияние на эффективное функционирование институциональной среды и позволяет позитивно воздействовать на модернизационные процессы, за счет уменьшения объема трансакционных и трансформационных издержек [7, с. 117]. Для российской нестабильной экономической системы характерной чертой является процесс «балансирования» от эффективности к справедливости, характеризующейся переходом от эгалитарного распределения к крайне неравномерным его формам. Одним из вариантов решения данной проблемы является увеличение степени индивидуализма (создание условий для творческой деятельности, самозанятости) с одновременным уменьшением государственного патернализма.

Таким образом на развитие, работу, основные параметры хозяйственной системы оказывают влияние различные факторы, которые в понятиях институционализма представляют собой формальные и неформальные институты. Их наличие и воздействие следует исследовать и рассматривать в процессе экономического реформирования. Необходимо формирование условий для реализации в хозяйственной деятельности практики неформальных институтов и создания на их основе непротиворечащих нормативных документов, регулирующих социально-экономическую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аюрзанайн А.Б.* Институциональные изменения российской экономики в современных условиях влияния действия внешних факторов и ограничений // *Экономические науки*. 2015. № 10 (131). С. 7-13.
2. *Гасанов М.А., Тютюшев А.П.* Воздействие институциональной среды на структурные сдвиги экономики // *Вестник науки Сибири*. 2012. № 1 (2). С. 166-173.
3. *Грошева В.А., Мизринь Л.А.* Институциональная экономика. СПб.: СПбГЭУ, 2014. 125 с.
4. *Литвинцева Г.П.* Институциональная экономическая теория. Новосибирск: НГТУ, 2003. 336 с.
5. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
6. *Фокин М.А.* Государственное регулирование в условиях экономической нестабильности // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2017. № 3 (33). С. 10-14.
7. *Фокин М.А.* Современное состояние российской хозяйственной системы и тенденции ее дальнейшего развития // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2018. № 1 (17). С. 114-122.
8. *Харламов А.В.* Развитие России в условиях глобальной экономической нестабильности // *Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Экономика. Управление. Право*. 2018. Т. 18 Выпуск 1. С. 4-11.
9. *Харламов А.В.* Развитие теории о хозяйстве и глобальные проблемы экономики // *Общество. Среда. Развитие*. 2013. № 3. С. 11-14.

РАЗРАБОТКА КОМПЛЕКСА МЕРОПРИЯТИЙ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ РИСКА В ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ

Аннотация. В статье представлена оценка риска верхнего уровня, карта хозяйственных рисков до проведения мероприятий, обобщенная методика 10-этапной оценки рисков, карта хозяйственных рисков после проведения мероприятий и представлен комплекс мероприятий по регулированию риска.

Ключевые слова. Риски, система управления, эффективность, робастность, неопределенность, цель, изменения.

Chait D.D.

DEVELOPMENT OF THE COMPLEX OF ACTIONS FOR REGULATION OF RISK IN THE CARGO TRANSPORTATION

Abstract. Assessment of risk of the top level, the card of economic risks before holding actions is presented in article, the generalized technique of 10-landmark assessment of risks, the card of economic risks after holding actions and the complex of actions for regulation of risk is presented.

Keywords. Risks, control system, efficiency, robustness, uncertainty, purpose, changes.

Сегодня риск является обязательной частью жизнедеятельности любой организации и предприятия. Причем риск присущ и возможен во всех аспектах предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта [3, 4, 6, 10, 11, 12 и др.]: экономической, кадровой, производственной, транспортной и так далее, естественно со своей спецификой, что накладывает определенную ответственность на руководителей компаний за отрицательные последствия (как правило, убытки) наступления негативных событий. Предпринимательская деятельность всегда связана с риском. Как правило, предприниматель вынужден принимать решения, когда вероятности разных вариантов развития событий неизвестны. А из некоторого количества вероятных вариантов необходимо выбрать один, то есть предприниматель постоянно рискует.

Риском принято считать «действие наудачу в надежде на счастливый случай» [1]. В силу различных причин предприниматель очень сильно рискует: можно потерять даже то, что у него имеется. Поэтому, нужно провести оценку риска, его спрогнозировать и уменьшить до минимальных значений его разрушающие последствия. В таких условиях исследование процессов управления рисками в предпринимательской деятельности и совершенствование оценки рисков становятся актуальными и крайне необходимыми [9].

При выполнении транспортировки грузов сотрудник предприятия, организующего доставку грузов, должен дать оценку негативных событий и разработать меры, которые уменьшат ущерб при реализации данных событий. Уровень транспортного риска представляет собой разницу между прогнозом и действительностью в количественном выражении [2, 7, 13]. Транспортировка груза всегда связана и зависит от неопределенности внешней среды [8]. Снижение риска для всех участников интермодальных перевозок (от клиентов-грузовладельцев до оператора интермодальной перевозки) важно и необходимо. Интермодальный оператор всегда осуществляет свою деятельность в условиях риска, следовательно, разработка политики в сфере риска – его первоочередная задача [5].

ГРНТИ 06.56.21

© Хаит Д.Д., 2018

Давид Давидович Хаит – аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Контактные данные для связи с автором: 191066, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44А (Russia, St. Petersburg, Lermontovsky av., 44A). Тел.: 89219899139. E-mail: khaitdd@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 25.05.2018.

Рассмотрим подходы к управлению рисками на примере транспортной компании «MGL». Эта компания регулярно отслеживает и выявляет риски, ежеквартально оценивает действующие правила и системы управления рисками для отражения вероятных изменений рыночной конъюнктуры в своей деятельности. Компания не может гарантировать успех мероприятий по управлению рисками, поскольку некоторые риски изначально находятся вне ее контроля. Для выполнения деятельности по управлению в сфере рисков «MGL» использует специальную методику. Под методикой оценки рисков нами в статье рассматриваются процесс, сборник правил, алгоритм установок и знаний, которые предоставляют возможность эффективно оценивать риски в «MGL» и разрабатывать исходя из этого рекомендации по совершенствованию оценки рисков в компании.

Важнейший организационный аспект в проведении оценки рисков – это выполнение очередности работ, которые нужны для реализации данного процесса. Автором предложена Обобщенная методика 10-этапной оценки рисков в «MGL», которая представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Обобщенная методика 10-этапной оценки рисков «MGL» (предложена автором)

Для разработки комплекса мероприятий и рекомендаций по регулированию риска в перевозках необходимо провести оценку риска исследуемого объекта, т.е. транспортной компании «MGL». Схема оценки риска представлена в таблице, в которой приводятся: наименование, вероятность риска, значимость в расчете на 1 год, расчет вероятности и расчет значимости.

Комплексный анализ роли и оценки рисков при осуществлении интермодальных перевозок различными способами в ООО «MGL», приведенный автором, позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, размеры и опыт компании «MGL» могут гарантировать оказание услуг высокого качества и обеспечить оптимальные сроки доставки для клиентов с типовыми требованиями по оказанию

транспортных услуг, а также разрабатывать индивидуальные эксклюзивные решения для государственных компаний и компаний-монополистов ведущих отраслей экономики страны;

во-вторых, «MGL» существенно уменьшает стоимость транспортировки грузов. Это достигается за счет большого парка транспортных средств на станциях погрузки и получения грузов, использования их грузоподъемности по максимуму;

в-третьих, логисты компании систематически работают над выбором оптимальных маршрутов для клиентов (с целью исключить неэффективные затраты), что достигается в тесной взаимосвязи с экономистами компании, которые ежедневно проводят комплексную оценку потоков компании для сокращения расходов на транспортную составляющую в структуре затрат предприятия;

в-четвертых, компания не экономит на разработке и внедрении единых систем на базе IT-платформ, где воедино увязаны работа с заказами, перевозки, складские операции;

в-пятых, проведя оценку рисков разных способов доставки грузов, в итоге были получены положительные результаты, а сокращение сроков доставки до минимального порогового значения станет основой для масштабной организации перевозок как внутри страны, так и за границей.

Таблица

Оценка рисков верхнего уровня «MGL»

Код	Наименование	Вероятность	Значимость, тыс. руб. за 1 год	Расчет вероятности	Расчет значимости
Б11	Повышение цен на автомобили, прицепы	45%	235	1) прогноз на основе анализа динамики показателя за прошлые периоды; 2) экспертные оценки	Плановая сумма инвестиций за год на покупку новых (замену старых) машин * прогнозный темп роста цен
Б12	Повышение цен на дизельное топливо	65%	540		Годовой объем затрат на топливо в ден. выражении * прогнозный темп роста цен
Б13	Повышение цен на запчасти и техобслуживание	70%	90		Годовой объем затрат на техобслуживание в ден. выражении * прогнозный темп роста цен
Б14	Повышение тарифов на страхование транспорта и груза	30%	24		Годовой объем затрат на страхование в ден. выражении * прогнозный темп роста цен
Б15	Повышение стоимости кредитных ресурсов	15%	29		Сумма заемного капитала * прогнозный темп роста ссудной ставки
Б21	Падение спроса на грузоперевозки автотранспортом	30%	720		Процент падения спроса * выручка
Б22	Повышение требований к качеству сервиса	35%	360		Процент отказа клиентов по причине низкого качества сервиса * выручка
Б23	Повышение требований к скорости и (или) качеству транспортировки груза	15%	600		Процент отказа клиентов по причине низкой скорости * выручка
Б31	Ценовая конкуренция	45%	960		Процент отказа клиентов по причине высоких цен * выручка
Б32	Неценовая конкуренция (качество услуг)	25%	288		Процент отказа клиентов по причине неудовл. качества перевозки * выручка
Б33	Недобросовестная конкуренция: криминал	23%	408	Ущерб от криминальных действий	
Б41	Снижение тарифов на перевозки ж/д, авиа, водным транспортом	13%	312	Процент клиентов выбравших другой вид транспорта из-за цен * выручка	
Б42	Повышение скорости транспортировки груза ж/д, авиа, водным транспортом	18%	432	Процент клиентов выбравших другой вид транспорта из-за скорости * выручка	

Окончание табл.

Код	Наименование	Вероятность	Значимость, тыс. руб. за 1 год	Расчет вероятности	Расчет значимости
Б43	Повышение удобства использования ж/д, авиа, водного транспорта для перевозки грузов	9%	216		Процент клиентов выбравших другой вид транспорта из-за удобства * выручка
Б51	Приход в отрасль компаний из смежных отраслей	37%	624	экспертные оценки	Общее снижение цен * выручка + % потери клиентов * выручка

Исходя из полученных результатов анализа деятельности исследуемой компании «MGL», можно предложить мероприятия по регулированию рисков, приведенные на рис. 2. На рисунке 3 представлена карта хозяйственных рисков «MGL» до проведения мероприятий по управлению ими. После их обработки может быть составлена карта рисков, которая представлена на рисунке 4.

Рис. 2. Комплекс мероприятий по регулированию рисков

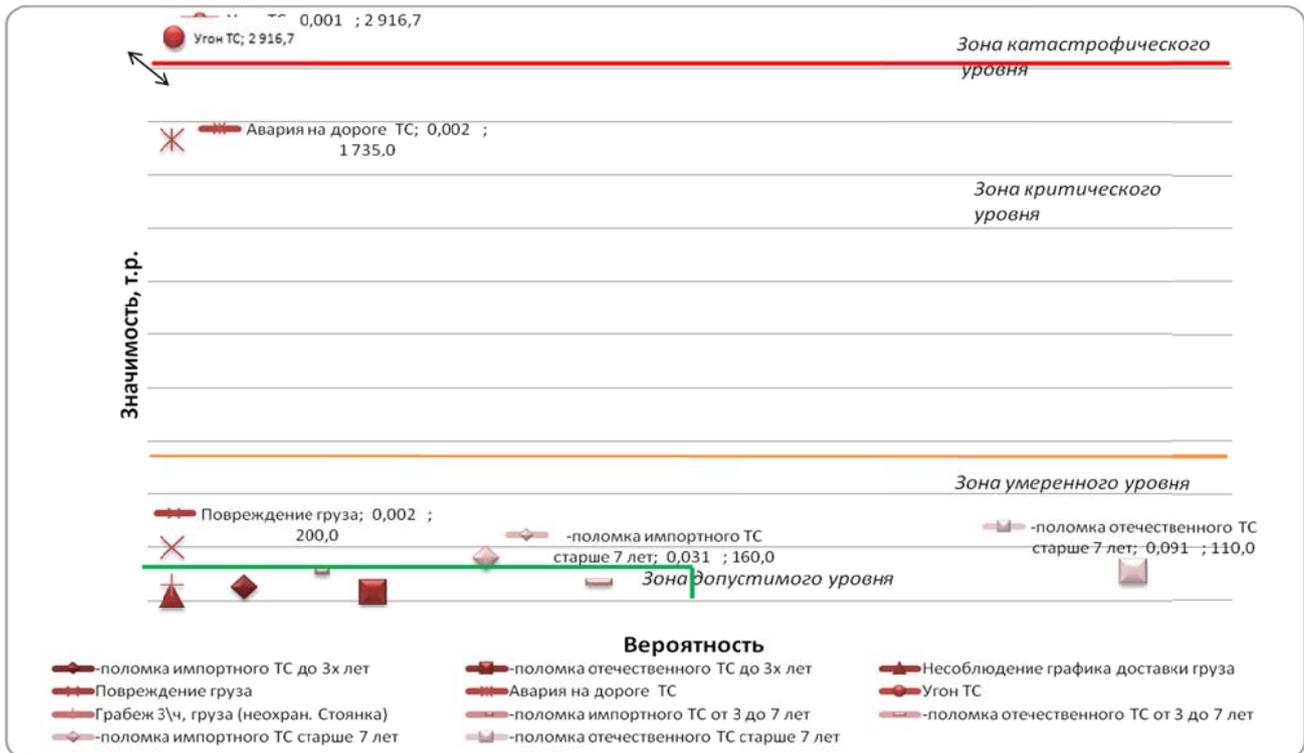

Рис. 3. Карта хозяйственных рисков «MGL» до проведения мероприятий

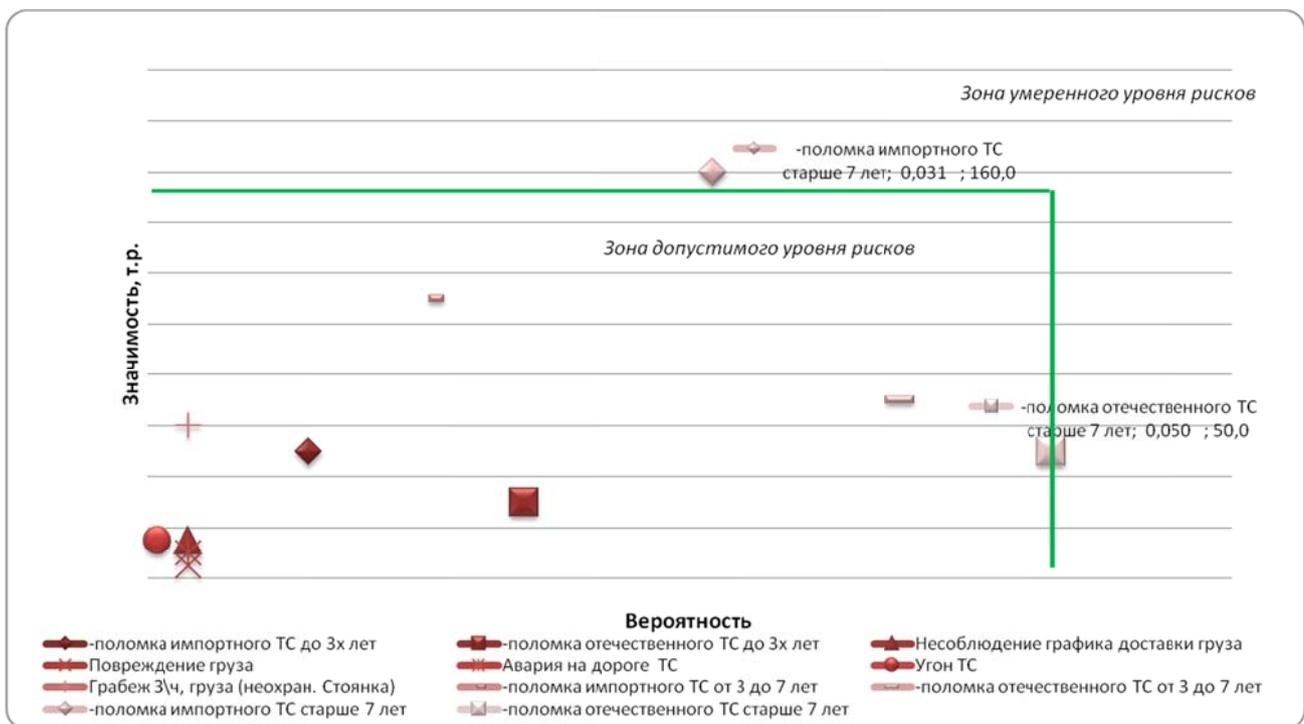

Рис. 4. Карта хозяйственных рисков «MGL» после проведения мероприятий

Подводя итог, хочется отметить, что предложенные мероприятия благоприятно сказались на общей картине по регулированию риска, а если быть более конкретными: все риски «ушли» в зону умеренного уровня риска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антохина Ю.А., Колесников А.М., Никифоров Е.С., Латыпова Р.Р., Куримкулова Д.Д. Экономика транспорта. СПб.: ГУАП, 2016. 199 с.
2. Булатова Н.Н., Тихонова П.В. Управленческие технологии развития транспортной инфраструктуры региона // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 1 (27). С. 47-50.
3. Вертакова Ю.В., Плотников В.А., Харченко Е.В. Диверсификация регионального развития как приоритетная посткризисная стратегия (на материалах Курской области) // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 3. С. 69-75.
4. Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем / Аكوпова Е.С., Алиева Г.Р., Афанасенко И.Д. и др. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 706 с.
5. Илларионов М.Г., Латыпова Р.Р. Институциональные основы развития предпринимательства в транспортном комплексе // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24. С. 119-122.
6. Карлик А.Е., Шуртов Ю.Б. Риски инвестирования нефтегазовых проектов // Рыночные стратегии: Россия – Германия. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2005. С. 72-75.
7. Курбанов А.Х., Мамаев Е.В. Анализ состояния, проблем и перспектив развития рынка грузоперевозок Северо-Западного региона РФ (на примере автомобильного транспорта) // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Курск, 2013. С. 339-342.
8. Латыпова Р.Р., Юшкова В.В., Ахундов Р.В. Государственное регулирование интеграционных процессов // Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции «Модернизация российской прогнозы и реальность», 2017. С. 403-410.
9. Латыпова Р.Р., Юшкова В.В., Кириллов А.Н. Анализ современного состояния развития предпринимательства в транспортном комплексе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 3 (105). С. 167-174.
10. Полянин А.В., Проняева Л.И., Федотенкова О.А. Управление рисками в предпринимательской деятельности на основе идентификации экономических угроз // Вестник Академии знаний. 2018. № 25 (2). С. 178-189.
11. Пролубников А.В. Анализ специфики социально-экономического развития российских регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 2 (28). С. 27-30.
12. Харламов А.В., Харламова Т.Л. управление развитием предприятия и минимизация рисков привлечения внешних ресурсов // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. 2014. № 3. С. 22-26.
13. Юань С. Перспективы развития логистики в КНР // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 3 (33). С. 41-46.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал открыт для публикации по любому из направлений деятельности университета. Автором журнала может быть любой преподаватель, научный сотрудник, докторант, аспирант, соискатель, а также тот, кто сотрудничает с университетом в рамках научной или педагогической деятельности. Статьи студентов (уровни подготовки – бакалавриат, специалитет, магистратура), а также лиц без высшего образования, в том числе подготовленные в соавторстве, не рассматриваются и не публикуются. Обращаем Ваше внимание, что в действующий с 01.12.2015 г. Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, журнал включен по отраслям: 08.00.00 Экономические науки; 10.00.00 Филологические науки; 22.00.00 Социологические науки.

Все представленные материалы в обязательном порядке рецензируются членами редакционной коллегии и привлекаемыми специалистами по направлениям науки.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

К рассмотрению принимаются только комплектные материалы, которые включают:

1. Статью, оформленную в соответствии с приведенными ниже требованиями. Используется только (!) книжная ориентация страниц. Также обязательно наличие оформленного по ГОСТ списка литературы (использованных при разработке статьи источников), в котором источники должны быть упорядочены по алфавиту (сначала – источники на русском языке, затем – на иностранных языках); на все включенные в список источники обязательно должны быть ссылки в тексте статьи; рекомендованное количество ссылок – не менее 5–7; не рекомендуется, чтобы в списке литературы количество ранее изданных работ авторов составляло более 10–15%. Недопустимо наличие в статье неотредактируемых материалов (например, сканированных рисунков или формул). Статья должна быть снабжена кодом ГРНТИ (Государственный рубрикатор научно-технической информации). Статья должна быть снабжена заголовком (наименованием) на русском и английском языке;
2. Аннотацию статьи на русском и английском языке, объемом 400–500 знаков;
3. Ключевые слова, отражающие основные идеи статьи (5–8 слов и словосочетаний на русском и английском языке);
4. Сведения об авторе, включающие:
 - Ф.И.О. полностью на русском и английском языке;
 - учёная степень, учёное звание (при наличии);
 - должность и место работы / учебы (обязательно);
 - контактные данные для публикации в журнале на русском и английском языке (адрес с почтовым индексом, номер контактного телефона, e-mail);
 - контактные данные для переписки с редакцией (номер домашнего, мобильного и рабочего телефонов, e-mail, а также другую контактную информацию, по усмотрению автора – на русском языке), которые приводятся в сопроводительном письме.
5. Все материалы присылаются в редакцию по электронной почте: plotnikov.v@unicon.ru. Рекомендуется в названиях файлов использовать фамилию и инициалы автора, а в заголовке письма указывать, что в нем содержатся материалы статьи, предлагаемые для публикации в журнале «Известия СПбГЭУ».

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Объем статьи (включая аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах, список использованной литературы) для лиц с ученой степенью / званием – от 4 до 7 страниц, для лиц без ученой степени / звания – от 3 до 5 страниц.
2. Формат страницы А4, ориентация – книжная. Поля: верхнее 3,1 см, нижнее 2,9 см, левое 2,2 см, правое 1,7 см. Без колонтитулов, расстояние от края страницы до верхнего колонтитула 2 см, до ниж-

него – 1,27 см. Функция «Автоматическая расстановка переносов» должна быть отключена. Страницы не нумеруются. Не допускается использование в тексте статьи автоматически нумерованных списков. Общие свойства абзацев для всего материала: без отступов до и после абзаца, межстрочный интервал – одинарный.

3. Все материалы статьи должны быть оформлены шрифтом Times New Roman.

4. На первой строке без абзацного отступа с выравниванием по правому краю, через запятую размещаются фамилии и инициалы соавторов (первая буква прописная, остальные строчные) на русском языке. В статье рекомендуется наличие не более чем 3–4 соавторов. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное.

5. После пропуска пустой строки, без абзацного отступа, с выравниванием по центру размещается название статьи на русском языке. Размер шрифта 12 пт, начертание полужирное. В конце наименования делается сноска, в которой указаны сведения об авторах (см. далее).

6. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещается аннотация статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится слово «Аннотация» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сам текст аннотации.

7. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещаются ключевые слова статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится словосочетание «Ключевые слова» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сами ключевые слова (словосочетания), разделенные запятыми.

8. Две пустые строки.

9. Повторяется информация, указанная в пп. 4–7 на английском языке, с теми же правилами оформления. В англоязычном блоке вместо слова «Аннотация» указывается слово «Abstract», а вместо словосочетания «Ключевые слова» – «Keywords».

10. Две пустые строки.

11. Текст статьи оформляется на русском языке с абзацным отступом 0,6 см (самый первый абзац статьи – без абзацного отступа), с выравниванием по ширине. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование без крайней необходимости других типов шрифтов. При необходимости, в тексте статьи могут быть выделены разделы (например, «Введение», «Анализ литературы», «Методика исследования», «Основные результаты и их обсуждение» и т.п.). Если статья подготовлена при финансовой поддержке какого-либо фонда, выполнена в рамках государственного задания и т.д., то это указывается в последнем абзаце, завершающем статью (перед списком использованной литературы). Порядок оформления этого абзаца: отступ 0,6 см, выравнивание по ширине, размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. В тексте могут приводиться рисунки и таблицы, которые размещаются непосредственно после их упоминания, либо на следующей странице. На все рисунки и таблицы должны быть ссылки. При необходимости в тексте статьи приводятся формулы. Статья оформляется без приложений.

12. По тексту статьи должны иметься ссылки на все позиции, приведенные в списке литературы. Ссылки по тексту оформляются в квадратных скобках, с указанием номера позиции в списке литературы. Например: [11]. Если ссылка идет на конкретную страницу (диапазон страниц), это указывается. Например: [2, с. 12] или [4, с. 8–9]. Если ссылка идет на несколько позиций списка литературы, то они перечисляются в общих квадратных скобках, по возрастанию номеров, с разделением точками с запятой. Например: [3, с. 78; 4; 8, с. 11–14; 10] (неправильно: [3], [5]). Если ссылка на литературу стоит в конце предложения, то оканчивающий предложение знак препинания ставится после закрывающей квадратной скобки (правильно: «... ряда авторов [7; 8].» неправильно: «... ряда авторов [7; 8]»).

13. При необходимости в статье могут быть приведены постраничные ссылки, которые оформляются без абзацного отступа, с выравниванием по ширине. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование постраничных ссылок без особой необходимости.

14. Рисунки оформляются только в черно-белом варианте, рисунки должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все рисунки должны быть пронумерованы, если рисунок в статье один, то он не нумеруется. В тексте статьи рисунки подписываются снизу, без абзацного отступа, с выравниванием по центру. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. В подписи сначала идет сокращение «Рис. X.» (где X – номер рисунка), наклонным

шрифтом. Затем приводится наименование рисунка, без точки в конце. До и после наименования рисунка пропускается одна пустая строка, рисунок сверху от текста также отделяется одной пустой строкой.

15. Таблицы должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все таблицы должны быть пронумерованы, если таблица в статье одна, то она не нумеруется. Размер шрифта таблиц 10 пт, начертание обычное. В тексте статьи таблицы подписываются сверху, без абзацного отступа. Таблица отделяется от текста сверху и снизу пустой строкой. Над таблицей с выравниванием по правому краю, размер шрифта 10 пт, начертание наклонное пишется: «Таблица X» (где X – номер таблицы). Затем приводится наименование таблицы, без точки в конце (выравнивание по центру без абзацного отступа, шрифт 10 пт, начертание полужирное).

16. Рекомендуется в таблицах и рисунках указывать источник информации.

17. Формулы оформляются с использованием встроенного средства оформления формул программы текстового редактора.

18. Список литературы оформляется в конце статьи. Сначала оформляется его заголовочная часть (выравнивание по центру, без абзацного отступа, шрифт 11 пт, начертание обычное): пустая строка; слово «ЛИТЕРАТУРА»; пустая строка. Затем в виде нумерованного списка приводится сам список литературы (шрифт 10 пт), выравнивание абзаца – по ширине.

19. Сведения об авторах приводятся в обязательной сноске внизу первой страницы. Они оформляются шрифтом 10 пт, начертание обычное; выравнивание абзаца – по ширине, без абзацного отступа. Эти сведения содержат (каждая позиция с новой строки):

- код ГРНТИ статьи, который указывается без точки в конце. Например: «ГРНТИ 06.81.12»;
- авторский знак, затем через запятую фамилии и инициалы соавторов, затем год публикации. Например: «© Попович А.А., Янгелова Е.А., 2016»;
- сведения об авторах (каждый автор – с новой строки), включающие имя, фамилию, отчество и, после тире, ученую степень (при наличии), ученое звание (при наличии), наименование должности и организации (для высших учебных заведений и других организаций не рекомендуется использовать без крайней необходимости сокращенное обозначение организационно-правовой формы, например не рекомендуется использовать аббревиатуру «ФГБОУ ВО»), если из наименования организации неочевидно, в каком населенном пункте она находится, в скобках приводится название города. Например: «Николай Федорович Иванов – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Южно-Сибирского института стратегического анализа (г. Темиртау)»;
- контактные данные для связи с автором. Если авторов несколько – указываются данные только одного из них, при этом в скобках указывается его фамилия и инициалы. Они включают адрес с почтовым индексом на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Например: «Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел. 8 (812) 310-47-60. E-mail: plotnikov.vl@unecon.ru».

Некомплектные статьи, статьи, оформленные не по установленным правилам и с неправильно оформленным списком литературы, НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Более подробная информация представлена на сайте издания:

<http://unecon.ru/zhurnal-izvestiya/trebovaniya-k-predstavlyaemym-trebovaniya> и

http://unecon.ru/sites/default/files/shablon_oformleniya_stati.docx.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

«ИЗВЕСТИЯ СПбГЭУ»

Периодичность выхода издания – 6 номеров в год.

Подписаться на журнал можно по каталогу агентства «Роспечать». Индексы 15395 и 37154.

Подписная цена журнала: 1950 руб. – на полугодие и 3900 руб. – на год.

Приобрести журнал за наличный расчет или оформить редакционную подписку можно по адресу:

**191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21,
редакция журнала «Известия СПбГЭУ»**

Зам. главного редактора

Плотников Владимир Александрович

Контактный телефон: +7 (911) 949-13-21 (редакция)

E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Редакторы:

С.С. Алмаметова, Ю.А. Безуглая
Обложка художника *А.А. Сивакова*
Оригинал-макет *Ю.К. Трубкиной*

Подписано в печать 28.09.18 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,25. Уч.-изд. л. 25,25. Тираж 1000 экз. Заказ 1133.

Адрес редакции журнала «Известия СПбГЭУ»: 191023, С.-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Адрес издателя и типографии: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ.

Цена номера – 650 руб.